М. Ю. Лермонтов

Полное собрание сочинений

3

К 200-летию со дня рождения
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

собрание сочинений в четырех томах

Санкт-Петербург
2014

ТОМ ТРЕТИЙ

ДРАМЫ

1829–1836

Издательство
Пушкинского Дома

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Л 49

Издание подготовлено и опубликовано при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
Грант № 12-34-10206, целевой конкурс
«Творческое наследие М. Ю. Лермонтова и современность»

Ответственный редактор тома:
О. В. Миллер

Рецензенты: А. А. Карпов, Н. Н. Акимова

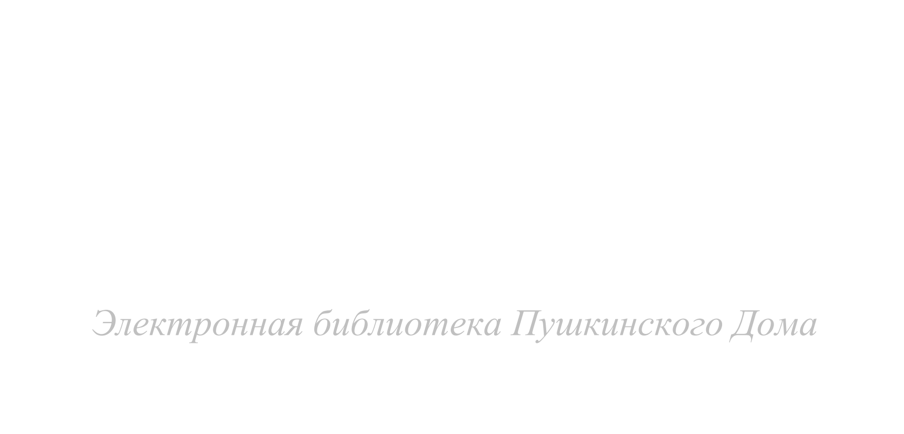
Л 49 **М. Ю. Лермонтов.** Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Драмы / Отв. ред. тома О. В. Миллер. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 600 с.

ISBN 978-5-87781-055-6 (Т. 3)
ISBN 978-5-87781-049-5

Новое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, подготовленное к 200-летию со дня рождения поэта, включает в себя весь корпус его художественных произведений и писем. Тексты Лермонтова заново сверены с источниками и снабжены подробными комментариями. В третий том научного издания входят драматические произведения, написанные в 1829–1836 гг. В приложении публикуются дополнительные редакции драмы «Маскарад».

На фронтисписе:
М. Ю. Лермонтов в годы студенчества. 1839.
Худ. П. Е. Заболотский. Картон, масло. ИРЛИ РАН

Д Р А М Ы

483. ЦЫГАНЫ
(Опера)

ДЕЙСТ<ВИЕ> I

ЯВЛ<ЕНИЕ> 1
(*Театр представляет приятное местоположение, цыгане сидят в шатрах, иные ходят и, собравшись в группы, поют.*)

Цыганская песня

Ц ы г а н (*поет*)
Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Мы счастливее царей
И вельмож могучих...

Гей, цыгане! гей, цыган<ки>!
(и проч.)

Ц ы г а н к а
(*Из «Московского вестника» песнь*)
. . . .
. . . .
. . . .
(*Пляшут и поют.*)
(*Всё умолкает.*)

С т а р ы й ц ы г а н (*пред очагом*)
Что за жизнь... одному да одному — Земфира ушла гулять в пустынном поле, она привыкла бродить по дальним лесам и таборам. Но вот уж и ночь —

а всё ее нет... вот и луна спускается к небосклону. Как прекрасно... (*Смотрит на месяц*) (*и подходя к очагу*) Мой ужин скоро простынет — а дочь не приходила — видно, придется одному провесть ночь...

Но вот она!..

ЯВЛЕНИЕ 2
(*Земфира и за нею юноша*)

С т а р и к

Где ты была так долго, дочь моя, я думал, что и ты меня покинешь, как сделала коварная мать твоя?..

З е м ф и р а

Прости, отец мой, но видишь ты,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала,
Он хочет быть как мы цыганом.
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду,
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.

С т а р и к

Я рад, останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь...

484. ИСПАНЦЫ

Трагедия в пяти действиях

Посвящение

Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимой жар
И дикой страсти пыл мятежной.

Нет! не для света я писал —
Он чужд восторгам вдохновенья;
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.

Я знаю: всё равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла:

Так над гробницею стоит
Береза юная, склоняя
С участьем ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..

Действующие лица:

Дон Алварец. Дворянин испанский.
Эмилия. Дочь его.
Донна Мария. Мачеха ее.
Фернандо. Молодой испанец, воспитанный Алварецом.
Патер Соррини. Итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.
Доминиканец. Приятель Соррини.
Моисей. Еврей.
Ноэми. Дочь его.

С а р а. Старая еврейка.
И с п а нц ы. Бродяги, подкупленные Сорринием.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиции.
Слуги Алвареца, слуги Сорриния, народ, гробовщики.
(*Действие происходит в Кастилии.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

(*Комната у Алвареца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене. Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.*)

Д о н н а М а р и я
Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить, во-первых, он
Неблагородный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством; и я в том настою!

Э м и л и я
Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.

Д о н н а М а р и я
Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Э м и л и я
Не мудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
Жила как с братом — и, бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах Кастильских,
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.

(*Донна Мария в рассеянье как бы поправляет что-нибудь в своем одеянье — и не слушает.*)

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток; Фернандо,
Чтоб перенесть, взял на руки меня;
Мы перешли, но я всё оставалась
В его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» — «Нет! люблю!» —
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..

Донна Мария
Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право
Смотреть, как можно строго, за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилия
А может быть, гаданья ваши ложны.

Донна Мария
Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как
Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.

Эмилия
Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..

Донна Мария (*будто не слыхав*)
Звонят к обедне!

Э м и л и я
Звонят! (*в сторону*) а он <всё> не приходит.

Д о н н а М а р и я
Взяла ли ты молитвенную книжку?

Э м и л и я
Ах! позабыла,

(*берет со стола*)

о! как долго!..
(*Фернандо входит. Д<онна> Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантельи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.*)

Ф е р н а н д о (*открывает*)
«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоем намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради Бога, не горячись с ним: иначе мы никогда не будем счастливы».
Ты много требуешь, Эмилия!

(*Молчание.*)

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный… чудна природа!..
И это милое, небесное созданье.
Эмилия!.. нет, нет! она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! — благодарность!..
За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше.
За то ли, что ломоть вседневний хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..

И как он мог узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь...
(*Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.*)

Ф е р н а н д о
Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединилися все души предков;

(*обращаясь к портретам*)

О вы! вы, образы людей, великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! — я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..

А л в а р е ц
Фернандо! до меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! — клянусь Святою Девой! —
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.

Ф е р н а н д о
Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши...

А л в а р е ц
Мои обиды!.. слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.

Ф е р н а н д о (*насмешливо*)
Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз — и каждый день!

А л в а р е ц
Узнать ты должен, наконец,
Кто ты! — доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного.
Но с этих пор переменилось всё!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. — Иду через кладбище,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач — и на крыльце
Находим бедного ребенка — то был ты;
Я взял тебя, принес домой — и воспитал.

(*Насмешливо*)

Но для чего тебя там положили
И кто родители твои — Бог знает!
А я так не хочу и знать; да, да!

Ф е р н а н д о (*пораженный*) (*про себя*)
Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом Божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.
(*Молчание.*)
(*Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.*)

А л в а р е ц
О чем печален! — точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? что после скажут
Другие благородные испанцы?

Ф е р н а н д о
Поговорят — и замолчат.

А л в а р е ц
Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.

Ф е р н а н д о
Сказать вам отчего?
Боятся эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали...
(*Алварец подходит к портретам.*)

А л в а р е ц
Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле первом, при дворе, в благоволенье
У короля, — второй при инквизиции
Священной, был не в малых людях;
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.

Ф е р н а н д о (*насмешливо*)
О, этот был без спору муж святой;
Конечно, он причислен к лику?

А л в а р е ц (*равнодушно*)
Нет еще!..
Вот третий здесь в военном одеянье,
С пером на шляпе красным, и с усами:
Вторым служил на флоте он — и утонул
В сраженье против англичан проклятых.
Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай Бог, чтоб и меня сюда вписали
И род наш до трубы последней продолжился);
И — ты — ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи — подлые... или...

Несчастные любовники, или какие-
Нибудь еще похуже… дерзкий! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь всё, тогда я замолчу.

Ф е р н а н д о
О, если б только я хотел молчать
Заставить вас (*трогая шпагу*), то без пергаментов
Я б это мог.

А л в а р е ц
Уж слишком ты забылся,
Бродяга! покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь: а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!..
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (*топнув*), видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? Верно уж жидовка;
А с христианкой быть сего не может:
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..

Ф е р н а н д о (*в беспокойстве*)
Послушай, Алварец! теперь — теперь я
Ничем тебе не должен! Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня, — кровь благородная
Текла поныне в жилах этих;

(*Минута молчания.*)

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.

Алварец
Вон! вон скорей из дома моего,
Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
Тебя близ этих мест не увидали.
Но если ж ты замыслишь потихоньку
Видаться с нею, то, клянусь Мадритом,
Клянусь портретами отцов моих,
Заплотишь кровью мне.

Фернандо

Ты можешь кровь мою
Испить до капли, всю; но честь, — но честь
Отнять не в силах, Алварец!

Алварец
Вон! вон, глупец! Когда ты хлеба
Иметь не будешь — к моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.

(*В сторону*)

Каков же негодяй Фернандо стал!..

Фернандо
О! ад и небо!.. ну прощай!..
Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..
(*Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Сорринием, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но наконец сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.*)

Алварец
А! добрый день отцу Сорринию!

(*Он его сначала в беспокойстве не заметил.*)

Как поживаете, святой служитель Божий?

Соррини (*кланяясь, с притворством глаза к небу*)
Помилуйте, я лишь смиренный раб Его
И ваш слуга покорнейший.
Да что у вас за шум в дому случился?

Как бешеный тут кто-то пробежал
И даже мне не поклонился.

А л в а р е ц
Да, я теперь лишь из дому прогнал
Питомца своего; давно пора уж было.

С о р р и н и
И я давно уже заметил это;
Но не хотел лишь беспокоить вас...
Повеса он большой, и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы: которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля —
Так мне не худо знать...

А л в а р е ц
Бедняга этот...

С о р р и н и
Бедняга?

А л в а р е ц
Как же! я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.

С о р р и н и
Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж Богом.

А л в а р е ц
Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.

С о р р и н и (*в сторону*)
Как жалко, что его карманы пусты;
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире всё из рук в другие переходит.

А л в а р е ц (*с таинственным видом*)
Когда он был еще ребенком, позволял
Ему я с дочерью моей играть;
Они играли да играли — я не думал,
Что выдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: что вы, дети? — Мы играем. —
Во что? — В любовь! — и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь, — из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. — Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли;
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу;
Он жил со мною двадцать лет;
Был будто первенцем моим... недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным —
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужство... ну ж, меня
Вы знаете, — хоть сед — но как взбешусь...
Ну!.. я и уговаривал его;
И представлял все важные причины, —
Он много мне грубил — и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. — В том я уверен!..

С о р р и н и
Хм! хм! что ж ваша дочь?

А л в а р е ц

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. — Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтенья?

С о р р и н и
Слепым дорогу должно очищать!

А л в а р е ц
Слепым? да он глядел ведь в оба глаза.

С о р р и н и (*с презрительной улыбкой*)
Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,
От радости, печали, ревности, любви,
Надежды, — и пока всё это
Не пронеслось — и навсегда, — есть страсти, страсти
Ужасные; как тучею, они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной — и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?
Я должен был дорогу уступить,
Совсем не от того, чтоб я боялся...
А... без причин с опасностию спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь,

(*показывая на крест*)

этот крест смиренью учит
Меня. — Тот, кто на нем был распят,

Моим примером должен быть — и я
Как мог свою обязанность исполнил!..
(*Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.*)

Слуга
Отец Соррини! вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.

Соррини
Да от кого письмо, — какая крайность?

Слуга
От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини (*прерывает его*)
И нынче приходить велел.

Слуга
О господин мой, как она жалка;
Я, слыша речь ее, расплакался.
Шесть, семь ребят в лохмотьях,
Лежащих на соломе без кусочка хлеба
Насущного. — Как я вообразил их крик:
«Мать! дай нам хлеба, — хлеба... мать! — дай хлеба!»
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини
Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
О Боже мой, пошли благословенье
На бедную, забытую семью.
Услыши недостойного молитву.

(*Слуге громко*)

Дай пять серебряных монет — да от меня —

(*Слуга смотрит на него. Соррини подходит и говорит тихо*)

Ступай; дай ей одну!..

С л у г а

Да сжальтеся!..

С о р р и н и (*топнув, громко*)

Как? много?
Добра не делаем мы никогда довольно...
(*Слуга в смущении уходит.*)

А л в а р е ц
Я удивляюсь вам, святой отец.

С о р р и н и
Ах! замолчите — я молю вас — слышать страшно...
Я самый — самый бедный грешник.

А л в а р е ц (*глядит в окно*)
Вот и жена моя идет из церкви,
А с ней Эмилия с своими четками.

С о р р и н и (*в сторону*)
Идет, прелестная! пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то не легко
Она избегнет рук моих — мне трудно
Носить поныне маску — и что ж делать?
Того уж требует мой сан. — Ха! ха! ха! ха!..

(*Эмилия и донна Мария входят.*)

Как счастлив я, что вижу наконец
Прелестную Марию — и тебя,
Невинную Эмилию. — О! Алварец!
Не должен тот роптать на Провиденье,
Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.

А л в а р е ц

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
Что влюблена ты.

Э м и л и я (*покраснев*)
Батюшка!

А л в а р е ц
Молчи.
Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь, — а ты,
Ты слушай со вниманьем — чтоб ни слова
Не кинул он на воздух — сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь, — он тебе откроет
Опасность страшную любви.

С о р р и н и
Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас — а былое
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важней последствие;
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были, — страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет — или,
Положим, на тебе он женится —
Но это для того, чтоб быть богаче.

А л в а р е ц
Да этого не будет никогда;
Скорей все мертвые воскреснут.

С о р р и н и
Не говорите этого — бывают
Такие случаи. — Но вас, Эмилия,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадрите,
При инквизиции святой.

У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый,
И, так сказать, на всё удалый.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось;
Как наконец заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладел,
Что не дивился уж красе ее наряда,
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине всё это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто, без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток.
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив, —
И наконец замучили до смерти!

(*Все содрогаются.*)

Вот следствия любви!.. страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит, положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется — но раз толкнув,
За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?

А л в а р е ц

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили

С несчастною преступницей! — как? отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.

С о р р и н и
Нет! я совсем не говорю сего.

(*Кидая взор на Эмилию*)

Я слишком жалостлив, — насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Все члены у меня, хладея, трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепленье страсти,
Безумное волнение души, должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.

Д о н н а М а р и я
Ах! я и прежде так судила.

А л в а р е ц
И в самом деле правда это!

С о р р и н и (*радостно в сторону*)
Они меня боятся!

Э м и л и я
Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему всё это клонится.

А л в а р е ц
К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь, —
Он нагрубил мне нынче. — И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видеться тихонько; и́наче
Страшися оскорбленного отца...

Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так по крайней мере.

Соррини
Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.

Эмилия (*сквозь слезы*)
Довольно и того, что сделали,
Но для чего смеяться надо мной?..
(*Плачет.*)
(*Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.*)

Соррини
Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.

Алварец
Э! нужды нет, отец Соррини, —
Ведь надо было бы открыть;
А чем скорей, тем лучше...

Соррини
Не всегда.
Вы знаете ли: женщина — цветок,
Который, если вы его согнете вдруг, —
Изломится.

Донна Мария
Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини.

Соррини
Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. — До свиданья! Донна, до свиданья!

И вы, почтенный друг мой, Алварец!
Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь
Утешилась скорей; я думаю,
Она и не замедлит. Ха! ха! ха! прощайте!
(*Уходит, низко кланяясь.*)

Алварец
Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце... (*кланяясь*) одолжите!

(*Соррини, провожаемый до двери, уходит наконец.*)

Ну, слава Богу!.. он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затем, что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я — с тем можно помириться!..
(*Уходят все.*)

СЦЕНА II

(*Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Эмилия. Балкон соединен ступенями с садом. Эмилия сидит.*) (*Месяц над деревьями.*)

Эмилия
Всё тихо! — только это сердце беспокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? — вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить;

(*Молчание.*)

Уж эти мачехи! — презлобные творенья;
И этот иезуит! — ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня, конечно,
А то бы он пришел проститься; я прощаю
Его горячность; но зачем нейдет
Он извиниться в этом предо мною...
Ему грозил отец мой; это правда!
Попробую сойти!

(*Сходит с балкона.*)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. но чего бояться:
Ведь я одна... а если кто-нибудь!..
Кто там?.. тень шевелится на земле...
Ах! Боже мой!.. куда уйду...

Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! ах! святой Доминго, помоги!
Злой дух ко мне идет.
(*В страхе не знает, что делать.*)

Фернандо (*выходит в черном плаще*)

Эмилия!..
Мой голос страшен для тебя... ты испугалась!..

Эмилия

Нет! нет!.. ах, сядем! я дрожу!..

Фернандо (*берет ее за руку*)

Ты права!
Но отчего я испугал тебя так сильно?..
(*Они садятся на скамью.*)

Эмилия
Ну что ж ты скажешь?

Фернандо
Я пришел проститься!..
Проститься! — в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы счастливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать — мне двойная мука...

Эмилия
Сам виноват! ведь я тебя просила...
Ты не хотел. — Кто ж виноват? кто ж виноват?

Фернандо
Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой — для чего писала?..
Но всё уж кончилось — не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело — ты это знаешь!..
Что сделано — то сделано...

Эмилия
Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..

Фернандо
Где! где жить?
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. — Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне: люблю — тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;

Ты для меня: родня, друзья — ты всё мне!..
Гордися этим!.. так, Эмилия:
Мы созданы Небесным друг для друга;
Ты — всё для сердца этого — и Бог
Не так жесток, чтоб всё отнять
У человека!
(*Молчание.*)

Эмилия
Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...

Фернандо
Со мной сидеть не бойся никогда.

Эмилия (*кидается ему на шею*)
О! милый! — как мне грустно! будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу, — слезы остановятся, дыханье
Редеет... то боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То — чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчерась я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать.

Фернандо (*мрачно и быстро*)
Перестань.
Взгляни на тихую луну! о, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств —
Что будет, что теперь и что прошло, всё в нем
Соединяется — и что́ прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах, — ты помнишь, —
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде,

Под дымкою сребристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах, — помнишь — помнишь —
В тот вечер всё так было — кроме
Судьбы Фернандо — небо и земля
Всё те же — только люди! — если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял...

Эмилия
Да разве ты не человек же?

Фернандо
О! я себя бы вместе с ними проклял!..

Эмилия
За что это?

Фернандо
За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их, — за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему,
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей —
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым...
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать

Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил… Но! — не люби меня…
Ты видишь нрав мой — позабудь меня…
Забудешь ли?

Эмилия
Что если б я сказала: *да?*
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь…

Фернандо
Мой ангел, ангел… ты понять не можешь, как
Любовь твоя меня терзает.

(*Фернандо обнимает ее, и она — его.*)

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался
От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель — скрой себя от света,
Умри!.. предвижу много страшного!..
О, если б никогда ее не знал я!

(*Звон.*)

Полночь!.. прости!.. но что за шорох…

(*Молчанье.*)

Мы пропали!
Я позабыл калитку затворить..
Беги!.. беги!..

Эмилия
Спаси нас, Царь небесный!
(*Уходит на балкон и скрывается.*)

Ф е р н а н д о (*вынимает шпагу*)
Кто там! заплатишь дорого
За это любопытство мне!
(*Ударяет по кусту; вскрикнув выползает жид седой и бросается на колени.*)

М о и с е й

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Ф е р н а н д о
Вздор, вздор... ты слышал — и умрешь.
Признайся, ты подослан.
(*Шпагу подставляет к горлу.*)

М о и с е й (*на коленях*)
Нет.

Ф е р н а н д о

Ты лжешь...

М о и с е й
Страшись убить напрасно старика;

(*кидается в ноги, обнимает колени*)

Спаси меня... у нас ведь Бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него —
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над сединами —
Тебе заплотит Бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! сжалься, сжалься!

Ф е р н а н д о
У тебя есть дочь!..
А я хотел?.. о... нет! довольно в свете
Сирот и без нее... возьми

(*кидает ему, не глядя, плащ и шляпу*)

надень!..
Иди за мной — ни слова... или смерть!..
Ни слова — я хочу тебя спасти!..

М о и с е й
Как!.. как!..

(*Молчание. Жид в изумлении. Испанец с презреньем глядит на него.*)

Клянусь Иерусалимом,
Что он не христианин... это верно.
(*Надевает плащ и шляпу.*)

Ф е р н а н д о
Собака! что сказал ты... что сказал ты?..
Не смей закон мой поносить при мне...
Пойдем.
(*Являются издали факелы и люди с другой стороны.*)

М о и с е й (*тихо про себя*)
Но если он меня предаст,
Но если он...

Ф е р н а н д о
Ты видишь факелы! пойдем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

(*В доме Соррини, комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют.*) (*Слуги разносят вины.*)

1 - й и с п а н е ц (*бродяга*)
Да, если инквизиция святая
На тот конец учреждена была,
Чтоб нас кормить, то дай Бог ей здоровья...

Соррини, впрочем, очень добрый малый,
Хотя ханжит немного, — но с летами,
Когда придет пора рассудка, можно
Надеяться на исправленье.

2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
Как все слепые... ха! ха! ха!.. не так ли?
(*Пьет.*)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
Что молод патер наш. Не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
И как он сам их любит, вопреки закону!

3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
Как нами!..

1-й испанец

Разве ты его не любишь?

3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo, эта нежная любовь
Проходит с голодом и с жаждой!..

4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
Что наш Соррини плутни затевает
Опять. Уж эти угощенья не к добру.
Так, — помнишь ли: ему хотелось,
Чтоб мы зарезали дон Педро
И дом его сожгли?.. Уж то-то пиршество
Он задал нам, — или в другой раз,
Пред тем, чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! — positum:
Теперь он также затевает плутни!..

1-й испанец
Эх! что нам в том! ведь надо ж есть и пить, притом же
Он наш заступник в инквизиции.

3-й испанец
Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами;
Не то все гурии завянут — или
Им будет слишком тесно наконец.

5-й испанец (*за другим столом*)
Вина! (*кричит.*)

Слуга
Сейчас... в минуту...

5-й испанец
К черту ждать! вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..

Слуга (*подает стакан*)
Вот вам вино.

5-й испанец
Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним — ракалия!..
(*Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.*)

2-й испанец (*горячо*)
Послушай! — будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.

5-й испанец (*вскочив*)
Чего ты хочешь, ты?

2-й испанец
Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...

(*схватывает стул*)

я стулом рассчитаюсь!..

5-й испанец
Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык… и псам
Голодным на обед отдам!..

(*Вынимает кинжал.*)

Уж я тебя достану…
(*Бросается на него.*)

3-й испанец
Погодите.

(*Другие удерживают их.*)

Оставь кинжал, а ты свой стул, и станьте,
Как должно в поединке, — шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

(*Они вынимают шпаги и становятся.*)

Вот так… начните,

(*начинают*)

хладнокровней только…
А ты уж слишком близко наступаешь…
Зачем так горячишься ты?..

2-й испанец (*перестав*)
Я тронул.

5-й испанец
Нет!..

1-й испанец
Смотрите, чтоб при первой крови кончить.

5-й испанец (*нападая*)
Он жизнью мне своей заплотит.

1-й испанец (*четвертому*)
Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..
(*2-й испанец отступает, тот на него нападает, и вдруг ранен в плечо, их разнимают.*)

3-й испанец
Товарищи, довольно — помиритесь!..

4-й испанец
Конечно; мир за бранью следует всегда.

5-й испанец
Пожалуй, я готов... твоя победа.

2-й испанец
Итак, мы вновь друзья.

5-й испанец
Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И верно б твой язык собаки съели!
(*Входит Соррини, они все низко ему кланяются.*)

Соррини
Какой я слышал шум!

5-й испанец
Да! мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Всё кончилося примиреньем... (*к другим*) так ли?

Соррини
А я пришел вам дать препорученье:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?

Все
Знаем!

С о р р и н и
Есть у него жена.

В с е

Жену?

С о р р и н и

Нет! нет!.. не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем, что если дочери не будет,
То ей именье всё достанется
По смерти мужа… а его кончины час
Она приближит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я… но вы уж знаете! зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мне ужасно… я горю
Любовью к ней!.. готов я всю казну
Мою отдать вам… только б вы
Эмилию мне привезли! — что только можно,
Яд, страх, огонь, мольбу, употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите…
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда — друзья мои… вы не видали
Такого пиршества… какое будет.
Но слушайте! — я вверил тайну вам —
Страшитесь изменить — о! если
Хоть искра заговора выскочит…
То всех под инквизицию отдам.

3 - й и с п а н е ц
Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху… но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан…

Он молодец... я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упадал. —
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.

4-й испанец

Конечно!
Да он же и влюблен в Эмилию...

Соррини (*вспоминая*)
Фернандо! — кто такое! да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. вот судьба!.. он выгнан из дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом
За вздор какой-то!.. нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело всё... нет!.. прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь...
Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..

Все (*кричат*)
Пожалуй!.. как ты хочешь, патер.

Соррини
Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.

(*Половина уходят.*)
(*Про себя*)

Когда ты хочешь непременно,
Чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях;
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.

(*Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.*)

Что значит золото? — оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, — через него мы можем,
Купивши индульгенцию,
Грешить без всяких дальних опасений
И несмотря на то попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний — о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на коленях
И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу,
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! — смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою.
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой —
Последней?... будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет
И больше отпущение грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! — на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтиться.
(*Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.*)

Испанцы
Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет
Про старину, про гордых наших предков;
Не хочешь ли, почтенный патер?

Сорр ини (*поглядывая на певца*)
Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.

Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед Распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши, — ибо стадо с пастырем: едино!..
(*Уходит нагнувшись.*)

5-й испанец (*в сторону*)
Что ж! без тебя так нам еще вольнее.

3-й испанец
Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.
Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет — чтобы злодейства делать!..

Певец
Что ж мне вам спеть, ей-Богу, я не знаю!..

2-й испанец
Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.
Люблю я песни, в них так живо
Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возвратить,
Которые должны мы были проглотить;
Пусть слезы те в груди окаменели,
Но их один разводит звук,
Напомнив дни, когда мы пели,
Без горькой памяти, без ожиданья мук.

3-й испанец
Ха! ха! ха! ха! разнежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...

5-й испанец

Баба!..

4-й испанецц (*показывает на певца*)

Тс, тс.

1-й испанец

Он начинает!.. слушать!..

Баллада

Гвадьяна бежит по цветущим полям,
В ней блещут вершины церквей;
Но в прежние годы неверные там
Купали своих лошадей.
На том берегу, поклянусь, что не лгу,
Хранимый рукой христиан,
С чалмой и крестом, над чугунным столбом,
Стоит превысокий курган.

Недалеко отсюда обитель была.
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пир садились ночной.
Вот чаши гремят, и поют, и кричат,
И дверь отворяется вдруг:
Взошел сарацин, безоружен, один —
И смутился пирующий круг.

Неверный, склоняся челом, говорит:
«Я желаю проститься с чалмой,
Крестите меня, как закон ваш велит!
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обман, из далеких стран
Привели меня к вашим стенам.
Я узнал ваш закон, мне понравился он:
Я жизнь свою Богу отдам!»

Но монахи его окружили толпой
    И в сердце вонзили кинжал.
И с золотом сняли алмаз дорогой,
    Который на шее сиял.
И ругались над ним, со смехом пустым,
    Пока день не взошел молодой.
И кровавый труп на прибрежный уступ
    Был брошен злодейской рукой.

Не прошло трех ночей, как высокий курган
    Воздвигся с крестом и чалмой,
И под ним тот пришлец из восточных стран
    Зарыт — но не силой земной!
И с тех пор, каждый год, только месяц взойдет,
    В обитель приходит мертвец
И монахам кричит (так молва говорит),
    Чтоб крестили его наконец!..
(*Многие хлопают в ладоши.*)

1-й испанец
Прекрасно! очень хорошо.

Все испанцы
                                        Благодарим,
Не хочешь ли вина, искусный трубадур?
(*Ему подают, и он пьет.*)

Певец
За здравье папы!.. а потом за ваше!

3-й испанец
Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу...
Пойдемте, с помощью святого Доминика!
Нам Бог простит!.. ведь надо людям жить!..
(*Уходят все с громким хохотом.*)

СЦЕНА II

(*Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая. В глубине сцены две жидовки нижут жемчуг. Всё богато. Ноэми входит и садится у стола облокотившись.*)

Н о э м и

Нет! — не могу работой заниматься!
Шитво в глазах сливается, и пальцы
Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
Молиться я хотела — то же всё!
Начну лишь... а слова мешаются;
То холод пробежит по телу вдруг,
То жар в лицо ударится порой,
И сердцу так неловко, так неловко!..
И занимает всё воображенье
Прекрасный образ незнакомца,
Который моего отца избавил
От гибели вчера. — Дай Бог ему всё счастье,
Отнятое у нас несправедливо.
Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского — и их
Пророк рожден в Ерусалиме!
Смешно! они хотят, чтоб мы
Их приняли закон, — но для чего?
Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость —
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.

(*Молчание.*)

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.
Кто б ожидал? — как жалко, что его
Я не увижу, — но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,

И голос... но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. ах! какой же я ребенок!

(*Молчание.*)

Мне скучно! — вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. сердце бьется, бьется,
Как птичка, пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? он опять
Злодеям в руки попадется...
Как скучно быть одной весь день;
Всё песнь одна; низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть и пить
И спать... однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!

(*Молчание*).

Что пользы?

(*Кличет*)

Няня! Сара! Сара!
Поди ко мне! поди сюда! ну что же!..

С а р а (*старуха идет*)
Что, милая Ноэми, что тебе?
Иль жемчуг распустила — но ведь я
Стара — мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! так ли?

Н о э м и
Нет, Сара! жемчуг я оставила низать.

С а р а
Что! аль не нравится? вот я
В свои года не тем была довольна!

А этой молодежи нынешней
Всё дурно! — что ж меня звала ты?

Н о э м и

Так!
Мне скучно!.. я больна!

С а р а

Больна? ах, Боже мой.
Так я пошлю скорее за врачом…
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Н о э м и
Не надо… я не то чтобы больна!
А… так! не в духе!.. всё нейдет на лад,
Что ни начну!.. мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! — расскажи мне сказку
Про старину! — садись и расскажи!..

С а р а
Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..

Н о э м и
Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! ужасный!.. растолкуй мне:
Мне снилось, что приходит человек,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат… но я не испугалась
И стала омывать потоки крови,
И увидала рану против сердца
Глубокую… и он сказал мне:
«Смотри! я брат твой»… но, клянуся,
В тот миг он был мне больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлил;

Но этот человек захохотал
И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин — и не брат твой;
Я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? — в руках
Остался погребальный саван! — я проснулась.

Сара
Он братом называл себя твоим?

Ноэми
Но это вздор! — я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..

Сара
О! Ноэми!
Не говори!.. случиться это может!..

Ноэми
Как может!.. как? нет, это невозможно!

Сара
Послушай! — у тебя *был* брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали;
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я
Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив — как знать!
Ведь Божья воля неисповедима!

Н о э м и
Ах, Сара! Сара! нет, он умер!..
Увял он, как трава пустыни, и, как цвет
Полей, засохнул!.. так, он был рожден для жизни,
Он был рожден, чтоб быть мне другом, —
О Сара! если умер он — как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — всё не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит писанье, так я верю —
Зачем и нет? — что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? деньги
Имеет он и дочь — вот всё его богатство;
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то верно б
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли, —
Однако ж и меж них есть добрые.

С а р а
Да, да вот тот испанец молодой,
Который спас намедни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком — но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему Всевышний
Подобные хулы за то,
Что спас он одного из гибнущих сынов
Израиля!..

Н о э м и
Прости ему Всевышний!..

С а р а (*подходит к окну*)
Какая ночь! В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Иосиф мой!

О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы; в то время я цвела,
Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух!..
Увы! Ноэми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют! — то-то время!..

Н о э м и
Что мой отец нейдет!..

С а р а
Чу! вот сова кричит — ужасный крик!
Я не люблю его! — во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике!..

(*Стучат в дверь.*)

Ах! верно, твой отец пришел!.. ну ж поздно!..

Г о л о с
Скорее отоприте! отоприте!
(*Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают, входит Моисей, ведет Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.*)

М о и с е й
Ноэми! Сара! помогите, помогите!..
Измучен я усталостью… и страхом.
Он истекает кровью… о! проклятье
Злодеям!.. дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью!..

(*Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову ослабевшую.*)

Будь Авраам свидетель, эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял;
Тому *я* дал существованье,
А *этот* возвратил мне жизнь!..

О Бог, Бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов!..

Фернандо
Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!
О, перестаньте —

(*как от сна*)

где я? кто со мной?

(*Поднимает голову.*)

Благодарю того, кто спас меня, — но кто он?..

Моисей
Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом, — но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,
Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..

Ноэми (*становится на колени и целует руку*)
Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..
(*Она остается на коленях и держит руку.*)

Фернандо (*Моисею*)
Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! родина! — слова пустые для меня,
Затем, что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья;
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..

Н о э м и
Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец, — небо справедливо!..

Ф е р н а н д о
Я *был* добр!..

М о и с е й (*стоя над ним*)
Кровь течет из раны;
Перевяжите — как он побледнел.

Ф е р н а н д о
У волка есть берлога, и гнездо у птицы —
Есть у жида пристанище;
И я имел одно — могилу!..
Чудовище! зачем ты отнял у меня
Могилу!.. все старанья ваши — зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! — безумцы;
Прочь!.. пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит… о! жалко! нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные — что нужды?
Они всё люди же — а кровь
Приятна людям! — прочь!
(*Срывает перевязи.*)

Н о э м и
Отец мой!

(*В отчаянье*)

Он сорвал перевязку! — он умрет.
(*Все бросаются опять навязать.*)

С а р а
О! как он ослабел, несчастный…
Какая бледность покрывает щеки:
Как жалко!..

Ф е р н а н д о

Дайте пить мне, я горю;
Язык засох... скорее, ради Бога!
(*Сара уходит за питьем.*)

Н о э м и
Испанец, успокойся! успокойся!
Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..

Ф е р н а н д о
И весел!.. (*Стонет.*)

Н о э м и

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей — отец твой.
И воображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!

Ф е р н а н д о

Девушка! ты дочь его!

Н о э м и
Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.

(*Сара приносит стакан.*)

На, выпей!

Ф е р н а н д о
Благодарю! твои слова напитка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье! —
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?
Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги...
О, это всё коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец... (*вздрагивает*) что вздрогнул я? — что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям...
Оставь меня покуда!
(*Она встает и отходит; но издали всё на него смотрит.*)

С а р а (*подходит к Моисею*)
Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это всё за сон принять готова!..

М о и с е й
Пошел к раввину я: он был мне должен;
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли: ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. — Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился;
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском, — и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст:
Сижу — дрожу — передо мной была поляна,
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,
И слышу: «Этой самою дорогой
Идти он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер

Его отправить в дальную дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,
Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались,
Как будто мертвый был страшней живого!..
Когда утихло всё, я вышел посмотреть,
Кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? мой благодетель, мой спаситель! —
Я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко;
Но, странно, не узнал меня,
И будто по природному влеченью
Встал... я понес его... он всё шептал,
Но я не понял слов... потоки крови
Бежали на меня... так я принес
Несчастного сюда!.. Бог сделал это чудо!..

С а р а
И точно, это чудо, Моисей!..

Н о э м и (*которая в то время опять села у ног Фернандо*)
Что? утихает боль твоя иль нет?..

Ф е р н а н д о
Дай руку мне! о нежное созданье,
Как обо мне она печется...

М о и с е й (*Саре*)
Поди постель ему ты приготовь,
Я тотчас сам приду туда...

С а р а
Да как
Его зовут, кто он таков, нельзя ль узнать?
(*Уходит.*)

М о и с е й (*подходит*)
Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?

Ф е р н а н д о
Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..

(*Молчание.*)

Меня зовут Фернандо!
Вот всё, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!

Н о э м и
Я буду для тебя сестрой.

Ф е р н а н д о
Ты для меня сестрой не будешь!

Н о э м и
Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей, — ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка!

Ф е р н а н д о
Бог сохрани меня от этой мысли:
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, — испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад, всё на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;

У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того,
Что нет креста на шее бедняка,
Есть дело добродетели великой!
О Боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки;
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...

Н о э м и
Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих;
Не хочешь ли чего-нибудь?.. усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы всё достанем, только будь спокоен;
Иль кровь опять начнет течи из ран.

Ф е р н а н д о (*в сторону*)
Эмилия далеко от меня;
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. как скоро бы все раны
Закрылися, кроме одной;
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. быть может,
Умру я здесь, далеко от тебя;
И ты моей могилы не найдешь;
И от последней от тебя я буду
Забыт!.. забыт!..

М о и с е й
Усни! постель уже готова...
Эй! Сара! помоги поднять его.
(*Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей подымают слабого Фернанда и уводят. Ноэми одна остается.*)

Н о э м и
Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..
Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нём;
Испанец молодой, с осанкой гордой,
Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями,
Являлся воображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.

(*Молчание.*)

О, как судьба людьми играет!..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,
Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мне кажется, я чувствую любовь
К нему — не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз!..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет; точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться;
Когда ж произношу его названье,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо!.. то краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! — все любят — что же тут худого;
Так точно — ничего худого нет в любви;
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает?..
Но как же слушаться ее?..
Как не любить! — ах! без любви так скучно;

И даже думать не о чем! — о Боже!
Храни его! храни обоих нас:
Прости любовь мою!.. я не могу иначе!..
(*Она стоит в задумчивости.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

СЦЕНА I

(*В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья.*) (*Алварец в креслах. Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.*)

А л в а р е ц
Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе.
Вот дочери! От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.

Д о н н а   М а р и я (*оборачиваясь*)
Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно!..

А л в а р е ц
Всё к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье,
То, я клянусь мечом отцовским,
Любил бы я тебя как прежде
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.

Д о н н а   М а р и я
Неужли? ах, мой милый!..

(*В сторону*)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу — как мужья?..
Да странно, что так много требуют от нас;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?

А л в а р е ц

Говорил я
Тебе уж о намеренье своем
Иль нет?..

Д о н н а М а р и я

А что такое?

А л в а р е ц

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою;
Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо;
Жених готов: богат он и умен...

Д о н н а М а р и я
Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди — она так молода.

А л в а р е ц
Да слушай: ведь жених-то редкий;
Он храбр, в честях, любезен и богат...

Д о н н а М а р и я
Да хочет ли он сам жениться?

А л в а р е ц
Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.

(*Хочет отпереть ящик у стола. Мария смущенная подходит. Он дергает.*)

Да что ж? — он заперт у тебя — дай ключ...

Донна Мария
Что хочешь ты?

Алварец
Дай ключ!

Донна Марияя
Что?

Алварец
Ключ мне!

Донна Мария
Ключ?
Ах, Боже мой, я, верно, затеряла!
Да после мы найдем...

Алварец
Как после! для чего
Не тотчас?

Донна Мария (*в сторону*)
Если он увидит, я пропала!

(*Ему*)

Да после я найду письмо твое!..
Зачем сердиться из пустого — как смешно!..

Алварец
И ключ потерян? черт возьми! досадно!

Слуга (*входит*)
Ждет лошадь у крыльца. И всё готово...

Алварец
А я совсем забыл, что надо ехать;
Прощай, моя Мария, — до свиданья.
(*Целует ее и уходит.*)

Донна Мария (*одна*)
Ах! — наконец от сердца отлегло!..
Переложу в другое место я
Подарок патера Сорриния с письмом
Его.

(*Вынимает ключ из<-за> пазухи и отпирает, взяв коробку с жемчугом.*)

Прекрасный жемчуг, нечего сказать!..
Алмазы в кольцах точно звезды блещут!
За это мне не должно помешать
Увесть Эмилию!.. о! старый сластолюбец,
Богат ты... оттого твои подарки малы;
Но так и быть, согласна я
На предложение твое, Соррини!..
Эмилия самой мне надоела.
Но, впрочем, этим ей не много зла
Я сделаю... невинной девушке
Приятно быть любимой стариком,
Как старой молодым; затем
Что пылкость одного бесчувствие другого
Обыкновенно заменяет!..
Наскучила уж мне Эмилия давно.
Покуда здесь она, боюсь
Я пригласить к себе кого-нибудь.
И хорошо, что патер захотел
Избавить от нее; и жалко только,
Что мужа моего увесть никто не хочет!..

(*Смотрит на ящик Сорриния.*)

Какое множество природных недостатков
Покроют эти малые алмазы,
Как много теней в блеске их потонет!..
И за подобное благодеянье
Мне не пожертвовать бессмысленной девчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? — ха! ха! ха! ха!

(*Смотрит письмо Сорриния, которое было в ящике.*)

Мой муж, я думаю, уехал на́долго,
И нынче наш монах пришлет людей,
Которым и вручу подарок свой!
А для меня же лучше, чтоб Соррини
Ее имел, чем муж законный.
Алмазы, жемчуг градом на меня
Посыплются, и я поеду в город,
И удивленье поразит моих соперниц,
Когда явлюсь в арену; я сто глаз
У них украду силой красоты...
Никто не отгадает, что сей жемчуг
Ценою слез невинных куплен!..
Но! — я придумала. — В Мадрит отправлюсь,
Там получу прощение грехов,
И совесть успокоится моя...
(*Ставит ящик с жемчугом на кровать и оборачивается. Эмилия входит бледная, в черном платье, в черном покрывале и <с> крестиком на груди своей.*)

Д о н н а М а р и я
Здорова ли, моя Эмилия?
Как ты спала?..

Э м и л и я
Благодарю вас;
Спросите лучше, как я не спала.
Уж сон давно бежит моих ресниц...
С тех пор...

Д о н н а М а р и я
О! знаю, знаю, милый друг;
Я чувствую вполне твое несчастье
И всё бы отдала, чтобы помочь тебе;
Клянусь душой!..

Э м и л и я (*с нежным упреком*)
Итак, одно лишь слово
Всего дороже было вам.

Д о н н а   М а р и я

Ты мне простишь.
Не знала я, что любишь ты так сильно,
И только остеречь тебя желала.
Но ныне я ошибку ту заглажу...

Э м и л и я
Один Спаситель мертвых воскрешал.

Д о н н а   М а р и я
Зачем ты так бледна и в черном платье
И в черном покрывале?

Э м и л и я

Я слыхала,
Что черный цвет печали цвет.

Д о н н а   М а р и я (*берет ее за руку*)
О, не грусти, я всё поправлю.

Э м и л и я
Что отнял Бог, того не отдадут
Нам люди. — А что люди взяли,
То может возвратить одна могила!..

Д о н н а   М а р и я
Ты от Фернандо это слышала наверно!
О! памятлива ты!

(*Эмилия отворачивается.*)

Но успокойся!
Тот, кто достоин был воспоминанья,
Тот и тебя достоин. Испытанья
Пройдут. И я тебе клянуся,
Что упрошу жестокого отца.
Позволит он соединиться вам;
И счастие опять украсит
Твои ланиты пламенным румянцем;

Не плачь, не плачь — не всё гроза бушует,
Проглянет солнце, и цветок, измятый
Порывом ветра, встанет обогреться...

Эмилия
Не смейтесь над несчастьем, чтобы вам
Не заплатило небо тем же.

Донна Мария
Боже,
Храни меня смеяться над тобой;
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будет муж твой;
Поверь: мои старанья совершат
Блаженство то, к которому так сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилия (*с рыданьем бросается к ногам Марии и обнимает колени*)
Я не ищу блаженства — нет его,
Нет в свете ничего — Фернандо умер —
Он умер — умер — он погиб навеки.
О! плачьте обо мне все люди, все созданья,
Все плачьте — если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь с моими;
Мой стон могилу потрясет, — о, плачьте!
Он — умер — умер — он погиб навеки.

Донна Мария
О, поднимись! ты бредишь, ангел мой,
Встань, встань.

Эмилия (*всё на коленях, подняв голову*)
Исполни просьбу сироты.

Донна Мария
Исполню, всё исполню, только встань;
И отдохни — встревожилась ты слишком.

Э м и л и я (*встает*)
Так выслушай, о чем прошу тебя.

(*Целует руку ей.*)

Когда прощались мы в последний раз,
В ту ночь, — он мне сказал: «Иди
Скорее в монастырь, иди в обитель,
Сокрой от света добродетель сердца».
Молю тебя, молю тебя, как нищий, —
Не помешай уйти мне в монастырь
Сегодня… помоги мне — заклинаю —
Тебе заплотит Тот, кто всем заплотит!

(*Кинув умоляющий взгляд на донну Марию*)

Фернандо умер! — я хочу исполнить
Его желанье!.. он меня любил!..
(*Молчание.*)

Д о н н а М а р и я
Но если он не умер, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станет он искать тебя,
Чтоб к алтарю вести невестою своей,
И вдруг увидит в черном покрывале
В ряду монахинь — что с ним будет?
Ужели ты об нем не пожалеешь?
Не пожалеешь ты о счастии,
Которого б могла дождаться?..
Какая слабость! — где твое терпенье?..

Э м и л и я
Мое терпенье?

(*Поднимает глаза к небу.*) (*Тихо в сторону*)

Он был жив, — и я
Терпела!

Д о н н а   М а р и я
Выкинь из ума
Твой глупый замысел. Поверь мне,
Пустые слухи обманули
Тебя... поверь мне... я уж знаю,
Что говорю.

Э м и л и я (*с укоризной*)
Его не воскресить вам.
Вы не имеете подобного искусства!
Я вас просила об одном — вы не хотели
Исполнить просьбы самой униженной!..
(*Хочет уйти. Донна Мария удерживает ее.*)

Д о н н а   М а р и я
Так слушай же: вчера бродила я
В саду; и под вечер зашла я в рощу;
Вдруг, вижу, человек ко мне подходит:
Он издали всё следовал за мною.
То был Фернандо... он упал к моим ногам:
Он плакал, обнимал мои колена
И сделал то, что обещалась я
Составить ваше счастье. Твой отец
Уехал на два дни — меж тем
Вы можете видаться — а потом
К ногам родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Э м и л и я
О, это слишком!.. я не верю...

Д о н н а   М а р и я
Клянусь тебе, что жив он... и увидишь
Его ты скоро... что с тобой?..

Э м и л и я
...Мне дурно!
О Боже!.. голова кружится. — Кто б подумал?
(*Упадает в слабости на стул.*)

Д о н н а М а р и я
Какое детство! — что с тобой?.. скрепися!..

(*В сторону*)

Я заманю голубку в сети;
Я поведу на тайное свиданье;
Там будет шайка дожидаться, верно;
И тут же схватят и умчат ее.
Благодари мой ум, Соррини! Он искусен!

Э м и л и я (*встает*)
Нет! ничего. Простительная слабость!
Так тяжело я мучилась, что счастье
Мне тяжело... он жив! о Боже!
Прости мой ропот!.. как я легковерна;
Служанка мне сказала, и я тотчас
Поверила обманчивым рассказам!
О! видно, что печаль родня нам, людям,
Когда мы ей скорей веселья верим.

(*Марии*)

Благодарю вас... мой укор напрасный
Вас огорчил... простите вы меня?
Я слишком мучилась! Скажите:
Где я с ним встречусь?

Д о н н а М а р и я
Сегодня мы пойдем в густую рощу;
Там на поляне есть высокий дуб,
С дерновою скамьей. И там увидишь ты
Фернандо. Не счастлива ль ты
Одной надеждой? для чего
Смущала так предчувствием себя?
Поверь: невинную любовь
Хранят святые ангелы, как стражи!
Дитя! дитя! — и вот вся горесть
Рассеялась — и в монастырь не хочешь!..

Но не стыдись ребячеством своим:
Оно есть добродетель, потому
Что, как всё доброе, не долговечно!..

Эмилия
И я его увижу?.. он не умер?!

Донна Мария
Увидишь — и поверишь мне совсем.
(*Эмилия устремляет на Марию взор, хочет что-то сказать, но волнение мешает ей. Она целует крепко мачехе руку и, закрыв лицо, убегает.*)

Донна Мария (*глядит вслед*)
Ступай! ступай!.. и жди спокойно
Свиданья вместо гибели своей.
Ступай! — тебя старик излечит скоро
От бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься — но наслажденье
Прогонит ужас — после всё пройдет!
Создатель мой! ужели точно
Мое так дурно предприятье, что сама
Я это чувствую? — что ж тут худого?
Она счастливей будет у Соррини,
Чем здесь; когда она ему наскучит,
С приданым выдаст замуж он ее;
Быть может, так случится, что Фернандо
Получит руку бедной девы...
Но — что бы ни было, я всё избавлюсь
От любопытных глаз, и мой любимец
Бесстрашней будет навещать меня...
Так всё взаимно в этом свете:
Соррини благодарен мне, а я ему!..
(*Уходит.*)

СЦЕНА II
(*В горах перед жилищем Моисея. Дикое местоположение. Скамья направо под большим дубом, возле коего сделано вроде белой палатки, где сидят служанки и слуги жида и работают и поют свою печальную песню.*)

Еврейская мелодия

I

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел!..
Начуже в раздолье печально житье;
Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твое.

II

Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,
Не пойте! — досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат!..

III

Изгнанное пеплом посыпьте чело
И молитесь вы ночью при хладной луне,
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло
Того, кто явился к пророку в огне!..

IV

Тому только можно Сион вам отдать,
Привесть вас на землю Ливанских холмов,
Кто может утешить скорбящую мать,
Когда сын ее пал под мечами врагов.

Ф е р н а н д о (*медленно входит*)
Что золото? какая это вещь,
Когда оно могло б составить счастье
Мое?.. металл, как и другой!

Или дал Бог ему такое право,
Каким лишь редко люди обладают?..

(*Опять начинают петь.*)

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далеко от нее,
А я в моем отечестве не знаю,
Что значит это сладкое названье…
Я в мире не имею ничего почти,
А всё желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нет! пусть останусь я, каков теперь;
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других…
В страданьях жизнь; я в них живу, я к ним привык,
Никто их не разделит… и тем лучше
Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.

(*Ноэми входит.*)

Где твой отец?

Н о э м и
Ушел
По делу он… на что тебе отец мой?

Ф е р н а н д о
Хотел бы я благодарить его!..
Он спас мне жизнь… и я его стараньем
Теперь здоров как прежде…

Н о э м и (*быстро*)
Ты здоров?..

Ф е р н а н д о
Да, я здоров, как человек, который
Так часто болен был, что старую болезнь
Болезнью не считает!..

(*Садится на скамью. Она возле него.*)

Н о э м и
Ты должен долее у нас остаться!
Поверь, не вовсе залечились раны
Твои... и чем тебе здесь худо?..
Останься здесь еще. Ты сам ведь говорил,
Что у тебя пристанища нет в свете...
Ты, верно, здесь останешься, испанец?..

Ф е р н а н д о
Нет...
Я не хочу обременять вас больше
Моим присутствием — мне надо...

Н о э м и
Ужели благодарность тяготит
Тебя?.. я этому не верю.
Не говорил отец мой так,
Когда от гибели его ты сам избавил...

Ф е р н а н д о
Я раз уж был неблагодарным! и боюсь
Вторично быть таким; но, впрочем,
Я не могу остаться здесь никак.
Я не могу... не должен... не хочу!..

Н о э м и (*в сторону; встав*)
Итак, нам разлучиться должно;
Итак, моя любовь... о, сжалься, небо!

(*Ему*)

Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была в крови твоей,
Я над тобой сидела ночи, я старалась
Всем, чем могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, как раба, чтоб даже
Малейший стук тебя не потревожил...
Послушай, я за все мои старанья

Прошу одной, одной награды...
Она тебе не стоит ничего;
Исполни ж эту малую награду!
Останься здесь еще неделю...

Ф е р н а н д о
Не искушай меня лукавой речью:
Я уж сказал, что не могу; мне должно прочь,

(*сильно*)

Ты хочешь знать, зачем?

(*Показывая ей портрет Эмилии*)

О! на, взгляни сюда!..

(*Она отворачивается, взглянув, и закрывает лицо.*)

Вот женщина! она не может видеть
Лица, которое не уступает
Ей в красоте.

(*Молчание.*)

Так! так! я должен к ней.
С опасностию жизни я увижу
Эмилию!

(*Ей*)

Где твой отец?

(*Подходит и видит, что она плачет.*)

О чем ты плачешь?..

Н о э м и
Не думала я плакать!

Ф е р н а н д о

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чем?.. скажи, не я ль виновен в том?
Остатком горьких слез, в груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
В лета надежд не прячут слез!.. О чем ты плачешь?..

Н о э м и
О том, чего ты дать не можешь мне;
О внутреннем спокойствии...

Ф е р н а н д о

Как рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь!..

Н о э м и (*в сторону*)

Скажу ему, что он
В том виноват, скажу, что я его
Люблю, и упаду в его объятья;
Он не погубит, он великодушен...
Но что хотела я? — другая уж владеет
Душой Фернандо... что хотела я?
Но нет, нет — нет, она любить не может,
Как я; она не обтирала крови
С его глубоких ран, она не просидела
У ног его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сон не превратился
В сон беспробудный!.. нет! нет! нет!..
Она любить его, как я, не может!..
(*Входит Моисей. Ноэми примечает его, идет медленно навстречу. Он ее обнимает.*)

М о и с е й (*печально*)
Ну, дочь моя. Скажу тебе я новость!..
Сегодня...

Ф е р н а н д о (*подходит*)

Моисей! благодарю тебя
За попечения твои...

(*Протягивает руку.*) (*Моисей медлит.*)

Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человек… и ты мой благодетель.
Благодарю… я ухожу отсюда!..

М о и с е й
Так скоро? как?..

Ф е р н а н д о
Не возражай, еврей!
Я до тебя имею просьбу… лишь одну,
Одну: дай мне червонцев пять взаймы.
Я знаю, что жиды все деньги любят
И христианам не вверяют их;
И в этом правы. — Но меня ты знаешь!
Я преступление свершу, но все отдам
Твои червонцы… вот вся просьба.

М о и с е й
Куда ж ты хочешь? для чего идешь!..

Ф е р н а н д о
Недалеко живет отсюда
Дон Алварец; в его саду когда-то
Мы встретились с тобою. Я к нему
Хочу идти просить гостеприимства:
Я был воспитан там, от юных лет.
Но здесь мне оставаться невозможно,
На это есть причины… я клянусь,
Что возвращу тебе червонцы…
Ты знаешь, в свете деньги нужны,
Чтобы исполнить предприятье…
И в случае, что он меня не примет
В свой дом…

М о и с е й (*с удивлением*)
Дон Алварец! Дон Алварец!..
Ах! Боже мой! тот беден, кто постигнут

Твоим палящим гневом... у меня
Есть дочь... я понимаю это горе.
Невероятно... страшно!

Ф е р н а н д о

Что случилось:

М о и с е й

Несчастие большое... Ах! злодеи!
Злодеи... ад не так искусен...
Мне нынче самовидец рассказал...

Ф е р н а н д о

Зловещий ворон!
(*В сильном движении.*)

М о и с е й

Ада мало им...
Такого ангела... вот вы услышите!
Горою встанет волос ваш; не слезы — камни
Уроните из глаз вы... вот испанцы!

(*К Фернандо*)

Вот ваша инквизиция святая!
Теперь не смейте презирать евреев...

Ф е р н а н д о

Зловещий ворон!.. что такое?..
Сейчас скажи! гранитным этим небом
Клянусь, клянусь твоим законом, я, как тигр,
Тебя на части раздеру...

(*Еврей в изумлении. Фернандо хватает его за руку; тише, дрожащим голосом*)

Ты видишь, я ума лишаюсь!.. человек!..
Молю тебя, скажи мне, что случилось?..

Н о э м и
Как он дрожит?.. отец мой, говори
Скорей… взгляни, какая бледность!..

М о и с е й
У дона Алвареца дочь была!

Ф е р н а н д о (*вскрикнув*)
Была!..

(*Молчание.*)

Я тверд! не бойся продолжать;
Какая мне нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свете…

(*Принужденно*)

Ха! ха! ха!..
Я тверд!..

М о и с е й
Еврей знакомый рассказал мне
Печальный случай… (он подслушать где-то
Умел злодеев). — Есть доминиканец,
Иль езуит, по-вашему не знаю, —
По имени Соррини… и хоть стар,
Он любит женщин. — Подкупив злодеев,
Он им велел похитить непременно
Дочь Алвареца… нынче жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, как могли
Они успеть в своем ужасном деле!..
Отца-то дома не было, я слышал.
Погибнет девушка… а жалко! жалко!
Я четверть бы именья тотчас дал,
Чтобы ее спасти… но вряд ли можно!
(*Фернандо хочет что-то сказать, поднимает руки… вдруг с невольным стоном опускает и быстрыми шагами с отчаяньем уходит в горы.*)

М о и с е й (*пораженный*)
Куда?.. куда... остановите! удержите
Его!.. он в бешенстве!..

Н о э м и (*смотрит вслед*)
Взгляни: вот он взбежал
Уж на гору... бежит, остановился...
Над самой пропастью... он упадет... но нет!..
Идет сюда...

(*Бросается отцу на шею.*)

Зачем, зачем, отец мой,
Сказал ему ты эту новость?..

М о и с е й
Дочь моя!
Всё воля Божия! — никто из нас не может
Противустать ей! Тот, кто сотворил нас,
Имеет право с нами поступать,
Как хочет...

Н о э м и
Для чего ж Он дал нам душу?
Зачем способность дал любить, страдать,
Когда Он, верно, знал, что муки есть
Неизлечимые, что можно обмануть
Любовь?.. зачем нас Бог оставил?..
(*Она уходит.*) (*Фернандо возвращается.*)

Ф е р н а н д о (*подходит*)
Ты думал, я заплачу, старый!
Ты этого хотел, но женская печаль
Не устыдит моих ланит! — бесчеловечный!
Я отомщу... чтоб целый мир... а то свершу,
Что... я не знаю сам еще, но землю
Мой подвиг испугает... ты подумал,
Что я заплачу? — нет! клянусь:
Скорее разорвется это сердце,
Чем я заплачу...

М о и с е й (*берет его за руки*)
Успокойся! объясни мне…
Твое отчаянье… не сожаленье
Одно…

Ф е р н а н д о
Старик!.. старик!.. ты жил покойно,
Не знал страстей… во мне они кипели
Сильней, чем все земные бури. — О! проклятье
Тому, кто дал мне жизнь. — Несправедливый Бог,
Зачем казнить меня через других
И ангела губить, чтоб наказать безумца
Ничтожного? — иль также в небесах
Есть пытки?.. я терпел — и полно мне терпеть!
Повиновался я судьбе — довольно;
Я мог быть счастливым… довольно,
Довольно… никогда не буду счастлив…
Отныне отдаюся мести,
Союз с землей и небом разрываю…
Старик, дай денег!.. с этим я прорвусь
В его жилище.

М о и с е й (*дает денег*)
Вот! возьми!..

Ф е р н а н д о
Эмилия — моя!
В бесчестье иль невинная — моя;
Живая или мертвая — моя!..
О! как я отомщу… прощай, отец…
Я своего не знаю.

(*Обнимает его крепко.*)

Мстить прекрасно!
Благослови меня!.. иду на смерть… прощай.
(*Уходит.*)

М о и с е й (*поднимает руки*)
Услыши, Бог, молитву иудея,
Храни его от преступленья!

Ты можешь удержать порыв страстей,
Вселить покорность, веру, так легко,
Как усмиряешь вихри гор... Ты Бог
Израиля, ты Бог Ерусалима!..
(*Уходит.*)

СЦЕНА III
(*Комната в доме у жида, как в 2-м действии.*)

Н о э м и (*за нею Сара*)
Не утешай меня! не утешай меня!
Злой дух меня сгубил! он предвещал
Мне радость и любовь — любовь он дал,
А радость он похоронил навеки!
Теперь мы больше не увидимся с Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. — О! я люблю
Его как Бога... он один мой Бог.
И небо запретить любить его не может.
Меня не понял он, другую любит,
Другую, слышишь ли, другую!.. я умру!
Не утешай меня! не утешай меня!
(*Ломает руки.*)

С а р а
С тобою плакать вместе я хочу,
Когда тебя нельзя утешить...

Н о э м и
Плакать!
Тебе ль со мною плакать?.. любила ль ты,
Как я?.. любила ль чужеземца,
Любила ль христианина, была ли
Им презрена, как я?.. Ах! Сара! Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вот плоды моих надежд, мечтаний,
Плоды недоспанных ночей и беспокойств!..
О, сжалься надо мною, небо!
Скорей в сырую землю, поскорей,

Покуда я себя роптаньем не лишила
Спокойствия и там...

Сара

Старайся
Рассеяться!.. в твои лета позабывают
И самую жестокую печаль.
Вот твой отец придет! Теперь
С раввином он беседует
О чем-то занимательном и важном.
Он новостью тебя займет.

Ноэми

Я проклинаю
Все эти новости, одна уж
Меня лишила счастья... а другая
Мне не отдаст его. — Ах, Сара!
Всё кончено! всё кончено!
(*Моисей вбегает как бешеный.*)

Моисей
Дочь! дочь! дочь!.. он нашелся!
Зачем теперь? зачем так поздно... он нашелся!..
Твой брат... мой сын!.. сын!.. я не знал...
Жестокий случай так... я не прижал
Его к груди, и не прижму... найден,
И в тот же миг потерян. О судьба!
Земля и небо, ветры! бури! гром!
Куда вы сына унесли? зачем отдать,
Чтобы отнять... и христианин!
Возможно ли? — мой сын... я чувствовал,
Что кровь его — моя... я чувствовал,
Что он родной мой... о Израиль!
Израиль!.. ты скитаться должен в мире,
Тебя преследуют стихии даже...
И Бог твой от тебя отворотился.
Мой сын! мой сын!..

С а р а

Где ж он? зачем не здесь?
Кто ж он?.. и кто сказал... что сын твой!

М о и с е й
О горе! горе! горе нам! он здесь был —
Раввин принес мне доказательства... я верю,
Что он — мой сын! — я спас... он спас меня...
И он погибнуть должен... не спастись
Ему вторично от руки злодеев...
Ноэми! горе! горе для тебя!
Фернандо — брат твой!
Испанец — брат твой!
Он гибнет; он родился, чтоб погибнуть
Для нас! — он христианин!.. он твой брат!

(*Ноэми упадает без чувств на пол. Сара спешит к ней.*)

Пускай умрет и дочь... и я!.. у Бога
Моих отцов нет жалости... мой сын! мой сын!
(*Ломает руки и стоит недвижен.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

(*В доме Соррини. На столе бумаги и книги и песочные часы.*)

С о р р и н и (*входит*)
Сегодня, может быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! — зачем же нет?
Она моя, так верно, как я плут.
Когда я сам с собою, то никак
Себя я не щажу. Зачем? Я плут.
Я это знаю сам, зачем скрываться
Перед собой? Я плут, но умный плут.
Да, впрочем, я не вижу тут худого;
Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться.
И всеми средствами я должен достигать

Предположенной цели. Я достиг —
И умный человек. Не удалось — глупец!
Так судят люди, большей частью.
Великий инквизитор обещал
У нашего отца святого выпросить
Мне шапку кардинала, если я
Явлюсь ее достойным — то есть
Обманывать и лицемерить научусь!
О! это важная наука в мире!
Наука женщин! с нею прямо в папы;
И этому есть доказательства у нас.

(*Молчание.*)

В кровавый путь отправлен уж Фернандо...
Один лишь Алварец... да этот плох!
О! бедная Эмилия; давно ли
Сказала ты, что старику смешно
Любить и невозможно?.. но сегодня
Ты мысли переменишь...

(*Садится.*)

Говорят,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья; что закон велит...
Ужель закон в сей толстой книге
Сильней закона вечного природы?
Безумец тот, кто думал удержать
Ничтожным правилом, постановленьем
Движение природы человека;
Он этим увеличил грех — и только,
Дал лишний совести укор и между тем
Желание усилил запрещеньем!
Пострижен был насильно я в монахи;
Почти насильно (в пылкой юности
Не можем понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за всё ответят,
Что сделал я; пускай в аду горят
Они... но что такое ад и рай,

Когда металл, в земле отрытый, может
Спасти от первого, купить другой?
Не для толпы ль доверчивой, слепой
Сочинена такая сказка? — я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.
Да, впрочем, добрый смысл велит не верить,
Что души будет вечный жечь огонь;
Что черти за ноги повесят тех,
Которые ни рук, ни ног иметь не будут.

(*Берет книгу, перо и бумагу.*)

Займусь!

(*Кладет.*)

Нет, что-то я не в духе!
Кто бы поверил, что в мои лета
Хорошенькой девчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я всё не понимаю, для чего
Мне не годится женщину любить,
Как будто бы монах не человек?

(*Смотрит на часы.*)

Часы бегут — и с ними время; вечность,
Коль есть она, всё ближе к нам, и жизнь,
Как дерево, от путника уходит.
Я жил! Зачем я жил? — ужели нужен
Я Богу, чтоб пренебрегать его закон?
Ужели без меня другой бы не нашелся?..
Я жил, чтоб наслаждаться, наслаждался,
Чтоб умереть… умру… а после смерти?
Исчезну! — как же?.. да, совсем исчезну…
Но если есть другая жизнь?.. нет! нет! —
О наслажденье! я твой раб, твой господин!..

(*Звонит.*) (*Слуга входит.*)

Не позабудь, что я тебе сказал.
Когда подъедут близко удальцы
Мои, то киньтесь вы с оружием толпой
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорее приведите...
Да чур не забывать, что вы без языков,
А то... меня ты знаешь коротко!
Возьми ж себе заранее награду

(*дает кошелек*)

И раздели другим... ступай же.
(*Слуга берет кошелек и целует руку.*)

С л у г а

Всё исполню.

(*Соррини подходит к окну.*)

С о р р и н и
Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили всё дело? Донна
Мария лакома на жемчуг,
Как видно; впрочем, ей мешала
Моя красавица, как лишнее бревно
В строенье дома; сам его не дашь,
А как попросят, так легко расстаться!

(*Глядит в окно.*)

Они! так точно!.. ближе подъезжают;
Вот и мои спасители бегут... сраженье!
Железо о железо бьется и стучит
Безвредно... искры сыплются кругом.
Так в споре двух глупцов хоть много шуму,
Да толку нет... как кровь моя кипит
В полузасохшем сердце!.. ну,

(*смотрит*)

схватили
Эмилию и тащат... торжество!
Victoria!.. теперь я говорю
Отважно: veni, vici — потому
Что я еще девицу не видал!..

(*Отходит от окна.*) (*Слуга входит.*)

В лице твоем победу я читаю:
Веди сюда...

(*Слуга ушел.*)

Victoria, Соррини!

(*Потирает руками.*)

Поплачет Алварец, поплачет, покричит,
Порвет седые волосы... и не узнает,
Где дочь его... ха! ха! ха! ха! победа!..
(*Вводят Эмилию; Соррини дает знак; люди уходят.*)

Эмилия
Где мой спаситель!.. ах! отец Соррини,
Не вам ли я обязана спасеньем?
Вознагради вас Боже так, как я
Желала бы!.. о мой спаситель!

Соррини
Я христианский долг исполнил только.
(*Идет и запирает дверь.*)

Эмилия
О, возвратите поскорей меня
Родительскому дому... мой отец
В отчаянии будет, если он
Узнает про ужасный этот случай!
Со мной гуляла мачеха моя

В саду, и вдруг злодеи ухватили
Меня, связали, повлекли с собою.
Окончите благодеянье ваше!..
Велите отвести меня домой
Как можно поскорей... что мой отец
Подумает, что скажет он?..
(*Плачет.*)

С о р р и н и
Эмилия! ты вся дрожишь. Как можно
Теперь тебе домой отправиться. Теперь?..
Ты так слаба... нет, отдохни подоле здесь,
Побудь подоле у меня... зачем лишать
Меня такого счастья...

Э м и л и я
Ради Бога!
Я не могу остаться здесь у вас!
Я не должна.

С о р р и н и и
Зачем же ты не можешь,
Мой ангел! Кто тебе мешает
День, два и три здесь отдохнуть?

Э м и л и я
День, два и три!..

С о р р и н и
Чему дивиться тут?

Э м и л и я
Я вас не понимаю?

С о р р и н и
День, два, три
И более останешься ты здесь,
И ежели понравится тебе,
То можешь ты остаться вечно... то есть

(*в сторону*)

Пока ланиты не поблекнут и глаза
Не потеряют пламень свой волшебный.

Э м и л и я
Отец Соррини!

С о р р и н и
Да, я не шучу;
Ты там была рабой — здесь будешь ты царицей;
Мой дом и всё, что в нем, твое,
А ты моя.

Э м и л и я
Какое право?

С о р р и н и
Силы...
Я спас тебя — вот право — и довольно!

Э м и л и я
Вы позабыли, кто вы! как могу
Я с вами жить! что это значит?..

С о р р и н и
Не горячись,

(*держа ей руку*)

красавица! любовь
Не смотрит на лета своих печальных жертв;
Ты видишь, я был прав, когда сказал,
Что может и старик любить.

Э м и л и я
Соррини!

(*Вырывает руку.*)

Оставь меня… бесчестный человек!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостеприимство… что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая Дева!..

С о р р и н и
Скажу тебе: святых здесь нет… итак…

Э м и л и я
Конечно, только демоны одни
Живут с подобным извергом… но Бог
Услышит вопль невинной девушки!

С о р р и н и
Нас опыт научает в свете
Не упускать благоприятный случай.
Ну, поцелуй меня на первый раз.

Э м и л и я (*отворачивается дрожа*)
Так вот моя судьба.

(*Ему*)

Прочь, прочь, злодей!..

С о р р и н и
Ты думаешь, что ты теперь царица
В моем дому? Нет, это будет после,
Когда всё сделаешь, что я скажу,
Когда в мои объятья упадешь.

Э м и л и я
В твои объятья — никогда!

С о р р и н и

Послушай;
Тебе слова пустые не помогут;
Да или *нет*… два слова могут только

Подействовать на сердце это. Если
Ты скажешь *да...* то для тебя ж приятней!
А если *нет...* то берегись упрямства!
Оно к добру не доведет. Покорность
Одна лишь облегчит твою судьбу!..
Но, впрочем, я не вижу твоего несчастья!..
Любовь мою нельзя назвать несчастьем...
Умею я любить и награждать,
И ни одна прекрасная девица
Не вырывалась из моих объятий,
Когда почувствовала пламень груди
Моей. Поверь, старик, такой как я,
Любить умеет лучше юноши:
Всё опытность, мой друг!..

Э м и л и я (*после минуты молчания*)
Знавал ли ты
Спокойствие души, знавал ли ты
Надежду, радость... счастие...
Всем тем, что ты знавал и не знавал,
Чему ты верил, от чего страдал,
Всем тем, что страшно для души твоей,
Коль есть в тебе душа, бессовестный злодей,
Я заклинаю на коленах... пощади,

(*становится на колени*)

О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всем, что слышала, о всем,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грехи твои и самые злодейства
Простит тебе Всевышний. Так, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! и к тебе
Придет моя страдальческая тень
И бледною рукой отгонит сон...
О, пощади... клянусь молчать до гроба!..

С о р р и н и
Глупец, кто верит женским обещаньям,
А пуще женской скромности — да, да!
Не всё ль равно на нитку привязать
Медведя и надеяться, что он
Не перервет ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается язык твой...
Нет, я теперь в таком уж положенье,
Что предо мною смерть или победа
На волосе висят... а так как, верно,
Я изберу победу, а не смерть,
То все твои мольбы напрасны,
Эмилия...

Э м и л и я
Итак, спастися нечем.
(*Плачет.*)

С о р р и н и
Мне кажется...

Э м и л и я
Пошли мне смерть, о Боже,
А не бесчестье.
(*Падает в кресла и закрывает лицо.*)

С о р р и н и
Всё притворство это!
Не верю я, чтоб девушка могла
С упрямостью такою защищаться.

(*Хочет у нее поцеловать руку, она ему дает пощечину. Он, грозя пальцем, с тихою злостью говорит*)

Ты такова, сердитая девчонка!..
О! о!.. я справлюсь. Нет! я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себе спасенья.
Скорее эти стены все заплачут,

Чем я, твой стон услышав; так, скорей,
Скорей земля расступится, чтоб в миг
Испанию со мною поглотить, чем сердце
Мое расступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожаленья… ты увидишь,
Каков Соррини!.. он просить умеет,
Умеет и приказывать как надо,

(*Она открывает лицо и смотрит с ужасом.*)

Умею и кинжал употребить
При случае, чтобы заставить вас,
Сударыня, повиноваться мне.

(*Злобно*)

Ха! ха! ха! ха!.. о! ты меня узнаешь!

(*Подходит к ней. Вдруг слышен шум.*)

Эй! кто там?
(*Соррини отпирает дверь, и входят испанцы толпою.*)

Вы зачем? — какая дерзость.

Один испанец

Мы
Пришли за награжденьем.

Соррини

За каким?

Другой испанец
А как же, разве ты нам, патер, не велел
Дочь Алвареца увезти… иль позабыл?
Что? видно, только пред услугой
Твой кошелек открыт издалека.

Третий испанец
А как достали мы твою красотку,
Так тотчас обеднял?

С о р р и н и
Бездельники.

(*Бросает большой кошель золота.*)

Терпенья не было?..

В с е (*берут золото и уходят*)
Прощай, отец Соррини!..
(*Он уже не запирает дверь.*)

С о р р и н и
Эмилия! решись же наконец...

Э м и л и я (*встает с кресел*)
Так ты их посылал меня похитить!
О! верх злодейства в человеке! Я погибла,
Погибла... нет надежды.

С о р р и н и (*насмешливо*)
Нет надежды!

(*Берет ее за руку.*)

Пойдем со мной,

(*целует*)

мой друг бесценный!
Так долго защищаться, плакать,
Просить... чтоб наконец признаться побежденной!

Э м и л и я
Ты думаешь, я вынесу позор свой?
Нет, я умру, старик!..

С о р р и н и (*с гордой улыбкой*)
Старик! шути...
Старик тебе покажет, что довольно
Он пылок.

Эмилия (*сложив руки*)
Матерь Божия! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини
Пойдем... пойдем...
Не скажут, что Соррини уступил
Кому-нибудь. О, я наедине
Не тот, каким кажуся в людях.
(*Берет ее руку.*)

Эмилия
Оставь меня, твое прикосновенье,
Как зараженного чумою, ядовито...

Соррини (*злобно*)
Пойдем же; я велю...
(*Вдруг стучится кто-то в дверь. Оба останавливаются. Иезуит отходит прочь. Отворяет<ся> дверь: человек, окутанный плащом пилигрима, сняв шляпу, входит.*)

Неизвестный
Впустите ради

(*он входит быстро, потом нагибается*)

Христа!.. я так устал! прошу
Кусочка хлеба только. — Здравствуйте,
Пошли вам Бог свое благословенье,
Честны́й отец!.. я бедный, бедный странник...

Соррини (*в сторону*)
Некстати он пришел; зачем его пустили?

(*Скрыпит зубами.*) (*Глядит.*)

Он подозрителен.

(*Ему*)

Садись... садись!
Тебе велю тотчас подать вина и хлеба.
Откуда ты идешь? кто ты?

Неизвестный

Я бедный странник!
Ходил в Ерусалим... иду назад...
Устал... и голоден, иду домой.
Пока язык мой смерть не охладит,
Везде тебя я буду прославлять,
Кто б ни был ты, гостеприимный.

Соррини
Я исполняю только долг свой.

Неизвестный

Долг!
Немногие тебе подобно мыслят.
Благодарю! — и Бог тебя благодарит!..

Соррини (*к Эмилии*)
Сестра! вели принесть вина и хлеба...

(*Страннику*)

Живем с сестрой мы вместе.

(*Видя, что Эмилия нейдет, — дрожит и подходит к ней.*)

Ступай! когда я говорю: иди.

Неизвестный (*про себя*)
Меня ты не обманешь, крокодил!

Соррини (*громко*)
Ступай же...

Неизвестный

Стой!

С о р р и н и (*испугавшись*)
Как! кто ты?

Н е и з в е с т н ы й
Я...
(*Сбрасывает плащ с себя и вынимает кинжал.*)

Э м и л и я
Фернандо!..

Ф е р н а н д о (*берет быстро за руку Эмилию и уводит на другую сторону сцены. Становится пред ней, держа ее одной рукой.*)
Теперь я требую с тебя ответа...

С о р р и н и
Кто ты? — Фернандо не воскреснет!
Ты дух иль человек?

Ф е р н а н д о
Я тот,
Кто не боится адских умыслов,
Кто может наказать тебя кинжалом,
И чья рука не дрогнет пред убийством,
Когда оно ее спасет... отдай ее.

(*Схватывает Соррини за горло.*)

Я ничего не жду на небесах,
Я ничего не жду под небесами;
Я мести душу подарил; не жди,
Чтоб я помедлил отослать
Тебя, туда — где ждет суд Божий
Тебе подобных! Видишь этот нож —
Он над тобой. Оставь же добровольно
Свой умысел.

С о р р и н и
Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилию нельзя
Спасти. Тебя не выпустят

Отсюда слуги — так пусти ж меня!
Я закричу...

Ф е р н а н д о (*пускает его*)
Ты прав: я не палач!..

(*В сторону*)

Ужели я боюсь увидеть кровь?

(*Ему*)

Отдашь ли мне Эмилию?

С о р р и н и
Нет, не отдам...
(*Подбегает к двери всё ближе.*)

Ф е р н а н д о
Отдашь!.. ты, верно, содрогнешься
Пред тем, что я предпринял. А! Соррини!
Она моя... и честь ее моя.
Когда б ты дал мне тысячу миров
За эту девушку... я б их отвергнул все!
Не принуждай меня, не принуждай
К убийству.

С о р р и н и
Не отдам ее.

Ф е р н а н д о
Ты камень, но перед моим отчаяньем
Ты содрогнешься.

С о р р и н и
Нет!..

Ф е р н а н д о
Соррини,
Соррини! редко лишь прошу кого-нибудь
Я на коленах... но узнай сперва,

Что тот, пред кем стоял я на коленах,
Не долго проживет.

С о р р и н и (*со смехом*)
Опять за то же!

Ф е р н а н д о
Ты мне отдашь Эмилию, не то
Я отниму… не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов
На всё. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей.
Я не шутить пришел… о! слушай! слушай
В последний раз… отдай ее.

С о р р и н и
Посмотрим!

(*Бросается в дверь и зовет на помощь*)

Сюда! сюда! сюда! разбой! Эй! слуги!
(*Шум и крик за сценой.*)

Э м и л и я (*бросив томный взор*)
Фернандо!..

Ф е р н а н д о
Ну! всё кончено! напрасно
Желал я крови не пролить. Прощай,
Мой друг,

(*обнимает ее*)

прощай! мы долго
С тобою не увидимся.

(*Отворачиваясь*)

О Боже!
Итак, ты хочешь, чтоб я был убийца!

Но я горжусь такою жертвой… кровь ее —
Моя! она другого не обрызжет.
Безумец! как искать в том сожаленья,
О ком сам Бог уж не жалеет!
Час бил! час бил! — последний способ
Удастся, — или кровь! — нет, я судьбе
Не уступлю… хотя бы демон удивился
Тому, чего я не могу не сделать.
(*Эмилия устремляет молящий взор на него.*) (*Во время этого разговора входят слуги Сорриния и он. Все с оружием.*)

Соррини
Посмотрим, кто сильней из нас!.. эй, слуги!..

Фернандо
Узнай же клятву: мы стоим пред Богом…
Живая или мертвая — она
Моя — ты видишь.
(*Показывает кинжал.*)

Эмилия
Ах!..
(*Склоняет голову на грудь Фернандо.*)

Соррини
Меня не настращаешь!
Мне мертвую не нужно… слуги! эй,
Схватите, бейте, режьте наглеца!..
(*Он сам защищен слугами.*)

Фернандо
Ни с места!
(*Все останавливаются.*)

Соррини
Что же вы?
(*Они опять хотят броситься.*)

Фернандо
Ни с места вы, рабы!..

(*Сорринию*)

В последний раз, в виду небес и ада,
Отдашь ли мне ее?

Э м и л и я (*едва слышным голосом*)
Хранитель ангел мой!
Спаси меня!

С о р р и н и
Живую не отдам!..
Что б ни было.

Ф е р н а н д о
О!.. так смотри сюда!
(*Прокалывает ей грудь. В эту минуту все поражены. Он подымает ее труп с полу и уносит сквозь толпу удивленную. Слуги хотят броситься вслед.*)

С о р р и н и (*после молчанья, остановив слуг*)
Оставьте! иначе хочу я сделать!..

(*Он дрожит.*)
(*Дает знак, чтоб все ушли.*) (*Уходят.*)

Какая дерзость!.. да! он мне заплотит.
Я сам в опасности. Он может...
Что может он?.. я зол теперь,
Как дьявол... отомщу ж ему,
Сожгу его, сдеру с живого кожу,
Сорву железом ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздях
Его ходить заставлю, медь кипящую
Волью безумцу в горло и упьюсь,
Упьюсь, как сладким нектаром,
Его терзаньем, вздохами и визгом!..
Спади с меня личина скромности,
Пускай узнают все, что итальянец
Соррини, по его веселию и плескам,
Когда Фернандо будет издыхать

В огне иль под ударом палача;
Чем медленней конец его придет,
Тем будет счастие мое полней.
Оклевещу его, хоть сам не вывернусь,
Но всё же я упьюсь его мученьем.
О клевета! приди на помощь! – никогда
Так не нуждался я в тебе, как ныне;
Дай тысячу мне жал змеиных, чтоб
Я мог облить врага холодным ядом
Твоим...

(*Ударяет себя двумя пальцами в лоб.*)

Мой план почти готов...
Да, да... вот так... а там! Богиня
Души моей, тебе с сих пор я отдаю
Себя!.. возьми! я твой — и за могилой!
(*Входит доминиканец, приятель Соррини.*)

Доминиканец
Соррини, здравствуй!

Соррини
Здравствуй! кстати ты пришел.

Доминиканец
А что такое?

Соррини
Я тебе скажу
Сейчас.

Доминиканец
Должно быть, ты узнал
Пристанище богатого жида
Или, что всё равно, еретика.
Веселье на лице твоем блистает!
Так точно, ревностный служитель веры,
Я отгадал, что хочешь ты сказать.

Соррини
Ты отгадал. Знавал ли прежде
Ты дона Алвареца, у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Он еретик! он верит Лютеру
И чтит его!.. сегодня он убил
Дочь Алвареца в доме у меня.
Я спас ее от хищников, но, Боже!
Не мог спасти от острого кинжала!
Его сыскать нам надо и вести
На казнь преступника двойного!
Он труп несчастной девушки
Понес с собой!.. да! я его найду,
Я по следам его пойду кровавым,
И жизнию заплотит он...

Доминиканец
Конечно!
Да, кажется, я на дороге встретил
Убийцу... но случайно не заметил,
Что нес он мертвую, так быстро
Он шел!.. так страшен он казался!

Соррини (*после минуты задумчивости*)
Дай руку мне! клянись быть заодно...

Доминиканец (*протягивает руку*)
Возьми с моей рукою обещанье...

Соррини
Быть заодно во всяком случае!

Доминиканец (*кинув боязливый и подозрительный взгляд*)
А разве ты виновен в чем-нибудь?

Соррини
Нет! нет! ведь знаешь ты: мы вечно правы.

Д о м и н и к а н е ц
Брось шутки! ты тут не виновен?

С о р р и н и
Нет! нет! но если б даже был…

Д о м и н и к а н е ц
Без *если,* просто:
Как с другом говори…

С о р р и н и
Да нет!

Д о м и н и к а н е ц
Простее!
Скажи: невинен ты?

С о р р и н и
Как голубь!

Д о м и н и к а н е ц (*с коварной улыбкой*)
Вот так! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всем готов — душой и телом
Пожертвовать. А еретик Фернандо
Погреется у нас, пока
Охолодеет прах его проклятый;

(*садится и берет перо с бумагой*)

Я напишу, как ты мне говорил,
А там и в суд с убивственной бумагой!
Умен был тот, кто изобрел письмо.
Перо терзает иногда сильнее,
Чем пытка! — чтобы уничтожить царство,
Движения пера довольно, даже рай
Дает перо отца святого папы;
Ты веришь в эту власть?

С о р р и н и

Как в добродетель!

Д о м и н и к а н е ц
Итак, начну писать я свой донос.
(*Начинает писать.*)

С о р р и н и (*пока он пишет, подходит к месту, где убита Эмилия.*) (*Глядя вниз*)
На этом месте кровь ее текла!
Вот пятна! вот одно, другое!..
Впервые мне на кровь глядеть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещет,
И волосы невольно дыбом
Встают при мысли о убийстве!..
Жалеть ли мне Эмилию? — да что ж?
Всем должно умереть!.. но если тень
Ее предстанет мне во мгле ночной,
Как говорила дева, если я
Преследуем, терзаем буду
Ее рукой холодною повсюду,
Как совестью мятежной, если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазам бессонным станет представляться!..
Как? я боюсь? Соррини стал бояться!
Кого? — себя!.. стыдись... нет теней!
Нет призраков; могила слишком крепко
Свою добычу держит, чтоб она
Могла исторгнуться из рук ее сырых!
Но совесть! — совесть вздор! однако ж... как, Соррини?
Ты совести боишься, и давно ль?

(*Ударяет ногой в землю.*)

Я презираю эту кровь, как совесть.

Д о м и н и к а н е ц
Донос готов!

Сорринии (*подписывает*)
Я подписал!

Доминиканец
И я!..

Соррини
Идем!

Доминиканец
Ужель донос подать боишься,
Товарищ; ты дрожишь!..

Соррини
От радости!

(*Берет шляпу и палку*)

Вот всё мое оружие, пойдем.

Доминиканец
И горе!
Врагам закона нашего и нашим!
Пощады нет; клянемся!

Соррини
Нет пощады!
Какое же мучение избрать,
Чтобы мой еретик почувствовал
Всю тягость наших рук, всю тягость
Закона для отступника? — не сжечь ли?
Он оскорбил закон, он осквернил мой дом.

Доминиканец
Нет, четверить.

Соррини
Свинца кипящего
Ему влить в горло.

Доминиканец

Или на гвоздях
Его заставить спать.

Соррини

О, если б он имел
Сто жизней, я бы каждую иным,
Ужаснейшим терзаньем истощил!..
Однако цель моя достигнута!..
(*Потирает руками.*)

Доминиканец

Пойдем!
И с помощью святого Доминика
Еретика без жизни в прах повергнем!
(*Уходят в радости.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

(*Дом Алвареца — стол.*) (*Свеча на столе.*)

Алварец (*сидит у стола*)
Итак, она бежала от меня
С Фернандо — убежала с негодяем!

Донна Мария
Как я тебе сегодня объяснила;
Зачем ты не хотел позволить ей
За этого бродягу выйти замуж?

Алварец
Так не хочу же плакать об негодной,
Неблагодарной!..

Донна Мария (*насмешливо*)
Плачь, нет, плачь!
Об дочери такой нельзя не плакать!

А л в а р е ц
И как она была привязана ко мне!

Д о н н а М а р и я
Да! это видно!..

А л в а р е ц
Где тут стыд?
Покрыть седые волосы отца
Бесчестьем, посмеяться над отцом,
Любовницею быть бездомного бродяги,
В таких летах... А! это слишком много!..
Нет! звери благородней! звери лучше!..

Д о н н а М а р и я
Побереги себя!..

А л в а р е ц
Пускай она с Фернандо,
Как нищая, под окнами блуждает:
Я отвергаю от себя ее!
Эмилия не дочь мне; пусть она
Найдет отца себе другого; я отвергнул
Бесстыдную от сердца своего.
Когда б она пришла к моим дверям,
Усталая, голодная, худая,
Как смерть, когда б она просила
Кусочка хлеба у меня, и этого
Я б не дал ей; пускай она умрет
На обесчещенном моем пороге!..

Д о н н а М а р и я
Ты болен, друг! — не хочешь ли прилечь?

А л в а р е ц
Так, мне покой необходим теперь,
Я чувствую, что я совсем расстроен.

Д о н н а М а р и я (*в сторону*)
Бедняк ведь точно весь измучен.

А л в а р е ц

Боже!
Зачем Ты дал мне дочь, зачем послал
Ты с ней бесчестье на главу мою?
О! накажи ее! прошу Тебя,
Молю Тебя! — Из древнего семейства —
И так бежать с Фернандо! — ныне вижу:
Я воскормил змею в дому своем...
(*Уходит.*)

Д о н н а   М а р и я
Что делает теперь любезный патер
Соррини? — верно, он уже сорвал
Цветок невинности и наслажденья!..
Пришлет ли он еще подарок мне,
Его сотруднице!.. конечно, он пришлет;
Мне кажется, что начинаю я
Жалеть о бедной жертве сластолюбья!
А я была ведь главною причиной?
О! совесть! для чего терзать меня
Некстати? — прежде бы терзала;
Теперь помочь едва ли могут люди!

(*Открывает ящик стола и вынимает подарки Сорриния, смотрит на них и кладет на место опять.*)

Нет, не могу я видеть этот жемчуг
И камни дорогие! — руки, пальцы
Мои дрожат, когда я их держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этот жемчуг превращает в слезы;
Прочь! прочь!..

(*Кладет в ящик.*)

Как мог меня прельстить
Подобный гадкий жемчуг?.. совесть! ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачем теперь? что пользы для тебя?..

Угодники святые, помогите!
Молитвою, постом, богатым подаяньем
Загладить я хочу проступок свой,
Лишь дайте сон мне, дайте мне покой!
(Входит Алварец встревоженный.)

А л в а р е ц
Жена! послушай! здесь блуждают тени,
Мне кажется… сейчас я видел что-то,
Я слышал голос… голос мне знакомый!..
Мне дурно…
(*Садится.*)

Д о н н а М а р и я
Успокойся, друг мой.
Где тени? — теней не бывало здесь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть может, эти призраки рождает!

А л в а р е ц
Мне дурно.

(*Звонит.*)

Эй, слуга! воды,

(*Слуга входит.*)

Воды!.. как можно поскорее.

(*Уходит слуга.*)

Жена! я говорю, здесь бродят тени;
Ужель ты не слыхала голос томный?
Ужель ты не могла приметить их?

Д о н н а М а р и я
Твои глаза от слез устали!

Алварец

Как?
Нет! я не плакал, и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.
(*Слуга приносит стакан; он пьет; слуга уходит.*)

Донна Мария (*в сторону*)

Мне страшно!..
Есть мертвецы, есть тени, говорят
Ученые монахи... мы должны
Им верить... это, право, страшно!

Алварец

Ну, если умерла Эмилия...
Ну, если в эту самую минуту
Ее душа рассталась с нею... если...

Донна Мария

Что говорит он! Небо!

Алварец

Нет! за гробом
Проклятие отцовское не тронет!
За гробом есть другой Отец!.. прощаю
Тебя, когда тебя не будет.
Между живых... пусть тень твоя не бродит
Вокруг меня, не отгоняет сон
От глаз моих, пусть ужас не подымет
Седые волосы, покрытые тобою
Стыдом и поношеньем, — нет! в могиле
Проклятие отцовское не тронет!
Там есть другой Судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о небо! небо!
(*Открывается дверь настежь с шумом, является Фернандо, держа труп Эмилии, старик вскакивает. Ужас во всех лицах.*)

Донна Мария

Ах!.. всё пропало!
(*Бросается в другую комнату.*)

А л в а р е ц
Что такое значит?..

(*Фернандо кладет тело на стул.*)

Чья кровь? чье это тело?

(*Фернандо стоит над нею, мрачен.*)

Кто она? кто ты?

Ф е р н а н д о
Я дочь тебе принес.

А л в а р е ц
Эмилия!.. — мертва!

Ф е р н а н д о
Мертва!

А л в а р е ц
Так ты ее убийца!

Ф е р н а н д о
Я!..

А л в а р е ц
Так ты!.. О, если б я имел довольно силы,
Чтоб растерзать тебя! ты, похититель,
Убийца... и с такой холодностью!
Принес сюда... о милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ее течет...
И я!..

Ф е р н а н д о
Не правда ли, она прекрасна?..

А л в а р е ц
Чего ты ждешь? ступай хоть в ад,
Но прочь от глаз моих, убийца! Кровь ее,

Пока ты здесь, течи не перестанет...
О, если бы не слаб я был... прочь, демон,
Прочь, прочь от дочери моей!

Фернандо

Я здесь остаться
Решился...

Алварец

Ты решился?

Фернандо

Да! в живых
Она была твоя — теперь моя!
Геройским преступленьем я купил
Кровавый этот труп... он мой!.. смотри
На эти бледные черты и отрекись
От дочери...

Алварец

Так подожди! ты скоро
Меня увидишь!.. тигр, змея коварства!
Я средство отыщу тебе отмстить,
Я инквизицию на помощь призову!

Фернандо

Кто не боялся уничтожить это,

(*показывая на труп*)

Того ничто не испугает в мире!..

(*Алварец убегает и запирает двери за собой.*)

Он запер двери! ха! ха! ха! прекрасно,
Старик, исполнил ты мое желанье!
Я с нею быть хочу наедине...
Как с другом... духи тишины!
Вы будете свидетелями свадьбы
Моей... здесь я клянусь любить

Ее одну, что б ни было... вы, стены,
Смотрите на Эмилию мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Бледна! бледна! — мертва!..

(*Бросается к ногам ее и плачет.*)
(*Молчание.*)

Ты мне простишь? не правда ли, мой ангел?
Я спас тебя!.. смотрите: улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(*Берет за руку.*)

Рука ее как лед!

(*Целует руку.*)

Позволь поцеловать!
О, как приятно мертвых целовать!..

(*Встает.*)

Что ежели отрежу я косму
Волос и с ней умру, не легче ль будет мне
Терпеть последние мученья тела?

(*Отрезывает косму волос кинжалом.*)

Залог ее любви! как я велик!
Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданьем, чтоб
Освободить Эмилию, хоть вечно
Я не увижусь с ней!.. один! один!
Как жил, так и умрешь, Фернандо.
Зачем же небо довело меня
До этого? Бог знал заране всё:
Зачем же Он не удержал судьбы?..
Он не хотел!

(*Молчание.*)

Эмилия!
Теперь как прежде всеми ты забыта.
Но я с тобой!..

(*Подходит ближе.*)

Кровь на груди засохла!..
И предадут ее сырой земле;
Глаза, волшебные уста, к которым
Мой дерзкий взор прикован был так часто,
И грудь, и эти длинные ресницы
Песок засыплет, червь переползет без страха
Недвижное, бесцветное, сырое,
Холодное чело… никто и не помыслит
Об том… и, может быть, над той
Могилой проклянут мое названье,
Где будет гнить всё, что любил я в жизни!..
О! я тебя навеки потерял!
Рай не отдаст божественный твой образ
Душе моей; я навсегда простился
С тобой, когда удар судьбы свершился!
Я сам разрушил… сам отвергнул, сам
Свою надежду уничтожил… о! прощай!
Прощай! прощай! ты спящий ангел!..
Бледна! бледна!.. мертва…
(*Шум за дверями и голоса, но Фернандо стоит с поникшей головой и ничего не слышит.*) (*Входят служители инквизиции с начальником и веревками и прочими приготовлениями.*)

Н а ч а л ь н и к
Он здесь! Фернандо наш возлюбленный!
Здесь еретик! схватите поскорей!

(*Подходят, берут. Он недвижим, ничего не чувствует.*)

Свяжите руки!

Ф е р н а н д о (*как от сна*)
Что вам надобно?

Н а ч а л ь н и к
Ты на костре пылающем увидишь,
Что хочет инквизиция святая!

Ф е р н а н д о
За что?

Н а ч а л ь н и к
Мы не привыкли отвечать, за что!
Свяжите.

Ф е р н а н д о
Я не дамся.
(*Вырывается.*)

Н а ч а л ь н и к
Мы увидим!..

Ф е р н а н д о
Кто хочет жить?

Н а ч а л ь н и к
Я знаю: ты не хочешь!
Вот для чего пришли мы за тобой!

Ф е р н а н д о
Не думайте, что я боюся вас.
Я не хочу оставить этот труп!..
Прочь от меня. Своим присутствием
Вы оскверните это место. Посмотрите:
Она святей, чем все святые ваши!
Своею кровию она купила рай,
А ваши кровию других мечтают
Его купить... прочь! прочь отсюда!

Начальник
Я не люблю пустое толковать,
Схватите же его!

Фернандо (*вынимает кинжал*)
Приди на помощь
Вторично, мой кинжал... кто будет первый?

(*Они отступают.*)

Никто!.. да сколько вас?.. ужель один
Так страшен!

Начальник (*своим*)
Что нам торопиться, други?..
Он не уйдет от наших рук наверно.
Пускай придет отец Соррини сам:
Он нас прислал... пусть он с ним справится;
А из чего нам жертвовать собой!
(*Становятся у двери.*)

Фернандо
Что если брошусь я на них, как тигр,
И всех в крови к ногам своим повергну?..
Но нет! — зачем лишить их бренной жизни,
Зачем лишить того, что им бесценно?
Я здесь один... весь мир против меня!
Весь мир против меня: как я велик!..
(*Входит доминиканец с бумагой в руках.*)

Доминиканец
Фернандо!

Фернандо
Что?

Доминиканец
Против тебя донос есть.

Ф е р н а н д о
Не мудрено!

Д о м и н и к а н е ц
И суд уж подтвердил,
Чтоб взять тебя.

Ф е р н а н д о
Где суд в Испании?
Есть сборище разбойников!..

Д о м и н и к а н е ц
А ты,
Ты не разбойник?

Ф е р н а н д о
Нет.

Д о м и н и к а н е ц (*показав труп*)
А это что?

Ф е р н а н д о
Я спас ее!.. она меня любила,
Любила!.. о! знавал ли ты любовь?
Нет, не знавал!.. как воск бы ты растаял,
Взглянув на эти бледные черты!
Она меня любила!.. как еще любила!..

Д о м и н и к а н е ц
Не о любви пришел я говорить:
Ты обвинен, что веришь Лютеру
И всем еретикам; вот для чего
Пришли мы взять тебя, мой друг;
Ты веришь в Лютера?

Ф е р н а н д о
Как странно:
Без пытки спрашивает он меня!
Я верю, что есть Бог!

Доминиканец

Что папа
Наместник Бога?

Фернандо

Кто его поставил?

Доминиканец

Так ты не веришь?

Фернандо

Разве Бог велел
Вам жечь людей?

Все (*кричат*)

Он еретик! он еретик!

Доминиканец (*к другим*)

Зачем его вы тотчас не связали?

Начальник

Не сладили.

Доминиканец

Так смел он защищаться?

(*К Фернандо*)

Ты должен умереть, мой друг.

Фернандо

Я это знаю!
Я это знал давно... и ты умрешь!..
О! не хвались своей минутной властью!
Вот образ смерти.

(*Показывая на Эмилию*)

Если рок Эмилию
Не пощадил, то пощадит ли вас?..

Д о м и н и к а н е ц
Ты слышал приговор, итак, сдавайся!..
(*Соррини входит и крадется дальше от Фернандо*).

Ф е р н а н д о
Соррини, здравствуй! верно, ты пришел
Последний миг страдальца усладить!
Не бойся! Я тебе не сделаю
Вреда! я прежнее забыл.
Я совершил свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совести.
Не вечно спят они. Граница есть
Всему... но полно уж об этом!

С о р р и н и
Глупец, ты смеешь угрожать?

Ф е р н а н д о
Соррини!
Ты победил... но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костре я буду за тебя
Молиться, в лютой пытке буду имя
Твое благословлять.

С о р р и н и (*с улыбкой*)
Скажи мне, что такое!

(*Насмешливо*)

Скажи мне... если только можно!..

Ф е р н а н д о (*вынимает косу Эмилии*)
Ты видишь этот черный пук волос!
Пускай они сгорят со мной. Сегодня
Я их отрезал с головы ее!

(*указывая на тело Эмилии*)

Пред смертью не снимайте их с меня;
Они вам не мешают.

Соррини
Нет, нельзя!
Никак нельзя.

Фернандо
Последняя мольба!

(*Скрежещет зубами.*)

Поверь мне, эти волосы никак
Тебе не помешают слышать крики
Мои, которые железо пытки
Исторгнет!..

Соррини
Нет! никак нельзя!..
Их вид твои страданья облегчит,
Но этого не хочет суд.

Фернандо
Соррини!
Ты хочешь...

Соррини
Я хочу, чтоб ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчас и волосы из рук его
Нечистых вырвите. Канатами свяжите
Преступника! — Он слышал приговор,
И глупо мешкать...

(*В сторону*)

ты заплотишь мне;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умеет: впрочем, мы виновны оба, —
А кто взял верх, тому и слава!
(*В это время все приблизились к Фернандо. Но он отталкивает одного ближайшего, бросается на Соррини и ранит его в руку.*)

Ф е р н а н д о
Издохни!

С о р р и н и (*который упал от удара, встает*)
Помогите!

Ф е р н а н д о (*тихо и мрачно*)
Жив!

С о р р и н и
Я жив,
Чтоб насладиться муками твоими!

Д о м и н и к а н е ц
Перевяжите руку!
(*Перевязывает.*)

Ф е р н а н д о
Ныне вижу,
Что не исполнил ты свое предназначенье
И меру всех твоих злодейств. Творец
Свидетель мне: хотел очистить землю я
От зверя этого… железо обмануло…
И он живет… презренный человек!
Он отвратительнее для меня,
Чем все орудья пытки.

(*Бросает кинжал на землю.*)

Прочь, неверный
Металл! ты мне служил, как люди:
Помог убить невинность, притупился
О грудь злодея,

(*топчет*)

прочь, изменник!
(*Видя, что кинжал не в руках его, бросаются все на него, схватывают и связывают руки.*)

Доминиканец
Теперь он безопасен нам! схватите,
Свяжите!

Соррини
Как мы мешкаем! — о! сердце
Мое трепещет, хочет увидать
Огонь, где этот еретик погибнет!
Во имя Бога! дети! ну, ступайте!

Начальник
Чтоб он не вырвался! держите крепче!..

Фернандо
Не бойтесь! я не стану вырываться.

(*Насмешливо*)

Кто отослать хотел на небеса
Такого ангела,

(*показывая на Соррини*я)

заслуживает тот
Ужаснейшую казнь!..

Моисей (*за дверью*)
Впустите! поскорее!

(*Вбегает в отчаянье.*)

Мой сын! Фернандо! где он? где он? где он?
Фернандо, ты мой сын! недавно я
Узнал. Раввин мне объявил. — Что сделал ты?
Нашел! — и вновь теряю навсегда!
Мой сын! мой сын! о небо!

Фернандо (*вздрогивает*)
Я твой сын!

(*Молчание.*)

Старик... неправда! говори: неправда!
Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви.

М о и с е й
Нет! я тебя спасу!

(*Бросается к ногам Соррини.*)

                                        О господин!..
Я сожаленья не прошу — у христиан,
Я знаю, господин, оно проступок!
Но вся моя казна твоя!

(*Обнимает колена.*)

                                                    Вот здесь червонцы!..

(*Вынимает мешок.*)

Спаси его! позволь ему бежать!
Он сын мой!.. за него я всё отдам.

Ф е р н а н д о
Встань! встань! не унижай себя пред ним,
Будь горд, как я, — иль ты не мой отец!
Встань! — и учися ненавидеть презирая.

М о и с е й (*на коленях*)
Возьми мое богатство, всё! — оно
Перед тобой... я дочь еще имею!..

Ф е р н а н д о
Старик, молчи! — когда б я не был связан,
Я б рот тебе зажал...

М о и с е й

Помилуй!..

(*Обнимает колена.*)

С о р р и н и

Нет!

М о и с е й

На казнь?..

С о р р и н и

Ну что ж?

Н а ч а л ь н и к (*одному из служителей*)

Иди вперед.

Ф е р н а н д о (*к Моисею и Эмилии*)

Прощайте!

(*Его уводят.*)

С о р р и н и (*Моисею*)

Ну, что ты?

М о и с е й

Увели! — нельзя ль помочь!

С о р р и н и (*берет мешок с деньгами*)

Попробую! все средства не исчезли!
В суде имею я довольно власти.
Да ты еврей — ага!.. зачем ты здесь?
О погоди! — я и с тобою справлюсь.
(*Уходит смеясь.*)

М о и с е й

Ушел! — и деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. о Творец!
О Бог Ерусалима! — я терпел —
Но я отец! — Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорныя могилы,
Имение потеряно... о Боже! Боже!

Нет! Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять... чем мне!..
Рвись, сердце! рвись! прошу тебя — и вы
Долой, густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!

(*Рвет волосы.*)

Сын! дочь! имение! червонцы!
Всё, всё!..

(*ломая руки*)

потеряно навек!

(*Входят два человека с носилками.*)

О горе! горе мне! о горе! горе!
(*Жид убегает.*)
(*Два человека с удивлением глядят.*)

1-й гробовщик
Везде одно отчаянье да казни;
Конечно, этот человек немало
Имел несчастья.
(*Показывая на дверь, куда ушел Моисей.*)

2-й гробовщик
Да! как волосы он рвал!

1-й гробовщик
Он жид, однако ж я его жалею!..

2-й гробовщик
Приметил ли, когда нас посылал
Дон Алварец за телом дочери,
Как он едва держался на ногах
И крупная слеза катилась по щеке?

1-й гробовщик
Да, это приключенье занимает
Весь город!

2-й гробовщик (*с помощью другого кладет на носилки тело Эмилии*)
Мир душе твоей, девица!..

1-й гробовщик
Ей пышные готовят похороны,
Я слышал.

2-й гробовщик
Вот чего не понимаю!
Не всё ль равно усопшему, в парче
Или в холсте он будет съеден червем?..

1-й гробовщик
Так принято.

2-й гробовщик (*обвивая покрывалом тело на носилках, чтобы оно не упало*)
Вот брачная постель твоя,
Красавица!

(*Молчание.*)

Куда была она прекрасна!..
Хоть я привык к таким работам, а теперь
Мне как-то жалко, как-то тяжело
На сердце.
(*Подымают носилки с Эмилиею.*)

1-й гробовщик
Полно тут болтать! за дело!
Пойдем... вот так! смотри, держать ровнее!
(*Уносят тело.*)

СЦЕНА II
(*Улица в городе близко жилища Алвареца.*)
(*Народ.*)

1-й испанец
А! здравствуй! добрый день! ты слышал ли
Печальную историю Фернандо.

2-й испанец
Он в город приведен сегодня, взят
В тюрьму; уж суд над ним окончен;
Костер стоит готов — я видел сам;
У нас не любят очень долго мешкать,
Когда какой-нибудь монах обижен;
Сейчас сожгут, хотя не виноват.

3-й испанец
Однако же Фернандо виноват, зачем
Он бедную Эмилию зарезал;
Жестокосердый!.. нет! пускай горит он.

4-й испанец
Он смерть предпочитал позорной жизни
И думал сделать ей добро, не зло!..

2-й испанец
Народ валит толпой, чтоб посмотреть,
Как умирает человек.

(*Показывая на толпу*)

Кто скажет,
Что эти люди сами смертные?

Сара (*за сценой*)
О, помогите удержать ее!..

(*Ноэми входит с растрепанными волосами, а за нею Сара.*)

До самого до города она
Всё так бежала… я измучилась!
Ноэми! ах! — она сошла с ума.

Н о э м и
Пусти меня! — мой брат! мой брат! мой брат!
Куда ты?.. я тебя люблю, люблю так нежно.
Закон — тиран! — какой уродливый
И гадкий вид! — дай руку мне! — о нет:
Как? — эти пальцы пахнут смертью!
Отдайте ожерелье мне назад…
Мой брат! мой брат! мой брат!
Я знала, он погибнет, Сара,
Пойдем домой.

(*Сара берет ее за руку.*)

Нет! так я не хочу!

(*Бросается на колени.*)

О люди добрые! скажите мне,
Где брат мой?

2 - й и с п а н е ц
Кто она?

С а р а
Ах! сжальтесь!
Вы видите, она сошла с ума,
Никто ее не может удержать…

2 - й и с п а н е ц
Когда бы все жиды с ума сошли,
Как эта девушка, нам было б лучше.

Н о э м и
Где брат мой?

4-й испанец
Бедная еврейка!

Ноэми (*встав*)
Вы думали, что я бедна, — но мой отец
Стократ богаче вас — и в столько ж лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять пред вами на коленах, — так ошиблись!
Я буду петь, плясать и веселиться!

(*Обтирает глаза.*)

Прочь! прочь, вы, слезы! — вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться,
Прочь слезы — мой отец богат!..
(*Стонет.*)

Сара
Что говорит она? — всё бредит!
Мы *бедные* евреи!..

2-й испанец (*глядя на Ноэми*)
Как жалка!

Ноэми
Где он?
Пылает небо, люди гибнут,
Земля трепещет... там, в огне, в огне,
Мой брат! мой брат! — я не пойду к нему?
Пустите!..

Сара
Что ты делаешь,
Великий Боже! образумь ее!

5-й испанец (*вбегает*)
Всё кончилось! я был в суде, Фернандо
Ведут на казнь, его пытали долго,
Вопросы делали — он всё молчал, ни слова

Они не вырвали у гордого Фернандо —
И скоро мы увидим дым и пламя.

2-й испанец
Пойдемте посмотреть на казнь Фернандо!..
(*Некоторые идут.*) (*Народ толпится через улицу.*)

Ноэми
Чья казнь! —

(*Упадает на землю.*)

Я... слышала, Фернандо.

(*Тихо*)

Мой брат! что ж? смейтесь! — казнь и смерть!..
Как это больно!
(*Группа составляется вокруг нее.*)

Сара
Помогите ей!
Воды! — я заклинаю Богом, помогите.

(*Становится на колени возле.*)

Она еще тепла... о, демоны, не люди!
Что я могу, бессильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанец (*сухо*)
Жидовка умереть одна не может?
Пускай она издохнет!.. И Фернандо,
Как говорят, был сын жида.

Сара
Он сын
По крайней мере человека — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто б ни был ты!

(*Склоняясь к Ноэми*)

Ноэми! ты оставить хочешь нас!
Ужасная судьба отца — и дочь, и сына
В одну минуту потерять!

Н о э м и (*тихо*)

Фернандо!..

(*Молодой человек из толпы подходит ближе.*)

7-й испанец

Прелестные черты! когда б печаль
И смерть не истощили их
Красы до половины, — что за бледность!

(*Сара берет ее за руку и вдзрогивает.*)

Свинцу подобны сделалися губы,*

* На этом месте рукопись обрывается (*ред.*).

485. MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN
(Ein Trauerspiel)

Посвящается

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;
Назло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в пре<д>мете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти — он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.

Действующие лица:

Марфа Ивановна Громова — 80 лет.
Николай Михалыч Волин — 45 лет.
Юрий Николаич, сын его — 22 лет.
Василий Михалыч Волин, брат Н<иколая> М<ихалыча> — 48 лет.

Дочери:

Любовь — 17 лет.
Элиза — 19 лет.

Заруцкий, молодой офицер — 24 лет.
Дарья, горнишная Громовой — 38 лет.
Иван, слуга Юрия.
Василиса, служанка 2-х барышень.
Слуга Волиных.

(*Действие происходит в деревне Громовой.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

(*Утро.*)
(*Стоит на столе чайник, самовар и чашки.*)

Д а р ь я. Что, Иван, сходил ли ты на погреб? Там, говорят, всё замокло от вчерашнего дождя... Да видел ли ты, где Юрий Николаич?

И в а н. Ходил, матушка Дарья Григорьевна, — и перетер всё что надобно — а барина-то я не видал — вишь ты — он, верно, пошел к батюшке наверх. Дело обыкновенное. Кто не хочет с родным отцом быть — едет же он в чужие края, так что мудреного... А не знаете ли, матушка, скоро мы с барином-то молодым отправимся или нет? Скоро ли вы с ним проститесь?

Д а р ь я. Я слышала, барыня говорила, что через неделю. Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда — да, знаешь ли, вот тебе Христос, — с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор (я это так твер<до> знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке), — я двух серебряных ложек не досчиталась. Ты не веришь?

И в а н. Как не верить, матушка, коли ты говоришь. Однако ж это мудрено — ведь у тебя всё приперто — надо быть большому искуснику, чтоб подтибрить две серебряные ложки. Да! тут как хочешь экономию наблюдай и давай нам меньше жалованья и одежи и всё что хочешь — а как всякой день да всякой день пропажи, так ничего не поможет...

Д а р ь я. Это же вина всё на мне да на мне, а я — видит Бог — так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих — прости Господи мое согрешение — в доме угощают, а сделалась пропажа — я отвечаю. Уж ругают, ругают! (*Притворяется плачущею.*)

И в а н. А можно спросить, отчего барыня в ссоре с Н<иколаем> М<ихалычем>? Кажись бы не отчего — близкие родня...

Д а р ь я. Не отчего? Как не отчего? Погоди — я тебе всё это дело-то расскажу. (*Садится.*) Вишь ты: я еще была девчонкой, как Марья Дмитревна, дочь нашей боярыни, скончалась — оставя сынка. Все плакали как сумасшедшие — наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаича, — отец-то сначала не соглашался, но наконец его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину. Наконец ему и вздумалось к нам приехать — а слухи-то и дошли от добрых людей, что он отнимет у нас Юрья <Николаича>. Вот от этого с тех пор они и в ссоре — еще...

И в а н. Да как-ста же за это можно сердиться? По-моему, так отец всегда волен взять сына — ведь это его собственность. Хорошо, что Н<иколай>

М<ихалыч> такой добрый, что он сжалился над горем тещи своей, а другой бы не сделал того — и не оставил бы своего детища.

Д а р ь я. Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать, — у него у самого жить почти нечем — хоть он и нарахтится в важные люди. Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обученье разным языкам?

И в а н. Э-эх! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство. Что в этих учителях. Коли умен, так всё умен, а как глуп, так всё напрасно.

Д а р ь я (*с улыбкой*). А я вижу, и ты заступаешься за Н<иколая> Михалыча — он, видно, тебя прикормил, сердешный; таков-то ты, добро, добро.

И в а н (*в сторону*). По себе судит. (*С гордым видом.*) Я всегда за правую сторону заступаюсь и положусь на всю дворню, которая знает, что меня еще никто никогда не прикармливал.

Д а р ь я. Так и ты оставляешь нашу барыню. Хорошо, хорошо, Иван (*топнув ногой*), — так я одна остаюсь у нее, к ней привязанная всем сердцем, — несчастная барыня (*притворяется плачущею*).

И в а н (*в сторону*). Аспид!

ЯВЛЕНИЕ 2

(*Входит Василиса с молошником.*)

В а с и л и с а. Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышням сливок — вы прислали молока, а они привыкли дома пить чай со сливками, так не прогневайтесь.

Д а р ь я. Они у вас всё сливочки попивали! (*В сторону*) Видишь, богачки! (*Ей*) У меня нет сливок, теперь пост — так я не кипятила.

В а с и л и с а. Я так и скажу?

Д а р ь я. Так и скажи! ну чего ждешь! я тебе сказала, что у меня нет. (*Василиса уходит.*) (*Она продолжает*) Экие какие спесивые — ведь голь, настоящая голь, а туда же, сливок да сливок — ради, что к тем попали, где есть сливки. Пускай же знают, что я не их слуга. Экие какие...

ЯВЛЕНИЕ 3

(*Николай Михалыч, Василий Мих<алыч> входят.*)

Н и к < о л а й > М < и х а л ы ч > (*Дарье*). Здравствуй, Дарья!..

Д а р ь я. Здравствуйте, батюшка! Хорошо ли почивали?..

Н и к < о л а й > М < и х а л ы ч >. Хорошо — да у вас что-то жарко наверху. Послушай! пошли мне моего человека.

Дарья (*Ивану*). Пошли! Что ты стоишь? (*Он уходит.*)

Никол<ай> М<ихалыч> (*брату*). Посмотри-ка, брат, как утро прекрасно, как всё свежо. Ах, я люблю ужасно это время, пойдем прогуляться в саду, пойдем...

Василий М<ихалыч>. Изволь — я готов. (*Уходят. Дарья отворяет им дверь.*) (*Дарье*) Подай нам чаю в сад! — слышишь?

Дарья. Каковы! — принеси им туда чаю — как будто я их раба. Как бы не так. Так не понесу же им чаю, пускай ждут или сами приходят. О-ох, время пришло, времечко — всякой командует!

ЯВЛЕНИЕ 4

(*Квартира Заруцкого в избе.*) (*Ребятишки на полатях. Люлька и баба за пряжей в углу.*)

Заруцкий (*сидит за столом, на котором стоит бутылка и два стакана. Он в гусарском мундире*). Вот, кажется, я нашел еще товарища моей молодости. Как полезно это общественное воспитание! — на каждом шагу жизни мы встречаем собратий, разделявших наши занятья, шалости, которые милы бывают, только пока мы молоды. Как старое воспоминание, нам любезен старый друг. (*Молчание.*)

А Волин был удалой малый, ни в чем никому не уступал, ни в буянстве, ни в умных делах и мыслях, во всем был первый; и я завидовал ему! Но он скоро будет — я послал сказать ему, что старый его приятель здесь. Посмотрим, вспомнит ли он меня?

(*Пьет.*) Славное вино. То-то попотчеваю. (*Берет гитару и играет и поет. Гитара лежала на столе.*)

Или 1

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись,
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло,
Всё мгновенно, всё пройдет:
Что пройдет, то будет мило...

Или 2

Смертный, мне ты подражай!
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. (*Пьет.*)

(*В эту минуту дверь отворяется, и Юрий быстро входит в избу и бросается на шею Заруцкому. Молчание.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Ю р и й. Заруцкий... как неожиданно....

З а р у ц к и й. Давно, брат Волин, не видались мы с тобой. Я ожидал тебя и знал наверно, что ты меня не забыл, — каков же я пророк.

Ю р и й. Как ты переменился со время разлуки нашей — однако не постарел и такой же веселый, удалой.

З а р у ц к и й. Мое дело гусарское! — а ведь и ты переменился ужасно...

Ю р и й. Да, я переменился — посмотри, как я постарел. О, если б ты знал все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнул бы.

З а р у ц к и й. В самом деле, чем больше всматриваюсь — ты мрачен, угрюм, печален — ты не тот Юрий, с которым мы пировали, бывало, так беззаботно, как гусары накануне кровопролитного сраженья...

Ю р и й. Ты правду говоришь, товарищ, — я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостию кидался в объятья всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем, — о! друг мой! — того юношу давным-давно похоронили. Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить.

З а р у ц к и й. Полно! полно! — я не верю ушам своим — ты, что ли, это ты говоришь? Скажи мне, что с тобою сделалось? Объясни мне — я, черт возьми, ничего тут не могу понять. Из удальца — сделался таким мрачным, — как доктор Фауст! Полно, братец, оставь свои глупые бредни.

Ю р и й. Не мудрено, что ты меня не понимаешь, — ты вышел 2-мя годами прежде меня из пансиона и не мог знать, что со мной случалось... Много-много было без тебя со мною, ах! слишком много! (*Начинает рассказ. Заруцкий закуривает трубку...*)

З а р у ц к и й. Да что ж могло с тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? и ты этого в 6 лет не мог забыть? полно, полно, — что-нибудь другое томит и волнует твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple.

Ю р и й. Нет — совсем нет! — что за смешная мысль! ха-ха-ха!.. (*Молчание.*)

З а р у ц к и й. Да что же! Мне любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стакан! (*Взяв за руки*) Не знаю, чем тебя мне угостить, дорогого гостя...

Ю р и й (*выпив*). Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив; когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшим разговором для меня было размышленье о людях. Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу, как творение человечества было прекрасно в ослепленных глазах моих? Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...

З а р у ц к и й. Вот мы, гусары, так этими пустяками не занимаемся — нам жизнь — копейка, зато и проводим ее хорошо.

Ю р и й. Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомненья... Я не знаю — от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи плакал над хладными подушками, когда воспоминал, что у меня нет совершенно никого, никого, никого на целом свете — кроме тебя, но ты был далеко. Несправедливости, злоба — всё посыпалось на голову мою, — как будто туча разлетевшись упала на меня и разразилась, а я стоял как камень — без чувства. По какому-то машинальному побуждению я протянул руку — и услышал насмешливый хохот — и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце... Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством — меня никто после тебя не понимал. Однако ж ты мне возвращен снова! не правда ли?..

З а р у ц к и й. О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества, — но где тебе знать? — один Бог всеведущ!.. Черт меня дери, если я не изрублю этого... злодея, когда он мне попадется, — он многих сделал несчастливыми. Продолжай! друг мой!..

Ю р и й. Потом — ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, —жестокая распря с отцом моим, и это всё на меня упадает. Наконец, я тебе скажу — не проходит дня, чтобы новые неприятности не смущали нас, я окружен такими подлыми тварями — всё так мне противуречит...

З а р у ц к и й. Эх! любезный, черт с ними!.. всех не исправишь!

Ю р и й. Еще — (*берет его за руку*) знаешь ли? — Я люблю...

З а р у ц к и й. Ну так, без этого не обойтиться? В кого, скажи мне, в кого ты влюблен. Я помогу тебе — на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику — и попировать на его свадьбе.

Ю р и й. На свадьбе? — кровавая будет свадьба! Она никогда не будет мне принадлежать, зачем же называть ее — я хочу погасить последнюю надежду — я не хочу любить, — а всё люблю!..

З а р у ц к и й. Послушай, брат, знаешь ли, я сам люблю и не знаю, любим ли я; мне стало жалко тебя, ты очень несчастлив. Послушай! зачем ты не пошел в гусары? Знаешь, какое у нас важное житье, — как братья, а поверь, куда бабы вмешаются, там хорошего не много будет!

Ю р и й (*в сторону*). О, если б ты знал, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивал бы себя со мною. (*Вслух*) Я еду в чужие края — оставляю всех — родину, — может быть, это поможет моему рассеянью.

З а р у ц к и й. Твой отец здесь и дядя и кузины... их две?..

Ю р и й (*с приметным смущением*). Да... да — они все приехали со мной проститься!.. И мы с тобой снова расстанемся!

З а р у ц к и й. Твое воображение расстроено, мой милый, ты болен. Зачем тебе ехать от нас?

Поверь мне, той страны нет краше и милее,
Где наша милая иль где живет наш друг.

Ю р и й. Зачем разуверять меня, зачем останавливать несчастного. Неужели и ты против меня; неужели и ты хочешь моей гибели, и ты изменил мне. — Скажи мне просто, что ты думаешь, — быть может, ты хочешь посмеяться надо мной, над безнадежной моей любовью так — как некогда — у меня был друг, который хохотал. Долго этот хохот останется в моем слухе. Ах! имей немного сострадания, столько, сколько человек может иметь, — оставь меня лучше!

З а р у ц к и й. Бедный, в каком он безумии. Зачем я коснулся его живой струны? (*К Юрию*) Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Ю р и й. Я еду — я должен ехать — я хочу ехать... (*Кидается на стул и вдруг закрывает лицо руками.*)

З а р у ц к и й (*стоит в безмолвии над ним, покачав головою*). Бедный!.. Кто виноват?.. Неужели человек может быть так чувствителен, что всякая малость раздражает его до такой степени. (*Ударив себя по сердцу.*) Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, брат. Вставай-ка — ты болен... Опомнись (*трогает его*).

Ю р и й. Да! я болен! Смертный яд течет по моим жилам. (*Зар<уцкий> под<нимает> его.*) (*Как ото сна встает.*) Где я, у кого я?

З а р у ц к и й. В объятиях твоего друга.

Ю р и й (*обнимает его с восторгом*). У меня есть друг.

З а р у ц к и й. Утешься, брат, — не век горе.

Ю р и й (*не слыша его*). Ты на меня не сердит? а? прости мне, если я что-нибудь тебе обидное сказал, — не я говорил — мои страсти, мое безумство — прости меня...

З а р у ц к и й. Тебе нужен свежий воздух!.. Итак, пойдем отсюда... в поле... (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

(*Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горнишная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Всё тихо.*)

Э л и з а (*примеривая шляпу*). Посмотрите, ma sœur, как эта шляпка на мне сидит. Не правда ли, что прекрасно...

Л ю б о в ь. Да, это правда. (*Положив книгу*) Ах! если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Э л и з а. А что такое, позвольте спросить?

Л ю б о в ь. «Вудсток, или Всадник», Вальтера Скотта! Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... Ах, как я ей завидую...

Э л и з а. По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались... да шею себе ломали... ха, ха, ха. — Какая дура твоя Алина!..

Л ю б о в ь. У всякого свой вкус...

Э л и з а. Кстати: помнишь ли, как мы были в Москве. Я танцевала с одним прехорошеньким, молодым мальчиком. Он мне писал письмо, познакомился с кузинами для меня...

Л ю б о в ь (*с презрением*). И ты приняла письмо?

Э л и з а. Экая важность! я очень рада... Когда мы приедем опять в столицу — он на мне женится... А ты не хочешь замуж, душенька моя? — будь спокойна, не возьмет тебя никто.

Л ю б о в ь. Где ж нам с вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Э л и з а (*как будто не слышит ее*). Какое прекрасное время — пойду в сад... (*Уходит.*)

Л ю б о в ь. За что меня батюшка меньше ее любит, Боже мой? Что я сделала?.. Неужели должна любовь отца разделяться не ровно!.. Кажется, я привязана к нему с такой же нежностью, как сестра моя, никогда не огорчала его непослушанием — никогда — никогда... Ах, если бы маменька была жива, если б было кому с участием, нежностью меня прижать к груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.

(*Василиса-служанка встает и уходит.*)

Как я помню ее последние слова «не плачь, дочь моя, — что делать, если отец тебя не любит, — молись, дочь моя, — Божеская любовь равна любви родительской!» И бледное болезненное лицо ее сделалось совершенно спокойно — как смерть!.. (*Молчание.*) Видно, мне вечно быть сиротой. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры — и мне схимник предсказал много горестей. — О! святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?

(*Она садится за книгу. Вдруг входит Заруцкий. Она в испуге вскакивает.*)

ЯВЛЕНИЕ 7

(*Заруцкий подходит к ней.*)

Л ю б о в ь. Чего вам надобно, милостивый государь, — здесь — когда я одна — вы, верно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотели взойти...

З а р у ц к и й. Нет, сударыня. Я точно там, где хотел быть... Это ваша комната...

Л ю б о в ь. Кажется...

З а р у ц к и й. Не пугайтесь — прошу вас — не пугайтесь...

Л ю б < о в ь>. Мне нечего вас пугаться — только этот поступок очень удивителен...

З а р < у ц к и й>. Если вы узнаете причины его — то, клянусь вам, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствует всё в природе... то исполните мою просьбу...

Л ю б о в ь. Мне кажется, у вас никакой просьбы до меня, 17-летней девушки, не может быть, что я могу вам сделать...

З а р у ц к и й. Я гусар, а гусары говорят то, что думают: позволяете ли мне говорить откровенно?

(*Она в смущении молчит.*)

...Знавали ли вы страданья любви, вы носите ее имя, отвечайте, протекал ли огонь ее по вашим жилам?..

Л ю б о в ь. Какой странный вопрос...

З а р у ц к и й. Знавали ли вы любовь?..

Л ю б о в ь. Это слишком много, слишком дерзко — я не привыкла к таким разговорам — оставьте меня, — вы не хотите — я вам приказываю, не то я позову людей... ибо — я не хочу вам сделать эту неприятность. Оставьте меня.

З а р у ц к и й. В последний раз заклинаю вас, скажите мне, любили ли вы какого-нибудь юношу, — одного на целом свете.

Л ю б о в ь (*с досадою*). Это слишком вольно, м<илостивый> г<осударь>, — повторяю вам, если вы меня не оставите...

З а р у ц к и й (*вскакивает как громом поражен*). (*В сторону*). Итак, все надежды мои провалились сквозь землю... попробую еще... быть может, она мыслит, что Заруцкий *ее* любит, — ах! счастливая мысль — еще есть спасенье. (*Подходит к ней с спокойным видом.*) Я обожаю — сестру вашу...

Л ю б о в ь. Что же вам до меня. Зачем тревожить мое спокойствие таким неожиданным приходом, зачем же вы пришли ко мне? Ваш поступок невозможно понять!..

З а р у ц к и й. Я для того пришел к вам, чтобы вымолить, выплакать помощь, — будьте уверены в чистоте моих желаний — я хочу, клянусь вам, хочу на ней жениться, — но — прежде — доставьте мне случай с ней говорить наедине, скажите ей, что она любима — страстно — столько, сколько гусар может любить. Я хочу узнать ее ближе, — вы будете свидетелем — умоляю вас — но что это значит? вы отворачиваетесь? — как можно отказываться сделать доброе дело, когда мы в состоянии.

Л ю б о в ь. Я не в состоянии этого сделать!..

З а р у ц к и й. Как! имея доверенность сестры вашей, ее дружбу — и вы...

Л ю б о в ь. Вы ошибаетесь!.. я не имею ничьей доверенности, ничьей дружбы!..

З а р у ц к и й. Итак — мне идти без надежды — а?..

Л ю б о в ь. Нет — останьтесь... слушайте... поклянитесь мне, что вы во зло не употребите ее снисхождения... но чем вам клясться... нет... лучше... скажите мне, положив руку на сердце: правда ли, что мужчины так злы и коварны, как их обвиняют, правда ли, что их душе ничего не стоит погубить девушку навеки...

З а р у ц к и й (*подумав, решительно*). Неправда.

(*Слышен шум.*)

Л ю б о в ь. Я постараюсь убедить Элизу... но помните, что грешно будет употребить во зло мою и сестрину доверенность... слышите — она идет — бегите скорей, бегите...

З а р у ц к и й. Я буду надеяться. (*Уходит.*)

(*Чрез минуту входит Элиза.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Э л и з а. Ах, какой смех! — Grand dieu! Grand dieu! кабы ты знала, Любанька, что там за шум внизу. — Марфа Ивановна так раскапризничалась, что хоть из дому беги!.. ужасть! девок по щекам так и лупит — ха! ха! ха!

ха! — стоит посмотреть — и за что? — Ах, дай отдохнуть — самая глупейшая глупость — ах! как я устала!.. после тебе расскажу!..

Любовь. А у меня есть дело очень важное до тебя... и на твой счет...

Элиза. Что такое? скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь. Пойдем со мной!

(*Уходят.*)

КОНЕЦ 1-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

(*Комната Марфы Ивановны. Она сидит на креслах, перед ней стоит Дарья.*)

Марфа Ив<ановна>. Как ты смела, Дашка, выдать на кухню нынешний день 2 курицы — и без моего спросу? — а? — отвечай!

Дарья. Виновата... я знала, матушка, что две-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марфа Ив<ановна>. Как, дура, скотина, — две много... да нам есть нечего будет — ты меня этак, пожалуй, с голоду уморишь — да знаешь ли, что я тебе сейчас вот при себе велю надавать пощечин...

Дарья (*кланяясь*). Ваша власть, сударыня, — что угодно — мы ваши рабы...

Марфа Ив<ановна>. Что, не было ли у вас какого-нибудь крику с Николай Михаловичем...

Дарья. Нету-с — как-с можно-с нам ссориться — а вот что-с — нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да...

Марфа Ив<ановна>. Что ж ты, верно, отпустила им?..

Дарья. Никак нет-с...

Марф<а> Ив<ановна>. Как же ты смела...

Дарья. Добро бы с вашего позволения, а то вы почивали — так этак, если всяким давать сливок, коров, сударыня, недостанет... у нас же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густых сливочек... слыхано ли во свете без барского позволения?..

Марф<а> Ив<ановна>. Ну, так хорошо сделала... Не знаешь ли ты, где мой внук, молодой барин?..

Дарья. Кажется, сударыня, он у своего батюшки.

Марф<а> Ив<ановна>. Всё там сидит. Сюда не заглянет. Экой какой он сделался — бывало, прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, пока мал был, — и напрасно я его удаляла от отца — таки

умели Юрьюшку уверить, что я отняла у отца материнское именье, как будто не ему же это именье достанется... Ох! злые люди!

Дарья. Ваша правда, матушка, — злые люди.

Марф<а> Ив<ановна>. Кто станет покоить мою старость! — и я ли жалела что-нибудь для его воспитания — носила сама Бог знает что — готова была от чаю отказаться — а по четыре тысячи платила в год учителю... и всё пошло не впрок... Уж, кажется, всяким ли манером старалась сберечься от нынешней беды: ставила фунтовую свечу каждое воскресенье, всем святым поклонялась. Ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всех родных — всё не помогло. Ах, кабы дочь моя была жива, не то бы на миру делалось, — не то бы...

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь — всё еще дело поправное — можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится, — куда хочешь, для всякого на нож готов... Есть, Марфа Ивановна, поговорка: железо тогда и куется, пока горячо...

Марфа Иванов<на>. Вот как врет — можно ли это — как его разжалобишь — он уж ничему не поверит...

Дарья. Как, вашей милости у нас, рабов, об таких вещах спрашивать... вам ли не знать...

Марфа Ив<ановнаа> (*смотря кверху*). Видит Богоматерь, я не теряла молитв... постараюсь, попробую поступить по твоему совету, Дашка... да слушай, что они там ни будут говорить с отцом, всё узнавай и приходи сказывать мне...

Дарья. Слушаюсь — уж на меня, Марфа Ивановна, извольте надеяться...

Марф<а> Ив<ановна>. Ну я надеюсь: ты всегда мне верно служила...

Дарья. Видит Бог-с, не обманывала никогда и вечно в точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольны. (*Кланяется.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Но вот уж через неделю Юрьюшка поедет — и я избавлюсь от этих несносных Волиных — то-то кабы дочь моя была в живых!..

(*Молчание.*)

Эй, Дашка, возьми-ка Евангелие и читай мне вслух.

Дарья. Что прикажете читать?

Марфа Ив<ановна>. Что попадется!..

(*Дарья открывает книгу и начинает читать.*)

Дарья (*читает вслух довольно внятно*). «Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другова ошуюю.

Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метаху жребия...»

Марфа Ив<ановна>. Ах! злодеи-жиды, нехристы проклятые... как они поступали с Христом... всех бы их переказнила, без жалости... нет, правду сказать, если б я жила тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы Его на растерзание...

Переверни-ка назад и читай что-нибудь другое...

Дарья (*читает*). «Горе вам, лицемеры, яко подобитесь гробам украшенным, иже снаружи являются красны, внутри же полны суть костей мертвых и всякой нечистоты!.. Так и вы извне являетесь человеком праведни, внутри же есте полны лицемерия и беззакония...»

Марфа Иван<овна>. Правда, правда говорится здесь... ох! эти лицемеры!.. Вот у меня соседка Зарубова... такая богомольная кажется, всякой праздник у обедни, а намеднясь велела загнать своих коров и табун на мои озими, — все потоптали, — злодейка...

Дарья. Да еще, сударыня, бранит вас повсюду по домам — такая змея... и людям-то своим велит на вас клепать нивесь что — мы хоть рабы, а как услышишь что-нибудь такое, так кровь закипит — так бы и вцепилась ей в волоса...

Марф<а> Ив<ановна>. Продолжай...

Дарья (*читает*). «Дополняйте же вы меру злодеяния отцов ваших. Змеи, порождение ехиднины, как убежите от огня и суда геенны?»

Марфа <Ивановна>. Не убежит она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое!..

Дарья. Из чьего Евангелия прикажете?

Марф<а> Ив<ановна>. От Марка.

Дарья. «Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете; и будет вам.

И егда стоите на молитве, прощайте, аще что имате на кого, да и отец ваш, иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша...»

(*Слышен громкий стук разбитой посуды, обе вздрагивают.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Что это?.. верно, мерзавцы что-нибудь разбили... сбегай-ка да посмотри!..

(*Дарья уходит. Чрез минуту приходит.*)

Дарья. Ваша хрустальная кружка, с позолоченной ручкой и с вензелем...

Марфа Ив<ановна>. Она!

Дарья. В дребезгах лежит на полу...

Марф<а> Ив<ановна>. Ах, злодеи! кто разбил — кто этот окаянный?..

Дарья. Васька-поваренок!..

Марф<а> Ив<ановна>. Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши.

(*Дарья призывает его.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она 15 рублей стоит? — эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю. Как ты ее уронил, — отвечай же, болван?.. Ну — что ж ты? Говори.

(*Мальчишка хочет говорить.*)

Как? ты еще оправдываться хочешь.. эх! брат, в плети его, в плети на конюшню...

(*Мальчик кланяется в ноги.*)

Вздор! я этим поклонам не верю... убирайся с чертом, прости Боже мое согрешение...

(*Мальчик идет.*)

Убирайся... (*топнув ногой*) Моя лучшая кружка, с золотой ручкой и с моим вензелем!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть как-нибудь...

Дарья. Ни под каким видом нельзя-с.

Марф<а> Ив<ановна>. Экая беда какая.

(*Входят Н<иколай> М<ихалыч> и Вас<илий> М<ихалыч> Волины. Дарья уходит с книгой.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Ник<олай> Мих<алыч>. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали... я слышал, что вы долго не засыпали...

Мар<фа> Ив<ановна>. Да, батюшка, — мне что-то не спалось — я всё думала об моем Юрьюшке… как это он поедет путешествовать, я боюсь за него — вот вы, отцы, не так беспокоитесь об детях!.. а мне так грустно с ним расставаться…

Ник<олай> Мих<алыч>. Неужели вы думаете, что мне легче. Вы ошибаетесь, позвольте мне сказать. Я сына моего не меньше вас люблю; и этому доказательство то, что я его уступил вам, лишился удовольствия быть с моим сыном, ибо я знал, что не имею довольно состояния, чтоб воспитать его так, как вы могли.

Мар<фа> Ив<ановна> (*к Вас<илию> Мих<алычу>*). Что, батюшка! как ваше дело, что говорит сенат?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Сенат-с? — до него еще дело не доходило. А всё еще кутят да мутят в уездном суде да в губернском правлении… такие жадные, канальи, эти крючки подьячие, со всей сволочью, что когда туда приедешь, так и обступят — чутье собачье! знают, что у тебя в карманах есть деньги… и вот уж пять лет тянется вся эта комедия… впрочем, для меня совсем не смешная, потому что я действующее лицо!..

Марф<а> Ив<ановна> (*к Н<иколаю> М<ихалычу>*). Знаете ли, Н<иколай> Мих<алыч>, я хочу, чтоб Юрьюшка ехал во Францию, а в Германию не заглядывал, — я терпеть не могу немцев! чему у них научишься!.. Все колбасники, шмерцы!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности, им приличные, в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы, и Юрий, в его лета, очень даже может сам располагать собою, ему 22 года, он уже имеет чин — и прочее…

Вас<илий> Мих<алыч>. Позвольте спросить, Юр<ий> Ник<олаевич> поедет морем?

Марф<а> Ив<ановна>. Сохрани Бог!.. Нет, ни за что.

Вас<илий> М<ихалыч>. Так ему надо ехать чрез Германию, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марф<а> Ив<ановна>. Как же быть! А я не хочу, чтоб он жил с немцами, они дураки…

Ник<олай> Мих<алыч>. Помилуйте! — у них философия преподается лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?..

Марф<а> Ив<ановна>. Сохрани Бог от философии! Чтоб Юрьюшка сделался безбожником?..

Ник<олай> М<ихалыч> (*с неудовольствием*). Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чем вы? Поверьте, что я знаю, что говорю.

Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма. Философ истинный — счастливейший человек в мире, и есть тот, который знает, что он ничего не знает. Это говорю не я, но люди умнейшие...

(*Вас<илий> М<ихалыч> в тайном удовольствии.*)

И всякий тот, кто хотя мало имеет доброго смысла, со мною согласится.

Марф<а> И<вановна>. Стало быть, я его совсем не имею... это слишком самолюбиво с вашей стороны... уверяю вас!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Лучше сами поверьте, что отец имеет более права над сыном, нежели бабушка... Я, сжалясь над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать... Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну... Вы ошибаетесь очень: Юрий велик уж, он сделался почти мужем и может понимать, что тот, кто несправедлив противу отца, недостоин уважения от сына... Я говорю правду, вы ее не любите — прошу вашего извинения... впрочем, знайте, что я не похож на низких ваших соседей и не могу не говорить о том, что чувствую: я очень огорчен вашим против меня нерасположением... Но что ж делать, вы задели меня за живое: я отец и имею полное право над сыном...

Он вам обязан воспитанием и попечением, но я ничем не обязан. Вы платили за него в год по 5 тысяч, содержали в пансионе, — но я сделал еще для вас жертву, которую не всякий отец сделает для тещи, уж не говорю об имении... прошу извинить.

Марф<а> Ив<ановна> (*привстав*). Как, и вы можете меня упрекать, ругать, как последнюю рабу, — в моем доме... Ах! (*Упадает в изнеможении злобы на кресло и звонит в колокольчик.*) Дашка, Дашка, палку.

Дарья. Сию минуту. (*Приносит палку и выводит ее из комнаты под руку.*)

Ник<олай> Мих<алыч>. О Боже мой! Может ли сумасшествие женщины дойти до такой степени!.. (*Ходит взад и вперед.*)

Васи<лий> Мих<алыч> (*подходит к нему*). Вот что значит, братец, спорить с бабами! А отчего это всё, отчего не мог ты взять просто сына своего от нее: не хотел заплатить 3000 за бумагу крепостную. Ведь она тебе отдавала имение — что за глупое великодушие не брать! — или брать на честное слово, что всё равно. Вот она и сделала условие, что если ты возьмешь к себе сына, так она его лишит наследства, а тебя не сделала опекуном. Что, брат! видно, поздно!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Но ее слово, уверения брата ее — я почему мог отгадать, что они меня обманут?..

Вас<илий> М<ихалыч>. Что, скажи мне, ты шутишь? — честное слово! ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по левую сторону единицы.

(*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 3

(*Сад, сумерки, и луна на небе, налево беседка. Любовь в длинной черной шали в волосах и белом платье. С письмом в руке.*)

Любовь (*читая*). Он желает говорить со мною здесь наедине, в это время, — что такое значит? Юрий хочет со мною говорить — об чем? Между нами не может быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидетелях. Однако ж я не должна опасаться, хотя говорят, что девушки должны бояться мужчин. Зачем мне бояться Юрия?.. Ах! часто, когда на меня устремлял он свои взоры неподвижные, светлые, — что-то чудное происходило в груди моей; сердце билось. Быть может, он в меня влюблен? — Нет! нет! — сему не случиться никогда! я не верю этой любви. Он не может на мне жениться, так на что ему безнадежною страстью себя мучить. Зеркало мне говорит, что я хороша собой, что могу нравиться, но он, он столько знал красавиц лучше меня. И если бы это было в самом деле, если я любима, то он должен столько уважать меня, он должен думать, что добродетель не позволит мне явно отвечать ему, — к тому ж я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели он приметил биение моего сердца. Ах! нет!.. он сам, Юрий, был со мной всегда мрачен, холоден, он вряд ли способен любить нежно... Но зачем ему было свидание?.. это письмо!.. не понимаю, чего хотел он... (*Молчание.*) Но вот луна взошла, всё тихо и прохладно — а он нейдет. (*Молчание.*) Как я глупо сделала, что пришла сюда, непонятное влечение управляло моими шагами. (*Садится возле беседки.*) Что если нас увидят вместе... моя честь погибла — о, безумная!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Юрий (*в плаще, без шляпы, тихими шагами подходит к ней и берет ее за руку*). Любовь!.. вы здесь уже!..

Любовь (*испугавшись*). Ах!..

Юрий. Вы испугались?

Любовь. Нет... вы мне что-то хотели сказать — я готова слушать — со вниманием.

Ю р и й. Да — я много хотел сказать вам... вы помните: с тех пор, как мы с вами знакомы, вы никогда не отказывались от маловажной и легкой для вас просьбы моей... теперь... я вас прошу дать мне честное слово, сказать мне правду, правду чистую — как ваше сердце...

Л ю б о в ь. Мое слово?.. Хорошо. (*Смотрит ему в глаза.*)

Ю р и й (*в сильном движении берет ее за руку*). Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснул спокойно, удивительный сон начал тревожить мою душу: я видел отца, бабушку, которая хотела, чтоб я успокоил ее старость на счет благополучия отца моего, — с презреньем отвернулся я от корыстолюбивой старухи... и вдруг ангел-утешитель встретился со мной, он взял мою руку, утешил меня одним взглядом, одним неизъяснимым взглядом обновил к жизни... и... упал в мои объятья. Мысли, в которых крутилась адская ненависть к людям и к самому себе, — мысли мои вдруг прояснились, вознеслись к небу, к Тебе, Создатель, я снова стал любить людей, стал добр по-прежнему. Не правда ли, это величайшее под луною благодеяние? — И знаешь ли еще, Любовь, в этом утешителе, в этом небесном существе, — я узнал тебя!.. Ты блистала в чертах его, это была ты, прекрасная, как теперь... никто на свете, ни самый ад меня не разуверит!..

Ах! это была минута, но минута блаженная, — это был сон, но сон божественный!.. Послушай, Любовь, теперь исполни свое обещание, отвечай как на исповеди, может ли этот сон осуществиться... умоляю тебя всем, чем ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить, — говори как на исповеди... знай, что одно твое слово, одно слово, может много сделать добра и зла...

(*Любовь в сильном нерешении.*)

И ты молчишь!.. Любовь...

Л ю б о в ь. Нет!..

Ю р и й. Как! что нет, говори, что нет!..

Л ю б о в ь. Сон твой никогда не сбудется!..

Ю р и й. Небо! — что она хочет делать?.. Скажи: да!.. (*Молчание.*) Отчего не хочешь сказать: да... это слово, этот звук мог бы восстановить мою жизнь, возродить меня к счастью! Ты не хочешь? — что я тебе сделал, за что так коварно мстишь мне, неужели женщина не может любить, неужели она не радуется, когда видит человека, ей обязанного своим блаженством, — когда знает, что это стоит одного слова, хотя бы оно выходило и не от сердца... скажи: да!

Л ю б о в ь. Нет.

Ю р и й. И в тебе есть совесть?..

Л ю б о в ь. Я не могу сказать: да. На что искушать тебя: *моим* ты никогда, никогда не будешь — узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... забудь свои мечты! Ты не хочешь погубить бедную девушку, не правда ли? — так забудь свои безумные желанья, забудь их!.. (*Молчание.*) Ты поедешь в чужие края, разные, новые предметы развлекут твои мысли, тебе понравится другая...

Ю р и й. Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека — не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь, — ах, то, верно, никакая дева не будет больше мне нравиться — я окаменею, быть может, навеки.

Л ю б о в ь (*садится на скамью возле беседки и сажает его*). Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые, как минуты удовольствий, и мимолетные, как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные... (*Она закрывает лицо платком.*) Перестань страдать, друг мой, — полно!.. (*В слезах упадает на грудь Юрия, который в сильном оцепенении сидит недвижно, глаза к небу.*)

Ю р и й (*после долгого молчания*). Ах!.. (*Берет ее руку. Между тем слышна вдали песня русская со свирелью, и то удаляется, то приближ<ается>, в конце которой Юрий вскакивает, как громом пораженный, и отбегает от Любови.*)

Какие звуки, они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... всесильный Бог!.. (*Кидается к ногам Любови, которая встала со скамьи.*) Пускай весь мир на нас обрушится: я люблю тебя. Скажи и ты: люблю!..

Л ю б о в ь (*через силу*). Нет. (*Хочет бежать.*)

Ю р и й (*у ног ее*). Не верю... не обманешь — я прочел в глазах твоих... только... я недоволен... скажи: люблю!

Л ю б о в ь (*хочет что-то сказать... но вдруг останав<ливается>*). Зачем тебе признанье, если ты прочел всё в глазах моих!..

Ю р и й (*вскакивает с восторгом*). Я любим — любим — любим — теперь все бедствия земли осаждайте меня — я презираю вас: она меня любит... *она,* такое существо, которым бы гордилось небо... и оно мне принадлежит! Как я богат!.. (*К ней*) Ты не знаешь, девушка, как много добра сделала ты в сию минуту... (*обнимает ее*). О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец.

Л ю б о в ь. Твой отец!.. Что ты говоришь?..

Ю р и й (*дрожащим голосом, ударив <в> грудь*). Да, да... ты говоришь правду, я не должен никому об этом сказывать, всё восхищение, вся

сладость сих незабвенных минут должны остаться здесь, здесь, в груди моей — всякий день я буду упиваться воспоминанием, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяния не проникнет туда, где я схороню мое сокровище… (*К Любови*) Теперь один поцелуй на прощанье. (*Целует ее.*) О!!!.. я слишком счастлив для человека!.. (*Завернувшись в черный плащ, быстро уходит.*)

Л ю б о в ь. Как он любит… добрый юноша!.. (*Молчание.*) Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть себя… а сердце бьется и трепещет как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно!.. (*Молчание.*) Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде, — а здесь так пусто, страшно… (*Становится на колени и подняв руки наверх*) Ангел-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь с бедной девушкой, она предается тебе, прости ей слабости… и охрани от нечистого духа. (*Встает и уходит.*)

КОНЕЦ 2-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

(*Галерея, откуда виден сад. Элиза идет с зонтиком одна.*)

Э л и з а. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я б сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd’hui plus belle que jamais для предложенного свиданья… ха! ха! ха! как Любанька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью, comme si c’était une affaire d’état!.. ха! ха! ха! ха!.. бедненькая, начиталась романов и скоро с ума сойдет. Она судит целый свет по себе… например, нынче — всю ночь проплакала, верно, ей кто-нибудь комплимент сказал, и она воображает, что в нее влюблены… и плачет с сожаления! нет, moi je me moque de tout cela! вот уж, верно, нынче будет страстное объяснение, он упадет на колени… я ему скажу маленький *équivoque* — и он должен быть доволен… чего же ему больше?..

Впрочем, этот Заруцкий, верно, посещал большой свет; он нимало не похож на этих армейских, его собратий… ха! ха! ха! — армейский!.. одно это слово чего стоит?..

Но кто-то идет!.. а мне нужно нынче быть одной. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

(*Юрий и Вас<илий> Мих<алыч> идут по галерее, и Вас<илий Михалыч> что-то ему говорит, ведя за руку.*)

Васил<ий> Мих<алыч>. Экой ты упрямый человек! — да выслушай только, что я тебе говорю...

Твой отец нынче со мной приходит к Марфе Ивановне, она нас хорошо приняла, а у нее стояла эта змея Дарья, причина всех наших неприятностей, — вот, слушай, брат, и начинает говорить...

Юрий (*отходя прочь*). И мне нет спокойствия — ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих... (*К дяде*) Дядюшка, в другое время... теперь я...

Вас<илий> Ми<халыч>. Да, теперь, а не в другое время... слушай, ты должен это всё знать, чтоб уметь ценить людей, окружающих тебя...

Юрий. Я только ценю тех, которые не мучат меня вечно своими клеветами...

Вас<илий> М<ихалыч>. Я понимаю, что ты это на мой счет говоришь, но я не сержусь... не для себя говорю... но хочу тебе показать, кто твой отец и бабка!..

Юрий (*твердо*). Ну так и быть, я слушаю!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Во-первых, твой отец начал говорить ей о тебе, о твоем отъезде... она расханжилась по обыкновению, уверяла, что она тебя больше любит, нежели он, вообрази, потом он ей стал представлять доказательства противные очень учтиво, она вздумала показывать, что ему и дела нет до тебя, — тут Никол<ай> Мих<алыч> не выдержал, признаться, объяснил ей коротко, что она перед ним виновата и что он не обязан был тебя оставлять у нее, но что были у него причины посторонние и что она изменила своему слову. Она взбесилась до невозможности, ушла. Теперь она нас выгонит из дому... прощай, мой племянничек... надолго, потому что, верно, ни я, ни брат больше сюда не заглянут.

Юрий (*всплеснув руками*). Всемогущий Боже! Ты видел, что я старался всегда прекратить эти расприи... зачем же всё это рушится на голову мою. Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу вас, я измучен...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... ты должен решиться в чью-нибудь пользу.

Юрий. На что?.. к чему я должен? Кто приказал?

Вас<илий> М<ихалыч>. Честь.

Юрий. Честь? — кто вам внушил это слово?.. О! адская хитрость... как ничтожно это слово, а как много власти имеет оно надо мной... мой долг,

долг природы и благодарность: в какой вы ужасной борьбе между собой… дядюшка! зачем вы произнесли это слово: я решился…

Васил<ий> М<ихалыч>. Для кого, друг мой?

Юрий. Отец обладает моею жизнью… но знайте, что если бабушка будет укорять в неблагодарности, если она станет показывать глазам моим все свои попечения о моей юности, все свои благодеяния, всё, чем я ей обязан, если она будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, за то, что я оставил ее без причины, если, наконец, я сам иссохну от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землею, если тогда я прокляну вас отчаянным языком моим… если… о, берегитесь, берегитесь… вся свинцовая тягость греха сего погрязнет на вас… Откажитесь от вашего свидетельства, оно ложно, спасите свою душу, оно ложно, говорю вам… признайтесь, что вы солгали…

Вас<илий> М<ихалыч>. Нет, я не откажусь — когда я сам видел и слышал, что нас с братом выгоняют из дому.

Юрий. Итак, всё кончено. Вот мое слово.

Вас<илий> М<ихалыч>. Ну, слава Богу, наконец ты решился… я пойду к отцу твоему и объявлю, что ты решился не оставлять его… как он будет рад, и я уверен, что тебя больше прежнего полюбит.

Юрий. Радоваться? кто радоваться?.. мой отец!.. не дай Бог, чтоб это была большая радость в его жизни… что он будет думать, обнимая неблагодарного (*ударяя себя в лоб и ломая руки*), но мое честное слово!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Неблагодарного? Как это ты сделаешься неблагодарным? против кого? да, ты бы сделался неблагодарным и преступником, если бы оставил Н<иколая> Мих<алыча>, который дышит одним тобою… а эта бабушка, она, поверь, пожалуйста, больше сделала тебе зла, нежели добра. Я мои слова готов повторить при самом императоре…

Юрий. По крайней мере, она желала делать добро.

Вас<илий> Мих<алыч> (*с коварной улыбкой*). Мы знаем желания этой злодейки.

Юрий. Еще пытка… скоро ль вы насытитесь… Но говорите, пускай удар будет ужасен, но вдруг, пускай вся мера зла, яда подземного прольется в мою грудь… но только вдруг. Это всё легче, нежели с нестерпимой едкой болью день за днем отщипывать кусок моего сердца… говорите! я тверд! не бойтесь, видите… (*дико*) видите… ха! ха! ха!.. видите, как я весел, равнодушен, холоден, точно как вы… (*С сильным движением хватая его за руку*) Только чур, говорить правду…

Вас<илий> Мих<алыч>. Вот тебе Христос (*крестится*), я начну рассказывать с начала всего дела, чтоб совершенно изобличить хитрую старуху и ее помощников, этих сестриц и братцев и служанок…

За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было 3 года), когда она сделалась очень больна, то начала подоз<ре>вать Марфу Ивановну в коварстве и умоляла ее перед Богом дать ей обещание любить Ник<олая> Мих<алыча>, как родного сына, она говорила ей: «Маменька! он меня любил, как только муж может любить свою супругу, замените ему меня... я чувствую, что умираю». Тут слова ее пересекались, она смотрела на тебя, молчаливый, живой взгляд показывал, что она хочет что-то сказать насчет тебя... но речь снова прерывалась на устах покойницы. Наконец она вытребовала обещание старухи... и скоро уснула вечным сном... Твоя бабушка была огорчена ужасно, так же как и отец твой, весь дом был в смущении и слезах. Приехал брат старухи, Павел Иванович, и многие другие родственники усопшей.

Вот Павел Иваныч и повел твоего *отца* для рассеяния погулять, и говорит ему, что Марф<а> Ив<ановна> желает воспитать *тебя* до тех пор, пока тебе нужна матушка, что она умоляет его всем священным в свете сделать эту жертву. Отец твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи в расстроенных обстоятельствах, уехал со мною. Вот как всё это началось...

Чрез 3 месяца Николай Мих<алыч> приезжает сюда, чтоб тебя видеть, — приезжает — и слышит ответы робкие, двусмысленные от слуг, спрашивает тебя — говорят — нет... он вообразил, что ты умер, ибо как вообразить, что тебя увезли на то время в другую деревню. Брат сделался болен, душа его терзалась худым предчувствием. Ты с бабушкой приезжаешь наконец... и что же? — она охладела совсем к нему. Имение, которое Марфа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для которого он не хотел сделать акта, полагаясь на честное слово, казано совсем уже не в его распоряжении! Он уезжает — и через полгода снова здесь является.

Юрий. Я предчувствую ужасную историю, стыд всему человечеству...

Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговор...

Вас<илий> Мих<алыч>. Помилуй!.. да будь я анафема проклят, если хоть слово солгу! Слушай дальше: когда должно твоему отцу приехать — здешние подлые соседки, которые получили посредством ханжества доверенность Марфы Ивановны, сказали ей, что он приехал отнять тебя у нее... и она поверила... Доходят же люди до такого сумасшествия!

Юрий. Отец... хотел отнять сына... отнять... разве он не имеет полного права надо мной, разве я не его собственность... Но нет, я вам снова говорю, вы смеетесь надо мною...

Вас<илий> Мих<алыч>. Доказательство в истине моего рассказа есть то, что бабушка твоя тотчас послала курьера к Павлу Иванычу, и он на другой день приезда брата прискакал... Николай Михалыч стал ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждают от имения, что он здесь

насчет сына как посторонний, что это ни на что не похоже... но это езуит, снова уговорил его *легко,* потому что отец твой благородный человек и судит всех по доброте души своей.

И перед отъездом брат согласился оставить тебя у бабушки до 16<-ти> лет, с тем, чтобы насчет твоего воспитания относились к нему во всем. Но второе обещание так же дурно сдержано было, как первое.

Юрий. И это всё! не правда ли?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, это еще половина.

Юрий. Ах! зачем не всё? Пощади меня, пощади, Царь... небесный...

Вас<илий> Мих<алыч>. Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца — отца твоего за ничто, и вот короткое содержанье: «Если я умру, то брат П<авел> И<ваныч> опекуном именью, если сей умрет, — то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. — Если же Ник<олай> Мих<алыч> возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда»... Вот почему ты здесь живешь; благородный отец твой не хотел делать историй, писать государю и лишить тебя состояния... но он надеялся, что ты ему заплотишь за эту жертву...

Юрий (*после минуты молчания, когда он стоял как убитый громом*). Чтобы ей подавиться ненавистным именьем!.. о!.. теперь всё ясно... Люди, люди... люди... Зачем я не могу любить вас, как бывало... я узнал тебя, ненависть, жажда мщения... мщения... Ха! ха! ха!.. как это сладко, какой нектар земной!..

Вас<илий> Мих<алыч>. А неприятности последовавшие очень натуральны... к тому ж старуха любит, чтобы ей никто не противуречил, и эти окружающие... эта поверенная Дарья преопасная змея...

Юрий. Довольно, прошу вас, не продолжайте, — остальное мне всё известно...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, мой друг, еще... еще...

Юрий. Я больше не желаю знать... вы рассказали так прекрасно, как приятна ваша повесть... (*Впадает в задумчивость.*)

Вас<илий> Мих<алыч> (*в сторону, с улыбкой*). Мое дело кончено, и всё пришло в порядок... я не буду сказывать обо всем брату... он такой... он не любит подобных штук... (*Смеется.*) Как он горячился, бедненький...

Юрий (*между тем взглянув на <Василия Михалыча>*). Вам смешно мое страданье... не правда ли!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... помилуй... что ты.

Юрий (*в сторону*). Нет... нет... какое ледяное слово... он, это видно, он из любви мне открыл злодейство... так всегда со мною делали... из привя-

занности я был обманут когда-то дружбой... о, тщетные уверенья... нынче... (*К дяде*) Оставьте меня, прошу вас: мне надо побыть одному... я весь в огне, мне надо отдохнуть...

Вас<илий> Мих<алыч>. Хорошо, друг мой... до свиданья. (*Уходит, потирая руки.*) А мое дело сделано, слава Богу... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 3

Юрий. Как я расстроен, как я болен... желчь поднялась в голову... грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... от избытка чувствований я лишился чувства... Но отдохнем... я увижу ее, утешителя-ангела, она мне возвратит, на минуту, потерянное спокойствие... Пойду, пойду... (*Закрыв лицо руками, уходит в галерею медленными шагами.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

(*Входит Марфа Ивановна, за ней Дарья и подает ей стул. Она садится.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Каковы, неучи!.. в моем доме мне грубить, ну можно ли после этого им хоть день здесь остаться... Вон их, вон их!..

Дарья. Ваша правда, сударыня... такие беспокойства... полно, смотрите на себя, ведь лица нет... Не угодно ли капель гофманских?

Марфа Ив<ановна>. На что, на что... лучше позови ко мне Юрьюшку...

Дарья. Сейчас. (*Уходит.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Ну, может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка... (*Молчание.*) Ну вот, однако ж, я скоро отделаюсь от этих Волиных-братцев. Однако и Юрьюшка уедет и оставит меня одну... видно, так на небесах написано... Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед Богоматерью, поеду в Киев, а он ко мне будет писать... (*Кашляет.*) Какой же у меня кашель, от нынешнего крику... То-то и есть, что надо слушаться Евангелия и святых книг, недаром в них говорят, что не надо сердиться... а нельзя: вот как начнут спорить младшие себя, сердце и схватит. То-то нынешний век, зятья зазнаются, внуки умничают, молодежь никого не слушается... Не так было в наше время... бывало, как меня свекровь тузила... а всё молчу; и вымолчалось... Как умерла моя свекровушка и оставила мне денег, рублей 30 000, да серебра, да золота... А нынче всё наше русское богатство, всё золото прадедов идет не на образа, а к бусурманам, французам. (*Молчание.*) Как посмотришь, посмотришь на нынешний свет... так и вздрогнешь: девушки с мужчинами в одних комнатах сидят, говорят — индо мне стару-

хе за них стыдно… ох! а прежде, как съедутся, бывало, так и разойдутся по сторонам чинно и скромно… Эх! век-то век!.. переменились русские… (*Смотрит назад в галерею.*) Да вот и Юрьюшка идет.

ЯВЛЕНИЕ 5

(*Юрий мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху, за ним Дарья.*)

Юрий (*бледный, расстроенный, с неудовольствием, не смотря на М<арфу> И<вановну>*). Вы меня изволили спрашивать?

Марф<а> Ив<ановна>. Да, мой друг! я давно желала говорить с тобой… да как-то это редко мне удавалось.

Юрий (*холодно*). Мне самому очень жалко…

Марф<а> Ив<ановна>. Ты всё с отцом да с дядей, ко мне и не заглянешь… видно, я уж стара стала и глупа, что ли? брежу, не так ли?..

Юрий. Я от самой колыбели так мало был с отцом, что вы мне перед отъездом позволите с ним поговорить… по крайней мере я так думаю…

Марф<а> Ив<ановна>. Кто ж тебе запрещает… Однако ж я бы хотела тебе сказать и спросить у тебя что-нибудь важное…

Юрий. Я буду слушать… (*Дарье*) Ступай вон…

Марф<а> Ив<ановна>. Зачем?.. Она может слышать…

Юрий. Мне совсем не нравятся такие свидетели… Прошу вас выслать ее…

(*М<арфа> И<вановна> дает знак, и она уходит.*)

Мар<фа> Ив<ановна>. Знаешь ли, что твой отец наговорил мне тьму грубостей, и мы поссорились, и он едет завтра отсюда?

Юрий. Знаю-с… но что ж тут до меня касается… я сам еду с ним, если так…

Мар<фа> Ив<ановна>. Ты… с ним… едешь… ты с ума… сошел. Я тебя… не пущу.

Юрий. Вы меня не пустите? вы? — да что вы между отцом и сыном?.. разве я тот же ребенок, который равнодушно глядел на ваши поступки?.. или не знаете: между отцом и сыном один Бог!.. И вы осмелились взять это место…

Мар<фа> Ив<ановна>. Так вот плоды моего воспитания!.. вот нынешняя благодарность!.. О, на что я дожила до сего времени… Юрий хочет меня оставить: в заплату всем моим благодеяниям… и никто не закроет мне глаза нежною рукой!..

Юрий. А ваша Дарья?..

Мар<фа> Ив<ановна>. И ты смеешь! неблагодарный!.. Почему ты знаешь?

Юрий (*в сторону*). Вот совесть?.. я только назвал, а она всё отгадала.

Мар<фа> Ив<ановна>. Говори, злодей, не я ли тебя воскормила и образовала...

Юрий. Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь... вы... Но довольно: вы сами знаете свои поступки... и вините себя!..

Мар<фа> Ив<ановна>. Так ты точно меня оставляешь для отца, злодея, негодяя, которого я ненавижу и который за меня поплотится... для него, неблагодарный?..

Юрий. Теперь я вам ничем больше не обязан... О!.. эти слова... заплатили за всё, за всё... простите. (*Уходит.*)

Мар<фа> Ив<ановна> (*пораженная сидит безмолвно на креслах и в ужасном смущении*). Он всё знает!..

(*Занавес опускается.*)

КОНЕЦ 3-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

(*Марфа Ивановна и Дарья. Первая на больших креслах в своей комнате.*)

Марфа Ив<ановна>. Дай капель гофманских, Дашка.

Дарья. Сейчас, матушка. Что это с вами делается?..

Марфа Ив<ановна>. Меня Юрий покидает... меня, которая его воспитала.

Дарья (*притворно*). Во всем, матушка, воля Божия видна. Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости — уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны.

Марфа Ив<ановна>. Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге, — верно, это злодеи, отец да дядя, его научили...

Дарья. Вестимо, сударыня, они, да и кому ж, кроме их.

Марфа Ив<ановна>. Как будто не знают, что я его за это лишу имения. Уж не достанется Юрью ни гроша... хоть провались деньги мои.

Дарья. Ах! Марфа Ивановна, есть у нас поговорка, как волка ни корми, он всё в лес глядит.

Марфа Иван<овна>. Юрий меня для них покидает. Кто ж утешит мою старость. (*Закрывает лицо платком и рыдает.*)

Дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (*В сторону.*) Теперь я могу сделать славну штуку — заставя ее поссориться с зятем и внуком, сама их меж собой перессорю, да после, если это откроется, свалю на нее. А отняв именье у Юрья Николаича, верно, барыня мне даст много денег. Куда ж ей их девать? — сама не издержит. (*К ней*) Не угодно ли лечь?

Марф<а> Ив<ановна>. О!.. я никогда на Тебя не роптала, Боже мой, а теперь не могу...

Дарья. И то сказать правду, — как вы ни старались переманить его к себе, а всё понапрасну, уж не вы ли его ссорили с отцом, не вы ли наговаривали, не вы ли имением прельщали Никол<ая> М<ихалыча>, если он оставит сына у вас, — нет-таки — не удержали молодого барина.

Марфа Ив<ановна>. А не ты ли мне всё это советовала, не по твоим ли словам я поступала? — право, если <бы> мы не хитрили, гораздо бы лучше шли все дела мои...

Ты, дьявол, мне жужжала поминутно про эти адские средства, ты... ты хотела моей печали и раздора семейственного...

Дарья (*кланяясь*). Власть ваша... а мое дело холопское; могу ли вам советовать? если вы послушаетесь моих глупых речей, так это вашей же милости... Да и какая же мне прибыль ваше горе... вот хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу, — разве мне легко по ночам-то не спать, сударыня... нет-с — мы, вся дворня, только и молим Господа об вашем спокойствии, только и блюдем что ваше здоровье... (*Молчанье.*)

Марф<а> Ив<ановна>. Не знаешь ли, какое в моем положении средство осталось? как помочь?..

Дарья (*подумав*). Средств много... да вряд ли одно из них вашей милости пондравится...

Марф<а> Ив<ановна>. Нужды нет, говори всё, смело.

Дарья. Просить прощенья у Николай Мих<алыча> и уговорить, чтобы он остался, так же как и Юрия Николаича, а после, второго можно как-нибудь и совсем оставить, притворясь больной... Тогда он уж не поедет в Неметчину.

Марф<а> Ив<ановна>. Ох, нет, это не удастся... они нам уж не поверят... да к тому ж мне просить прощенье у зятя? мне? — я разве девчонка перед ним? Ни за что, ни за что в свете. (*Молчание.*) Нет ли другого способа?..

Дарья. Насильно удержать.

Марфа Ив<ановна>. Нельзя. За это ответишь.

Дарья (*кинув пронзительный взгляд*). Клевета!

Марф<а> Ив<ановна>. Клевета? Что это... клевета? — как, объясни...

Дарья. Это, сударыня, последнее средство...

Марф<а> Ив<ановна>. Говори же скорей...

Дарья. Надобно, думаю так, поссорить Юрья Николаича с батюшкой его, тогда он поневоле к вам оборотится, вы же приласкайте его... говорится, что если человек тонет, так готов за плывущую траву ухватиться. Тут же, как молодой барин будет в отчаянье, можно у него выманить честное слово — а на его слово и подозрительный жид рад будет положиться. Нечего сказать!..

Марфа Ив<ановна> (*в смущении*). Полно-полно — да как нам поссорить их?.. где средство?

Дарья. Я сказала уж, сударыня: клевета!

Марф<а> Ив<ановна>. Да как это...

Дарья. Надо довести до ушей Ник<олай> Мих<алыча>, будто бы Юрий Ник<олаич> вам говорит одно, а ему другое, — вот и дело с концом-с. Другого средства навряд кто найдет...

Марф<а> Ив<ановна>. Я тебе это дело препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

Дарья (*подумав*). Вот что мне кажется, Марфа Ивановна, — мы этак их перессорить-то перессорим, а Юрий Ник<олаич> всё вас покинет.

Марф<а> Ив<ановна>. Как... отчего? Стало быть, этот способ не годится.

Дарья (*в сторону*). Решительная минута. (*Ей*) Другого средства нет.

Марф<а> Ив<ановна>. Мне надо непременно Юрьюшку в руки... я без него жить не могу.

Дарья. Право, это вам так только кажется-с...

Мар<фа> Иван<овна>. И ты против меня.

Дарья. Как можно, сударыня. А я говорю, что нам не удастся перехитрить Волиных... а если удастся, так что пользы; молодой барин вас не успокоит больше... уж кончено... только вас же станет укорять, вам же беспокойства...

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу...

Дарья. Как угодно, матушка, я готова на все ваши приказания.

Марфа Ив<ановна> (*в сторону*). Однако ж она правду говорит — внук всё знает, так мне только на совесть свинец, если он будет жить в моем доме да укорять меня, — Бог с ним. (*Дарье*) Ну, я с тобой соглашаюсь, видно мне суждено промыкать старость сиротой — весело зато прежде живала. Однако ж мне хочется им отомстить!

Дарья (*в сторону*). Подействовало. (*Ей*) Да мое для мщенья лучшее средство.

Уж наказанья Юрью Николаичу лучше не будет — у него негде будет головы преклонить, как разве на улице… да и Ник<олай> Михалычу будет жутко… много крови у них обоих попортится…

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу видеть их мученья… месть… месть!.. злодеи, прости Боже мое согрешенье… не в силах, мать Богородица и святые угодники — простите мне… поеду в Киев, половину именья отдам в церковь, всякое воскресенье 10-тифунтовую свечу перед каждым образом поставлю… только теперь помогите отомстить… теперь простите мне!.. (*В расслабленье*) Капель… Дашка! — дурно!..

Дарья (*подает*). Так я нынче же начну дело… только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь… весь дом на вас не наплачется…

Марф<а> Ив<ановна>. Как не огорчаться…

Дарья. Ваша воля будет исполнена, матушка…

Марф<а> Ив<ановна>. Моя воля!.. ах!.. послушай, — ты так поступай, чтобы никто не знал…

Дарья. Слушаю-с… уж я…

Мар<фа> Ив<ановна>. То-то же!.. Отведи меня на постель. (*Дарья ее доводит до двери.*) Да послушай — поди возьми шкатулку… а я уж сама дойду с палкой. (*Уходит.*)

Дарья (*берет шкатулку, вернувшись*). Ха! ха! ха! теперь рыбки попляшут на сковроде… Эта старуха вертится по моему хотенью, как солдат по барабану… Я теперь вижу золотые, серебряные… ха! ха! ха!.. в руке моей звенят кошельки… без них ведь я буду хозяйкой здесь… барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай Бог, однако ж, чтоб умерла… при ней-то мне тепло… а тогда… придет дело плохое за все мои козни, особливо если они откроются… мне скажут, грех тяжкий эти сплетни, Бог накажет… как бы не так… я слыхала от господ старых, что если на исповеди всё скажешь попу да положишь десять поклонов земляных — и дело кончено, за целый год поправа. Да и что за грех — штука теперешняя, я не понимаю, — поссорить отца с сыном — не убить, не обокрасть… помирятся… ведь… экая важность поссорить отца с сыном… хи! хи! хи! (*Хочет идти в комнату госпожи с ларчиком, но на пути останавливается.*) Да! я позабыла подумать, как распустить мои ложные вести… (*Подумав*) Всего лучше чрез людей Василья Мих<алыча>, как ненарошно. А он, узнав, не помешкает объявить приятную весточку братцу своему. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

(*Сад, день. Декорация последней сцены 2-го действия.*) (*Юрий входит... расстроенный вид.*)

Ю р и й. Дурно кончаются мои дни в этой деревне... последние дни... какие сцены ужасные... мое положение ужасно, как воспоминанье без надежд... чрез день... мы едем... но куда. Отец мой имеет едва довольно состояния, чтоб содержать себя... и я ему буду в тягость... в тягость... О! какую я сделал глупость... но тут нет поправки... нет дороги, которая бы вывела из сего лабиринта... (*Молчание.*) Что я говорю?.. нет, моему отцу я не буду в тягость... лучше есть сухой хлеб и пить простую воду в кругу людей любезных сердцу... нежели здесь веселиться среди змей и, пируя за столом, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счет кровавой слезы отца моего... это ужасно... это адское дело... (*Слышен разговор.*) Но кто идет в аллее — две тени... Заруцкий... его мундир... а это... Элиза... нет, нет... это *Любовь...* отчего сердце мое так молотком и бьется, будто бы хочет выскочить. Что всё это значит? — Опять искушенье — опять. (*Прячется.*)

(*Меж тем Любовь и Заруцкий входят в полном разговоре и останавливаются, так что ему нельзя слышать слов, но можно видеть, не будучи примечену.*)

ЯВЛЕНИЕ 3

З а р у ц к и й. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили, — но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце... то судите по себе. Во имя того юноши, который мил вам, заклинаю вас, приведите ее сюда...

Л ю б о в ь. Вы слишком дерзки, сударь... почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... поймали меня в саду, нечаянно... и не даете мне покоя. Думаете: я не могу острамить вас, велеть прогнать или пожаловаться папеньке... другая бы этого не сделала... и то для того, что вы приятель Юрья Николаича.

З а р у ц к и й (*в сторону*). Хорошо! (*Ей*) Именем его заклинаю вас. (*Становится на колени.*) Заклинаю вас, выведите Элизу... вы будете тут...

Ю р и й (*за деревом*). И она может терпеть это... злой дух испортил ее сердце... о! (*Стонает.*)

(*Заруцкий берет ее руку.*)

Довольно!.. пистолеты будут готовы в минуту… и (*с дикой радостью*) он мне поплотится своим мозгом. (*Уходит.*)

Л ю б о в ь (*в сторону*). Если бы он не был таков, как Юрий, мог ли бы он быть его другом: а он меня сделал такой счастливой; зачем же завидовать сестре. (*Ему*) Дайте мне вторично слово во зло не употребить снисхождения Элизы.

З а р у ц к и й. Клянусь.

Л ю б о в ь. Я не нуждаюсь в ваших клятвах, дайте мне только честное слово. Но я не хочу насильно его у вас вырвать; пускай это будет добровольно.

З а р у ц к и й (*вставая*). Мое гусарское слово.

Л ю б о в ь. Точно? — Ну я согласна! — только чур, помнить уговор. (*Убегает.*)

З а р у ц к и й. Ну вот и мои дела приходят к окончанью — это славно — что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно иногда им отплатить тою же монетою. (*Закручивая усы.*) Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится, — да это ничего. Первое свиданье при свидетелях, а второе tête-à-tête. Можно отважиться — а если нет, ну так можно жениться, — впрочем, мне этого не очень хочется. Гусарское житье, говорят, повеселее.

(*Юрий быстро входит с пистолетами.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Ю р и й. Господин офицер...

З а р у ц к и й. Мой друг!..

Ю р и й. Так вы меня называли прежде.

З а р у ц к и й. И теперь, надеюсь.

Ю р и й (*подает ему пистолет*). Вот наша дружба.

З а р у ц к и й. Как? что это значит?

Ю р и й (*отвернувшись*). Берите.

З а р у ц к и й. Я не хочу! — растолкуй мне, за что и на что?.. я не возьму… может быть, ошибка… и за это, черт возьми… я не стану с другом стреляться.

Ю р и й (*с горьким тоном*). Трус...

З а р у ц к и й. Ты, брат, с ума сошел или шутишь. (*Отталкивает подаваемые пистолеты.*)

Ю р и й (*в сторону*). Если он меня убьет, она ему не достанется; если я его убью… О! мщенье!.. она ему никогда не достанется, ни ему, ни мне… пусть так… теперь я понимаю, отчего он не хочет стреляться, — он не хочет

ее лишиться... Как желал бы я быть на его месте. Смерть ему, похитителю последнего моего сокровища, последнего счастья души моей... смерть и проклятье!.. (*Ему*) Трус, слабодушный ребенок... не тебе быть гусаром, ты способен стоять на коленках пред женщинами... ха! ха! ха!.. Стыдись, мямля, бери-ка пистолет.

З а р у ц к и й (*подходя*). Так Юрий в самом деле не шутит?

Ю р и й (*показывая на оружие*). Моя последняя шутка здесь... (*Кидает один пист<олет> на землю.*)

З а р у ц к и й. О! это много для шутки. (*Подымает пистолет.*) Мы стреляемся здесь!..

Ю р и й. В самом деле?.. Небо или ад мне послало это блаженство? благодарю тебя, мой помощник...

З а р у ц к и й. Только ты мне должен объяснить...

Ю р и й. Дай честное слово, что будешь стреляться.

З а р у ц к и й. Вот оно!..

Ю р и й. Ты похитил у меня ее сердце, сердце той... что была сейчас здесь... да!.. этого... кажется, довольно, слишком для меня довольно.

З а р у ц к и й. Я очень рад, что это так, ибо ты ошибаешься... выслушай только.

Ю р и й. Я не слушаю... я не верю ничему больше на свете, этот миг переменил мое существованье...

З а р у ц к и й. Да я не стану без того стреляться...

Ю р и й (*с дикой радостью*). А твое честное слово?

З а р у ц к и й (*в сторону*). Проклятое честное слово...

Ю р и й. Стреляй!

З а р у ц к и й. Я готов. (*Про себя*) Выстрелю на воздух!

Ю р и й (*в сторону*). Может быть, он еще не виновен, может быть, она меня обманула... разве он не имел права ее любить, если был любим... однако ж это требует крови, крови... пускай моя кровь прольется. (*Берет его за руку.*) Будем стреляться друзьями...

З а р у ц к и й. Что это? откуда эта перемена?

Ю р и й. Позволь мне умереть твоим другом.

З а р у ц к и й. К чему ж стреляться?

Ю р и й. Ах!.. я хочу умереть или тебя убить, тайна тяготит мое сердце... короче: я должен с тобою стреляться...

З а р у ц к и й. Но какая тайна?

Ю р и й. О нет! не испытывай меня... не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покрова с души, где весь ад, всё бешенство страстей... позволь, лучше позволь мне тебя обнять в последний

раз. (*Обнимает.*) (*Поднявшись*) Так, всё кончено... я сделал должное... последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь... ее, может быть, пробьет мой свинец; что ж?.. он будет тогда счастливей меня. (*К нему*) Добрая ночь, друг... а попы нам отпоют вечную память. (*Становятся.*)

З а р у ц к и й (*наводит пистолет*). Раз... два...

Ю р и й. Постой!..

З а р у ц к и й. На что!..

Ю р и й. Ты должен мне клясться, что если я буду убит... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкий!.. Заруцкий!.. не забудь, что мы еще друзьями... ты должен отомстить меня... Я для тебя всё сделал, что нужно. У меня в кармане бумага, где написано, что я сам застрелился... а ты беги! беги!.. совесть не должна тебя мучить: она всему виною...

З а р у ц к и й. Твой ум расстроен: ты не знаешь, про кого говоришь...

Ю р и й. Не говори, не оправдывай ее: она черна, как сажа... Не эта ли девушка клялась в любви на груди моей, не здесь ли хранится ее клятва?.. Я преклонял мои колена, как перед ангелом, ангелом невинности, — Боже всемогущий, прости, что я оклеветал Твое чистейшее творенье!..

З а р у ц к и й. Коли дело делать, так скорей, нам могут помешать...

Ю р и й (*в задумчивости*). Какой адский дух толкнул меня за это дерево... зачем я должен был увидеть обман, мне приготовленный, зачем, выпивая чашу яда, мне должно было узнать о том, — в ту минуту, когда напиток уже на языке моем...

Может быть, без этого я бы скоро ее разлюбил или провел месяцы наслажденья спокойного, на груди изменницы, — но теперь, теперь, когда я сам видел... теперь... змея ревности клубится в груди моей... ненависть пожирает мою душу... я должен отмстить за оскорбленное мое сердце...

З а р у ц к и й. Волин! готовься!..

Ю р и й (*не слышит*). Ужели это была необходимость; ужели судьбе нет другого дела, кроме терзать меня... она знает, что человек слабее ее: ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенник одних высоких чувств... окаменей подобно ее сердцу... пускай на тебе дымится мщенье... О! для чего в первые минуты любви закрыты от нас муки ревности?.. Но он, он... мой друг; ах! зачем! я б раздробил его череп... теперь я должен умереть... и что для меня жизнь, что снова блеснет разочарованной душе двадцатилетнего старика, (*подумав*) так я стар... довольно жить!..

З а р у ц к и й (*бьет его по плечу*). Теперь не время размышлять... или ты боишься?..

Ю р и й (*как от сна*). Я готов! (*Оборачивается и открывает лоб.*) Дай я буду считать… когда скажу: три… спускай… раз, два (*останавливается*)… не могу… чудо! сердце охладело… слова не льются… но я возьму верх.

(*Слышен крик. Вбегает Любовь.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Л ю б о в ь (*подбежав к Юрию, видит пистолет*). Ах!.. что это такое…

Ю р и й (*отходя прочь*). Ничего!..

Л ю б о в ь (*к Заруцкому*). Ради неба!.. что это значит! (*Молчание.*) Даже вы не хотите мне сказать… (*К Юрию*) Зачем эти пистолеты!.. и ствол к тебе…

Ю р и й (*язвительно*). Спроси у него… у этого гусара в золотом ментике и с длинными усами, он и теперь лучше удовлетворит твоему желанью, чем я.

Л ю б о в ь (*с нежным укором*). Юрий! зачем такой холодный тон… как ты скоро переменился…

Ю р и й (*в сторону*). О, непостижимое женское притворство. (*Ей*) Оставьте меня… я сказал вам, спросите у Заруцкого!..

З а р у ц к и й (*подходит к Юрию*). Нам помешали — итак, до завтрашнего… (*Уходит.*)

Ю р и й. Как знать, что будет завтра?.. может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе… (*Любови*) Что вы не пошли за ним, он вас любит больше меня…

Л ю б о в ь. Какая холодность — но мы теперь одни, растолкуй мне эту тайну, умоляю тебя самим Богом…

Ю р и й. Не им ли ты клялась любить меня…

Л ю б о в ь. Я сдержала мою клятву.

Ю р и й. Я и позабыл, что она не клялась любить меня одного… быть может, она права; кто знает женское сердце, — говорят, оно способно любить многих вдруг…

Л ю б о в ь (*с грустью*). О! как ты несправедлив…

Ю р и й. Против тебя? я несправедлив?.. и ты можешь так равнодушно говорить… как будто… о, трепещи, если я докажу тебе.

Л ю б о в ь. Чего мне бояться? Совесть моя чиста…

Ю р и й. Ее совесть? Ад и проклятье… Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства… и ты… мне изменила!..

Л ю б о в ь. Как?.. такая клевета, ужасное подозренье вышло из твоего сердца?.. Не верю! ты хотел испугать меня. (*Берет его за руку.*) Ты шутишь… о, скажи: ты шутишь!.. Юрий! перестань; я не… вынесу… этого…

Ю р и й (*в бешенстве*). И ты не стыдишься перед этими деревами, перед цветами, растущими вокруг, пред этим голубым сводом, которые были свидетелями наших взаимных обещаний… посмотрите, дерева, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами, недвижна, как жена Лотова… взгляни и ты, девушка, на них… они качают головами, укоряют тебя, смеются над тобой… нет… надо мной они хохочут… слышишь, говорят: безумец, как мог ты поверить женщине, клятвы ее на песке, верность… на воздухе… беги, беги, уже зараза смертельная в крови твоей!.. беги далеко, из родины, где для тебя ничего больше нет… беги туда, где нет женщин… где ж этот край благословенный… пущусь искать его… стану бродить по свету, пока найду, и погибну… где?.. лишь бы дальше от нее… а то мне всё равно! — простите, места моего детства, прости, любовь, надежда, мечты детские… всё свершилось для меня… (*Хочет бежать, Любовь, как пробудившись, вдруг останавливает его.*)

Л ю б о в ь. Остановись, на минуту!.. не погуби невинную девушку. (*Жалобно*) Слушай, жестокий друг: клянусь, в первый раз клянусь всем страшным для меня, что я тебя одного любила и люблю!.. чего тебе еще больше; неужели и эти слова тебя не уверяют? Юрий!.. отвечай мне ласково, иначе ты убьешь меня. (*Сильнее прижимает к себе его руку.*)

Ю р и й (*почти не слыхав ее слов*). Какой сильный дух остановил меня? отчего я еще здесь… Моя голова пылает, мысли мешаются, (*старается вырваться*) пусти… пусти.

Л ю б о в ь. Юрий! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе всё объяснить!..

Ю р и й (*холодно*). Вы справедливы…

Л ю б о в ь. Ты говоришь не от сердца.

Ю р и й. Ты невинна, непорочна… пусти меня…

Л ю б о в ь (*пускает слабже его руку, но Юрий не выдергивает свою, и она остается*). Помнишь ли ты прошедшее? — ты сам признавался, что моя нежность сделала тебя счастливейшим человеком, я верю, ибо люблю тебя со всем пламенем первой страсти… вспомни, что ты мне рассказывал давно уже; ты говорил, что предмет первой любви твоей своею холодностью сделал твой характер мрачным и подозрительным, что с тех пор твое сердце страдает от нанесенной язвы… (*Юрий глядит в сторону, дабы скрыть смущение.*) А ты губишь первую любовь бедной девушки… суди по себе… ты сделался мрачен, а я не перенесу этого…

Неужели ты такой эгоист, что почитаешь себя одного с чувством и душою… О Юрий, ты так обманул меня; ты говорил о привязанности своей

ко всему миру, ко всем людям, а ныне не имеешь сожаления к бедной девушке...

(*Юрий в сильном смущении.*)

Но ты плачешь... о, не верю, что ты совсем меня отвергнул, нет, я еще любима, — не верю твоей холодности, она пройдет, ревнивый мужчина!.. видишь: я у ног твоих прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье...

(*С рыданьем упадает перед ним и обнимает его колена. Юрий в сильном движенье; рыданья останавливают вырывающиеся слова; он плачет.*)

Ю р и й (*дрожащим голосом*). Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...

Л ю б о в ь (*встает и поднимает глаза к небу. Тихо*). О Боже! Боже мой!..

Ю р и й (*отошед в сторону*). Слабость! слабость! Она мне напомнила про первую любовь, про первые муки душевные — и я заплакал; но она не тверже меня духом; я заставлю ее, бледнея и дрожа, признаться в измене... (*Молчание.*) Я не знаю, она еще так много власти имеет надо мною, что надо призвать всю твердость, чтоб совершенно окаменеть... так, я не должен иметь ни малейшей жалости к прекрасному личику этому... я желал бы ее сделать безобразною, чтобы совершенно истребить из груди любовь. (*Берет пистолет и подходит к ней.*) Видишь ли это оружие... я могу чрез одно пожатие пальца превратить тебя в окровавленный труп... видишь. (*Прицеливается.*)

Л ю б о в ь. Стреляй, если можешь...

Ю р и й (*бросает пистолет. С досадой*). Женщина!

Л ю б о в ь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... нет, я никогда не наслаждалась ею и умею не бояться убийцы. (*Опускает снова в задумчивости голову и руки.*)

Ю р и й (*мрачный, приближается к ней*). Наши сердечные связи расторгнуты, виновна ты или нет. Я не буду любить тебя, я не могу, если б даже и хотел... (*Глядит ей пристально в глаза и берет руку.*) Вот перстень, который ты мне дала недавно: возвращаю его тебе, как ненужного свидетеля любви моей. Возьми его назад. Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит... (*Тронутый*) Благодарю тебя за лучшие часы моей жизни и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нежной женщины и что это блаженство короче всех бла-

женств... (*Жмет руку ей.*) Благодарю тебя, Любовь!.. (*Молчание. После чего Юрий с жаром продолжает*) О друг мой! оставь свое бесполезное упрямство. Ты меня не разуверишь, ибо я сам всё видел... но... признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть может, я снова полюблю тебя...

Л ю б о в ь (*гордо*). Нет! я на свою честь не буду клеветать... Впрочем, мое признанье было б бесполезно, если б я была в самом деле виновна пред тобою...

Ю р и й. Итак, ты не хочешь...

Л ю б о в ь (*твердо*). Не могу и не должна!..

Ю р и й. Прощай. (*Идет, но ворочается.*) Дай мне последний поцелуй. (*Берет ее руки.*) Прощай, Любовь, прощай надолго!.. (*Целует ее в губы.*) (*В восторге*) Нет! нет! эти уста никогда не могли быть преступными, я б никому не поверил, если б... проклятое зренье!.. Бог всеведущий! зачем ты не отнял у меня прежде этого зренья... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, Бог!.. О! (*с диким стоном*) во мне отныне нет к Тебе ни веры, ничего нет в душе моей!.. но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты... Ты... Ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы... зачем Ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... Ты виновен!.. Пусть гром упадет на меня, я не думаю, чтоб последний вопль давно погибшего червя мог Тебя порадовать... (*В отчаянье убегает.*) (*Молчание.*)

Л ю б о в ь (*оглядывается*). (*Жалобно*) Он ушел! О, я несчастная девушка!.. (*Упадает в слабости на скамью дерновую.*)

(*Занавес опускается.*)

КОНЕЦ 4-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

(*Комната Николая Михалыча, сундуки и чемоданы готовы к отъезду.*)

В а с и < л и й > М и х < а л ы ч > (*входя, слуге, который идет за ним*). Что? что? не может быть. Неужели это правда?

С л у г а. Точно так-с...

В а с и < л и й > М и х < а л ы ч >. Так, так, мне самому это всё казалось... экой шельма... поди позови брата сюда моего... экое несчастное дело! (*Уходит слуга.*) Ну как объявить ему теперь — просто, да, просто — надобно за один раз кончать эти сплетни. (*Садится.*) Надобно порядком

распечь племянника моего, — экую он заварил кашу — однако я пощажу его немного.

Молодость! всё молодость! хотя это такой порок, от которого всякий день мы исправляемся, — может быть, он и не совсем так говорил, или что-нибудь да не так тут есть... впрочем, я не думал бы никак, чтоб Юрий дошел до такой низости, если б (*в задумчивости опускает голову*)... Ба! — что это за записка: Ma chère... это любопытно. (*Подымает записку — вдруг вскакивает в изумлении и долго молчит, смотря на записку, потом с досадой говорит*) Как... к Любови — к моей дочери любовное письмо — свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю. (*Молчание.*) Видно, это давно написано, потому что на полу валяется, как всё старое. (*Молчание.*) Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает... с братом двоюродным любовное свиданье — где это на свете видано...

О! я ему отомщу; будет теперь меня помнить. После этого чего нельзя от него ожидать, от обольстителя двоюродной сестры!.. (*Ходит взад и вперед.*) Однако припрячу записку до случая. (*Кладет в карман.*) Но вот и брат идет, кажется...

ЯВЛЕНИЕ 2

(*Николай Михайлович входит.*)

Ник<олай> Мих<алыч>. Что это, брат, такое, что опять за важное дело. У меня, право, их теперь так много, что не знаю, куда с ними деваться.

Вас<илий> Мих<алыч>. Да дело немаловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник<олай> М<ихалыч>. М<арфа> Ив<ановна> что-нибудь еще хочет сочинить, не правда ли?

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, до нее тут ничего не касается.

Ник<олай> Мих<алыч>. Эх, братец! так что же тут может быть важного? Ты меня только оторвал от занятья... об этом после можно поговорить.

Вас<илий> Мих<алыч>. То-то нельзя...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же это?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Твой сын...

Ник<олай> Мих<алыч>. Мой сын — лучший из сынов. Благороден, справедлив, хотя мечтателен, и меня любит, несмотря на все происки старух...

Васили<й> М<ихалыч>. Хм! хм! хм!

Ник<олай> Ми<халыч>. Что ты так смотришь? Неужели кто-нибудь может сказать нет?

Василий Мих<алыч>. Нет! не то чтобы не любил *совсем;* а это еще подлежит сомнению.

Ник<олай> Мих<алыч>. Как сомнению? что это! Неужели ты так об нем думаешь, братец?

Василий Мих<алыч>. Да думаю... и, может быть, ты сам скоро начнешь думать.

Ник<олай> Мих<алыч>. По крайней мере он до сих пор не подал мне повода почитать его бесчестным человеком.

Вас<илий> Мих<алыч>. Вот видишь: есть люди, которые умеют так скрыть цель свою и свои поступки, что...

Ник<олай> Мих<алыч>. Братец! Юрий не из таких людей...

Васил<ий> Мих<алыч>. Человек неблагодарный не может быть хорошим человеком.

Ник<олай> Мих<алыч>. В нем этого нет...

Вас<илий> Миха<лыч>. А как есть? Разве Марфа Ивановна не воспитала его, разве не старалась об его детстве, разве не ему же хотела отдать всё свое имение, а он — оставим — ну, да это для отца, — да как поступает с ней; со стороны жалко смотреть, — груб с нею, как с последней кухаркою...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же из этого всего ты хочешь вывесть?.. Ради Бога объяснись!..

Василий Мих<алыч>. А то хочу вывесть, что он, обманув ее, может обмануть и тебя. Видишь: тебе кажется, что он с ней так дурно поступает, ее оставляет, про нее дурно говорит... а кто знает, может быть, и ей он на тебя Бог знает как клевещет.

Ник<олай> Мих<алыч>. Стыдись! — это всё одни несправедливые подозрения! — помилуй! что ты делаешь?

Вас<илий> Мих<алыч>. Я хочу тебе открыть глаза из одной дружбы к тебе, и у меня, поверь, не одни подозрения — без доказательств не смел бы я говорить.

Ник<олай> Мих<алыч>. Да тут нет доброго смысла, братец!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Отчего же?

Ник<олай> Мих<алыч>. Ну ты, верно, согласишься, что Юрий умен!

Вас<илий> Мих<алыч>. Глупый человек не может быть так лукав!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Итак, согласен! Какая же тут цель? Он должен бы был понять, что эти сплетни, как ты говоришь, ни к чему не послужат!

Вас<илий> Мих<алыч>. То-то и дело: он умен, потому-то я еще и не совсем дошел до цели. А в том, что я теперь тебе расскажу, — я уверен.

Слушай же: вчерась, в ее комнате, он говорит своей бабке: довольны ли вы теперь моей привязанностью! вам тяжко присутствие моего отца! я ему про вас наговорил, он с вами побранился — и теперь вы имеете полное право ему указать порог...

Ник<олай> Мих<алыч>. Ужасное бесстыдство...

Вас<илий> Мих<алыч>. Да — но это не всё...

Ник<олай> М<ихалыч>. Что еще может быть ниже этого!... но нет, не верю... не верю... кто слышал это? (*Берет его сильным движением за руки.*) Отвечай, кто слышал?.. кто?

Вас<илий> Мих<алыч> (*в сторону*). Беда! надобно солгать. (*Ему*) Я — я слышал... право я...

Ник<олай> Мих<алыч>. Непостижимый случай. Сын... не могу подумать этого — изверг!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Успокойтесь!.. успокойтесь...

Ник<олай> М<ихалыч>. Мне успокоиться? Ха-ха!.. (*Звонит, человек входит.*) Сына моего пошли. Сию минуту отыщи его, хотя б он был у самого черта... слышишь. (*Ходит взад и вперед по комнате.*)

Вас<илий> Мих<алыч>. Но я тебя прошу, братец, поменажируй, поменажируй его... пожалоста, — ведь я так только тебе сказал, а не для того, чтобы сделать из этого целую историю... пощади его, ведь он еще молод, видишь ли... братец...

Нико<лай> Мих<алыч> (*в бешенстве*). Никогда — никогда — мне его пощадить — нет — я ему дам нагонку — кто б подумал — такое злодейство... хотя бы капля совести — ничего! До тех пор меня обмануть... О! он дорого мне это заплотит... (*Ходит взад и вперед.*)

Вас<илий> Мих<алыч> (*в сторону*). Вот, кажется, и Юрий идет сюда — сяду на это кресло и, как ни в чем не бывало, стану слушать. Да я б желал, чтоб ему хорошенько досталось, — ведь видно, что родства не знает. Любовное свидание с моей дочерью! Боже, Боже мой! экая нынче молодежь! Ну ж, я ему отплатил! В таких случаях солгать простительно! (*Садится возле стола.*)

ЯВЛЕНИЕ 3
(*Прежние и Юрий* (*входит тихо*))

Юрий. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник<олай> Мих<алыч> (*в сторону*). Любезный! я ему задам такой любезности, что он будет помнить.

Юрий (*ближе*). Батюшка! что вам угодно?..

Ник<олай> Мих<алыч> (*оборачиваясь. Сердито и строго*). Кажется, вам бы можно со мной поучтивее обращаться...

Юрий (*в удивлении отступает назад*).

Вас<илий> М<ихалыч> (*в сторону*). Идет хорошо покуда.

Ник<олай> Мих<алыч>. Кто тебе велел сюда прийти?

Юрий (*всё еще смотрит на него*).

Николай М<ихалыч>. Повторяю, зачем ты сюда пришел?

Вас<илий> Мих<алыч>. Да ведь ты, братец, за ним, кажется, посылал!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Знаю сам. Да я хочу, чтобы он отвечал... (*С презреньем.*) Видишь, как смотрит, точно бык. (*Юрию*) Что ты молчишь, негодяй?

Юрий. Что такое?.. но вы, верно, шутите, батюшка, перестаньте, прошу вас; нынче такие шутки мне слишком тяжело легли на сердце... кончите...

Ник<олай> Ми<халыч> (*сердито*). Смотри, пожалуста, — я с ним шучу!.. нет, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человек.

Юрий (*горячо*). Батюшка, я не заслужил этого!

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты заслужил больше... ты стоишь, чтоб я тебя прибил... и еще больше.

Юрий (*гордо и с увеличивающимся жаром*). Вспомните, что я уже не ребенок... не доведите меня до крайности, моя голова довольно нынче разгорячена... Я невинен, ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвечать!.. не...

Ник<олай> М<ихалыч> (*прерывает*). Отец всегда имеет право над сыном... а ты хочешь идти против меня, неблагодарный?..

Юрий. Так, я неблагодарен, только не к вам. Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете... О! это горький дар...

Ник<олай> Ми<халыч>. Что ты хочешь сказать этим...

Юрий. Для вас я покидаю несчастную старуху, хотя мог бы быть опорой последних дней ее... Она мне дала воспитание, ухаживала за моим детством, ей обязан я пропитаньем, богатством, всем, что я имею, кроме жизни... и в несколько дней я ее приблизил к могиле... К ней я неблагодарен... я не должен был смотреть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... но для вас я сделал великое преступление... и вы меня обвиняете, вы, мой отец... нет, это свыше границ возможного!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими сплетнями увеличил нашу ссору, который, надев маску привязанности, являлся к каждому и вооружал одного против другого, через которого я как последний нищий выгоняем из

этого дома… несчастный; если б я это знал, я б тебя удушил при твоем рожденье, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрий (*бросается к ногам его*). Ради всего страшного, не продолжайте, отец мой!.. я почти понимаю, что вы хотите сказать… клевета… клевета… всё клевета… не верьте никому… кроме мне… я вас люблю, я это доказал…

Ник<олай> Мих<алыч>. Змея…

Юрий. Рассмотрите, узнайте… но берегитесь меня доводить до отчаяния: я невинен!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Я всё знаю… теперь поздно твое коварство. Тебе не удалось нынче. Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты, я вижу адскую душу… отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын… прочь, прочь отсюда с твоим наследством. Ты мне золотом не заклеишь язык… я всё тебя отвергну, хотя б с тобой были миллионы… такое коварство… почти отцеубийство, если не хуже, потому что я тебя любил… и в таких молодых летах… прочь, прочь… я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояние самое опасное, может быть, и скоро совсем разорюсь… буду просить милостыню… но верь мне, даже не подойду к твоему окошку… я не захочу встре<тить> на нем печать моего проклятья… сердце мое тогда бы облилось сожаленьем… я этого не хочу — прочь!..

Юрий (*вздрагивает при слове проклятье и, быв прежде в ужасном движении, вдруг становится как окаменелый*).

(*Молчание.*)

Васил<ий> М<ихалыч> (*подходит к брату*). Не довольно ли? Посмотри, как он бледен… как мертвец.

Ник<олай> Мих<алыч>. Так его и надо… нужды нет!.. он еще может раскаяться…

Юрий (*вдруг с диким смехом*). Ха! ха! ха!.. отец проклял сына… как это легко… Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо… посмотрите на эти спокойные черты: этот отец проклял сына!.. (*Уходит в сильном, но молчаливом отчаянии.*)

ЯВЛЕНИЕ 4
(*Прежние без Юрия.*)

Ник<олай> Мих<алыч>. Он ушел?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Кажется, братец, кажется.

Ник<олай> Ми<халыч>. Я так утомился, мне надобно отдохнуть… о, не дай Бог иметь такие дни в жизни никакому отцу.

Вас<илий> М<ихалыч>. Ты прав, братец... не дай Бог...

Ник<олай> Мих<алыч> (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 5

Вас<илий> Мих<алыч> (*один*). Уж досталось тебе, негодяй... Если я б еще последнее сказал да представил это письмо, так не то бы еще было — да так уж пожалела моя душа...

Теперь пойду, однако ж дочку свою не стану еще бранить... будет время... и без нас здесь шуму и горя довольно... ох, ох! ох!.. (*Уходит за братом своим.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Дарья (*которая подслушивала за противоположной дверью, выходит на цыпочках*). Всё кончено — слава Богу, мне удалась эта, как многие другие, однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить. Так прекрасно через людей передала я свою выдумку Вас<илию> Мих<алычу> — а тот сдуру и поверил... Ну ж мне будет благодарность от госпожи моей... денег-то, денег-то... а уж этот Волин, зажгла я его хоромы, и морем не потушит... теперь всё наше... хоть заране молебен святым угодникам служи... Однако ж потороплюсь объявить свою новость барыне... добро вам, незваные гости!

ЯВЛЕНИЕ 7

(*Дарья хочет уйти, но встречается в дверях с Марфой Ивановной.*)

Марф<а> Ив<ановна> (*входит с палкой*). Дашка! Дашка! что тут случилось! скажи скорей! я слышала шум... вижу радость на твоем лице... что такое? Дашка! подай стул...

Дарья (*подвинув стул*). Что случилось, сударыня?..

Марфа Ив<ановна>. Ну да! говори же.

Дарья. Что случилось?!.

Марф<а> Ив<ановна>. Какое дурацкое эхо!.. отвечай же скорей.

Дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынком... не извольте бояться — это ничего: Юрья Николаича батюшка побранил да в шутку и проклял; а тот огорчился. Вот вам всё, сударыня.

Марф<а> Ив<ановна>. Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты (*поднимает руку на нее*) своими сплетнями это сделала...

Дарья. Да ведь вы сами, матушка, приказывали. (*Кланяясь*) Чем же я могла вас прогневить...

М а р < ф а > И в < а н о в н а >. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... но разве не ты мне это присоветовала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...

Д а р ь я (*повалившись ей в ноги*). Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

М а р ф < а > И в < а н о в н а >. Как могло это до того дойти... кто б подумал... о, эта змея проклятая... о! если б я знала, я бы скорей помирилась тысячу раз с Волиным... лишь бы не дошло до этого... на старости лет такой грех на мне... Он погиб теперь... и я погибла... и все... все... Уф! как темно... как холодно... будто... будто железная рука выдавила последнюю каплю крови из моего сердца... там светло... вот чаша... в ней вода... в воде... яд. (*Молчание.*) (*Тихо*) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди, чего ты от меня хочешь?.. ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нет... откуда тебе взяться?.. Ох! ох!.. не трогай руки моей!.. я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (*Уходит с признаками сумасшествия.*)

Д а р ь я (*встав*). Она сошла с ума — теперь опять всё наше, опять дело выиграно. (*Уходит с веселым лицом.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

(*Комната Юрия: темно. Он стоит возле стола, опершись на него рукою; возле него стакан воды. Иван, слуга его, стоит недалеко.*)

И в а н. Здоровы ли вы, барин...

Ю р и й. На что тебе?

И в а н. Вы так бледны...

Ю р и й. Я бледен?.. Может быть, скоро буду еще бледнее.

И в а н. Ваш батюшка только погорячился, он скоро вас простит...

Ю р и й. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

И в а н. Мне не велено от вас отходить...

Ю р и й. Ты лжешь!.. Здесь нет никого, кто б занимался мною... Я здоров: поди же прочь.

И в а н. Напрасно, сударь, хотите меня в том уверить, ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное...

Ю р и й (*вынимает из шкатулки, на столе стоящей, кошелек. В сторону*). Я слыхал, что в людях это (*показывая на кошелек*) многое может произвести. (*Ивану*) Возьми это — и ступай отсюда, здесь тридцать червонцев...

И в а н. За тридцать сребреников продал Июда Иисуса Христа... а это еще золото... нет, барин, я не такой человек... хотя раб, а не решусь взять от вас денег за такую услугу.

Ю р и й (*бросает в окно*). Так пусть кто-нибудь подымет.

И в а н. Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь... не всё горе; не всё печаль на свете. Успокойся, батюшко.

Ю р и й (*тяжело*). Однако ж.

И в а н. Бог пошлет вам счастье... хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит Бог, от вас сердитого слова не слыхал...

Ю р и й. Точно?..

И в а н. Я всегда велю жене и детям за вас Бога молить.

Ю р и й. Так у тебя есть жена и дети...

И в а н. Да еще какие... как с неба, прекрасная, добрая жена... и малютки, сердце радуется, глядя на них...

Ю р и й. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

И в а н. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Ю р и й. У тебя есть дети... не проклинай их никогда.

(*Отходит в сторону.*)

И в а н (*смотрит на него с сожаленьем. Его кто-то из-за кулис вызывает к Марфе Ивановне. Он уходит медленно.*) (*Юрий остается один.*)

ЯВЛЕНИЕ 9
(*Юрий один.*)

Ю р и й. А он, мой отец, меня проклял! и так ужасно... в ту минуту, когда я для него жертвовал всем: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... в эту самую минуту... ха! ха! ха!.. О, люди, люди... два, три слова, глупейшая клевета сделала то, что я стою здесь на краю гроба... Прекрасная вечность! прекрасные воспоминания!.. Но... это всё должно было так кончиться... Где золото есть главный предмет, дело там не кончится лучше...

И в этот день он меня проклял! в тот самый день, когда я столько страдал, обманутый любовью, дружбой... Мое терпенье кончилось... кончилось... я терпел, сколько мог... но теперь... это выше сил человеческих!.. Что мне жизнь теперь, когда в ней всё отравлено... что смерть! переход из одной комнаты в другую, подобную ей. (*Указывая на стакан*) Как подумать, что эта ничтожная вещь победит во мне силу творческой жизни? что белый порошок превратит в пыль мое тело, уничтожит создание Бога?.. Но если Он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. зачем хотел Он моего рожденья, зная про мою гибель?.. где Его воля, когда по моему хотенью я могу умереть или жить?.. о! человек несчастное, брошенное созданье... он

сотворен слабым; его доводит судьба до крайности… и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности; они могут… о! если б я мог уничтожить себя! но нет! да! нет! душа моя погибла. Я стою перед Творцом моим. Сердце мое не трепещет… я молился… не было спасенья; я страдал… ничто не могло Его тронуть!.. (*Сыпет порошок в стакан.*) О! я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденье моем. Отец меня отвергнул, проклял мою душу — и должен этого дожидаться. (*Молчание небольшое.*) Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Когда дерево сожжено, печь гаснет. Так природа сокрушится, когда мера различных мук человеческих исполнится. Всё исчезнет. Печь производит искры: природа — людей, одних глупее, других умнее. Одни много делают шуму в мире, другие неизвестны; так искры не равны меж собой. Но все они равно погаснут без следа, им последуют другие без больших последствий, как подобные им. Когда огонь истощится, то соберут весь пепел и выбросят вон… так с нами, бедными людьми; всё равно, страдал ли я, веселился ли — всё умру. Не останется у меня никакого воспоминания о прошедшем. Безумцы! безумцы мы!.. желаем жить… как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века; как будто отечество или мир стоит наших забот, тщетных как жизнь. Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности… счастлив, кто, чувствуя тягость бытия, имеет довольно силы, чтоб прервать его. Прощай, мой отец, мы никогда не увидимся… не от тебя я умру… ты только помог мне образумиться… Ах! и она… эти прекрасные, обманчивые черты — потеряют свою привлекательность, кто б поверил? Мне их жалко. О! Скоро… скоро… вы все пройдете как тени… (*Берет стакан и пьет, тут вздрагивает.*) За здоровье ваше… Меня утешает мысль: все люди погибнут… глупо было бы желать быть исключену из этого числа. Но… зачем холод бежит по моим жилам, зачем я дрожу… еще не время… погоди… погоди, адское чудовище… еще четверть часа, смерть, — и я твой!.. (*Садится в кресла — небольшое молчание.*)

ЯВЛЕНИЕ 10

(*Любовь и Элиза входят в разговоре. Юрий, видя их, вскакивает и отходит в сторону. В комнате темно.*)

Э л и з а. Что тебе сказал Заруцкий, отчего его не было в саду… что это всё значит?.. твое беспокойствие не к добру, ma chère. Ты от меня бегаешь — и, верно, чего-нибудь ищешь.

Л ю б о в ь. Не видала ли ты, где Юрий…

Э л и з а. На что тебе его…

Л ю б о в ь. Ах! сестрица! ты всему виною. Они хотели стреляться... Заруцкий меня на коленах просил, чтоб я тебя привела для свиданья. Юрий видел и принял совсем иначе... О! я несчастная девушка!.. он меня оставил, он думает, что я изменила ему... он не хочет даже выслушать меня. О! если б он знал... если б он видел мои слезы...

Ю р и й (*в сторону*). И я только теперь это слышу!.. безумец я!

Э л и з а. Чего же ты теперь хочешь, ma sœur?

Л ю б о в ь. Дядюшка его проклял... он в отчаянье... верно, понапрасну; Бог его за меня наказал. Я хочу его сыскать... хочу утешить Юрия... Ах! сестрица, сестрица! если б он видел мои слезы... но... он меня любит, в нем еще есть жалость... о, если б он знал, что происходит в моем сердце.

(*Юрий в это время подходит и отходит в нерешимости.*)

Л ю б о в ь. Я его утешу, пойду к его отцу. На коленах выпрошу прощенье... или умру... я боюсь... О! где б мне его найти... одна моя любовь может его утешить... он всеми так жестоко покинут!..

Ю р и й (*в отчаянье*). Злодей! самоубийца!..

Э л и з а. Что это?

Л ю б о в ь (*бросается*). Юрий! Юрий, он здесь... (*Юрий встает.*) Как бледен... какой страдальческий взгляд!

Ю р и й. Ты меня любишь... а я всегда любил тебя...

Л ю б о в ь (*рыдает у него на шее*). Люблю ли я тебя?.. благодарю небо!.. наконец я счастлива... друг мой... друг мой... я тебе всегда была верна...

Ю р и й. Да! да! — это мое последнее утешение.

Л ю б о в ь (*всё еще на груди его*). Тебя все покинули.

Ю р и й. Ты ошибаешься! я всех покидаю... ты этого не знала?

(*Любовь подымается и смотрит с удивлением.*)

Я еду в далекий, бесконечный путь...

Л ю б о в ь. Что это? — ты едешь...

Ю р и й. Мы никогда, никогда не увидимся...

Л ю б о в ь. Если не здесь, то на том свете...

Ю р и й. Друг мой! нет другого света... есть хаос... он поглощает племена... и мы в нем исчезнем... мы никогда не увидимся... разные дороги... все к ничтожеству... Прощай! мы никогда не увидимся... нет рая — нет ада... люди брошенные бесприютные созданья.

Л ю б о в ь. О Всемогучий! что сделалось с ним... он не знает, что говорит...

Ю р и й (*смотрит на нее пристально*). Как ты прекрасна в эту минуту… вот последнее удовольствие мое… оно велико… я согласен… Нет, не потревожу… это нежное выражение глаз, эти полуоткрытые уста… не стану говорить ей… не хочу видеть ее в ужасе… ах!.. но нет, пусть она узнает. Что мне? я умру!.. пусть всё откроется… если б был здесь мой отец… как насладился б он видом моих предсмертных судорог…

Л ю б о в ь. Что он говорит… Юрий! Юрий!.. я предчувствую ужасное…

Ю р и й (*берет ее за руку*). Знай, что может сделать обманутое сердце, что может проклятие вечное отца… узнай… и… да разорвется твоя слабая грудь… трепещи… кровь остановилась в твоих жилах… а! подумай! отгадай. Ха! ха! ха! ха! — нет, смейся лучше, пой, веселись, пляши… я — не бойся… я — только… принял — яд!..

Э л и з а. Ай! на помощь, скорей!.. (*Убегает.*)

(*Любовь дрожит, бледнеет и упадает в обморок на кресло… он стоит над ней.*)

Ю р и й. Так! я это знал! — женщины! женщины! вы не сотворены для подобных ощущений!.. как она бледна… образ смерти… О, если б она не просыпалась… если б могла не видать моего трупа… (*Становится на колени.*) Не приходи в себя… ты и теперь прекрасна… умри лучше… мы с тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишком пылко, твое слишком нежно, слишком слабо. (*Целует ее руку.*) Рука тепла.

Л ю б о в ь (*приходит в себя*). (*Подымается на стуле и кидается к нему на шею.*) Молись!

Ю р и й. Поздно! поздно!..

Л ю б о в ь. Никогда не поздно… молись! молись!

Ю р и й (*вскакивает*). Нет, не могу молиться.

Л ю б о в ь (*встает*). О, ангелы, внушите ему! Юрий!

Ю р и й. Мне дурно!..

Л ю б о в ь. Дурно…

Ю р и й. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желал бы простить ему… (*Упадает на землю.*)

Л ю б о в ь. Он падает… (*Смотрит на небо.*) Помоги! помоги (*становится на колени возле Юрия*), останови его душу… Бог! сделай первое чудо… он вернется к Тебе…

Ю р и й (*умирающим голосом*). Плачь… плачь — плачь… Бог мне… никогда… не простит!.. (*Умирает. Любовь рыдая падает на него. Молчание.*)

ЯВЛЕНИЕ 11

(*Ник<олай> Мих<алыч>, Вас<илий> Мих<алыч>, Элиза, Иван, Дарья.*)

Дарья (*с ужасом*). Умер.

Ник<олай> Мих<алыч> Мой сын... от моего проклятья!.. не может быть! он еще жив... не верю... он жив!..

Дарья (*указывая на труп холодно*). Отчего же? — посмотрите сюда... вы хотели: он умер...

Вас<илий> Мих<алыч> (*поднимая Любовь*). Дочь моя!.. спирту!.. ах! и она едва дышит... спасите, спасите хоть ее... (*Любовь уносят. Вас<илий> Мих<алыч> и Элиза уходят.*)

Иван. Боже! прости душу моего господина!..

(*Все стоят в безмолвном поражении.*)

(*Занавес опускается.*)

КОНЕЦ

486. СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК
Романтическая драма

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

The Lady of his love was wed with one.
Who did not love better. . . . .
. . . .
. . . .
...And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far deeper madness, and tlie glance
Of melancoly is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..

(*The Dream.* Lord Byron).

СЦЕНА I

Утром. 26 августа.
(*Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с книгами и бюро.*)
(*Действие происходит в Москве.*)
(*Павел Григорич запечатывает письмо.*)

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а 20-летнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какою-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит,

слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? в штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же... нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, всё теперь кончилось! — не тут-то было: только начинается!..

Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда я же буду виноват; про меня же скажут, как намедни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! Ты испытаешь всю тягость моего мщения; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидать тебя снова. Не делал ли я всё, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогали. (*Молчание.*) Кажется, кто-то сюда идет... так точно...

(*Входит Владимир Арбенин.*)

Владимир. Батюшка! здравствуйте...

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи...

Но ты что-то невесел, друг мой! Где был ты?

Владимир (*бросает на отца быстрый и мрачный взор*). Где я был, батюшка?

Павел Григ<орич>. Что значит этот пасмурный вид? Так ли встречают ласки отца?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григ<орич>. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я отгадал...

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она — почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет... О! батюшка! эта душа заслуживала прощение и другую участь! Батюшка! я видел горькие слезы раскаяния, я молил-

ся вместе с нею, я обнимал ее колена, я... я был у моей матери... чего вам больше?

Павел Григ<орич>. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели... отец мой! Вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы... я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости...

Павел Григ<орич> (*его лицо пылает*). Ты смеешь!.. Меня обвинять, неблагодар...

Владимир. Нет! вы мне простите!.. Я себя не помню... Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она *мне* сделала? На ее коленах протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни... и теперь, когда она в нищете, приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам... Батюшка! она хочет вас видеть... я умоляю... если мое счастье для вас что-нибудь значит... Одна ее чистая слеза смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!..

Павел Григ<орич>. Слушай, дерзкий! я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир (*кусая губы*). Что скажут в свете!..

Павел Григ<орич>. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Марье[*] Дмитревне; я бы дал тебе препорученье...

Владимир. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

Павел Григ<орич>. Да, да! Она еще не довольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимир. Она моя мать.

Павел Григ<орич>. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

Владимир. Отец мой! Я не сотворен для таких препоручений.

Павел Григ<орич> (*с холодной улыбкой*). Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя... Также тебе дам я прочитать письмо от графа насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей матери — я прошу, когда могу приказывать! (*Уходит.*) (*Владимир долго смотрит ему вслед.*)

* *В рукописи ошибочно:* Анне.

В л а д и м и р. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда Тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! Ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, должно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!..

(*Входит Белинский, разряженный.*)

Б е л и н с к и й. А! здравствуй, Арбенин... здравствуй, любезный друг! что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету? Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

В л а д и м и р. Руку! (*Жмет ему руку.*)

Б е л и н с к и й. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудрено, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что...

В л а д и м и р. О чем ты болтаешь тут?

Б е л и н с к и й. О чем? Он поглупел или оглох! Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников... ха! ха! ха!.. Ты, верно, ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крылиях зефира... нет, потрудись-ка сам слетать. Друг мой! кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь...

В л а д и м и р (*прерывает его*). Где был ты вчера?

Б е л и н с к и й. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

В л а д и м и р. Смешной народ! Таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Б е л и н с к и й. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклонением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно... Мне показались жалкими этот отец и его дети.

В л а д и м и р. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастию ближнего, какого бы роду оно ни было.

Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей, — и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне... Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне... и это так тяжело, так тяжело!..

Б е л и н с к и й. Эх! полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят... а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью... всё проходит, зло, как добро...

В л а д и м и р. Переносить! Переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует...

Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и всё прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений... Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу... друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Б е л и н с к и й. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умей только почерпать из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! вынь да положь. А кто после терпит?

В л а д и м и р. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят о любви моей, а иногда, что они совсем не дорожат ею. Они знают, что я их люблю, сколько может любить сын. Нет! зачем, когда они друг на друга косятся, зачем есть существо, которое хотело бы их соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! я не должен так говорить, но ты ведь знаешь всё, всё; и тебе я могу поверять то, что составляет несчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Б е л и н с к и й. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменился. Расскажи-ка мне, как идут твои любовные похождения? ты нахмурился? скажи: давно ли ты ее видел?..

В л а д и м и р. Давно.

Б е л и н с к и й. А где живут Загорскины? их две сестры, отца нет? так ли?

В л а д и м и р. Так.

Б е л и н с к и й. Познакомь меня с ними. У них бывают вечера, балы?

В л а д и м и р. Нет.

Б е л и н с к и й. А я думал... однако всё не мешает... Познакомь меня...

В л а д и м и р. Изволь.

Б е л и н с к и й. Расскажи мне историю твоей любви.

В л а д и м и р. Она очень обыкновенна и тебя не займет!..

Б е л и н с к и й. Знаешь ли ты кузину Загорскиных, *княжну?* Вот прехорошенькая и прелюбезная девушка.

В л а д и м и р. Быть может. В первый раз, как я увидал ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слыхав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям.

Б е л и н с к и й. Суевер!..

В л а д и м и р. Намедни я поехал верхом; лошадь не хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой об столб. Точно так и с душой: иногда чувствуешь отвращение к кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека... а смотришь, он тебе плотит коварством и неблагодарностью!..

Б е л и н с к и й (*смотрит на часы*). Ах, Боже мой! а мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду...

В л а д и м и р. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Б е л и н с к и й. К графу Пронскому — скука смертельная! а надо ехать...

В л а д и м и р. Зачем же надобно?

Б е л и н с к и й. Да так...

В л а д и м и р. Важная причина. Ну, прощай.

Б е л и н с к и й. До свиданья. (*Уходит.*)

В л а д и м и р. Люблю Белинского за его веселый характер! (*Ходит взад и вперед.*)

Как моя голова расстроена; всё в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин.

Поеду... Увижу Наташу, этого ангела! Взор женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. (*Садится и вынимает из кармана бумагу.*) Странно! вчерась я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь — теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... какой я ребенок! — всё это мне так памятно, так дорого, как будто

одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! Боже! чего желает мое сердце? — Когда я далеко от нее, то воображаю, что скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напомню о минувшем, о всех мелочах... А только с нею — всё забыто; я истукан! душа утонет в глазах; всё пропадет: надежды, опасенья, воспоминания... О! какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного созданья! (*С горькой улыбкой*) Чем-то кончится жизнь моя, а началась она недурно. Впрочем, не всё ли равно, с какими воспоминаниями я сойду в могилу. О! как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самопознания, которая с младенчества была моим уделом! (*Уходит тихо.*)

СЦЕНА II

Ввечеру 28 августа.

(*Диванная в доме Загорскиных; дверь одна отворена в гостиную, другая в залу. Хозяйка Анна Николаевна; ее дочь Наталья Федоровна. Софья, княжна, вскоре. Иные сидят, другие разговаривают стоя.*)

(*Бьет восемь часов.*)

Анна Николавна (*одному из гостей*). Были вы вчера у графа? там, говорят, был благородный театр... и еще говорят: как отделаны комнаты были... это чудо... по-царски!..

Гость 1. Как же-с — я был там. До 5 часов утра танцевали; и всего было довольно, всякого рода людей.

Наталья Фед<оровна>. Какие вы насмешники!.. а кто там был из кавалеров?..

Гость 1. Два князя Шумовых, Белинский, Арбенин, Слёнов, Чацкий... и другие; одних не помню, других позабыл... Знаете вы Белинского? — премилый малый, прелюбезный. Не правда ли?

Анна Ник<олавна>. Да, я слыхала.

Одна из барышень. Скажите, пожалуста, кто такое этот Арбенин? — мне об нем много рассказывали.

Гость 1. Во-первых, он ужасный повеса, насмешник, и злой насмешник; дерзок и всё, что вы хотите; впрочем, очень умный человек. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности; нет — все об нем этого мнения.

Наталья Фед<оровна>. Я вам ручаюсь, что не все: я первая не так думаю об нем. Я его знаю давно, он к нам ездит, и я не заметила его злости; по крайней мере он ни о ком при мне так не говорил, как вы теперь про него...

Гость 1. О! это совсем другое; с вами он, может быть, очень любезен, но...

Другая барышня. Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2 (*подойдя*). А мне кажется, наоборот...

Наталья Фед<оровна> (*одной из барышень*). Ma chère! Знаешь ли ты что-нибудь глупее комплиментов?

Гость 3 (*недавно подошедший*). А знаете ли вы историю Арбенина?..

Одна из дам. Я не думаю, чтоб он был такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его историей; и до кого она касается? Он очень счастлив: это доказывает его веселый характер, а история счастливых людей не бывает никогда занимательна...

Гость 3. Поверьте, веселость в обществе очень часто одна личина; но бывают минуты, когда эта самая веселость, в боренье с внутреннею грустью, принимает вид чего-то дикого; если внезапный смех прерывает мрачную задумчивость, то не радость возбуждает его; этот перелом доказывает только, что человек не может совершенно скрыть чувств своих. Лица, которые всегда улыбаются, — вот лица счастливцев!

Наталья Федоровна. О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3. Разве вы никогда не заступаетесь за людей, которых обвиняют понапрасну?

Наталья Федо<ровна>. Напротив! вот я третьего дни целый час спорила с дядюшкой, который утверждал, что Арбенин не заслуживает названия дворянина, что у него злой язык и так далее... А я знаю, что Арбенин так понимает хорошо честь, как никто, и что у него доброе сердце... он это доказал многим!..

Гость 1 (*обращаясь к другому*). Посмотрите, как она покраснела!

Гость 4. C'est une coquette.

Наталья Ф<едоровна> (*смотрит в дверь*). Кто это еще приехал?.. Ах, вообразите: я не узнала издали кузину!..

(*Княжна Софья входит.*) (*Кузины целуются.*)

К<няжна> Софья (*тихо Наташе*). Я сию минуту, выходя из кареты, видела Арбенина; он ехал мимо вашего дома и так пристально глядел в окна, что, если б сам император проехал мимо его с другой стороны, так он бы не обернулся. (*Улыбается.*) Будет он здесь?

Наталья Ф<едоровна>. Почему же мне знать? Я не спрашивала, а он сам никогда наперед не извещает о своем приезде.

К н < я ж н а > С о ф ь я (*в сторону*). А я надеялась еще раз его увидать. (*Громко*) У меня сегодня что-то голова болит!

Г о с т ь 2. Лишь бы не сердце!

К < н я ж н а > С о ф ь я (*в сторону*). Как плоско! (*Ему*) Вы вчера прекрасно играли у графа; особливо во второй пьесе; все были восхищены вами. (*Он кланяется.*) Только скажите, для чего вы так рано уехали, тотчас после ужина?

Г о с т ь 2. У меня заболела голова.

К < н я ж н а > С о ф ь я (*с улыбкой*). Что за важность? это не сердце!

А н н а Н и к < о л а в н а > (*подходит*). Барышни, господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку... столы готовы.

М н о г и е. С большим удовольствием.

(*Все, кроме Наташи и Софьи, уходят.*)

К н я ж н а. Кузина! мне кажется, ты совсем не радуешься своей победе? Ты как будто не догадываешься. Ну к чему хитрить? Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен; и ты прежде всех это заметила. Зачем так мало доверенности ко мне? Ты знаешь, что я с тобой дружна и всегда всё про себя сказываю. Или я еще не заслужила...

Н а т а л ь я Ф < е д о р о в н а >. Душенька! к чему такие упреки? (*Целует ее.*) Впрочем, это неправда... (*Берет княжну за руку.*) Не сердитесь же, Софья Николавна! (*Смеется.*)

К н я ж н а. О! я знаю, что он тебе нравится, но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не может... Ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие никакой преграды, и переменчивость склонностей — вот что опасно в твоем любезном; он сам не знает, чего хочет, и по той же причине, полюбив, разлюбит тотчас, если представится ему новая цель!

Н а т а л ь я Ф < е д о р о в н а >. С каким жаром вы говорите, кузина!

К н я ж н а. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Н а т а л ь я Ф < е д о р о в н а >. Да почему тебе так знать его?

К н я ж н а. О, я наслышалась довольно...

Н а т а л ь я Ф < е д о р о в н а >. От кого?

К н я ж н а. Да от самого Арбенина!

(*Наташа отворачивается и уходит.*)

Она ревнива! Она любит его! а он, он... как часто, когда я ему говорила что-нибудь, он без внимания сидел с неподвижными глазами, как будто бы одна единственная мысль владела его существованьем; и когда Наташа под-

ходила, я следовала за его взорами; внезапный блеск появлялся на них. О, я несчастная! но как не любить? он так умен, так полон благородства. Он часто разговаривает со мною, но почти всё о Наташе. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мне неисчерпаемым источником блаженства, превращает одна мысль в жестокую муку.

Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! какой голос!.. о! я безумная! ломаю себе голову над его характером и не могу растолковать собственную страсть. (*Молчание.*) Нет! они не будут счастливы... клянусь этим небом, клянусь душой моей, всё, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие... Пусть тогда погибну, но в утешение себе скажу: «Он не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнее моей!» — Я решилась! как легко мне стало: я решилась!

(*В это время в глубине театра проходит несколько гостей, одни уезжают, другие приезжают; хозяйка провожает и встречает.*)

(*В<ладимир> Арбенин тихо выходит из гостиной.*)

К н я ж н а (*увидав Арбенина*). Как смела я решиться!..

В л а д и м и р. Ах, княжна!.. как я рад, что вы здесь...

К н я ж н а. Давно ли вы приехали?

В л а д и м и р. Сейчас. Вхожу в гостиную: там играют по 5 копеек в мушку. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим...

К н я ж н а. Зачем же вы сюда приехали?

В л а д и м и р (*пожав плечами*). Зачем!

К н я ж н а (*язвительно*). Я догадываюсь!

В л а д и м и р. Так! заблуждение! заблуждение!... Но скажите, может ли быть тот счастлив, кто своим присутствием в тягость? Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков — и потому нигде не гожусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство...

К н я ж н а. Вы на себя нападаете.

В л а д и м и р. Да, я сам себе враг, потому что продаю свою душу за один ласковый взгляд, за одно не слишком холодное слово... Мое безумство до-

ходит до крайней степени, и со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..

К н я ж н а. К чему эти притворные мрачные предчувствия. Я вас не понимаю. Всё проходит, и ваши печали, и (я не знаю даже как назвать) ваши химеры исчезнут. Пойдемте играть в мушку. Видели ли вы мою кузину, Наташу?

В л а д и м и р. Когда я взошел, какой-то адъютантик, потряхивая эполетами, рассказывал ей, как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму и как муж ее, вступившись за нее, сдуру обнаружил, кто она такова. Ваша кузина смеялась от души... это и меня порадовало. Посмотрите, как я буду весел сегодня. (*Уходит в гостиную.*)

К н я ж н а (*глядит ему вслед*). Желаю вам много успехов! Нынче же начну приводить в исполнение мой план. И скоро я увижу конец всему... Боже мой! Боже мой! для чего я так слабодушна, так не тверда? (*Уходит в гостиную.*)

СЦЕНА III

15 сентября. Днем.

(*Комната в доме Марьи Дмитревны, матери Владимира; зеленые обои. Столик и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьет что-то. Слышен шум ветра и дождя.*)

А н н у ш к а. Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. Кто им скажет: ветер и дождь, подите прочь, мешайте спать и покоиться богатым, которых здесь так много, а мы и без вас едва знаем сон и спокойствие? Приехала моя барыня мириться с муженьком — о-ох! ох! ох! Не мирно что-то началось да не так и кончится. Оставляет же он нас почти с голоду умирать: стало быть, не любит совсем и никогда не любил; а если так, то и от мировой толку не будет. Лучше без мужа, чем с дурным мужем. Ведь охота же Марье Дмитревне всё любить такого антихриста. Вот уж охота пуще неволи!

Зато молодой барин вышел у нас хорош; такой ласковый; шесть лет, нет, больше, 8 лет я его не видала. Как вырос, похорошел с тех пор. Еще помню, как его на руках таскала. То-то был любопытный; что ни увидит, всё зачем? да что? а уж вспыльчив-то был, словно порох. Раз вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на пол; ну так и рвется, плачет: брось на пол. Дала ему; бросил — и успокоился... А бывало, помню (ему еще было 3 года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..

Уж верно ему Павел Григорич много наговаривал против матери; да, видишь, впрок не пошло худое слово. Дай Бог здоровья Владимиру Павловичу, дай Бог! Он и меня на старости лет не позабывает. Хоть ласковой речью да подарит.

(*Входит Марья Дмитревна, с книгой в руке.*)

Марья Дмитревна. Я хотела читать, но как читать одними глазами, не следуя мыслию за буквами? Тяжкое состояние! Непонятная воля судьбы! ужасное борение самолюбия женщины с необходимостию!..

К чему служили мои детские мечты? разве есть необходимость предчувствовать напрасно? будучи ребенком, я часто, под влиянием светлого неба, светлого солнца, веселой природы, создавала себе существа такие, каких требовало мое сердце; они следовали за мною всюду, я разговаривала с ними днем и ночью; они украшали для меня весь мир. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имели некоторое сходство с моими идеалами: в обхождении с ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они? — не знаю, но очень близки к ангелам. А теперь холодная существенность отняла у меня последнее утешение: способность воображать счастие!..

Не имея ни родных, ни собственного имения, я должна унижаться, чтобы получить прощение мужа. Прощения? мне просить прощения! Боже! Ты знаешь дела человеческие, Ты читал в моей и в его душе и Ты видел, в которой хранился источник всего зла!.. (*Задумывается; потом подходит медленно к креслам и садится.*) Аннушка! ходила ли ты в дом к Павлу Григоричу, чтоб разведывать, как я велела? тебя там любят все старые слуги!.. Ну что ты узнала о моем муже, о моем сыне?

Аннушка. Ходила, матушка, и расспрашивала.

Марья Дмитр<евна>. Что же? что говорил обо мне Павел Григорич? не слыхала ли ты?

Аннушка. Ничего он, сударыня, об вас не говорил. Если б не было у вас сына, то никто не знал бы, что Павел Григорич был женат.

Марья Дмит<ревна>. Ни слова обо мне? Он стыдится произносить мое имя! он презирает меня! Презрение! как оно похоже на участие; как эти два чувства близки друг к другу! Как смерть и жизнь!

Аннушка. Однако же, говорят, что Владимир Павлович вас очень любит. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять вас!..

Марья Дмит<ревна>. Да! мой сын меня любит. Я это видела вчера, я чувствовала жар его руки, я чувствовала, что он всё еще мой! Так! душа не переменяется. Он всё тот же, каков был сидящий на моих коленах,

в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще восстановить против меня небо и людей!

(*Закрывает лицо руками.*)

Аннушка. Эх, матушка! что плакать о прошедшем, когда о теперешнем не наплачешься. Говорят, Павел Григорич бранил, да как еще бранил, молодого барина за то, что он с вами повидался. Да, кажется, и запретил ему к нам приезжать!..

Марья Дмитрев<на>. О! это невозможно! это слишком жестоко! сыну не видаться с матерью, когда она слабая, больная, бедная, живет в нескольких шагах от него! О нет! это против природы... Аннушка! в самом деле он это сказал?

Аннушка. В самом деле-с!..

Марья Дмит<ревна>. И он запретил моему сыну видеть меня? точно?

Аннушка. Запретил-с, точно!

Марья Дмит<ревна> (*помолчав*). Послушай! Он думает, что Владимир не его сын или сам никогда не знавал матери!

(*Ветер сильнее ударяет в окно. Обе содрогаются.*)

И я приехала искать примиренья? с таким человеком? Нет! Союз с ним значит разрыв с небесами; хотя мой супруг и орудие небесного гнева, но, Творец! взял ли бы Ты добродетельное существо для орудия казни? Честные ли люди бывают на земле палачами?

Аннушка. Как вы бледны, сударыня! не угодно ли отдохнуть? (*Смотрит на стенные часы.*) Скоро приедет доктор: он обещался быть в 12 часов.

Марья Дмитр<евна>. И приедет в последний раз! Как смешна я кажусь себе самой! Думать, что лекарь вылечит глубокую рану сердца! (*Молчание.*) О! для чего я не пользовалась тысячью случаями к примирению, когда еще было время. А теперь, когда прошел сон, я ищу сновидений! поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, вот что меня убивает. О, раскаяние! Зачем за мгновенный проступок ты грызешь мою душу. Какое унижение! Я принуждена под *другим именем* приезжать в Москву, чтоб не заставить сына моего краснеть перед миром. Перед миром? Это правда, собрание глупцов и злодеев есть мир, нынешний мир. Ничего не прощают, как будто сами святые.

Аннушка (*посмотрев в окно*). Доктор приехал.

(*Доктор входит.*)

Марья Дмитр<евна>. Здравствуйте, Христофор Василич. Милости просим!

Доктор (*подходит к руке*). Что? как вы?

Марья Дмитр<евна>. Благодаря вам, мне гораздо лучше!

Доктор (*щупая пульс*). Совсем напротив! совсем напротив! — вы слабее! У вас желчь, действуя на кровь, производит волнение! у вас нервы ужасно расстроены. Вот, я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по методе, а вы всё хотите вдруг!

Марья Дмит<ревна>. Но если недостает способов?

Доктор. Эх, сударыня! здоровье дороже всего! (*Пишет рецепт.*)

Марья Дмитр<евна>. Откуда вы теперь, Христофор Василич?

Доктор. От господина Арбенина.

Марья Дм<итревна>, Аннушка (*вместе*). От Арбенина! (*Обе в замешательстве.*)

Доктор. А разве вы его знаете?

Марья Дмит<ревна>. Нет! а кто такое Арбенин?

Доктор. Этот господин Арбенин, коллежский асессор, в разводе с своей женой — то есть не в разводе, а так: она покинула мужа, потому что была неверна.

Марья Дмит<ревна>. Неверна! *она* его покинула?

Доктор. Да, да — неверна! У нее, говорят, была интрига с каким-то французом! У этого же Арбенина есть сын, молодой человек лет 19-ти или 20-ти, шалун, повеса, заслуживший в свете очень дурную репутацию: говорят даже, что он пьет. Да, да! что вы на меня так пристально глядите? Все, все жалеют, что у такого почтенного, известного в Москве человека, каков господин Арбенин, сын такой негодяй! Если его принимают в хорошие общества, то это только для отца! И еще, вообразите! он смеется всё надо мной и над моей ученостью! он — над моей ученостью? смеется?!

Марья Дмит<ревна> (*в сторону*). Личность! Я отдыхаю!

Доктор. Ах! у вас лицо в красных пятнах! Я говорил, что вы еще не совсем здоровы!

Марья Дмит<ревна>. Это пройдет, господин доктор! Благодарю вас за новость — и позвольте мне с вами проститься! Вы почти знаете, в каком я положении! Я скоро еду из Москвы! Недостаток в деньгах заставляет меня возвратиться в деревню!

Доктор. Как! не возвративши здоровья?

Марья Дмит<ревна>. Доктора, я вижу, не могут мне его возвратить! Болезнь моя не по их части...

Доктор. Как? вы не верите благому влиянию медицины?

Марья Дмит<ревна>. Извините! Я очень верю... однако не могу ею пользоваться...

Доктор. Есть ли что-нибудь невозможное для человека с твердой волею...

Марья Дмит<ревна>. Мне должно, моя воля — ехать в деревню. Там у меня тридцать семейств мужиков живут гораздо спокойнее, чем графы и князья. Там, в уединении, на свежем воздухе мое здоровье поправится — там хочу я умереть. Ваши посещения мне более не нужны: благодарю за всё... позвольте вручить вам последний знак моей признательности...

Доктор (*берет деньги*). Однако вы еще очень нездоровы! вам бы надобно...

Марья Дмитр<евна> (*значительно взглянув на него*). Прощайте!

(*Доктор, раскланявшись, уходит с недовольною миной.*)

Этот человек в состоянии высосать последнюю копейку!

Аннушка. Вы совсем расстроены! ваше лицо переменилось! ах! сударыня! присядьте, ваши руки дрожат!

Марья Дмит<ревна>. Мой сын имеет одну участь со мной!

Аннушка (*поддерживая ее*). Видно, вам, сударыня, так уж на роду написано — терпеть!

Марья Дмит<ревна>. Я хочу умереть.

Аннушка. Смерть никого не обойдет... зачем же звать ее, сударыня! Она знает, кого в какой час захватить... а назовешь-то ее неравно в недобрый час... так хуже будет!.. молитесь Богу, сударыня! да святым угодникам! ведь они все страдали не меньше нас! а мученики-то, матушка!..

Марья Дмитр<евна>. Я вижу, что близок мой конец... такие предчувствия меня никогда не обманывали. Боже! Боже мой! Допусти только примириться с моим мужем прежде смерти; пускай ничей справедливый укор не следует за мной в могилу. Аннушка! доведи меня в мою комнату!

(*Уходят обе.*)

СЦЕНА IV

17-го октября. Вечер.

(*Комната студента Рябинова. Бутылки шампанского на столе и довольно много беспорядка.*)

(*Снегин, Челяев, Рябинов, Заруцкий, Вышневский курят трубки. Ни одному нет больше 20<-ти> лет.*)

Снегин. Что с ним сделалось? отчего он вскочил и ушел не говоря ни слова?

Челяев. Чем-нибудь обиделся!

З а р у ц к и й. Не думаю. Ведь он всегда таков: то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и сделается подобен истукану; и вдруг вскочит, убежит, как будто бы потолок проваливался над ним.

С н е г и н. За здоровье Арбенина; sacrediеu! он славный товарищ!

Р я б и н о в. Тост!

В ы ш н е в с к и й. Челяев! был ты вчера в театре?

Ч е л я е в. Да, был.

В ы ш н е в с к и й. Что играли?

Ч е л я е в. Общипанных разбойников Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.

В ы ш н е в с к и й. И ты, верно, крепко боялся в театре...

Ч е л я е в. Боялся? Чего?

В ы ш н е в с к и й. Как же? — ты был один с разбойниками!

В с е. Браво! Браво! Фора! Тост!

С н е г и н (*берет в сторону Заруцкого*). Правда ли, что Арбенин сочиняет?

З а р у ц к и й. Да... и довольно хорошо.

С н е г и н. То-то! не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

З а р у ц к и й. Изволь... да кстати... у меня есть в кармане несколько мелких пиес.

С н е г и н. Ради Бога покажи... пускай они пьют и дурачатся... а мы сядем там... и ты мне прочтешь.

З а р у ц к и й (*вынимает несколько листков из кармана, и они садятся в другой комнате у окна*). Вот первая; это отрывок, фантазия... слушай хорошенько!.. Создатель! как они шумят! Между прочим, я должен тебе сказать, что он страстно влюблен в Загорскину... слушай:

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала; я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я мгновеньями лишь жил,
И те мгновенья были мук полны;
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен!

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века, и жизнию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных;
О нет! всё было ад иль небо в них!

3

Так! для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое... На что им мертвых разлучать?

С н е г и н. Он это писал в гениальную минуту! Другую...
З а р у ц к и й. Это послание к Загорскиной:

К чему волшебною улыбкой
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но — ошибкой:
Причину — слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга;
Ты любишь шумный, хладный свет —
Я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я — я — нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой;
В нем дышит чувство всем родное,
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды — бред больного.

Им верить — значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен;
Он проклят строгою судьбой;
Как счастье без тебя — он мрачен.
Прости! прости же, ангел мой!..

Он чувствовал всё, что здесь сказано. Я его люблю за это.

(*Сильный шум в другой комнате.*)

Многие голоса. Господа! мы (честь имеем объявить) пришли сюда и званы на похороны доброго смысла и стыда. За здравие дураков и <...>!

Рябинов. Тост! еще тост! господа! Коперник прав; земля вертится!

(*Шум утихает.*) (*Потом опять бьют в ладони.*)

Снегин. Оставь! не слушай их! читай далее...

Заруцкий. Погоди. (*Вынимает еще бумагу.*) Вот этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы; Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пиесы. Она, в некотором смысле, подражание «The Dream» Байронову. — Всё это мне сказал сам Арбенин. (*Читает.*)

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц с облаками отражался
В волнах — и в них он был еще прекрасней!..
Но юный всадник не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье. В беспорядке
Минувшее являлося ему —
Грозящий призрак, темным предсказаньем
Пугающий доверчивую душу;
Но верил *он* одной своей любви
И для любви своей не знал преграды!

Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И удалился с видом удивленья.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу другом;
И, проскакав тенистую дубраву,
Он различил окно, окно и дом,
Он ищет мост… но сломан старый мост,
Река темна, и шумны, шумны воды.

Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, ударил
Коня — и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь — и ближе, ближе…
И вот уж он на берегу противном
И на гору летит… И на крыльцо
Взбегает юноша, и входит
В старинные покои… нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет… нет нигде… *ее сестра*
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял: века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял…
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась… он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье… и долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах… и заплакал!
Есть вредная роса, которой капли

На листьях оставляют пятна, — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, но очей не освежит.

К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может он оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу...

Мой сон переменился невзначай.
Я видел комнату: в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С глазами, полными огнем и жизнью.
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины!
И юноша смотрел не на нее, —
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всех сладких и высоких дум его, —
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья: так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья!..

Всё, что тут описано, было с Арбениным; для другого эти приключенья ничего бы не значили; но вещи делают впечатление на сердце, смотря по расположению сердца.

С н е г и н. *Странный человек* Арбенин!

(*Оба уходят в другую комнату*.)

В ы ш н е в с к и й. Господа! когда-то русские будут русскими?

Ч е л я е в. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и образовываться снова-здорова.

В ы ш н е в с к и й. Прекрасное средство! Если б тебе твой доктор только такие рецепты предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе!

З а р у ц к и й. А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам! Ура! господа! здоровье пожара московского!

(*Звук стаканов.*)

СЦЕНА V

10-го января. Утром.
(*В доме у Белинского; его кабинет, по моде отделанный*.)
(*Окна замерзли; на столе табачный пепел и пустая чайная чашка.*)

Б е л и н с к и й (*один; прохаживается по комнате*). Судьба хочет непременно, чтоб я женился! Что же? Женитьба — лекарство очень полезное от многих болезней, и от карманной чахотки особенно. Теперь я занял денег, чтоб купить деревню; но тысячи рублей недостает; а где их взять? Женись! женись! кричит рассудок. Так и быть! но на ком? Вчера я познакомился с Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть! Но Владимир влюблен в нее. Что ж? чья взяла, тот и прав. Я нахожусь в таких опасных обстоятельствах, что он должен будет мне простить. Впрочем, я не верю, чтоб он уж так сильно ее любил! Он странный, непонятный человек: один день то, другой — другое! Сам себе противуречит, а всё как заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь — кончено! редкий устоит! Иногда, напротив — слова не добьешься; сидит и молчит, не слышит и не видит, глаза остановятся, как будто в этот миг всё его существование остановилось на

одной мысли. (*Молчание.*) Однако я ему ничего не скажу про свое намерение, прежде чем не кончу дело. Буду покамест ездить в дом, а там — увидим!..

(*Входит Арбенин скоро.*)

В л а д и м и р. Белинский! Что так задумчив?

Б е л и н с к и й. А! здравствуй, Арбенин! это планы... планы...

В л а д и м и р. И тебя судьба не отучила делать планы?

Б е л и н с к и й. Нет! Если я твердо намерен сделать что-нибудь, то редко мне не удается. Поверь: человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдаться: судьба — женщина!

В л а д и м и р. А я так часто был обманут желаньями и столько раз раскаивался, достигнув цели, что теперь не желаю ничего; живу как живется; никого не трогаю, и от этого все стараются чем-нибудь возбудить меня, как-нибудь вымучить из меня обидное себе слово. И знаешь ли: это иногда меня веселит. Я вижу людей, которые из жил тянутся, чтоб чем-нибудь сделать еще несноснее мое существование! Неужели я такое важное лицо в мире, или милость их простирается даже до самых ничтожных!

Б е л и н с к и й. Друг мой! ты строишь химеры в своем воображенье и даешь им черный цвет для большего романтизма.

В л а д и м и р. Нет! нет, говорю я тебе: я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня — слишком подлы.

Б е л и н с к и й. Как, ты не создан для людей? Напротив! ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора, ты любим молодежью; и хотя иногда слишком резкие истины говоришь в глаза, тебе все-таки прощают, потому что ты их умно говоришь, и это как-то к тебе идет!

В л а д и м и р (*с горькой улыбкой*). Я вижу: ты хочешь меня утешить!

Б е л и н с к и й. Когда ты был у Загорскиных? Могут ли там тебя утешить?

В л а д и м и р. Вчера я их видел. Странно: она меня любит — и не любит! Она со мною иногда так добра, так мила, так много говорят глаза ее, так много этот румянец стыдливости выражает любви... а иногда, особливо на бале где-нибудь, она совсем другая, — и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!

Б е л и н с к и й. Она кокетка!

В л а д и м и р. Не верю: тут есть тайна...

Б е л и н с к и й. Поди ты к черту с тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа об тебе и не думает, а когда скучно, то она тобой забавляется. Вот и вся тайна.

В л а д и м и р. Ты это сказал таким нежным голосом, как будто этим сделал мне великое благодеяние!

Б е л и н с к и й (*покачав головой*). Ты не в духе сегодня!

В л а д и м и р (*вынимает изорванное письмо*). Видишь?

Б е л и н с к и й. Что такое?

В л а д и м и р. Это письмо я писал к ней... прочти его! Вчера я приезжаю к ее кузине, княжне Софье; улучив минуту, когда на нас не обращали внимания, я умолял ее передать письмо Загорскиной... она согласилась, но с тем, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдал. Она ушла в свою комнату. Я провел ужасный час. Вдруг княжна является, говоря, что мое письмо развеселит очень ее кузину и заставит ее смеяться! смеяться! друг мой! Я разорвал письмо, схватил шляпу и уехал...

Б е л и н с к и й. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смеяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержание... зависть, может быть и более, или просто шутка...

В л а д и м и р. Хитрость! хитрость! Я *ее* видел, провел с нею почти наедине целый вечер... я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий? (*Схватывает за руку Белинского.*) Что если б я мог прижать Наталью к этой груди и сказать ей: ты моя, моя навеки!.. Боже! Боже! я не переживу этого! (*Смотрит пристально в глаза Белинскому.*) Не говори ни слова, не разрушай моих детских надежд... только теперь не разрушай!.. а после...

Б е л и н с к и й. После! (*В сторону*) Как? ужели он предугадывает судьбу свою?

В л а д и м и р. О, как сердце умеет обманывать! (*Беспокойно ходит взад и вперед.*)

Б е л и н с к и й (*в сторону*). И я должен буду разрушить этот обман? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему! Нет! это вздор! он не так сильно любит, как показывает: жизнь не роман!

(*Входит слуга Белинского.*)

С л у г а. Дмитрий Василич! какой-то мужик просит позволения вас видеть. Он говорит, что слышал, будто вы покупаете их деревню, так он пришел...

Б е л и н с к и й. Вели ему взойти. (*Слуга уходит.*) (*Входит мужик, седой, и бросается в ноги Белинскому.*) Встань! встань! что тебе надобно, друг мой?

М у ж и к (*на коленах*). Мы слышали, что ты, кормилец, хочешь купить нас, так я пришел... (*кланяется*) мы слышали, что ты барин доброй...

Б е л и н с к и й. Да встань, братец, а потом говори!.. встань прежде!

М у ж и к (*встав*). Не прогневайся, отец родной, коли я...

Б е л и н с к и й. Да говори же...

М у ж и к (*кланяясь*). Меня, старика, прислали к тебе от всего села, кормилец, кланяться тебе в ноги, чтобы ты стал нашим защитником... все бы стали Богу молить о тебе! будь нашим спасителем!

Б е л и н с к и й. Что же? вам не хочется с госпожой своей расставаться, что ли?

М у ж и к (*кланяясь в ноги*). Нет! купи, купи нас, родимой!

Б е л и н с к и й (*в сторону*). Странное приключение! (*Мужику*) А! так вы, верно, недовольны своей помещицей?

М у ж и к. Ох! тяжко! за грехи наши!.. (*Арбенин начинает вслушиваться.*)

Б е л и н с к и й. Ну! говори, брат, смелее! Жестоко, что ли, госпожа поступает с вами?

М у ж и к. Да так, барин... что ведь, ей-Богу, терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..

В л а д и м и р. Что же она делает? (*Лицо Владимира мрачно.*)

М у ж и к. Да что вздумается ее милости.

Б е л и н с к и й. Например... сечет часто?

М у ж и к. Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без вины. У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит что ему любо. Не сними-ко перед ним шапки, так и нивесь что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый день промает.

Б е л и н с к и й. Какие злоупотребления!

М у ж и к. Раз как-то барыне донесли, что, дескоть, «Федька дурно про тея говорит и хочет в городе жаловаться!» А Федька мужик был славной; вот она и приказала руки ему вывертывать на станке... а управитель был на него сердит. Как повели его на барской двор, дети кричали, жена плакала... вот стали руки вывертывать. «Господин управитель! — сказал Федька. — Что я тебе сделал? ведь ты меня губишь!» — «Вздор!» — сказал управитель. Да вывертывали, да ломали... Федька и стал безрукой. На печке так и лежит да клянет свое рожденье.

Б е л и н с к и й. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или городничий не подадут на нее просьбу? На это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо может быть.

М у ж и к. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! тяжко стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на посиделках. Рассказывают горнишные: раз барыня рассердилась, так, вишь, ножницами так и кольнула одну из девушек... ох! больно... а как бороду велит щипать волосок по волоску... батюшка!.. ну! так тут и святых забудешь... батюшка!.. (*падает на колени перед Белинским*). О! кабы ты нам помог!.. купи нас! купи, отец родной! (*Рыдает.*)

В л а д и м и р (*в бешенстве*). Люди! люди! и до такой степени злодейства доходит женщина, творение иногда столь близкое к ангелу... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — всё куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О Боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..

Б е л и н с к и й. В самом деле ужасно!

М у ж и к. Купи нас, родимой!

В л а д и м и р. Дмитрий! есть ли у тебя деньги? Вот всё, что я имею... вексель на 1000 рублей... ты мне отдашь когда-нибудь. (*Кладет на стол бумажник.*)

Б е л и н с к и й (*сосчитав*). Если так, то я постараюсь купить эту деревню... поди, добрый мужичок, и скажи своим, что они в безопасности. (*Владимиру*) Какова госпожа?

М у ж и к. Дай Боже вам счастья обоим, отцы мои, дай Бог вам долгую жизнь, дай Бог вам всё, что душе ни пожелается... Прощай, родимой! благослови тебя Царь небесный! (*Уходит.*)

В л а д и м и р. О, мое отечество! мое отечество! (*Ходит быстро взад и вперед по комнате.*)

Б е л и н с к и й. Ах, как я рад, что могу теперь купить эту деревню! Как я рад! впервые мне удается облегчать страждущее человечество! Так: это доброе дело. Несчастные мужики! Что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять всё, что имею, и попасть в руки палачей!

В л а д и м и р. Есть люди, более достойные сожаленья, чем этот мужик. Несчастия внешние проходят, но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! но для чего говорить об таких людях? им не могут сострадать: их никто, никто не понимает.

Б е л и н с к и й. Опять за свое! О, эгоист! Как можно сравнивать химеры с истинными несчастиями? Можно ли сравнить свободного с рабом?

В л а д и м и р. Один раб человека, другой раб судьбы. Первый может ожидать хорошего господина или имеет выбор — второй никогда. Им играет слепой случай, и страсти его и бесчувственность других, — всё соединено к его гибели.

Б е л и н с к и й. Разве ты не веришь в Провидение? Разве отвергаешь существование Бога, который всё знает и всем управляет?

В л а д и м и р (*смотрит на небо*). Верю ли я? верю ли я?

Б е л и н с к и й. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

В л а д и м и р (*помолчав*). Послушай! не правда ли, теперь прекрасная погода? пойдем на булевар!

Б е л и н с к и й. Чудак! (*Входит слуга Марьи Дмитревны.*) Что тебе надобно? Кто ты?

В л а д и м и р. Слуга моей матери!

С л у г а. Я прислан к вам, сударь, от Марьи Дмитревны. Искал я вас с полчаса в трех домах, где, как мне у вас сказали, вы часто бываете.

В л а д и м и р. Что случилось?

С л у г а. Да барыня-с...

В л а д и м и р. Что?

С л у г а. Сделалась очень нездорова и просит вас поскорее к себе.

В л а д и м и р. Нездорова, говоришь ты? больна?

С л у г а. Очень нездорова-с.

В л а д и м и р (*задумчиво*). Очень! да, я пойду! (*Подавая руку Белинскому*) Не правда ли, я тверд в своих несчастиях? (*Уходит.*) (*В продолжение этой речи он менялся в лице, и голос его дрожал.*)

Б е л и н с к и й (*глядя вслед ему*). Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться; и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей.

Я веселого характера обыкновенно; однако примечаю, что печаль Арбенина прилипчива. После него часа два я не могу справиться. Ха! ха! ха! испытаю верность женщины! Посмотрим, устоит ли Загорскина против моих нападений. Если она изменит Арбенину, то это лучший способ излечить его от самой глупейшей болезни.

(*Слуга Белинского входит.*)

Чего тебе?

Слуга. Да я ходил в театр за билетом-с, как вы приказывали. Вот билет-с.

Белинский. Хорошо! в первом ряду? хорошо. (*Про себя*) Скучно будет сегодня во Французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau monde!

(*Закуривает трубку и уходит*.)

СЦЕНА VI

10-го января. День.

(*В доме у Загорскиных. Комната барышень.*)

(*Княжна Софья сидит на постели; Наташа поправляет волосы перед зеркалом.*)

К<няжна> Софья. Ma chère cousine! Я тебе советую остерегаться!

Наташа. Пожалуста, без наставлений! Я сама знаю, как мне поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай он будет доволен малым.

К<няжна> Софья. Ведь ты его не заставишь на себе жениться… он вовсе не такой человек!..

Наташа. Разумеется, я сама за него свататься не стану; а если он меня любит, так женится.

Кн<яжна> Софья (*насмешливо*). Не правда ли, как он интересен, как милы его глаза, полные слез!

Наташа. Да, для меня очень занимательны.

К<няжна> Софья. Поверь, он только дурачится и шалит; а именно потому, что уверен, что ты в него влюблена.

Наташа. Ему не отчего быть уверену.

К<няжна> Софья. А попробуй показать холодность… тотчас отстанет!

Наташа. Я пробовала, и он не отстал и только больше с тех пор меня любит…

К<няжна> Софья. Но ты не умеешь притворяться, ты…

Наташа. Поверь, не хуже тебя!

К<няжна> Софья. Арбенин точно так же куртизанил прошлого года Лидиной Полине; а тут и бросил ее, и смеется сам над нею… Ты помнишь? то же будет и с тобой.

Наташа. Я не Полина.

К<няжна> Софья. Посмотрим.

Наташа. Да что ты так на одно наладила?

Кн<яжна> Софья. Уж что я знаю, то знаю… вчера…

Н а т а ш а. Что такое? впрочем, я и знать не желаю.

К < н я ж н а > С о ф ь я. Вчера Арбенин был у нас.

Н а т а ш а. Ну что ж?

К < н я ж н а > С о ф ь я. Любезничал с Лизой Шумовой, рассказывал ей Бог знает что и между тем просил меня отдать тебе письмо: вот мужчины! в одну влюблены, а другой пишут письма! верь им после этого. Я его прочла и отдала назад, сказав, что ты будешь очень этому смеяться. Он разорвал и уехал. Какова комедия! (*Молчание.*) А еще, знаешь: мне сказывали наверное, что он хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не верю!

Н а т а ш а (*в сторону*). Он делает глупости! Я теперь на него так сердита, так сердита! Хвалится! кто б подумал! это слишком! (*Громко*) Ты знаешь, кузина, у нас был вчера Белинский! Un jeune homme charmant! Прелесть как хорош, умен и любезен. Вот уж не надует губы! Как воспитан, точно будто всю жизнь провел при дворе!

К < н я ж н а > С о ф ь я. Поздравляю. И ты, я надеюсь, ему очень понравилась! (*В сторону*) Я в восхищении: мои слова действуют! (*Громко*) Вчерась же Арбенин чуть-чуть не поссорился у нас с Нелидовым. Последний, ты знаешь, такой тихий, степенный, осторожный; а Волдемар этого не слишком придерживается. Нелидов разговорился с ним про свет и общественное мнение и несколько раз повторял, что дорожит своею доброй славой, таким тоном, который давал чувствовать Арбенину, что он ее потерял; этот понял и побледнел; после и говорит мне: «Нелидов хотел кольнуть мое самолюбие, он достиг своей цели; это правда: я потерян для света... но довольно горд, чтоб слушать равнодушно напоминания об этом!» Ха! ха! ха! не правда ли, Наташа, это показывает твердость характера!

Н а т а ш а. Конечно! Арбенин не совсем заслуживает дурное мнение света; но он об нем мало заботится; и этот Нелидов очень глупо сделал, если старался его обидеть! (*Наташа подходит к окну.*)

К < н я ж н а > С о ф ь я. Поверь мне: Арбенина так же огорчает злословие, как и другого; он только не хочет этого показать. (*Молчание.*)

Н а т а ш а (*с живостью*). Ах! сейчас проехал Белинский!

СЦЕНА VII

3-го февраля. Утро.

(*Кабинет Павла Григорича Арбенина. Он сидит в креслах, против него стоит человек средних лет в синем сюртуке с седыми бакенбардами.*)

П а в е л Г р и г < о р и ч >. Нет! братец, нет! скажи своему господину, что я не намерен ждать. Должен? — плати. Нечем? — на что задолжал.

В России на это есть суд. Ну если б я был бедняк? разве два месяца пождать ничего не значит?

П о в е р е н н ы й. Хоть две недели, сударь. На днях мы денег ждем с завода. Неужели уж мы обманем вас?

П а в е л Г р и г <о р и ч>. Ни дня ждать не хочу.

П о в е р е н н ы й. Да где же денег взять прикажете? Ведь 8 тысяч на улице не найдешь.

П а в е л Г р и г <о р и ч>. Пускай твой господин продаст хоть тебя самого; а мне он заплотит в назначенное время. И с процентами — слышишь?

П о в е р е н н ы й. Да помилуйте-с!..

П а в е л Г р и <г о р и ч>. Ни слова больше. Ступай! (*Повер<енный> уходит.*) Видишь, какой ловкий! Всё бы ему ждали! Нет, брат! нынче деньги дороги, хлебы дешевы да еще плохо родятся! Пускай графские сынки да вельможи проматывают именье; мы, дворяне простые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И, наконец, они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали. (*Встает с кресел.*) Ух! замотали меня эти дела. А все-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки. Почему же нет? и человек тлеет, как бумажка, и человек, как бумажка, носит на себе условленные знаки, которые ставят его выше других и без которых он... (*Зевает.*) Уф! спать хочется! Где-то сын мой? Он, верно, опять задолжал, потому что третий день дома обедает. Вот! прошу покорно иметь детей!

(*Владимир, бледный, быстро входит.*)

В л а д и м и р (*громко и скоро*). Батюшка!

П а в е л Г р и г <о р и ч>. Что тебе надобно?

В л а д и м и р. Я пришел, чтобы... у меня есть одна единственная просьба до вас... не откажите мне... поедемте со мною! поедемте! заклинаю вас; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

П а в е л Г р и <г о р и ч>. Куда мне ехать с тобою? ты с ума сошел!..

В л а д и м и р. Не мудрено. Если б даже вы увидали, что я видел, и остались при своем уме, то я бы удивился!

П а в е л Г р и г <о р и ч>. Это уж ни на что не похоже! ты, Владимир, выводишь меня из терпения.

В л а д и м и р. Так вы не хотите со мною ехать! так вы мне не верите! А я думал... но теперь вынужден всё сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочет вас видеть; эта женщина...

Павел Григ<орич>. Что мне за дело до нее?

Владимир. Она ваша супруга!

Павел Гри<горич> (*с досадой*). Владимир!

Владимир. Вы, верно, думаете меня испугать этим строгим взглядом и удушить голос природы в груди моей? Но я не таков, как вы; этот самый голос, приказывающий мне повиноваться вам, заставляет… да! ненавидеть вас! да! если вы будете далее противиться мольбам моей матери! О! нынешний день уничтожил во мне все опасенья: я говорю прямо! Я ваш сын и ее сын; вы счастливы, она страдает на постели смерти; кто прав, кто виноват, не мое дело. Я слышал, слышал ее мольбы и рыданья, и последний нищий назвал бы меня подлецом, если б я мог еще любить вас!..

Павел Григ<орич>. Дерзкий! Я давно уж не жду от тебя любви; но где видано, чтобы сын упрекал отца такими словами? прочь с глаз моих!

Владимир. Я уж просил вас не уничтожать во мне последнюю искру покорности сыновней, чтоб я не повторил эти обвиненья перед целым светом!

Павел Григ<орич>. Боже мой! до чего я дожил? (*Ему*) Знаешь ли…

Владимир. Я знаю: вы сами терзаемы совестью, вы сами не имеете спокойных минут — вы виновны во многом…

Павел Григ<орич>. Замолчи!..

Владимир. Не замолчу! не просить пришел я, но требовать! требовать! Я имею на это право! Нет! эти слезы врезались у меня в память! батюшка! (*Бросается на колени.*) батюшка! пойдемте со мною!

Павел Григ<орич>. Встань! (*Он встревожен.*)

Владимир. Вы пойдете?

Павел Григ<орич> (*в сторону*). Что если в самом деле? Может быть…

Владимир. Так вы не хотите? (*Встает.*)

Павел Григ<орич> (*в сторону*). Она умирает, говорит Владимир! желает получить мое прощенье… правда! я бы… но ехать туда? если узнают, что скажут?

Владимир. Вам нечего бояться: моя мать нынче же умрет. Она желает с вами примириться не для того, чтобы жить вашим именем; она не хочет сойти в могилу, пока имеет врага на земле. Вот вся ее просьба, вся ее молитва к Богу. Вы не хотели. Есть на небе Судия. Ваш подвиг прекрасен; он показывает твердость характера; поверьте, люди будут вас за это хвалить; и что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос. (*Горько улыбается.*)

Павел Григ<орич> (*принужденно*). Оставь меня!

В л а д и м и р. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты. (*Горько*) Она еще раз в жизни поверит надежде! (*Тихо идет к дверям.*) О, если б гром убил меня на этом пороге; как? я приду — один! я сделаюсь убийцею моей матери. (*Останавливается и смотрит на отца.*) Боже! вот человек!

П а в е л Г р и г < о р и ч > (*про себя*). Однако для чего мне не ехать? что за беда? пред смертью помириться ничего; смеяться никто над этим не станет... а всё бы лучше! да, так и быть, отправлюсь. Она, верно, без памяти и меня не узнает... скажу ей, что прощаю, и делу конец! (*Громко*) Владимир! послушай... погоди! (*Владимир недоверчиво приближается.*) Я пойду с тобою... я решился! Нас никто не увидит? но я верю! пойдем... только смотри, в другой раз думай об том, что говоришь...

В л а д и м и р . Так вы точно хотите идти к моей матери? точно? это невероятно! Нет, скажите: точно?

П а в е л Г р и г < о р и ч >. Точно!

В л а д и м и р (*кидается ему на шею*). У меня есть отец! у меня снова есть отец! (*Плачет.*) Боже! Боже! я опять счастлив! Как легко стало сердцу! у меня есть отец! Вижу, вижу, что трудно бороться с природными чувствами... о! как я счастлив! Видите ли, батюшка! как приятно сделать, решиться сделать добро... ваши глаза прояснели, ваше лицо сделалось ангельским лицом! (*Обнимает его.*) О мой отец, вы будете вознаграждены Богом! Пойдемте, пойдемте скорей — ее надобно застать при жизни!

П а в е л Г р и г < о р и ч > (*хочет идти*). (*В сторону*) Итак, я должен увидеться... хорошо! Да нет ли тут какой-нибудь сети? однако отчаяние Владимира!.. Но разве она не может притвориться и уверить его, что умирает? Разве женщине, а особливо моей жене, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовал, я проникнул этот замысел, и теперь всё ясно. Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сын мой всему городу станет рассказывать про такую жестокость! Она, пожалуй, его подобьет! Признаюсь! прехитрый план! прехитрейший!.. Однако не на того напали! Хорошо, что я вовремя догадался! Не пойду же я! Пускай умирает одна, если могла жить без меня!

В л а д и м и р. Вы медлите!

П а в е л Г р < и г о р и ч > (*холодно*). Да! Я медлю!

В л а д и м и р. Вы... эта перемена! вы...

П а в е л Г р и г < о р и ч > (*гордо*). Я остаюсь! Скажи своей матери и бывшей моей жене, что я не попался вторично в расставленную сеть... скажи, что я благодарю за приглашение и желаю ей веселой дороги!

(*Владимир вздрагивает и отступает назад.*)

Владимир. Как! (*С отчаяньем*) Это превзошло мои ожиданья! И с такой открытой холодностью! с такой адской улыбкой? И я — ваш сын? Так, я ваш сын и потому должен быть врагом всего священного, врагом вашим... из благодарности! О, если б я мог мои чувства, сердце, душу, мое дыхание превратить в одно слово, в один звук, то этот звук был бы проклятие первому мгновению моей жизни, громовой удар, который потряс бы твою внутренность, мой отец... и отучил бы тебя называть меня сыном!

Павел Григ<орич>. Замолчи, сумасшедший! Страшись моего гнева... погоди: придут дни более спокойные; тогда ты узнаешь, как опасно оскорблять родителя... я тебя примерно накажу!..

Владимир (*закрыв лицо руками*). А я мечтал найти жалость!..

Павел Григ<орич>. Неблагодарный! неблагодарный! чудовище! мне ли ты не обязан?.. И с такими упреками...

Владимир. Неблагодарный? Вы мне дали жизнь: возьмите, возьмите ее назад, если можете... о! это горький дар!

Павел Григ<орич>. Вон скорей из моего дома! и не смей воротиться, пока не умрет моя бедная супруга. (*Со смехом*) Посмотрим, скоро ли ты придешь? Посмотрим, настоящая ли болезнь, ведущая к могиле, или неловкая хитрость наделала столько шуму и заставила тебя забыть почтение и обязанность! Теперь ступай! Рассуди хорошенько о своем поступке, припомни, что ты говорил, — и тогда, тогда, если осмелишься, покажись опять мне на глаза! (*Злобно взглянув на сына, уходит и запирает двери за собою.*)

Владимир (*который стоял как вкопанный, смотрит вслед, после краткого молчанья*). Всё кончилось!..

(*Уходит в другую дверь. Решительная безнадежность приметна во всех его движениях. Он оставляет за собою дверь растворенную; и долго видно, как он то пойдет скорыми шагами, то остановится; наконец, махнув рукой, он удаляется.*)

СЦЕНА VIII

3-го февраля. День.

(*Спальня Марьи Дмитревны. Стол с лекарствами. Она лежит на постели. Аннушка стоит возле нее.*)

Аннушка. У вас, сударыня, сильная лихорадка! Не угодно ли чаю горяченького или бузины? Тотчас будет готово. Ах ты, моя родная! Какие руки-то холодные: точно ледяные. Не прикажете ли, матушка, послать за лекарем?

Марья Дми<тревна>. Послушай! Что давит мне грудь?

Аннушка. Ничего, сударыня: одеяло прелегкое! отчего бы, кажется, давить?

Марья Дм<итревна>. Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. И! Марья Дмитревна! выздоровеете! Бог милостив — зачем умирать?

Марья Дм<итревна>. Зачем?

Аннушка. Не всё больные умирают, иногда и здоровые прежде больных попадают на тот свет. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дм<итревна>. Я не хочу лекарства... где мой сын? Да, я и позабыла, что сама его послала!.. Посмотри в окно, нейдет ли он? Поди к окну... что? нейдет? Как долго!

Аннушка. На улице пусто!

Марья Дм<итревна> (*про себя*). Он уговорит отца! Я уверена... о! как сладко примириться перед концом: теперь я не стыжусь встретить его взор. (*Погромче*) Аннушка! что ты так смотришь в окно?

Аннушка. Я?.. нет... это так-с...

Марья Дми<тревна>. Нет, верно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. Похороны, сударыня... да какие препышные! сколько карет сзади: верно, богач! Какие лошади! покров так и горит! два архиерея!.. певчие! ну ж нечего сказать!

Марья Дм<итревна>. Аннушка! и мне пора... я чувствую близость последней минуты! О, поскорее! поскорее, Царь небесный!

Аннушка. Полныте, сударыня, что вам за охота? Как если, не дай Бог, вы скончаетесь, что тогда со мною будет? кто позаботится обо мне? неужто Павел Григорич к себе возьмет? Не бывать этому. Да я лучше по миру пойду: добрые люди из окошек накормят!

Марья Дм<итревна>. Мой сын, Владимир, тебя не оставит!

Аннушка. Да еще перенесет ли он вашу смерть? Вы знаете, какой он горячий; из малости уж вне себя, а тогда... Боже упаси!

Марья Дми<тревна>. Ты права... я должна тебя наградить: у меня в шкатулке есть 80 рублей... дай несколько и старику, Павлу! Он всегда верно мне служил; и тобой я всегда, всегда была довольна... (*Смутная радость изображается на лице Аннушки.*) О, как сердце бьется! Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(*Дверь отворяется. Тихо входит Владимир. Он мрачен. Молча подходит к постеле и останавливается в ногах.*)

Аннушка. Владимир Павлович пришел!

Марья Дм<итревна> (*быстро*). Пришел! (*Приподымается и опять опускает голову.*) Владимир… ты один! А я думала… ты один!

Владимир. Да.

Марья Дм<итревна>. Друг мой! ты звал его сюда? сказал, что я умираю? он скоро придет?

Владимир (*мрачно*). Как вы себя чувствуете? Довольно ли вы крепки, чтоб говорить и… слушать?

Аннушка. Барыня без вас всё плакала, Владимир Павлович!

Владимир. Боже! Боже! Ты всесилен! зачем непременно я должен убить мать мою?

Марья Дмит<ревна>. Говори скорее, не терзай меня понемногу: придет ли твой отец. (*Молчание.*) Где он!.. как предстать пред Бога… Владимир! без него я не умру спокойно!

Владимир (*тихо*). Нет.

Марья Дми<тревна> (*не слыхав*). Что сказал ты?.. Дай мне руку, Владимир!

Владимир. (*Слезы начинают падать из глаз его. Он бросается на колена возле постели и покрывает поцелуями ее руку.*) Я возле вас! зачем вам другого? Разве вам не довольно меня? Кто-нибудь любит вас сильней, чем я?

Марья Дм<итревна>. Встань… ты плачешь?..

Владимир (*встав, отходит в сторону*). Ужасная пытка! Если я всё это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоит имени человека!.. Если я вынесу… то уверюсь, что сын всегда похож на отца, что его кровь течет в моих жилах и что я, как он, хотел ее погибели. Так! я должен был силою притащить его сюда, угрозами, страхом исторгнуть у него прощенье… (*С бешеной радостью*) Послушайте, послушайте, что я вам скажу! Мой отец весел, здоров и не хотел вас видеть! (*Вдруг, как бы испугавшись, останавливается.*)

Марья Дм<итревна> (*вздрагивает. После молчания*). Молись… молись за нас… не хотел… о!

Аннушка. Ей дурно, дурно!..

Марья Дми<тревна>. Нет! нет! Я соберу последние силы… Владимир! ты должен узнать всё и судить твоих родителей! Подойди. Я умираю. Отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтоб ты, ты, мой единственный друг, не обвинял меня по чужим словам… Я сама произнесу свой приговор. (*Останавливается.*) Я виновна: молодость была моей виною. Я имела пылкую душу, твой отец холодно со мной обращался. Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеж-

дать эту любовь, и одна минута решила мою участь... Не смотри на меня так. О! упрекай лучше самыми жестокими словами: я твоя злодейка! Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня... Долгим раскаяньем я загладила свой проступок. Слушай: он был тайною. Но я не хотела, не могла заглушить совесть — и сама открыла всё твоему отцу. С горькими слезами, с унижением я упала к ногам его... я надеялась, что он великодушно простит мне... Но он выгнал меня из дому; и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмешки света... он жестоко со мною поступил!.. Я умираю... Если он мне не простил еще, то Бог его накажет... Владимир! ты осуждаешь мать свою? Ты не смотришь на меня? (*Голос ее под конец становился всё слабее и слабее.*)

Владимир (*в сильном движении*). (*Про себя*) Вижу! Вижу! природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтоб разрушать естественный порядок. Боже! Боже! Здесь умирающая мать — и на языке моем нет ни одного утешительного слова, — ни одного! Неужели мое сердце так сухо, что нет даже ни одной слезы? Горе! горе тому, кто иссушил это сердце. Он мне заплотит: я сделался через него преступником; с этой минуты прочь сожаленье! День и ночь буду я напевать отцу моему страшную песню, до тех пор, пока у него не встанут дыбом волосы и раскаяние начнет грызть его душу! (*Обращаясь к матери*) Ангел! ангел! не умирай так скоро: еще несколько часов...

Аннушка (*с приметным беспокойством посматривая на госпожу*). Владимир Павлович! (*Он услыхал и глядит на нее пристально. Она трогает за руку Марью Дмитревну и вдруг останавливается.*) Прости Господи ее душу! (*Крестится.*) (*Владимир вздрагивает, шатается и едва не упадает. Удерживается рукой за спинку стула и так остается недвижен несколько минут.*) Как тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (*Плачет.*)

Владимир (*подходит к телу и, взглянув, быстро отворачивается*). Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значат... у меня их нет! нет! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу. Пойду, принесу отцу моему весть о ее кончине и заставлю, принужу его плакать, и когда он будет плакать... буду смеяться! (*Убегает.*)

(*Долгое молчание.*)

Аннушка. И сын родной ее оставляет! Теперь всё, что я могу захватить, мое! Что же? тут по мне нету греха; лучше, чтобы мне досталось, чем кому другому, а Владимиру Павловичу не нужно! (*Подносит зеркало к губам усопшей.*) Зеркало гладко! Последнее дыханье улетело! Как бледна! (*Уходит из комнаты и призывает остальных слуг для совершения обрядов.*)

СЦЕНА IX

3-го февраля. Пополудни.

(*Комната у Загорскиных. Наташа и княжна. Анна Николавна, входя, вводит двух старух.*)

Анна Ник<олавна>. А я вас сегодня совсем не ожидала! Милости просим! Прошу садиться! Как ваше здоровье, Марфа Ивановна? (*Садятся.*)

1<-я> старуха. Эх! мать моя! Что у меня за здоровье? всё рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку. (*К другой старухе*) Как мы съехались, Катерина Дмитревна! Я только что на двор, и вы за мной, как будто сговорились навестить Анну Николаевну.

2<-я> старуха (*к хозяйке*). Я слышала, что вы были больны?

Анна Ник<олавна>. Да... благодарю, что навестили... теперь получше. А что нового не слыхать ли чего-нибудь?

2<-я> стар<уха>. У меня, вы знаете, Егорушка в Петербурге; так он пишет, что турок в пух разбили наши; взяли пашу!

1<-я> стар<уха>. Дай-то Бог! А я слышала, что Горинкин женился. Да на ком! Знавали вы Болотину? так на ее дочери. Славная партия... ведь сколько женихов за нею гонялось! так нет... кому счастье.

Анна Ник<олавна>. А я слышала: граф Свитский умер. Ведь жена, дети.

1<-я> стар<уха>. Да! какая жалость... а что рассказывают! слышали вы?

Анна Ник<олавна>. Что такое?

2<-я> старуха. Что такое? странно! я не слыхала!

1<-я> старуха. Говорят, что покойник — прости его Господи — почти всё свое имение продал и побочным детям отдал деньги. Есть же люди! И говорят также, будто бы в духовной он написал, чтоб его похороны не стоили больше 100 рублей.

2<-я> старуха. Нечего сказать, как в колыбельке, так и в могилку! Всегда был чудак покойник! Царство ему небесное! Что ж? исполнили его завещание?

1<-я> старуха. Как можно? Пожалуй, он бы написал, чтоб его в овраг кинули! Нет, матушка, 5000 стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерея было.

Анна Ник<олавна>. Стало быть, очень пышно было!

Наташа. Будто не всё равно.

1<-я> старуха. Как так? разве можно графа похоронить как нищего?

2 <-я> с т а р у х а (*после общего молчания*). Анна Николавна! вы меня извините! я ведь только на минуточку к вам заехала! Спешу к золовке на крестины. (*Встает.*). Прощайте!

А н н а Н и к <о л а в н а>. Если так, то не смею вас удерживать! Прощайте! (*Целуются.*) До свиданья, матушка. (*Провожает ее.*)

1 <-я> с т а р у х а. Какова? Как разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовые ленты на чепце! ну кстати ли? ведь сама насилу ноги таскает! А который ей год, Анна Николавна, как вы думаете?

А н н а Н и к <о л а в н а>. Да лет 50 есть! Она так говорит.

1 <-я> с т а р у х а. Крадет с десяток! Я замуж выходила, а у нее уж дети бегали.

Н а т а ш а (*тихо Софье*). Я думаю: потому что она замуж вышла 30<-ти> лет.

К <н я ж н а> С о ф ь я. Охота тебе их слушать, Наташа?

Н а т а ш а. Помилуй! Это очень весело!

(*Слуга входит.*)

С л у г а. Дмитрий Василич Белинский приехал.

А н н а Н и к <о л а в н а>. Что это значит? (*Слуге*) Проси в гостиную. (*Слуга уходит.*) (*Тихо старухе*) Пойдем со мной, матушка; я угадываю, зачем он приехал! мне уж говорили. Он сам не так богат; но дядя при смерти, а у дяди 1500 душ.

1 <-я> с т а р у х а. Понимаю. (*В сторону*) Посмотрим, что за Белинский! (*Наташе*) О! плутовка.

(*Обе уходят.*)

К н я ж н а С <о ф ь я>. Отчего ты так покраснела?

Н а т а ш а. Я?

К н <я ж н а> С о ф ь я (*махнув рукой*). Ну ж! ничего не слышит и не видит! Наташа! твои щеки пылают, ты дрожишь, ты вне себя. Что такое значит?

Н а т а ш а (*схватив княжну за руку*). Так! это ничего! Кто сказал, что я дрожу? Ах, знаешь ли! Я отгадываю, зачем он приехал. Теперь всё решится! не правда ли?

К н <я ж н а> С о ф ь я. Что решится?

Н а т а ш а. Какие глупые вопросы, кузина! Вчера была у нас княгиня, и...

К н <я ж н а> С о ф ь я. Я тебя понимаю! Ты влюблена в Белинского. Ну что ж. (*Наташа отворачивается.*) Это очень натурально.

Наташа (*с живостью*). Послушай! Как он мил! Как он любезен!

Кн<яжна> Софья. Бедный Арбенин!

Наташа. Чем же бедный?

Кн<яжна> Софья. Он тебя так любит! Белинский свататься приехал: ты наверное ему не откажешь; так ли? А я знаю, что Арбенин тебя очень, очень любит. (*Насмешливо улыбается.*)

Наташа. Разлюбит поневоле. Впрочем, он очень умел притворяться прежде с другими, почему же не притворялся он со мной? кто может поручиться? Правда, он мне сначала немного нравился. В нем что-то необыкновенное... а зато какой несносный характер, какой злой ум и какое печальное всегда воображенье. Боже мой! да такой человек в одну неделю тоску нагонит. Есть многие, которые не меньше его чувствуют, а веселы.

Кн<яжна> Софья. Ты хотела бы всё смеяться! (*Смотрит на нее пристально.*) Однажды в сумерки приехал к нам Арбенин. Сел за фортепьяно и с полчаса фантазировал. Я заслушалась. Вдруг он вскочил и подошел ко мне. Слезы были у него на глазах. «Что с вами?» — спросила я. «Припадок! — отвечал он с горькой улыбкой. — Музыка приводит мне на мысли Италию! Во всей ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему! Всё, что я люблю, убегает меня. Прошу сожаленья? нет! Я похож на чумного! Всё, что меня любит, то заражается этой болезнью несчастия, которую я принужден называть жизнию!» Тут Арбенин посмотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа... я догадалась... но ты не слышишь?

Наташа. Оставь меня. Какая мне нужда до твоего Арбенина; делай с ним что хочешь; клянусь тебе, не стану ревновать! Слышишь... вот... кажется, кто-то сюда идет... кажется, маменька!

Кн<яжна> Софья (*в сторону*). Небо прекрасно исполняет мои желанья! Судьба мстит за меня. Хорошо! он почувствует всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я недаром старалась охладить к нему Наташу: это меня радует. Однако что мне пользы? Я отомстила. За что? Он не знает, что я его так люблю! но узнает! Я ему докажу, что есть женщины...

(*Входит Анна Николавна.*)

Анна Ник<олавна>. Наташа! подойди ко мне! Я хочу говорить с тобой о важном деле, которое решит судьбу твоей жизни. Выйти замуж не порог перешагнуть. Всё будущее твое зависит от одной минуты. Твое сердце должно бросить жребий, но рассудок также не должен молчать. Подумай: Белинский предлагает тебе свою руку. Согласна ты или нет? нравится ли он тебе?

Наташа (*в смущении*). Я... не знаю...

Анна Ник<олавна>. Как не знаю! помилуй! Он ждет в той комнате. Кому же знать? Решись поскорее: по крайней мере, дать ли ему надежду. Что ты молчишь? Он молодой человек, превоспитанный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. Белинский ожидает богатое наследство, подумай, 1500 душ! рассуди! ты уж в летах, скоро стукнет 19. Теперь не пойдешь замуж, так, может быть, никогда не удастся. Сиди в девках! плохо теперь: женихов в Москве нет! Молодые, богатые не хотят жениться, мотают себе вволю, а старые? что в них? глупы или бедны! Решись, Наташа. Ведь он там ждет. Ну скажи по совести: ведь он тебе нравится?

Наташа. Нравится...

Анна Ник<олавна>. Так ты согласна... я пойду...

Наташа (*останавливает мать*). Maman! подождите... так скоро!.. ей-Богу! я всё это вижу как во сне... как можно в одну минуту. (*Слезы показываются на глазах; она закрывает их руками.*) Я не могу! разве непременно сейчас?

Анна Ник<олавна> (*ласкает ее*). Успокойся, друг мой. О чем ты плачешь? Разве не сама сказала, что он тебе нравится. Посмотри, как сердце бьется. Это нездорово! Ты слишком встревожилась; я опрометчиво поступила; однако сама посуди: ведь он ждет! Не надо упускать жениха!.. Ведь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна? И я тотчас ему скажу! Нет? так нет! беда не велика...

Наташа (*утирая слезы*). Он мне нравится! только... дайте ему надежду, пускай он ездит в дом, пускай будет как жених... только! я сама не знаю... вы так скоро мне сказали... я не знаю... мне стыдно плакать о глупостях. Maman! вы сами сумеете как ему сказать... я наперед на всё согласна.

Анна Ник<олавна>. Ну, и давно бы так... об чем же плакать, мой ангел? (*Крестит ее.*) Христос с тобой! в добрый час! (*Уходит.*)

Наташа. Ах!

Кн<яжна> Софья. Ты побледнела, кузина! поздравляю тебя! невеста!

Наташа. Как скоро всё это сделалось! (*Уходит.*)

Кн<яжна> Софья. Правда. Когда мы чего-нибудь желаем и желание наше исполнится, то нам всегда кажется, что оно исполнилось слишком скоро. Мы лучше любим видеть радость в будущем, нежели в минувшем. Она счастлива... а я? Зачем раскаиваться? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняет их дурные желанья: стало быть, они справедливы; стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!

СЦЕНА X

Февраля 4-го. Вечер.
(*Зала в доме Павла Григорича; слуги зажигают лампы.*)

1 < - й>. Он, чай, был не в своем уме: от вчерашнего еще не опомнился.

2 < - й>. Как сказал ему барин?

3 < - й>. Проклинаю тебя, сказал он ему.

2 < - й>. Владимир Павлович не заслужил этого.

1 < - й>. А где старый барин?

3 < - й>. Уехал в гости.

2 < - й>. Был ли он встревожен, когда ты ему подавал одеваться?

3 < - й>. Нимало. Ни разу меня не ударил. Проклясть сына, ехать в гости, эти две вещи для него так близки между собою, как выпить стакан вина и стакан воды.

1 < - й>. А крепко поговорил молодой барин своему батюшке; тот сначала и не опомнился.

2 < - й>. Оно всё так; а только жалко, ей-Богу, жалко. Отцовское проклятие не шутка. Лучше жернов положить себе на сердце.

3 < - й>. Ивану не велено от него отходить; вот отец! ведь проклял, а всё боится, чтоб сын на себя рук не наложил.

2 < - й>. Кровь говорит.

3 < - й>. А по-моему, так лучше убить, чем проклясть.

СЦЕНА XI

Февраля 4<-го>. Вечер.
(*Комната Владимира. Луна светит в окно. Владимир возле стола, опершись на него рукою. Иван у двери.*)

И в а н. Здоровы ли вы, сударь?

В л а д и м и р. На что тебе?

И в а н. Вы бледны.

В л а д и м и р. Я бледен? когда-нибудь буду еще бледнее.

И в а н. Ваш батюшка только погорячился: он скоро вас простит.

В л а д и м и р. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

И в а н. Мне не велено от вас отходить.

В л а д и м и р. Ты лжешь! здесь нет никого, кто бы занимался мною. Оставь меня: я здоров.

И в а н. Напрасно, сударь, хотите меня уверить в том. Ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное.

Владимир (*вынимает кошелек. Про себя*). Я слышал, что деньги делают из людей — всё! (*Громко*) Возьми — и ступай отсюда: здесь тридцать червонцев.

Иван. За тридцать серебреников продал Иуда нашего Спасителя; а это еще золото. Нет, барин, я не такой человек; хотя я раб, а не решусь от вас взять денег за такую услугу.

Владимир (*бросает кошелек в окно, которое разбивается. Стекла звенят, и кошелек упадает на улицу*). Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это, сударь, с вами делается! Утешьтесь — не всё горе...

Владимир. Однако ж...

Иван. Бог пошлет вам счастье, хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит Бог, от вас сердитого слова не слыхал.

Владимир. Точно?

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас Богу молиться.

Владимир (*рассеянно*). Так у тебя есть жена и дети?

Иван. Да еще какие. Будто с неба... добрая жена... а малютки! сердце радуется, глядя на них.

Владимир. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иван. И телом, и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Владимир (*берет его за руку*). У тебя есть дети... не проклинай их никогда! (*Отходит в сторону к окну; Иван глядит на него с сожалением.*) А он, он, мой отец, меня проклял, и в такой миг, когда я бы мог умереть от слов его! Но я сделал должное: *она* меня оправдает перед лицом Всевышнего! Теперь испытаю последнее на земле: женскую любовь! Боже, как мало Ты мне оставил! Последняя нить, привязывающая меня к жизни, оборвется, и я буду с Тобой; Ты сотворил мое сердце для себя, проклятие человека не имеет влияния на гнев Твой. Ты милосерд — иначе я бы не мог родиться! (*Смотрит в окно.*) Как эта луна, эти звезды стараются меня уверить, что жизнь ничего не значит! Где мои исполинские замыслы? К чему служила эта жажда к великому? всё прошло! я это вижу. Так точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображению, но солнце закатилось, дунул ветер — и облако растянулось, померкло, — и, наконец, упадает росою на землю!

СЦЕНА XII

Февраля... Вечер.

(*Комната у Загорскиных. Дверь отворена в другую, где много гостей. Анна Николавна и к<няжна> Софья входят.*)

Кн<яжна> Софья. Тетушка! мы с Наташей сейчас приехали из рядов и купили всё, что надобно: не знаю, понравится ли вам; по мне хорошо! только блонды дорого.

Анна Ник<олавна>. Теперь некогда, Сонюшка: после посмотрю! (*Входит гость.*) Ах! здравствуйте, Сергей Сергеич! как ваше здоровье! я вас совсем не ожидала: вы такие стали спесивые и знать нас не хотите...

Гость 1. Помилуйте! Я узнал, что Наталья Федоровна ваша помолвлена, и приехал поздравить и пожелать ей всякого счастья!

Анна Ник<олавна>. Покорно вас благодарю! дай-то Бог! человек, кажется, хороший!

Гость 1. И, я слышал, с прекрасным состоянием.

Анна Ник<олавна>. Как же-с! Да вы, я думаю, знаете г-на Белинского?

Гость 1. Видал-с. Прелестнейший молодой человек!

Анна Ник<олавна>. Милости просим в гостиную, Сергей Сергеич!

(*Уходят оба в гостиную.*)

Кн<яжна> Софья. Всё идет по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Разве у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радует и огорчает? Как согласить внутреннее самодовольствие с исполнением желаний? Нет, главная моя цель еще далеко. Я желала бы знать, как всё это подействует на Владимира. Боже! как мне душно в этой толпе людей, которые с таким жаром рассуждают о пустяках и не замечают, что каждая минута отнимает у меня по надежде и приносит мне какое-нибудь новое мученье! Где несчастливцы? на всех лицах я встречаю только улыбки! одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... если б он их увидал, то стал бы меня любить. Он бы не устоял! невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!..

Наташа (*вбегает; весело*). Ха! ха! ха! ха! ха! ma cousine, послушай: если б ты была там, то насмеялась бы досыта. Ха! ха! ха! Боже мой! ах! я удерживалась до тех пор, что чуть-чуть не захохотала ему в глаза.

Кн<яжна> Софья. Кому?

Наташа. Насилу я вырвалась. Сергей Сергеич подошел меня поздравлять, смешался, заикнулся, забормотал... я ничего не поняла, он сам, я думаю, не знал, что говорил, умора! Так мы остались друг против друга... ха! ха! ха!

К<няжна> Софья. Как ты весела! Где Белинский?

Белинский (*входит*). Слава Богу! я опять с вами! Меня осадил весь очаковский век. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они всё толкуют о прошедшем, а я в настоящем так счастлив!

К<няжна> Софья. Это видно по вашему лицу.

Наташа. Mon cher ami! оставим ее: она не в духе. Сядем, поговорим.

(*Садятся.*)

Белинский (*целует у нее руку*). Теперь я имею право вызывать завистников.

К<няжна> Софья (*про себя*). Этот человек думает, говорит о счастье, отняв последнее у своего друга... отчего же я, хотя менее виновна, должна чувствовать раскаянье? О, как бы я заменила Владимиру эту потерю, если б... если б только...

(*Гость, молодой человек, выходит из гостиной, кланяется Софье и приближается к ней.*)

Гость. Здорова ли княгиня, ваша матушка?

К<няжна> Софья. Нет. Она очень больна.

Гость. Вы, верно, знаете Владимира Арбенина.

К<няжна> Софья. Он к нам ездит.

Гость. Вы не приметили: сумасшедший он?

К<няжна> Софья. Я всегда замечала, что он очень умен. Не могу догадаться, к чему такие вопросы?

Гость. Нет, я в самом деле не шучу. Несколько дней тому назад я был у его отца; вдруг дверь с шумом отворяется, и вбегает Владимир. Я испугался. Лицо его было бледно, глаза мутны, волосы в беспорядке; я не знаю, на кого он был похож. Отец его остолбенел и ни слова не мог выговорить. «Убийца! — воскликнул Владимир. — Ты мне не верил, поди же, поцелуй ее мертвую руку!» — и с вынужденным хохотом упал без чувств на землю. Слуги вбежали, его подняли. Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... я поскорее взял шляпу и ушел; потом я узнал, что Павел Григорич его ужасно бранил и даже проклял, говорят, но я не верю...

К<няжна> Софья (*в сильном волнении*). Проклял, говорите вы... он упал... но ему ничего не сделалось? Вы не знаете, что значили слова его? Нет! это не сумасшествие... что-нибудь ужасное с ним случилось...

Гость (*с улыбкой*). Я не ожидал, чтобы вы приняли такое большое участие...

К<няжна> Софья. В самом деле? (*С досадой в сторону*) Боже! нельзя показать сожаленья!

Гость. Наконец я узнал, что в этот самый день умерла у Владимира мать, которая с отцом была в разводе, но такое бешенство, такие угрозы показывают совершенное сумасшествие!.. Это в самом деле очень жалко: он имел способности, ум, познания...

К<няжна> Софья. По словам, которые вы мне повторили, отец его был виноват в чем-нибудь... он не заметил вас, и если только в этом состоит сумасшествие...

Гость. О нет, совсем нет! я не хотел этого сказать. Но вы сами судите... мне стало жалко его; вот для чего я спросил...

К<няжна> Софья. Вы видите, что я не могу вам дать положительного ответа.

Гость (*помолчав*). Вы поедете завтра в концерт, княжна? Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слыхали еще? Она из Парижа... это очень любопытно! Если угодно, я билет...

К<няжна> Софья. Я не любопытна, я не имею этого порока.

Гость. Извините. Я желал вам услужить...

К<няжна> Софья. Вы очень милостивы!

Гость (*раскланиваясь*). Прошу вас поверить, что если я что-нибудь неприятное сказал вам, то мое намерение было совсем не таково... (*Уходит.*)

К<няжна> Софья (*одна*). Чуть-чуть он не сказал, что хотел меня обрадовать этими новостями! Прийти нарочно, простоять четверть часа здесь для того только, чтобы сказать зло про одного человека и опечалить другого! (*Молчание.*) Что ждет меня? Ужасно темнеет предо мной будущность, как бездна, которая хочет поглотить всё, что во мне радуется жизнию! Владимир потерял мать, любовь отца и должен лишиться Наташи... Но первые два несчастья помогут ему перенести последнее с твердостию; несколько печалей не так опасны, как одна глубокая, к которой прикованы все думы, которая отравляет все чувства одинаковым ядом. Да, он мужчина, он крепок духом! а там... там... я могу еще надеяться; я примечала несколько раз, что глаза его пылали, когда он со мной говорил: может быть...

Наташа. Что он тебе рассказывал?

К<няжна> Софья. Про Арбенина.

Белинский. Что такое про Арбенина?

К<няжна> Софья. Не бойтесь!

Белинский. Чего же мне бояться?

К<няжна> Софья. Вы лучше знать должны.

Наташа (*тихо*). Разве он проведал, что я выхожу замуж?

К<няжна> Софья. За его друга? нет! Арбенин потерял мать, и от этого он в отчаянье; его приняли за сумасшедшего... не знаю, вынесет ли он второй удар...

Белинский. О, поверьте, что он кажется гораздо чувствительнее, чем в самом деле есть.

К<няжна> Софья. Разумеется: вы это должны знать лучше нас; вы были его другом.

Белинский. Я дружбу принес в жертву любви.

К<няжна> Софья. Это очень хорошо — для вас.

Белинский. Впрочем, не думайте, что я с Арбениным очень дружен был. Приятели в наш век — две струны, которые по воле музыканта издают согласные звуки, но содержат в себе столько же противных.

К<няжна> Софья (*Наташе*). Прошу не прогневаться, кузина; а я скажу, что ты его любила; для жениха ты не должна иметь тайны; и, верно, господин Белинский со мной согласен! (*Наташа при этих словах покраснела.*)

Наташа. Да, это правда: Арбенин мне сначала нравился и очень занимал воображение, но этот сон, как все печальные сны, прошел. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мне более об нем.

К<няжна> Софья. Я не совсем что-то верю твоему пробуждению.

Наташа. Кузина, к чему это?

Белинский. Может быть, один сон сменился другим.

К<няжна> Софья. Однако послушайте, господин жених, не слишком ей верьте; она с давнишних пор носит на кресте стихи, которые дал ей Арбенин. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она их показала! А! а! попалась, душа моя?

Белинский. Я могу просить, и то, если она позволит. Впрочем, я в ней слишком уверен...

К<няжна> Софья. Излишества всегда опасны!

Наташа. Чтоб доказать моей кузине, что я нимало не дорожу этими глупостями... (*Снимает с шеи ожерелье, на котором крест, и отвязывает бумажку.*) Возьмите. Эта старинная бумажка была мною совсем позабыта. Прочти, мой друг... Эти стихи довольно порядочно написаны.

Белинский. Это его рука!

К<няжна> Софья (*в сторону*). Бесстыдный! он так же спокоен, как будто читает театральную афишу! Ни одной искры раскаянья в ледяных гла-

зах! Ужели искусство? Нет! Я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемерия. Ах! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Н а т а ш а. Прочти, мой друг!

Б е л и н с к и й (*читает*).

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
На место славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?

* * *

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

Прекрасно, очень мило! (*Отдает.*)

Н а т а ш а (*разрывает бумагу*). Теперь спокойны ли вы, кузина?

К <н я ж н а> С о ф ь я. О! Я на твой счет никогда не беспокоилась!

Б е л и н с к и й (*в сторону*). Эта княжна вовсе не по мне! К чему ее упреки? Что ей за дело?

(*Дверь отворяется, входит Владимир; кланяется. Все смущены; он хочет подойти, но, взглянув на Белинского и Наташу, останавливается и быстро входит в гостиную.*)

Н а т а ш а (*только что Владимир взошел*). Ах! Арбенин!

Б е л и н с к и й (*про себя*). Вот некстати! черт его просил? Он взбесится; он, верно, еще не знает, что я женюсь и на ком! Надо убраться, чтоб не сделаться жертвою первого пыла. (*Громко*) Мне не хочется теперь встретиться с Арбениным. Вы его знаете...

К<няжна> Софья (*кинув на него косвенный взгляд*). Это правда!..

Белинский. Итак, прощайте! (*Уходит в кабинет.*)

Наташа. Невольный трепет пробегает по мне, сердце бьется... отчего? Отчего этот человек, которого я уже не люблю, всё еще имеет на меня такое влияние?.. но, может быть, любовь к нему не совсем погасла в моем сердце? может быть, одно воображение отвлекло меня от него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Белинскому слово, он будет моим мужем, и Арбенина должно удалить! это будет мне легко! (*Задумывается.*).

К<няжна> Софья. Слава Богу! (*Про себя*) Я думала, что этот Белинский не мучим совестью... теперь я вижу совсем противное. Он боялся встретить взор обманутого им человека! Так он виновнее меня!.. Я заметила смущение в его чертах! Пускай бежит... ему ли убежать от неизбежного наказания небес? (*Удаляется в глубину театра.*)

(*Владимир, бледный, выходит из гостиной; он и Наташа долго стоят неподвижны.*)

Наташа. Что скажете нового?

Владимир. Говорят: вы выходите замуж.

Наташа. Это для меня не ново.

Владимир. Я вам желаю счастья.

Наташа. Покорно вас благодарю.

Владимир. Так это точно, точно правда?

Наташа. Что ж удивительного?

Владимир (*помолчав*). Вы не будете счастливы.

Наташа. Почему же?

Владимир. Я слыхал, что свадьбы, которые бывают в один день с похоронами, несчастливы.

Наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочем, всякий день кто-нибудь да умирает в мире; итак...

Владимир. Послушайте: скажите мне по чести: это шутка или нет.

Наташа. Нет.

Владимир. Подумайте хорошенько. Клянусь Богом, я теперь не в состоянии принимать такие шутки. В вас есть жалость! Послушайте: я потерял мать, ангела, отвергнут отцом, — я потерял всё, кроме одной искры надежды! Одно слово, и она погаснет! вот какая у вас власть... Я пришел сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... Что пользы вам лишить меня из шутки такой минуты?

Н а т а ш а. Я не думала шутить. Я очень понимаю, как ваше несчастие велико; я бы достойна была презрения, если б могла с вами шутить теперь. Нет, вы имеете право на уважение и сострадание всякого!

В л а д и м и р (*смотрит на нее несколько времени*). Помните ли, давно, давно тому назад я привез вам стихи, в которых просил защитить против злословий света... и вы обещали мне! С тех пор я вам верю, как Богу! с тех пор я вас люблю больше Бога! О! каким голосом было сказано это: обещаю! и я тогда же в душе произнес клятву вечно любить вас... вечно! На языке другого это слово мало значит... но я *поклялся* любить вас вечно, поклялся самому себе; а клятва благородного человека неизменна, как воля Творца... Отвечайте мне, скажите мне одно не слишком холодное слово, солгите... и я буду... доволен. Что стоит одно слово?.. оно спасет человека от отчаяния.

Н а т а ш а (*в сторону*). Что мне делать? Мысли мои рассеяны. О, зачем, зачем нельзя изгладить несколько дней из моей жизни, возвратиться к прежнему... Я могла бы отвечать ему!.. он так жалок!.. Я его не люблю, но мне как-то страшно его огорчить!..

В л а д и м и р. Женщина!.. ты колеблешься? Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом и движеньями, изъявляющими жестокие муки, и у тебя бы был хлеб, ужели ты не отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба назначен был совсем для другого употребленья? так я прошу у тебя одного слова любви!..

Н а т а ш а (*помолчав; значительно*). Я выхожу замуж за Белинского!..

(*Софья, которая издали смотрела, уходит поспешно.*)

В л а д и м и р. Он? он? как? Стало быть, мои подозренья...

Н а т а ш а. Чего вы испугались?

В л а д и м и р. И я его называл другом? Ад и проклятье! Он мне заплотит! За каждую слезу, которую пролил я на предательскую грудь... он мне заплотит своей кровью!.. (*Хочет идти.*)

Н а т а ш а. Остановитесь! остановитесь! (*Он неподвижен.*) Какое безумство! Так вот ваша привязанность ко мне? Я люблю Белинского, и вы хотите убить его? Опомнитесь! его смерть заставит меня ненавидеть вас!..

В л а д и м и р. Тебе его жаль? ты его любишь? не верю! нет, я не верю! Тот, кто обманул друга, недостоин уваженья!.. Презренье и любовь несовместны! Моя рука тебя избавит от этой эхидны...

Н а т а ш а. Владимир! останьтесь... я умоляю...

В л а д и м и р (*посмотрев на нее; со вздохом*). Хорошо! Что еще я должен сделать?

Н а т а ш а. Нам не надобно больше видеться; я прошу: забудьте меня! Это нас обоих избавит от многих неприятностей. Мало ли есть рассеяний для молодого человека!.. Вам понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будем друзьями, будем проводить вместе целые дни радости... до тех пор я прошу вас забыть девушку, которая не должна слушать ваших жалоб!..

В л а д и м и р. Прекрасные советы! (*Ходит взад и вперед. С сухим смехом*) В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль... кто б мог ожидать?..

Н а т а ш а. Рассудок ваш то же говорит, что я; только вы его не хотите слушать!

В л а д и м и р. Нет, я не стану мстить Белинскому! Я ошибался! Я помню: он мне часто говорил о рассудке: они годятся друг для друга... и что мне за дело? Пускай себе живут да детей наживают, пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия! Ах! а я за один ее веселый миг заплатил бы годами блаженства... а на что ей? Какая детская глупость!..

Н а т а ш а. Мои слова неприятны вам; но правда, говорят, никому не нравится. Я сама вам теперь признаюсь, что вы, ваш характер, ваш ум сделали на меня сначала довольно сильное впечатление; но теперь обстоятельства переменились, и мы должны расстаться: я люблю другого! Так я подам вам пример: я вас забуду!..

В л а д и м и р. Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совесть вернее памяти; не любовь, раскаяние будет тебе напоминать обо мне!.. Разве я поверю, чтоб ты могла забыть того, кто бросил бы вселенную к ногам твоим, если б должен был выбирать: вселенную или тебя!.. Белинский тебя не стоит, он не будет в состоянии ценить твою любовь, твой ум; он пожертвовал другом для... о! не для тебя!.. деньги, деньги — вот его божество!.. и тебя принесет он им в жертву! Тогда ты проклянешь свою легковерность... и тот час, тот час... в который подала мне пагубные надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтоб лишить меня небесного!..

Н а т а ш а. Еще раз говорю вам: перестаньте; вы слишком вольно говорите. (*Помолчав*) Мы не должны больше видеться. Какая вам охота смущать семейственную тишину? Этот мгновенный пыл пройдет, а после, после мы будем друзьями!..

В л а д и м и р. Не слишком ли вы полагаетесь на свою добродетель! Нет! я не способен жить остатками сокровища, принадлежащего другому!.. Что осмелились вы предложить мне? Создатель! теперь я верю, что демоны были прежде ангелами!

Н а т а ш а. Господин Арбенин, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! вы несносны!

В л а д и м и р. Отчего вы прежде со мною так не говорили?

Н а т а ш а. Вы правы: я смешна, глупа... как хотеть, чтоб сумасшедший поступал как рассудительный человек!.. оставляю вас и, признаюсь, раскаиваюсь, в первый и последний раз, в том, что хотела кого-нибудь утешить! Вы пренебрегли все приличия, и я не намерена терпеть долее! (*Уходит; но останавливается в глубине театра и смотрит на него.*)

В л а д и м и р. Бог! Бог! во мне отныне к Тебе нет ни любви, ни веры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты... Ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы. Зачем Ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть! Ты виновен! Пускай Твой гром упадет на мою непокорную голову: я не думаю, чтоб последний вопль погибающего червя мог Тебя порадовать!

(*В это время взошел Белинский, Наташа говорит ему что-то на ухо, с видом просьбы, и уходит; он смотрит издали; Владимир ломает себе руки.*)

Эти нежные губы, этот очаровательный голос, улыбка, глаза — всё, всё это для меня стало яд!.. Как можно подавать надежды только для того, чтоб иметь удовольствие лишний раз обмануть их! (*Обтирает глаза и лоб.*) Женщина! стоишь ли ты этих кровавых слез?

(*Белинский подходит.*)

Б е л и н с к и й. Владимир! (*В сторону*) Мне должно его умаслить, уговорить; а то он черт знает чего наделать рад! Наташа правду говорит: он только в первые минуты бешенства опасен! (*Громко*) Владимир!

В л а д и м и р (*не оборачиваясь*). Что?

Б е л и н с к и й. Ты на меня сердит?

В л а д и м и р. Нет.

Б е л и н с к и й. О! я вижу, что ты сердит; но разве не она сама выбирала?

В л а д и м и р (*всё не оборачиваясь*). Разумеется.

Б е л и н с к и й. Время тебя вылечит.

В л а д и м и р. Не знаю. (*Голос его дрожит.*)

Б е л и н с к и й. Арбенин! я вижу по всему: ты ужасно на меня сердит. Поверь, я тебя знаю очень хорошо; я проник все движенья твоего сердца и даже иногда скорее объясняю твои поступки, чем свои собственные.

В л а д и м и р. Ты знаешь меня? ты говоришь это? (*Со смехом*) Если так, то Дмитрий Василич Белинский первейший глупец или первейший злодей в свете!

Б е л и н с к и й. Скорей первое, чем последнее!

В л а д и м и р. Поздравляю.

Б е л и н с к и й. Ну посуди сам: разве я не имел одинакого права с тобой на ее руку? Ты, братец, эгоист! Верь мне: твоя печаль одно оскорбленное самолюбие!..

В л а д и м и р. Мне верить? тебе?

Б е л и н с к и й. Разве я употребил во зло твою доверенность? разве я открыл какую-нибудь из твоих тайн? Загорскина прежде любила тебя, — положим; а теперь моя очередь. Зачем ты тогда на ней не женился!..

В л а д и м и р. Я советую оставить меня: не надейся на мое хладнокровие!.. Я хотел, готов был тебе отомстить, упиться твоей кровью, кровью... слышишь ли? — и я тебе прощаю, и ни в чем не виню, только оставь меня. Я не могу отвечать на твои искренние ласки!.. (*Смеется дико.*) Теперь я свободен!.. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожит мною на земле... Слышишь? это ты сделал! Не пугайся, не раскаивайся, что за важность? я лишний! Ты искусный, осторожный, умный человек! заметил, что дружба меня изнежила, что надежда избаловала, — и одним ударом отнял всё! Белинский! кажется, у меня теперь ничего уж нет завидного!

Б е л и н с к и й. Ты не прощаешь мне: эта холодность, эта язвительная улыбка...

В л а д и м и р. О! ты слишком хорошо обо мне думал: с некоторых пор я тебе ничем не обязан... мои долги тебе заплочены, денежные и другие...

Б е л и н с к и й. Итак, ты у меня совершенно отнял свое сердце? Ужели мы снова не можем сойтись; если я докажу...

В л а д и м и р. На что?

Б е л и н с к и й. Я заклинаю тебя.

В л а д и м и р (*в сторону*). Какая низость! И она может, и я мог его любить!..

Б е л и н с к и й. Именем ее прошу тебя.

В л а д и м и р. Полно, полно! Разве можно что-нибудь еще у меня отнять?

Б е л и н с к и й (*сквозь зубы*). Непреклонный! (*Ему*) Послушай: прости мне; теперь переменить нельзя... но вперед, даю тебе честное слово...

В л а д и м и р. Довольно и одного раза!

Б е л и н с к и й. Одумайся! Со временем...

В л а д и м и р (*в сторону*). Со временем, со временем! Всемогущий! как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!

Б е л и н с к и й. И ты даже не хочешь выслушать опытного друга, который тебе желает добра!

В л а д и м и р (*вне себя*). Боже!

Б е л и н с к и й. Так! я не должен тебя оставлять; это моя обязанность, и ты сам будешь после благодарен... преступление было бы не удержать безумца на краю пропасти. (*Берет его за руку.*) Пойдем к ней! Наташа смягчит твою горесть; ты мне сказывал, что взор ее может усмирять твою душевную бурю... Пойдем к ней! (*Хочет его увлечь; Владимир неподвижен с минуту, потом вырывает буйно руку и бежит вон.*) Остановись, остановись!.. (*Молчание.*) Он ушел! Я исполнил желание моей невесты, а судьба исполнила мое! Но почему я не мог дышать свободно в его присутствии? Ведь я прав, и все в этом согласны. Арбенин — ребенок, который, испугавшись розги, бросается в реку? Что за глупая ревность! Он ненавидит меня — и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей ума подавлено бессмысленной страстью! И как не уметь себе приказать?

(*Княжна Софья входит.*)

К н < я ж н а > С о ф ь я. Где Арбенин?

Б е л и н с к и й. Ушел... не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь...

К н < я ж н а > С о ф ь я. И вы его не удержали? И он всё любит Наташу?

Б е л и н с к и й. Больше, чем когда-нибудь.

К < н я ж н а > С о ф ь я (*побледнев, упадает в кресла*). Итак, всё напрасно!..

Б е л и н с к и й. Что с вами? Человек! эй, спирту, воды!

К н < я ж н а > С о ф ь я. Оставьте меня!

СЦЕНА XIII
12-го мая

(ЭПИЛОГ)
(*В доме графа N. Много гостей; вечер; подают чай.*)

1 < - й> г о с т ь. Слышали ли вы, граф, новость? Завтра свадьба в вашем приходе. Любопытны ли посмотреть?

Г р а ф. Свадьба? А чья, например?

1 < - й > г о с т ь. Загорскина выходит замуж за Белинского.

1 < - я > д а м а. Вы знаете жениха?

2 < - й > г о с т ь. Знаю-с.

1 < - я > д а м а. Он богат?

2 < - й > г о с т ь. Имеет состояние, следовательно, и долги!

1<-я> дама. Хорош собой?

2<-й> гость. Молодец. Только слишком занимается своим лицом.

1<-я> дама. Стало быть, занимается хорошим.

2<-я> дама. А невеста?

2<-й> гость. Недурна. Une figure piquante!

1<-я> дама (*к другой*). Ma chère! я слышала, она кокетка до невозможности.

2<-й> гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3<-й> гость. Да! бедный Арбенин! Вы знаете: он сошел с ума!

Многие. Как сошел с ума? Молодой Арбенин? Мы не слыхали!

3<-й> гость. Как же, от любви к Загорскиной! Мне рассказывали про жалкое состояние Арбенина. Ему всё кажется, что его куда-то тащат. Он прицепляется ко всему, как будто противится неизвестной силе; плачет и смеется в одно время; зарыдает — и вдруг захохочет. Иногда он узнает окружающих, всех, кроме отца; и всё его ищет. Иногда начинает укорять его в каком<-то> убийстве.

2<-й> гость. Я б желал знать, откуда у помешанных берутся подобные мысли?

1<-й> гость. Я слыхал, что он был величайший негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имеют дурных сыновей.

1<-й> гость. Да, Павел Григорич человек почтенный во всех отношениях.

3<-й> гость (*полунасмешливо*). Он хотел сына своего отдать в сумасшедший дом; но ему отсоветовали; и в самом деле, пожалуй, приписали бы это к скупости!

2<-я> дама. И Загорскину не мучит совесть?

3<-й> гость. Про то знает ее духовник.

1<-й> гость. Неужели нельзя вылечить Арбенина? Может быть, тут есть какие-нибудь физические причины. Странно! с ума сойти от любви?

3<-й> гость. Если это странно вам, то я желал бы, чтоб одна из этих дам взяла на себя труд доказать вам противное!

1<-й> гость. Но я говорю про Арбенина; он, который часто в обществе казался так весел, так беззаботен, как будто сердце его было — мыльный пузырь!

3<-й> гость. Вы, конечно, не ученик Лафатера? Впрочем, если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить

их. Его насмешки не дышали веселостию; в них видна была горькая досада против всего человечества! Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая, приводила его в бешенство, особливо когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпечаталось всё его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!

2<-я> дама. По мне, так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся.

3<-й> гость. А почему вы это знаете? Они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки еще ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг нее вертятся все другие в совершенном беспорядке. Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв, всего физического состава, которое, верно, нелегко для человека. Разве бледные щеки, впалые, мутные глаза — признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите, краски сольются перед глазами вашими: так точно люди, которые слишком близко взглянули на жизнь, ничего более не могут в ней разобрать, а если они еще сохраняют в себе что-нибудь от сей жизни, то это одна смутная память о прошедшем. Чувство настоящего и надежда для них не существуют. Такое состояние люди называют *сумасшествием* — и смеются над его жертвами!

(*Между тем многие разошлись.*)

2<-й> гость (*другому*). А я зеваю!

4<-й> гость (*тихо*). К чему это ораторство? Познания свои, что ли, он хочет показать?

5<-й> гость. (*Он молодой человек лет 19<-ти>.*) (*Подходит к 3<-му> гостю.*) Сделайте милость, нельзя ли вам достать мне что-нибудь из сочинений Арбенина?

3<-й> гость. С удовольствием, если можно будет.

(*Входит слуга и подает билет графу, который кончил играть.*)

Слуга. От Павла Григорича Арбенина! (*Уходит.*)

(*Все в изумлении.*)

Многие (*меж собой*). Что это значит?..

3<-й> гость. С черною каймой… приглашение на похороны.

Граф. А вот увидим! (*Надевает очки и читает вслух.*) «Павел Григорьевич Арбенин с душевным прискорбием извещает о кончине сына своего Владимира Павловича Арбенина, последовавшей сего мая 11-го дня пополудни, покорнейше просит пожаловать на вынос тела в собственный дом, мая 13-го дня, пополуночи в 10<-м> часу, отпевание в приходской церкви… etc».

3<-й> гость (*про себя*). Каково! Похороны в один день с свадьбой Загорскиной.

Некоторые. Боже мой! какая жалость!

2<-я> дама. Бедный отец!

3<-й> гость. Бедный молодой человек! он мог бы еще вылечиться!

3<-я> дама (*к 3-му гостю*). Не правда ли, какая жалость?

3<-й> гость (*в сторону*). Теперь жалеют! К погибшим люди справедливы! Но что в этом сожаленье? Одна слеза дружбы стоит всех восклицаний толпы! Но такая слеза едва ли упадет на могилу Арбенина: он оставил угрызения совести в сердцах, где поселить желал любовь!

Одна старуха. Вот, чай, пышные будут похороны: ведь единственный сын!

3<-й> гость (*одному из гостей*). Мне кажется, что старухи любят говорить о погребениях для того только, чтобы приучиться к мысли: «Скоро и нас потащат в тесную могилу!»

1<-й> гость. Забудем мертвых: Бог с ними!

3<-й> гость. Если все так станут думать, то горе великим людям!

1<-й> гость. Я надеюсь, ваш Арбенин не великий человек… он был *странный человек!* вот и всё!

3<-й> гость (*пожимает плечами и отходит прочь*).

КОНЕЦ

487. МАСКАРАД

Драма в 4-х действиях, в стихах

Действующие лица:

Арбенин, Евгений Александрович
Нина, жена его
Князь Звездич
Баронесса Штраль
Казарин, Афанасий Павлович
Шприх, Адам Петрович
Маска
Чиновник
Игроки
Гости
Слуги и служанки

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх
(*За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.*)

1-й понтер
Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет
Извольте.

1-й понтер
Сто рублей.

Банкомет
Идет.

2-й понтер
Ну, добрый путь.

3-й понтер
Вам надо счастие поправить,
А семпелями плохо...

4-й понтер
Надо гнуть.

3-й понтер
Пусти.

2-й понтер
На все?.. нет, жжется!

4-й понтер
Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер (*тихо первому*)
Смотри во все глаза.

Князь Звездич
Ва-банк.

2-й понтер
Эй, князь,
Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь
На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет
Убита.

Князь
Черт возьми.

Банкомет
Позвольте получить.

2-й понтер (*насмешливо*)
Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь
Я с честью их достал, — и вам их не купить.

2-й понтер (*сквозь зубы, уходя*)
Скромней бы надо быть
С таким несчастием и в ваши леты.
(*Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.*)

Шприх (*подходит с участием*)
Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу,
Проценты вздорные... а ждать сто лет могу.
(*Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Арбенин и прочие
(*Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.*)

Арбенин
Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин
Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат, — стал барин,
И позабыл товарищей своих!

Арбенин
Да, я давно уж не был с вами.

Казарин
Делами занят всё?

Арбенин
Любовью... не делами.

К а з а р и н
С женой, по балам?

А р б е н и н
Нет.

К а з а р и н
Играешь?

А р б е н и н
Нет… утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

К а з а р и н
Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.

(*Шприх подходит и кланяется.*)

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Ш п р и х
Я вас знаю.

А р б е н и н
Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Ш п р и х
По рассказам.
И столько я о вас слыхал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

А р б е н и н
Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

(*Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.*)

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек, — а с чертом не похож.

Казарин
Эх, братец мой, что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
С святошей — езуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин
Портрет хорош, — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин
Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга — потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.

Арбенин
А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

К а з а р и н

Трущов…

О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.

А р б е н и н

Да вы разборчивы на новые знакомства!

И г р о к и (*кричат*)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда.

К а з а р и н

Иду. (*С притворным участием*)
Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й п о н т е р

Скорей.

К а з а р и н

Какая там беда?

(*Живой разговор между игроками, потом успокаиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит*.)

А р б е н и н

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

К н я з ь (*недовольно*)

Я то же самое хотел спросить у вас.

А р б е н и н

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,

Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

К н я з ь (*с чувством берет его за руку*)
Я проигрался.

А р б е н и н
Вижу. — Что ж? топиться!..

К н я з ь
О! я в отчаянье.

А р б е н и н
Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»
(*Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.*)

К н я з ь
Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие...

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин (*вдруг берет его за руку*)

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б... (*останав<ливается>*) кто-нибудь меня остановил...
То... (*Смотрит на него пристально.*)

(*Переменив тон*)

Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!

(*Подходит к столу, ему дают место.*)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!

К а з а р и н
Не вытерпел… зажглося ретивое.
(*Тихо*) Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

И г р о к и
Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1 - й п о н т е р (*на ухо второму*)
Берегись — имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька-Каин,
И притузит он моего туза.
(*Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола*.)
(*Шприх отводит на авансцену Казарина*.)

Ш п р и х (*лукаво*)
Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

К а з а р и н
Задаст он им на месяц страху!

Ш п р и х
Видно,
Что мастер.

К а з а р и н
Был.

Ш п р и х
Был, а теперь…

К а з а р и н
Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный;
Глядит ягненочком, — а, право, тот же зверь…
Мне скажут: можно отучиться,

Натуру победить. — Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг, (*ударив по плечу*) хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.
(*Два игрока в живом разговоре подходят.*)

1-й игрок
Я говорил тебе.

2-й игрок
Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрил, — нет, всех как на подряд,
Подумать стыдно...

Казарин (*подходит*)
Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок
Арбенин ваш мастак.

Казарин
И, что вы, господа!
(*Волнение у стола между игроками.*)

3-й понтер
Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер (*в сторону*)
Обрежется...

5-й понтер
Посмотрим.

Арбенин (*встает*)
Баста!
(*Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.*)

Князь
Ах, никогда мне это не забыть…
Вы жизнь мою спасли…

Арбенин
И деньги ваши тоже.

(*Горько*)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь
Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин
Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь
Но проиграться вы могли.

Арбенин
Я… нет!.. те дни блаженные прошли.
Я вижу всё насквозь… все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь
Вы избегаете признательность мою.

Арбенин
По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, чтоб был к нему привязан;
А — просто — видел пользу в том.

К н я з ь
Я вам не верю.

А р б е н и н
Кто велит вам верить.
Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...

(*Помолчав*)

Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскерад
У Энгельгардта...

К н я з ь
Да.

А р б е н и н
Поедемте?

К н я з ь
Я рад.

А р б е н и н (*в сторону*)
В толпе я отдохну.

К н я з ь
Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...

А р б е н и н
Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.
(*Уходят.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Те же, кроме Арбенина и к<нязя> Звездича

1-й игрок
Забастовал он кстати... с ним беда...

2-й игрок
Хотя б опомниться он дал по крайней мере.

Слуга (*входит*)
Готово ужинать...

Хозяин
Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.
(*Уходят*.)

Шприх (*один*)
С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.

(*Приставив палец ко лбу*)

Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскерад за ними полечу.
(*Уходит и рассуждает сам с собою*.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

МАСКЕРАД

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Маски, Арбенин, потом князь Звездич.
(*Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе*.)

Арбенин (*входит)*
Напрасно я ищу повсюду развлеченья,
Пестреет и жужжит толпа передо мной...

Но сердце холодно и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

(*Князь подходит зевая*.)

Вот нынешнее поколенье.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. не набрели еще на приключенье?

К н я з ь
Как быть, а целый час хожу!

А р б е н и н
А! вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая… пустить бы надо в свет.

К н я з ь
Все маски глупые…

А р б е н и н
Да маски глупой нет:
Молчит… таинственна, заговорит… так мило.
Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно…
Вот, например, взгляните там,
Как выступает благородно
Высокая турчанка… как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно.
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе… Венера в маскераде,
И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не в накладе.
(*Уходит*.)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Князь и женская маска
(*Одно домино подходит и останавливается; князь стоит в задумчивости*.)

К н я з ь
Всё так, — рассказывать легко...
Однако же я всё еще зеваю...
Но вот идет одна... дай Господи!
(*Одна маска отделяется и ударив его по плечу*)

М а с к а
Я знаю...
Тебя!

К н я з ь
И, видно, очень коротко.

М а с к а
О чем ты размышлял, — и это мне известно.

К н я з ь
А в этом случае ты счастливей меня.

(*Заглядывает под маску*.)

Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.

М а с к а
Я нравлюся тебе, тем хуже.

К н я з ь
Для кого?

М а с к а
Для одного из нас.

К н я з ь
Не вижу отчего?
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...

М а с к а

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..

К н я з ь
Поговорим и разойдемся.

М а с к а

Право?

Князь
Налево ты, а я направо...

М а с к а
Но ежели я здесь нарочно с целью той,
Чтоб видеться и говорить с тобой;
Но если я скажу, что через час ты будешь
Мне клясться, что вовек меня не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услыхать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..

К н я з ь
Ты маска умная, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?

М а с к а
Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Всё хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...

К н я з ь

Мне это очень лестно.

М а с к а
Ты сделал много зла.

К н я з ь
Невольно, может быть.

М а с к а
Кто знает! Только мне известно,
Что женщине тебя не надобно любить.

К н я з ь
Я не ищу любви.

М а с к а
Искать ты не умеешь.

К н я з ь
Скорей устал искать.

М а с к а
Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты мой!
Ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

К н я з ь
Но кто ж она?.. конечно, идеал.

М а с к а
Нет, женщина... а дальше что за дело.

К н я з ь
Но покажи ее, пусть явится мне смело.

М а с к а
Ты хочешь многого — обдумай, что сказал!

(*Некоторое молчание*.)

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...

. . . .
Но клятву дай оставить все старанья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...

К н я з ь

Клянусь землей и небесами
И честию моей.

М а с к а

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами.
(*Уходят под руки*.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Арбенин и 2 маски
(*Арбенин тащит за руку мужскую маску*.)

А р б е н и н
Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь
Не позволяет перенесть...
Вы знаете ль, кто я?..

М а с к а

Я знаю, кто вы были.

А р б е н и н
Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.

М а с к а
К чему! мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска, — и я сам вас вижу в первый раз.

А р б е н и н
Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус; подите прочь.

М а с к а
Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.
(*Исчезает в толпе.*)

А р б е н и н
Постой… пропал… кто ж он? Вот дал мне Бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель, добрый путь…

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Шприх и Арбенин
(*Шприх является.*)
(*На канапе сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку… одна вырывается и уходит, браслет спадает с руки.*)

Ш п р и х
Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрыч?..

А р б е н и н
Так, шутил
С приятелем.

Ш п р и х
Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.

А р б е н и н
Кому?

Ш п р и х
Какой-то маске.

А р б е н и н
Слух завидный
У вас.

Шприх
Я слышу всё и обо всем молчу
И не в свои дела не суюсь...

Арбенин
Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну как не стыдно!
Об этом...

Шприх
Об чем это-с?..

Арбенин
Да нет, я так, шучу...

Шприх
Скажите...

Арбенин
Говорят, у вас жена красотка...

Шприх
Ну-с, что ж?

Арбенин (*переменив тон*)
А ездит к вам тот смуглый и в усах!
(*Насвистывает песню и уходит.*)

Шприх (*один*)
Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.
(*Теряется в толпе.*)

ВЫХОД ПЯТЫЙ
1-я маска, одна
(*1-я маска входит быстро в волнении и падает на канапе.*)

1-я маска
Ах!.. я едва дышу... он всё бежал за мною,
Что если бы он со́рвал маску... нет,

Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви, — но только сожаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь предмет,
Кольцо... что делать... риск ужасный!

(*Видит на земле браслет и поднимает.*)

Вот счастье. Боже мой, потерянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

ВЫХОД ШЕСТОЙ
1-я маска и кн<язь> Звездич
(*Князь с лорнетом торопливо продирается.*)

К н я з ь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узнаю.

(*Садится на канапе и берет ее за руку.*)

О! ты не убежишь.

М а с к а

Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?

К н я з ь

Вас видеть.

М а с к а

Мысль смешна!
Я перед вами...

К н я з ь

Это шутка злая!..
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...

М а с к а

Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! вам хочется всего;
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.

К н я з ь

Я вспомню голос твой.

М а с к а

Пожалуй — вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят — лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы не худо!

К н я з ь

Но счастие мое неполно.

М а с к а

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... какую мину
Вы сделали бы мне.

К н я з ь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать.

М а с к а (*хочет идти*)
Прощай навеки!..

К н я з ь

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

М а с к а (*отойдя два шага*)
Вы правы, жаль мне вас — возьмите мой браслет.
(*Бросает браслет на пол, пока он его поднимает, она скрывается в толпе.*)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ
Князь, потом Арбенин

К н я з ь (*Он ищет ее глазами напрасно.*)
Я в дураках... есть от чего рассудка
Лишиться...

(*Увидев Арбенина*)

А!

А р б е н и н (*идет задумчив*)
Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.

К н я з ь (*подходя*)
Мне в пользу послужил ваш давишний урок.

А р б е н и н
Душевно радуюсь.

К н я з ь

Но счастье налетело
Само собой.

А р б е н и н

Да счастье — вечно так.

К н я з ь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг

(*дует на ладонь*)

Теперь себя могу уверить смело,
Что если всё не сон, так я большой дурак.

А р б е н и н

Не знаю ничего и потому не спорю.

К н я з ь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я всё вам расскажу

(*несколько слов на ухо*).

Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот

(*показывает браслет*)

как будто сон.
Конец прежалобный.

А р б е н и н (*улыбаясь*)

А начали не худо!..
Но покажите-ка… браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же… погодите.
Да нет, не может быть… забыл.

К н я з ь
Где отыскать ее…

А р б е н и н
Любую подцепите;
Здесь много их — искать недалеко!

К н я з ь
Но если не она?

А р б е н и н
А может быть, легко,
Но что же за беда?.. Вообразите…

К н я з ь
Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

А р б е н и н
Ну, сделаем два тура —
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Евгений Арбенин (*входит*); *слуга*

А р б е н и н
Ну, вот и вечер кончен — как я рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты…
И за других мечтал, как делают поэты…
Ей-Богу, мне такая роль
Уж не под леты!

(*Слуге*)

Что, барыня приехала домой?

С л у г а
Нет-с.

А р б е н и н
А когда же будет?

С л у г а
Обещалась
В двенадцатом часу.

А р б е н и н
Теперь уж час второй, —
Не ночевать же там она осталась!

С л у г а
Не знаю-с.

А р б е н и н
Будто бы? Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.
(*Слуга уходит; он садится в кресла.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

А р б е н и н (*один*)
Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей…
В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и страстно,
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил

Слова любви, как няня сказку.
И тяжко стало мне, и скучно жить!
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец Божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю;
И, стыдно молвить... ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь?
(*Задумывается*.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Арбенин и Нина
(*Нина входит на цыпочках и целует <его> в лоб сзади*.)

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.

Н и н а
Неужели так поздно?

А р б е н и н
Я жду тебя уж целый час.

Н и н а
Серьезно?
Ах, как ты мил!

А р б е н и н
А думаешь... глупец?
Он ждет себе... а я...

Н и н а

Ах, мой Творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это… я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу… Но к чему
Меня воображение умчало…
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

А р б е н и н (*улыбаясь*)
Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно…

Н и н а

Конечно.

А р б е н и н
Ты сердишься?

Н и н а

Нет, я благодарю.

А р б е н и н
Ты опечалилась.

Н и н а

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

А р б е н и н

Нина!

Н и н а

Что вы?

А р б е н и н
Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.

(*Привлекает к себе на колена и целует.*)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе: я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.

О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(*Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.*)

Н и н а
Ты странный человек!.. Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда,
Но часто...

А р б е н и н
Часто?..

Н и н а
Нет, но иногда!..

А р б е н и н
Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И, помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Н и н а
Опять ты недоволен... Боже мой!

А р б е н и н
О нет... я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что Творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.
(*Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.*)

Н и н а
Ты побледнел, дрожишь... О Боже!

А р б е н и н (*вскакивает*)
Я? ничего! где твой другой браслет?

Н и н а
Потерян.

А р б е н и н
А! потерян.

Н и н а
Что же!
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

А р б е н и н (*про себя*)
Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Н и н а
Тебя понять я, право, не могу.

А р б е н и н (*пронзительно на нее смотрит, сложив руки*)
Браслет потерян?..

Н и н а (*обидясь*)
Нет, я лгу!

А р б е н и н (*про себя*)
Но сходство, сходство!

Н и н а
Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние и слуга

А р б е н и н (*звонит, слуга входит*)
(*Слуге*)

Карету обыщи ты вдоль и поперек,
Потерян там браслет... Избави Бог
Тебя вернуться без него.

(*Ей*)

О чести,
О счастии моем тут речь идет.

(*Слуга уходит.*) (*После паузы, ей*)

Но если он и там браслета не найдет?

Н и н а
Так, стало быть, в другом он месте.

А р б е н и н
В другом? и где — ты знаешь?

Н и н а

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно, новый.
(*Слуга входит*.)

А р б е н и н
Ну что?.. скорее отвечай...

С л у г а
Я перешарил всю карету-с.

А р б е н и н
И не нашел там!

С л у г а

Нету-с.

А р б е н и н
Я это знал... ступай.
(*Значительный взгляд на нее*.)

С л у г а
Конечно, в маскераде он потерян.

А р б е н и н
А!.. в маскераде!.. так вы были там?

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние, кроме слуги

А р б е н и н (*слуге*)
Иди.

(*Ей*)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь

Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей…
С кем были вы?

Н и н а

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад.

(*Смеется.*)

Смешно, смешно, ей-Богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

А р б е н и н
Дай Бог, чтоб это был не твой последний смех!

Н и н а
О, если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний,

А р б е н и н
Кто знает, может быть…
Послушай, Нина!.. я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов — иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь…
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,

Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился;
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета, если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава:
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!
(*Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону*.)

Н и н а
Не подходи... о, как ты страшен!

А р б е н и н
Неужели?..
Я страшен? нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада?
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все муки ада,
И этой лишь недостает.

Н и н а
Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

А р б е н и н
Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю… увы!.. но ты, мой рай,
Небесный и земной… прощай!..
Прощай, я знаю всё.

(*Ей*)

Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется… упавши на колена?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу… одну… нет! смех был мне ответом.

Н и н а
Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам: я не виновна в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно, не солгу.

А р б е н и н
О, замолчи… прошу тебя… довольно…

Н и н а
Но слушай… я невинна… пусть
Меня накажет Бог, послушай…

А р б е н и н
Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.

Н и н а

Мне больно
Твои упреки слушать… Я люблю
Тебя, Евгений.

А р б е н и н

Ну, по чести,
Признанье в пору…

Н и н а

Выслушай, молю;
О Боже, но чего ж ты хочешь?

А р б е н и н

Мести!

Н и н а

Кому ж ты хочешь мстить?

А р б е н и н

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь.

Н и н а

Не мне ль… что ж медлишь ты?

А р б е н и н

Геройство к вам нейдет.

Н и н а (*с презреньем*)

Кому ж?

А р б е н и н

Вы за кого боитесь?

Н и н а

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань… ты ревностью своею
Меня убьешь… Я не умею
Просить, и ты неумолим… но я и тут
Тебе прощаю.

А р б е н и н
Лишний труд.

Н и н а
Однако есть и Бог... он не простит.

А р б е н и н
Жалею!

(*Она в слезах уходит.*)
(*Один.*)

Вот женщина!.. о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и вид и голос грозной!

(*Подходит к двери жены и слушает.*)

Что делает она: смеется, может быть!..
Нет, плачет. (*Уходя*) Жаль, что поздно!..

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
(*Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.*)

Б а р о н е с с а
Подумаешь: зачем живем мы? для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
Что ныне женщина? создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!

Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете:
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье, и покой!
Свет тут… он тайны знать не хочет! он по виду,
По платью встретит честность и порок, —
Но не снесет приличиям обиду
И в наказаниях жесток!..

(*Хочет читать.*)

Нет, не могу читать… меня смутило
Всё это размышленье, я боюсь
Его как недруга… и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.
(*Входит Нина.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Н и н а
Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.

Б а р о н е с с а
C’est une idée charmante, vous en avez toujours.

(*Садятся.*)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза, — конечно, не от слез?

Н и н а
Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Б а р о н е с с а
Твой доктор не хорош — возьми другого.

ВЫХОД ТРЕТИЙ
(*Входит князь Звездич.*)

Б а р о н е с с а (*холодно*)
Ах, князь!

К н я з ь
Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.

Б а р о н е с с а
Прошу садиться, князь.

К н я з ь
Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы, — но вид ваш так спокоен.

Б а р о н е с с а
Мне, право, жаль.

К н я з ь
А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Н и н а
Вчера вы были в маскераде?

К н я з ь
Был.

Б а р о н е с с а
А в каком наряде?

Н и н а
Там было много…

К н я з ь
Да; и там
Под маской я узнал иных из наших дам.
Конечно, вы охотницы рядиться.
(*Смеется.*)

Б а р о н е с с а (*горячо*)
Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет;
Рискнуть быть узнанной, — вам надобно стыдиться;
Отречься от подобных слов.

К н я з ь
Отречься не могу; стыдиться же — готов.
(*Входит чиновник.*)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние и чиновник

Б а р о н е с с а
Откуда вы?

Ч и н о в н и к
Сейчас лишь из правленья,
О деле вашем я пришел поговорить.

Б а р о н е с с а
Его решили?

Ч и н о в н и к
Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал…

Б а р о н е с с а
Ничуть.
(*Отходит к окну и говорит*.)

К н я з ь (*в сторону*)
Вот время объясненья!

(*Нине*)

Я в магазине нынче видел вас.

Н и н а
В каком же?

К н я з ь
В англинском.

Н и н а
Давно ль?

К н я з ь
Сейчас.

Н и н а
Мне удивительно, что вас я не узнала.

К н я з ь
Вы были заняты...

Н и н а (*скоро*)
Браслет я прибирала

(*вынимает из ридикюля*)

Вот к этому.

К н я з ь
Премиленький браслет.
Но где ж другой?

Н и н а

Потерян!

К н я з ь

В самом деле?..

Н и н а

Что ж странного?

К н я з ь

И не секрет,
Когда?

Н и н а

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать, когда.

К н я з ь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.

(*В сторону*)

Смущается она — вопрос ее тревожит!
Ох эти скромницы!

(*Ей*)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Н и н а

Пожалуйста... но где?

К н я з ь

А где ж потерян он?

Н и н а

Не помню.

К н я з ь
Как-нибудь на бале?

Н и н а
Может статься.

К н я з ь
Или кому-нибудь на память подарен?

Н и н а
Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

К н я з ь
Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Но пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет, —
Получит ли от вас какое награжденье?

Н и н а (*улыбаясь*)
Смотря.

К н я з ь
Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал, и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.

Н и н а
Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...

И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

К н я з ь
О Боже! я мечтал… ужель вы рассердились?

(*Про себя*)

Ты отвертелася! добро… но будет час,
И я своей достигну цели.
(*Нина отходит к баронессе.*)
(*Чиновник раскланивается и уходит.*)

Н и н а
Adieu, ma chère, — до завтра, мне пора.

Б а р о н е с с а
Да подожди, mon ange, с тобой мы не успели
Сказать двух слов.
(*Целуются.*)

Н и н а (*уходя*)
Я завтра жду тебя с утра.
(*Уходит.*)

Б а р о н е с с а
Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние, кроме Нины и чиновника

К н я з ь (*в сторону*)
Я отомщу тебе! вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Б а р о н е с с а
Задумалися, князь?

К н я з ь
Да, многое раздумать мне придется.

Б а р о н е с с а
Как кажется, ваш разговор
Был оживлен — о чем был спор?

К н я з ь
Я утверждал, что встретил в маскераде.

Б а р о н е с с а
Кого?

К н я з ь
Ее.

Б а р о н е с с а
Как, Нину?

К н я з ь
Да!..
Я доказал ей.

Б а р о н е с с а
Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

К н я з ь
Из странности решаюсь иногда.

Б а р о н е с с а
Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.

К н я з ь
Нет... только мне вчера был дан браслет,
И у нее такой же точно.

Б а р о н е с с а
Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

К н я з ь
Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.
(*После молчания*)

Б а р о н е с с а
Я завтра ж дам совет полезный Нине:
Не доверяться болтунам.

К н я з ь
А мне совет какой?

Б а р о н е с с а
А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

К н я з ь
За два совета вам я благодарен вдвое.
(*Уходит.*)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Б а р о н е с с а
Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблуждения: о нет, избави Боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет, — так! Нина там была —
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!

Мне будто слышится и смех толпы пустой,
И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда, — хотя б ценой мучений
Пришлося выкупить проступок новый мой!..

(*Задумывается.*)

Какая цепь ужасных предприятий.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ
Баронесса и Шприх

Ш п р и х (*входит, раскланивается*)

Б а р о н е с с а
Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Ш п р и х
Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен. —
Покойный ваш супруг...

Б а р о н е с с а
Всегда ль ты так любезен!

Ш п р и х
Блаженной памяти барон...

Б а р о н е с с а
Тому назад
Лет пять, я помню.

Ш п р и х
Занял тысяч...

Б а р о н е с с а
Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Ш п р и х

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Б а р о н е с с а

Скажи, что нового?

Ш п р и х

У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Б а р о н е с с а

А *ничего*
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Ш п р и х (*в недоумении*)

Нет... слышал... как же... нет —
Об этом говорил и замолчал уж свет...

(*В сторону*)

А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..

Б а р о н е с с а

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Ш п р и х

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Б а р о н е с с а

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я

Поменьше строгости и скромности поболе!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вами доле.

(*Уходя. В сторону*)

Теперь я спасена — полезный мне урок.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Ш п р и х (*один*)
Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмешаюсь в эту связь —
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
(*Кабинет Арбенина*.)
Арбенин один, потом слуга

А р б е н и н
Всё ясно ревности — а доказательств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет силы —
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал, — с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу —
То жизнь завидная!

С л у г а (*входит*)
Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

А р б е н и н
Да от какой?

С л у г а
Не разобрал-с.

А р б е н и н
Записка? к Нине!..
(*Идет; слуга остается.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Афанасий Павлович Казарин и слуга

С л у г а
Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

К а з а р и н
Хорошо.

С л у г а
Я тотчас доложу-с.
(*Уходит.*)

К а з а р и н
Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им как угодно,

Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А всё ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил… глядь!..
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Казарин и Шприх
(*Входит Шприх.*)

Ш п р и х
Ах! Афанасий Павлович, вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.

К а з а р и н
Я также. Ты с визитом?

Ш п р и х
Да-с.
А вы?

К а з а р и н
Я также!

Ш п р и х
Право? а не худо,
Что мы сошлись, — о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

К а з а р и н
Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot вам ни по чем,
А, право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю… говори!

Шприх

Позвольте лишь спросить;
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин…
(*Делает пальцами изображение рогов.*)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь…

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком — ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним

От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом всё поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тотчас же доставил.

К а з а р и н
Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Ш п р и х
В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

К а з а р и н
И даже не был бит?

Ш п р и х
У вас всё шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

К а з а р и н
И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Ш п р и х
Но это в сторону — ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

К а з а р и н
Что ж это?

Ш п р и х
Анекдот!
А дело вот в чем.

К а з а р и н
Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Ш п р и х
Нет никого, — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

К а з а р и н
Твой анекдот, ей-Богу, презабавный.

Ш п р и х
Ваш брат охотник, вот купить бы славно!

К а з а р и н
Итак, Арбенин — как дурак…

Ш п р и х
Послушайте.

К а з а р и н
Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.

Ш п р и х
Ваш брат
Находке этой был бы рад.

К а з а р и н
В женитьбе верность, счастие, — всё враки.
Эй, не женися, Шприх.

Ш п р и х
Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.

К а з а р и н
Жена?

Ш п р и х
Собака.

К а з а р и н
Вот дались собаки.
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену, — что Бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

(*Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.*)

Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние и Арбенин

А р б е н и н (*не замечая их*)
О, благодарность!.. и давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков, — и что же — о! змея!
Неслыханная низость!.. он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья;
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.

(*Перечитывает письмо.*)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... что страшней молвы?

Подслушать нас могли б случайно.
Так, не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите — и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Ш п р и х
Письмо! так, так, оно — пропало всё как раз.

А р б е н и н
Ого! искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.

(*Казарину*)

А, ты был здесь?

К а з а р и н
Я жду уж целый час.

Ш п р и х (*в сторону*)
Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.
(*Приближается к двери.*)

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние, кроме Шприха
(*Шприх уходит незамечен.*)

К а з а р и н
Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.

(*В сторону*)

Письмо! так вот что, понимаю!

(*Ему*)

Ты в размышленье...

А р б е н и н

Да, я размышляю.

К а з а р и н

О бренности надежд и благ земных?

А р б е н и н

Почти! о благодарности.

К а з а р и н

Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.

А р б е н и н

Твое же мнение?

К а з а р и н

Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-Богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.

А р б е н и н

Ты шутишь всё, Казарин.

К а з а р и н

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.

Что ни толкуй Волтер или Декарт —
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример
Для поясненья этих правил;
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, — я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл, — я очень рад;
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там, итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь — но ты не слушаешь, мой милый?

А р б е н и н (*в размышлении*)
Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!

К а з а р и н (*в сторону*)
Задумался.

(*Ему*)

Теперь мы перейдем
К другому казусу и дело разберем;
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат»,
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья

И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

А р б е н и н
Ты славный моралист!

(*В сторону*)

Так, это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.

К а з а р и н (*не обращая внимания*)
Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал всё из страсти
И самолюбия, отчасти, —
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастия ее.
Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

А р б е н и н (*расстроенно*)
Да, да, ты прав: что женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав — глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

К а з а р и н
Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино — Рауля честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть;
Потом в театр — душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой;
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма!
И часто мысль гигантская заводит

Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.
(*Арбенин отворачивается*.)

А р б е н и н
О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю —
Прощай, прощай!..
(*Падает на стул и закрывает лицо*.)

К а з а р и н
Теперь он мой!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
Комната у князя
(*Дверь в другую растворена.) (Он в другой спит на диване.*)

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Иван, потом Арбенин
(*Слуга смотрит на часы*.)

И в а н
Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.

Дверь на замок запру… оно вернее.
Да… чу… по лестнице идут.
Скажу, что дома нет… и с рук долой скорее.
(*Арбенин входит.*)

А р б е н и н
Князь дома?

С л у г а
Дома нет-с.

А р б е н и н
Неправда.

С л у г а
Пять минут
Тому назад уехал.

А р б е н и н (*прислушивается*)
Лжешь! он тут

(*показывает на кабинет*)

И, верно, сладко спит: прислушайся, как дышит.

(*В сторону*)

Но скоро перестанет.

С л у г а (*в сторону*)
Он всё слышит…

(*Ему*)

Себя будить мне князь не приказал.

А р б е н и н
Он любит спать… тем лучше: приведется
И вечно спать.

(*Слуге*)

Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется
(*Слуга уходит.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

А р б е н и н (*один*)
Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!
О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(*Растворяет дверь.*)

Он спит!.. что видит он во сне в последний раз?

(*Страшно улыбаясь*)

Я думаю, что он умрет ударом —
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(*Входит в комнату.*)
(*Минуты две, и выходит бледен.*)

Не могу!

(*Молчание.*)

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли

Я трус?.. трус… кто это сказал…
Я сам, и это правда… стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! жалко… право, жалко… изнемог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить… ты не умел… а мщенья
Хотел… пришел и — и не мог!

(*Молчание.*)
(*Садится.*)

Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь…
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить… убийство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе;
Язык и золото… вот наш кинжал и яд!
(*Берет чернил и записку пишет — берет шляпу.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Арбенин и баронесса
(*Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.*)

Дама в вуале
Ах! всё погибло…

Арбенин
Это что?

Дама (*вырываясь*)
Пустите.

Арбенин
Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.

(*Ей строго*)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье! — отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Д а м а
Я не туда зашла, ошиблась.

А р б е н и н
Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Д а м а
Ради Бога,
Пустите, я не знаю вас.

А р б е н и н
Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Всё знаю я... но убедиться
Хочу...

Д а м а
Всё знаете!..
(*Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.*)

А р б е н и н
Благодарю, Творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Б а р о н е с с а
О! что я сделала? теперь всему конец.

А р б е н и н
Отчаянье теперь некстати —
Невесело, согласен, в час такой,

Наместо пламенных объятий
С холодной встретиться рукой…
И то минутный страх… а нет беды большой.
Я скромен, рад молчать — благодарите Бога,
Что это я, а не другой…
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса
Ах! он проснулся, говорит.

Арбенин
В бреду…
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон — вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А… вы… вы здесь одни… вы женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами…
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь… за взгляд один, за слово?
Зачем… о, я глупец!

(*В бешенстве*)

Зачем, зачем?

Баронесса (*решительно*)
Я поняла, об чем вы говорите… Знаю,
Что вы пришли…

Арбенин
Как! кто ж вам рассказал!..

(*Опомнившись*)

А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арбенин

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса

Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...

Арбенин

К чему?
Мне, право, всё равно... я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арбенин

А! уж это слишком много!..
Письмо!.. какое?.. а! так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. Сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да, — признаюсь!.. вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Баронесса

О! Боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Б а р о н е с с а (*упадает в кресла*)
Но вы бесчеловечны.

А р б е н и н
Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!
(*Хочет идти.*)

Б а р о н е с с а
О, я лишусь ума… постойте! он идет,
Не слушает… о, я умру…

А р б е н и н
Что ж! продолжайте.
Вас это к славе поведет…
Теперь меня не бойтесь, и прощайте…
Но Боже сохрани нам встретиться вперед…
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде… на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся… то беда!
Я б вас убил… но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы видите, я добр… взамен терзаний ада
Вам оставляю рай земной.
(*Уходит.*)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Баронесса, одна

Б а р о н е с с а (*вслед ему*)
Послушайте — клянусь… то был обман… она
Невинна… и браслет!.. всё я… всё я одна…
Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье… нет нужды… я хочу
Его спасти во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал… идет… решусь, о, мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Баронесса и князь

К н я з ь (*в другой комнате*)
Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(*Входит.*)

Ба, это что за посещенье!
Красавица! я очень рад!

(*Узнает и отскакивает.*)

Ах, баронесса! нет... невероятно.

Б а р о н е с с а
Что отскочили вы назад?

(*Слабым голосом*)

Вы удивляетесь?

К н я з ь (*смущенно*)
Конечно, мне приятно...
Но счастия такого я не ждал.

Б а р о н е с с а
И было б странно, если б ожидали.

К н я з ь
О чем я думал? О, когда б я знал...

Б а р о н е с с а
Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

К н я з ь
Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое наказанье

Хотите... я был слеп и нем; мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(*Берет ее за руку*.)

Но ваши руки... лед! в лице у вас страданье!
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса
Вы ошибаетесь!.. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла!
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.

Князь
Что это значит?

Баронесса
Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как? это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно

Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте — ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит — всех! *Она*
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.

К н я з ь

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил, — и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он, — и в этом нет беды:
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага,
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.

Б а р о н е с с а
Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьют — убьют!.. о Боже!
И я всему виной.

К н я з ь
Вы?

Б а р о н е с с а
Пощадите.

К н я з ь (*подумав*)
Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тронул честь,
Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.

Б а р о н е с с а
Средство есть.

К н я з ь
Солгать? не это ли? другое мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Б а р о н е с с а
Минуту!.. не ходите.
И слушайте меня.

(*Берет его за руку*.)

Вы все обмануты!.. та маска

(*облокачивается на стол, упадая*)

это я!..

К н я з ь
Как вы? о Провиденье!

(*Молчание*.)

Но Шприх!.. он говорил... он виноват во всем...

Б а р о н е с с а (*опомнясь и отходя*)
Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь в нем!
Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет — он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет Бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(*Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней*.)

Не следуйте за мной.

(*Уходит*.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ
Князь, один

К н я з ь (*после долгого размышления*)
Я, право, думать что, не знаю,
И только мог понять из этого всего,
Что случай счастливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.

(*Подходит к столу*.)

Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!..

«Любезный князь!.. приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер — прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
(*Комната у N.*)

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
(*Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.*)

К а з а р и н
Так в самом деле, ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам, гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

А р б е н и н

Я ваш! былого нет и тени.

К а з а р и н

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужаснее цепей…
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?

Х о з я и н

А князя надо пощипать слегка.

К а з а р и н

Да… да.

(*В сторону*)

Забавна будет стычка.

Х о з я и н

Посмотрим. — Транспорт!..
(*Слышен шум.*)

А р б е н и н

Это он.

К а з а р и н

Рука
Твоя дрожит?..

А р б е н и н

О ничего! — отвычка!
(*Князь входит.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Прежние и князь

Х о з я и н

Ах, князь! я очень рад — прошу-ка без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.

К н я з ь
О! я смотреть готов.

А р б е н и н
А всё играть с тех пор еще боитесь?

К н я з ь
Нет, с вами, право, не боюсь.

(*В сторону*)

По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы там, — а здесь пусть проиграю!..
(*Садится*.)

А р б е н и н
Я нынче был у вас.

К н я з ь
Записку я читал
И, видите, послушен.

А р б е н и н
На пороге
Мне кто-то встретился в смущенье и тревоге.

К н я з ь
И вы узнали?

А р б е н и н (*смеясь*)
Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Всё понял я, всё отгадал...

К н я з ь (*в сторону*)
Он ничего не понял — это ясно.
(*Отходит и кладет саблю*.)

А р б е н и н
Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.

К н я з ь (*рассеянно*)
Почему же?

А р б е н и н
Так, — добродетелью, которой ищут в муже
Любовники, — не обладаю я.

(*В сторону*)

Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей — поставил бы свою.
(*Играют, Арбенин мечет.*)

К а з а р и н
Я ставлю пятьдесят рублей.

К н я з ь
Я тоже.

А р б е н и н
Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек, — твоя взяла, Казарин, —
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком, —
Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком.
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем,
И, к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то — и притом

Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? мне неизвестно,
Какой судьбой, — но муж узнал,
Что благодарный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

К н я з ь
Что ж сделал муж?

А р б е н и н (*будто не слыхал вопроса*)
Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя.

(*Взглянув на него пристально*)

А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. придрался к пустякам
И дал пощечину... вы как бы поступили,
Князь?

К н я з ь
Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?

А р б е н и н
Нет.

К а з а р и н
Рубились?

А р б е н и н
Нет, нет.

К а з а р и н
Так помирились?

А р б е н и н (*горько улыбаясь*)
О нет.

К н я з ь

Так что же сделал он?

А р б е н и н

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставил.

К н я з ь (*смеется*)

Да это вовсе против правил.

А р б е н и н

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть.
(*Играют. — Молчание.*)

< К н я з ь >

Взяла... взяла.

А р б е н и н (*вставая*)

Постойте, карту эту
Вы подменили.

К н я з ь

Я! послушайте...

А р б е н и н

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы

(*задыхаясь*)

шулер и подлец.

К н я з ь

Я? я?

А р б е н и н
Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

(*Бросает ему карты в лицо. Князь так поражен, что не знает, что делать.*)
(*Понизив голос*)

Теперь мы квиты.

К а з а р и н
Что с тобой?

(*Хозяину*)

Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.

К н я з ь (*опомнясь, вскакивает*)
Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! ваша кровь лишь смоет оскорбленье!

А р б е н и н
Стреляться? с вами? мне? вы в заблужденье.

К н я з ь
Вы трус.
(*Хочет броситься на него.*)

А р б е н и н (*грозно*)
Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.

К н я з ь
О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы, — не я подлец...

А р б е н и н

На это я готов.

К н я з ь (*подходя ближе*)
Я расскажу, что с вашею женою —
О, берегитесь!.. вспомните браслет...

А р б е н и н
За это вы наказаны уж мною...

К н я з ь
О, бешенство... да где я? целый свет
Против меня — я вас убью!..

А р б е н и н

И в этом
Вы властны — даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.

К н я з ь
О, где ты, честь моя!.. отдайте это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого,
Вы человек иль демон?

А р б е н и н

Я? — игрок!

К н я з ь (*упадая и закрывая лицо*)
Честь, честь моя!..

А р б е н и н

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом,
И от тебя весь свет с презреньем отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость

Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви; и краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить,
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...

(*уходя*)

желаю долго жить.
(*Уходит.*)

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ
(*Бал*)

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка
Я баронессу жду, не знаю:
Приедет ли, — мне, право, было б жаль
За вас.

1-й гость
Я вас не понимаю.

2-й гость
Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..

М н о г и е

Куда? зачем — давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? ужель из доброй воли?

2-й гость

Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!
(*Расходятся, другая группа мужчин.*)

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.

4-й гость

Напротив, выиграл — да, видно, не путем,
И получил пощечину.

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..

5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость
Он будет здесь?

3-й гость
Нет, не решится, верно

4-й гость
Вот он!
(*Князь подходит, ему едва кланяются.*)
(*Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя.*)
(*Потом и они отходят. Нина садится на диване.*)

Князь
Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.

(*Ей*)

Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.

Нина
Должна?

Князь
Для вашего же счастья.

Нина
Какое странное участье.

Князь
Да, странно, потому, что вы виной
Моей погибели... но мне вас жаль, я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной местью никогда —
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда.

Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу, —
Но день придет, — я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.
(*Арбенин смотрит на них издали.*)

Н и н а
Князь, вы сошли с ума, — на вас
Теперь сердиться было б стыдно.

К н я з ь
Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Н и н а
Куда ж вы едете, далеко очень, видно;
Конечно, не в луну?

К н я з ь
Нет, ближе, на Кавказ (*уходя*).

Х о з я й к а (*иным*)
Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
Прошу вас в залу, господа,
Mesdames, пожалуйте туда.
(*Уходят.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

А р б е н и н (*один, про себя*)
Я сомневался? я? а это всем известно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...

И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут.

(*Показывает на сердце*.)

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?

(*Как бы испуг<авшись> себя*.)

Решено:
Она умрет — я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем и любить
Другого... это ясно!.. как же можно жить
Ей после этого... ты, Бог незримый,
Но Бог всевидящий, возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю —
Прости ее, благослови —
Но я не Бог и не прощаю!..

(*Слышны звуки музыки*.)
(*Ходит по комнате, вдруг останавливается*.)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата;
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл,
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал;
Я был в отчаянье — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой — четверку пик.
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,

Среди волнений жизни трудной
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.
(*Уходит быстро*.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров
(*Во время последних строк входят*.)

Х о з я й к а
Не худо бы немного отдохнуть.

Д а м а (*другой*)
Так жарко здесь, что я растаю.

П е т к о в
Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Н и н а
Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

Д а м а
Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Х о з я й к а
Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Н и н а (*садясь за пиано*)
Но слушать со вниманьем мой приказ.
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(*Поет*.)

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно
И целый ад в груди моей».

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние и Арбенин
(*В конце 3-го куплета муж входит и облокачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.*)

А р б е н и н
Что ж, продолжайте.

Н и н а
                                        Я конец совсем
Забыла.

А р б е н и н
                Если вам угодно,
То я напомню.

Н и н а (*в смущении*)
                            Нет, зачем?

(*В сторону, хозяйке*)

Мне нездоровится.
(*Встает.*)

Гость (*другому*)

Во всякой песне модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

2-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

3-й гость

Вы правы; как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.
(*Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.*)

Нина (*хозяйке*)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне! (*Мужу*)
Мой ангел, принеси мороженого мне.
(*Арбенин вздрагив<ает> и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.*)

Арбенин (*в сторону*)

Смерть, помоги.

Нина (*ему*)

Мне что-то грустно, скучно;
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин (*в сторону*)

Предчувствиям я верю иногда.

(*Подавая*)

Возьми, от скуки вот лекарство.

Нина
Да, это прохладит. (*Ест.*)

Арбенин
О, как не прохладить?

Нина
Здесь ныне скучно.

Арбенин
Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот всё, на чем вертится свет!

Нина
Ты прав! ужасно!

Арбенин
Да, ужасно!

Нина
Душ непорочных нету…

Арбенин
Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.

Нина
Что говоришь ты?

Арбенин
Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
Тебя.

Нина
Ты бледен.

А р б е н и н
Много танцевал.

Н и н а
Опомнись, mon ami! ты с места не вставал.

А р б е н и н
Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Н и н а (*отдает пустое блюдечко*)
Возьми, поставь на стол.

А р б е н и н (*берет*)
Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! жестоко!

(*В размышлении*)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.
(*Бросает блюдечко об землю и разбивает*).

Н и н а
Как ты неловок.

А р б е н и н
Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.

Н и н а
Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! ты мною недоволен?

А р б е н и н
Нет, нынче я доволен был тобой.
(*Уходят.*)

Н е и з в е с т н ы й (*оставшись один*)
Я чуть не сжалился, — и было тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...

(*Задумывается*.)

Нет, пусть свершается судьбы определенье,
А действовать потом настанет мой черед.
(*Уходит*.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Спальня Арбенина
(*Входит Нина, за ней служанка*.)

С л у ж а н к а
Сударыня, вы что-то бледны стали.

Н и н а (*снимая серьги*)
Я нездорова.

С л у ж а н к а
Вы устали.

Н и н а (*в сторону*)
Мой муж меня пугает, отчего,
Не знаю! он молчит, и странен взгляд его.

(*Служанке*)

Мне что-то дурно; верно, от корсета, —
Скажи, к лицу была сегодня я одета?

(*Идет к зеркалу*.)

Ты права, я бледна, как смерть бледна;
Но в Петербурге кто не бледен, право!
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!

(*Снимает букли и завертывает косу*.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(*Садится в кресла.*)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость, — Саша, дай мне книжку.
Как этот князь мне надоел опять —
А, право, жаль безумного мальчишку!
Что говорил он тут... злодей, и наказать...
Кавказ... беда... вот бред.

С л у ж а н к а

Прикажете убрать?
(*показывая на наряды.*)

Н и н а
Оставь.
(*Погружается в задумчивость.*)
(*Арбенин показывается в дверях.*)

С л у ж а н к а
Прикажете идти?

А р б е н и н (*служанке тихо*)
Ступай.

(*Служанка не уходит.*)

Иди же.
(*Уходит. Он запирает дверь.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Арбенин и Нина

А р б е н и н
Она тебе уж больше не нужна.

Н и н а
Ты здесь?

А р б е н и н
Я здесь!

Н и н а
Я, кажется, больна
И голова в огне, — поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда —
Не правда ли?

А р б е н и н (*рассеянно*)
Мороженое? да…

Н и н а
Мой милый! я с тобой поговорить хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И всё за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

А р б е н и н (*в сторону*)
Не мудрено! теперь без них уж можно!

Н и н а
Что значит поступить хоть раз неосторожно.

А р б е н и н
Неосторожно! о!

Н и н а
И в этом вся беда.

А р б е н и н
Обдумать всё заране надо было.

Н и н а
О, если бы я нрав заране знала твой,
То верно б не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой —
Как это весело и мило!

А р б е н и н
И то: к чему тебе моя любовь!

Н и н а
Какая тут любовь? на что мне жизнь такая?

А р б е н и н (*садится возле нее*)
Ты права! что такое жизнь? — жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое — рожденье! где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Н и н а (*показывая на грудь*)
Здесь что-то жжет.

А р б е н и н (*продолжая*)
Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль!.. жизнь, как бал, —
Кружишься — весело, кругом всё светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,

Покуда с смертию легка еще борьба —
Но это счастие не всем дает судьба.

Н и н а
О, нет, я жить хочу.

А р б е н и н
К чему?

Н и н а
Евгений,
Я мучусь, я больна.

А р б е н и н
А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих.

Н и н а
Пошли за доктором.

А р б е н и н
Жизнь — вечность, смерть — лишь миг!

Н и н а
Но я — я жить хочу.

А р б е н и н
И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Н и н а (*в испуге*)
Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

А р б е н и н (*встает, холодно*)
Не пошлю.

Н и н а (*после молчания*)
Конечно, шутишь ты — но так шутить безбожно:
Я умереть могу — пошли скорей.

А р б е н и н
Что ж? разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Н и н а
Но ты злодей,
Евгений, — я жена твоя.

А р б е н и н
Да! знаю — знаю!

Н и н а
О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

А р б е н и н
Так скоро? Нет еще.

(*Смотрит на часы.*)

Осталось полчаса.

Н и н а
О, ты меня не любишь.

А р б е н и н
А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? о, нет, я рад, я рад
Твоим страданьям; Боже, Боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей —
И что ж нашел: коварство и измену.
Возможно ли! меня продать! —
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить? мне? и так скоро!..

Н и н а
О, если бы вину свою сама
Я знала, — то…

А р б е н и н
Молчи, иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!

Н и н а
Браслет мой — князь нашел, — потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

А р б е н и н
Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. возмечтал,
Что я могу быть счастлив… думал снова
Любить и веровать… но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде, —
Ты не хотела, ты!
Плачь! плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Н и н а (*в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу*)
Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но Ты всё слышишь — Ты всё знаешь,
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!

А р б е н и н
Остановись — хоть перед Ним не лги!

Н и н а
Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.

А р б е н и н (*который в это время ходит по комнате, сложив руки*)
Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только Божий суд.

Н и н а
Как? умереть! теперь, сейчас — нет, быть не может.

А р б е н и н (*смеясь*)
Я знал заранее, что это вас встревожит.

Н и н а
Смерть, смерть! он прав — в груди огонь — весь ад...

А р б е н и н
Да, я тебе на бале подал яд.
(*Молчание*.)

Н и н а
Не верю, невозможно — нет, ты надо мною

(*бросается к нему*)

Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою
Меня ты не погубишь в цвете дней —
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,

Спаси меня, рассей мой страх...
Взгляни сюда...

(*Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.*)

О! смерть в твоих глазах!
(*Упадает на стул и закрывает глаза.*)
(*Он подходит и целует ее.*)

А р б е н и н
Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду всё один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.

(*Плачет.*)

Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...
(*Молчание.*)

Н и н а (*вырывается и вскакивает*)
Сюда, сюда... на помощь!.. умираю —
Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.
(*Не добежав до двери, упадает без чувств.*)

А р б е н и н (*горько смеясь*)
Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят Богом.

(*Подходит.*)

Бедное созданье!
Ей не по силам наказанье...

(*Стоит сложа руки*.)

Бледна!

(*Содрогается*.)

Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...
Ужель?

Н и н а (*слабо*)
Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

А р б е н и н
Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей.
Молчишь? о! месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей всё тайно — будь спокойна!..

Н и н а
Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна перед Богом.
(*Умирает*.)

А р б е н и н (*подходит к ней и быстро отворачивается*)
Ложь.
(*Упадает в кресла*.)

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

А р б е н и н (*сидит у стола на диване*)
Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий…
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не всё ли кончено — ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. дни пройдут — придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..

(*Задумывается, вдруг поднимает голову*.)

Я ошибался!.. нет, неумолимо
Воспоминание!.. как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. — О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.
(*Упадает головою на руки*.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

К а з а р и н (*тихо*)
Арбенин здесь? печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.

(*Ему*)

Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоем несчастье.
Как быть — угодно так судьбе,
У всякого свои напасти.

(*Молчание.*)

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики, — а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут — да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.
(*Уходит.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Родственники приходят

Д а м а (*племяннице*)
Уж видно, есть над ним Господнее проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

П л е м я н н и ц а
Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Д а м а
А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.
(*Уходят.*)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Выходят из комнаты покойницы доктор и старик

С т а р и к
При вас она скончалась?

Д о к т о р

Не успели
Меня найти... Я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.

С т а р и к

Покров богат — парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.
(*Уходи*т.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Д о к т о р (*подходит к Арбенину и берет его за руку*)

Вам надо отдохнуть.

А р б е н и н (*вздрагивает*)

А!..

(*В сторону*)

Сердце сжалось!

Д о к т о р

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.

А р б е н и н

Постараюсь.

Д о к т о р

Уж помочь
Нельзя ничем; но вам осталось
Беречь себя.

А р б е н и н

Ого! я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась...
А я всё жив... я счастия желал
И в виде ангела мне Бог его послал;

Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье,
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он — смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё — и через час.
(*Уходит*.)

Д о к т о р
Он болен не шутя — и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма, —
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(*Уходя сталкивается с двумя*.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ
Входят: Неизвестный и князь

Н е и з в е с т н ы й
Позвольте вас спросить — Арбенина нельзя ль
Нам видеть.

Д о к т о р
Право, утверждать не смею,
Жена его вчерась скончалась.

Н е и з в е с т н ы й
Очень жаль.

Д о к т о р
И он так огорчен.

Н е и з в е с т н ы й
Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?

Д о к т о р
Он? дома! — да.

Н е и з в е с т н ы й
Я дело до него преважное имею.

Д о к т о р
Вы из друзей его, конечно, господа?

Н е и з в е с т н ы й
Покамест нет — но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.

Д о к т о р
Он болен не шутя.

К н я з ь (*испугавшись*)
Лежит
Без памяти?

Д о к т о р
Нет, ходит, говорит,
И есть еще надежда.

К н я з ь
Слава Богу!
(*Доктор уходит.*)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

К н я з ь
О, наконец!

Н е и з в е с т н ы й
Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?

К н я з ь
А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?

Н е и з в е с т н ы й
Послушайте — у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба;

Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств — ни прощенья,
Ни жалости не знает он, —
Когда обижен — мщенье! мщенье,
Вот цель его тогда и вот его закон.
Да, эта смерть скора не без причины.
Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад
Вы драться станете — я два шага назад,
И буду зрителем картины.

К н я з ь
Но как узнали вы, что день тому назад
Я был обижен им?

Н е и з в е с т н ы й
Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж — весь город говорит.

К н я з ь
Мысль нестерпимая!

Н е и з в е с т н ы й
Она вас слишком мучит.

К н я з ь
О, вы не знали, что такое стыд.

Н е и з в е с т н ы й
Стыд? — нет — и опыт вас забыть о нем научит.

К н я з ь
Но кто вы?

Н е и з в е с т н ы й
Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам,

А знать вам более не нужно.
Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. — Он! точно — удалитесь
На миг — есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.
(*Князь отходит в сторону*.)

ВЫХОД ОСЬМОЙ
Арбенин со свечой

А р б е н и н
Смерть! смерть! о, это слово здесь,
Везде, — я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность,
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? — невозможно
Мне ошибиться — кто докажет мне
Ее невинность — ложно! ложно!
Где доказательства — есть у меня оне!
Я не поверил ей — кому же стану верить.
Да, я был страстный муж — но был судья
Холодный — кто же разуверить
Меня осмелится?

Н е и з в е с т н ы й
Осмелюсь — я!

А р б е н и н (*сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу*)
А кто же вы?

Н е и з в е с т н ы й
Не мудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы друзья.

А р б е н и н
Но кто вы?

Н е и з в е с т н ы й
Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой;
Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскераде.

А р б е н и н (*вздрогнув*)
Пророков не люблю — и выйти вас
Прошу немедленно. — Я говорю серьезно.

Н е и з в е с т н ы й
Всё так — но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг — и здесь на месте лягу,
Умру — но уж назад не сделаю ни шагу.

А р б е н и н
Я сам таков — и этим, сверх того,
Не хвастаюсь.

(*Садится*.)

Я слушаю.

Н е и з в е с т н ы й (*в сторону*)
Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..
Посмотрим далее.

(*Ему*)

Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбенин. Я был молод,
Неопытен, и пылок, и богат.
Но ты — в твоей груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам, — я разбирать не буду
Твоей души, — ее поймет лишь Бог,
Который сотворить один такую мог.

А р б е н и н
Дебют хорош.

Н е и з в е с т н ы й
Конец не будет хуже.
Раз ты меня уговорил, — увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон — и к тому же
Я верил счастью. — Сел играть с тобой
И проиграл; отец мой был скупой
И строгий человек. — И чтоб не подвергаться
Упрекам — я решился отыграться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях, — и я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. — О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. — Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

(*Арбенин хочет вскочить, но задумывается*.)

И я покинул всё, с того мгновенья,
Всё, женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,

Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им. — Года прошли,
Всё скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь, — ты понимаешь
И цель мою — и то, что я сказал.
Ну, — повтори еще, что ты меня не знаешь.

А р б е н и н
Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Н е и з в е с т н ы й
Прочь! разве это всё — ты надо мной смеялся,
И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат.
И горько стало мне — и сердце зароптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив — и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с толпой
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Всё узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и открою
Тебе я истину одну...

(*Протяжно*)

Послушай: ты... убил свою жену!..
(*Арбенин отскакивает. Князь подходит.*)

А р б е н и н
Убил? — я? — Князь! — О! что такое...

Н е и з в е с т н ы й (*отступая*)
Я всё сказал, он скажет остальное.

А р б е н и н (*приходя в бешенство*)
А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею,
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что всё взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана — но вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется другой,
Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! не странно — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — с именем и смертью подлеца.

К н я з ь
Увидим — но скорей.

А р б е н и н
Идем, идем.

К н я з ь
Теперь я счастлив.

Н е и з в е с т н ы й (*останавливая*)
Да, а главное забыли.

К н я з ь (*останавливая Арбенина*)
Постойте — вы должны узнать — что обвинили
Меня напрасно… что ни в чем
Не виновата ваша жертва — оскорбили
Меня вы вовремя… я только обо всем
Хотел сказать вам — но пойдем.

А р б е н и н
Что? что?

Н е и з в е с т н ы й
Твоя жена невинна — слишком строго
Ты обошелся.

А р б е н и н (*хохочет*)
Да у вас в запасе шуток много!

К н я з ь
Нет, нет, — я не шучу, клянусь Творцом.
Браслет случайною судьбою
Попался баронессе и потом
Был отдан мне ее рукою.
Я ошибался сам — но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда б я знал, что от одной ошибки
Произойдет так много зла,
То верно б не искал ни взора, ни улыбки,
И баронесса — этим вот письмом
Вам открывается во всем.
Читайте же скорей — мне дороги мгновенья…
(*Арбенин взглядывает на письмо и читает.*)

Н е и з в е с т н ы й (*подняв глаза к небу, лицемерно*)
Казнит злодея Провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!
Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный

Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи —
Ужасно! — о, ужасно!

А р б е н и н (*бросается на них*)
Я задушу вас, палачи!
(*Вдруг слабеет и падает на кресла*.)

К н я з ь (*толкая грубо*)
Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял…

Н е и з в е с т н ы й
Быть может…

К н я з ь
Вы помешали мне.

Н е и з в е с т н ы й
Мы целим розно,
Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

А р б е н и н (*встает с диким взглядом*)
О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил.
Я так был оскорблен, я так уверен был…
Прости, прости меня, о Боже, — мне прощенье.

(*Хохочет*.)

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простил?

(*Становится на колена*.)

Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажите же — не правда ли — измена,
Коварство очевидны… я хочу, велю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.

Она невинна? разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это *ложь.*

(*Встает.*)

Я это ей сказал.

(*Молчанье.*)

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.

(*Взглядывает пристально на Неизвестного.*)

Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О, милый друг, затем ты был жесток.
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее, — когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!
(*Упадает на грудь ему и плачет.*)

Н е и з в е с т н ы й (*отталкивая его грубо*)
Приди в себя — опомнись...

(*Князю*)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...

(*Берет его за руку.*)

Арбенин!

А р б е н и н

Вечно

Мы не увидимся... прощай... идем... идем...
Сюда — сюда.
(*Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.*)

К н я з ь

Остановите!..

Н е и з в е с т н ы й
И этот гордый ум сегодня изнемог!

А р б е н и н (*возвращаясь с диким стоном*)
Здесь, посмотрите! посмотрите!..

(*Прибегая на середину сцены*)

Я говорил тебе, что ты жесток!
(*Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами. Князь и Неизвестный стоят над ним.*)

Н е и з в е с т н ы й
Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!

К н я з ь
Он без ума... счастлив... а я? навек лишен
Спокойствия и чести!

КОНЕЦ

488. ДВА БРАТА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(*Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле, Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.*)

Дмит<рий> Петров<ич>. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мне не отпустят. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было бы грустно — я стар, слаб, — много жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально… и теперь чувствую, что скоро Бог призовет меня к себе — даже нынче, когда мне объявили о твоем приезде, то старость напомнила о себе… Не знаю, как перенес я эту последнюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не так слабы, как говорите.

Дм<итрий> Петр<ович>. А что мудреного?.. Александр, скажика, уж не в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точно — вы никогда со мною не были так веселы, как теперь с братом.

Дм<итрий> Петр<ович>. Не пеняй, брат, не пеняй — ведь я с тобой всегда, а его сколько лет не видал (*целует его*). Ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года, как брат не был дома… И сам он много переменился, и здесь в Москве всё, кроме нас, переменилось… Я думаю, он не узнает княгиню Веру.

Юрий. Какая княгиня?..

Дм<итрий> Петр<ович>. Разве не знаешь!.. Веринька Загорскина вышла за князя Лиговского! Твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! так она вышла замуж, и за князя?

Дм<итрий> Петр<ович>. Как же, 3000 душ и человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бельэтаж, и сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! и 3000 душ! А есть ли у него своя в придачу?

Дм<итрий> Петр<ович>. Он человек пречестный и жену обожает, старается ей угодить во всем, только пожелай она чего, на другой день явится у ней на столе… Все ее родные говорят, что она счастлива как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прикажете делать с этими бумагами?

Дм<итрий> Петр<ович>. После — до бумаг ли мне теперь.

Юрий. Признаюсь… я думал прежде, что сердце ее не продажно… теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ох вы, молодые люди! а ведь сам чувствуешь, что она поступила бы безрассудно, если б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрий. А! она сделалась рассудительна.

Александр (*в некотором волнении*). Батюшка! поверенный ждет... нужно.

Дм<итрий> Петр<ович>. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронуто — тебе досадно, что она счастлива, — это дурно.

Юрий. Она не может быть счастлива.

Алекс<андр> (*прерывая*). Батюшка... позвольте... очень нужное дело; (*в сторону*) неужели этот разговор никогда не кончится!

Дм<итрий> Петр<ович>. Я сказал тебе, что после... ты вечно с делами, ведь видишь, что я говорю серьезно. Нет, Юрий, это нехорошо... впрочем, ты сам увидишь, как она любит мужа.

Юрий. Не может быть.

Дм<итрий> Петр<ович>. Все ее родные говорят, и она сама.

Юрий. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж имею понятие о том, что такое князь... Она любить его не может.

Александр. Она его любит — страстно.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ну, братец, ты об этом судить не можешь. (*Юрию*) Он так холоден, так рассудителен, что, право, я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Алекс<андр>. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.

Дм<итрий> Петр<ович>. У него всегда готово оправдание — а тебе, Юрий, я должен дать совет и прошу тебя иметь на этот раз хоть ко мне полную доверенность. Я стар, опытен и понимаю молодость. Я с целию завел этот разговор, выслушай: она теперь счастлива, я в этом уверен, но она молода, она тебя любила прежде, и во всяком случае ваша встреча произведет в ней некоторое волнение; если ты не покажешь никакого желания возвратиться к прежнему, если ты будешь обращаться с нею, как с женщиной, которую бы ты встретил 2 раза на бале... то поверь, в скором времени вы оба привыкнете к мысли, что между вами не должно уже быть ничего общего; но слушай, Юрий, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить их супружеское счастие: это удовольствие низкое, оно отзывается чем-то похожим на зависть... Большая слава обольстить бедную слабую женщину! — Обещай мне вести себя благоразумно.

Юрий. Я обещаю не делать первого шага.

Дм<итрий> Петр<ович>. Юрий!

Юрий. Я не обещаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дм<итрий Петр<ович>. Я прошу тебя!.. ты знаешь, как я дружен с ее семейством.

Слуга (*входит*). Князь Лиговский с княгинею.

Алекс<андр> (*в сторону*). Решительная минута.

Юрий. Батюшка, вы будете мною довольны.

(*Входят княгиня и князь.) (Княгиня и Юрий медленно раскланялись, наблюдая друг друга.*)

Князь. Дмитрий Петрович! честь имею вас поздравить с приездом Юрия Дмитрича — я думаю, вы очень рады.

Дм<итрий> Петр<ович>. Благодарю вас, князь, от всей души... когда вы будете отцом, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь (*с улыбкою*). Я надеюсь, что это будет скоро.

(*Вера отворачивается, потом*)

Вера. Monsieur Радин! рекомендую вам моего мужа — прошу его полюбить.

Юрий. Я буду стараться, княгиня.

Князь. А я надеюсь, что мы сойдемся: я, как говорят военные, в полном смысле добрый малый.

Юрий. Увидав вас, князь, я это тотчас угадал. (*В сторону*) Ее хладнокровие меня бесит.

Дм<итрий> Петр<ович>. Княгиня, милости просим, князь.

(*Садятся.*)

Вера. Как вы находите, monsieur Радин, я постарела?

Юрий. В счастии не стареются, княгиня, — вы не постарели нисколько, хотя переменились.

Дм<итрий> Петр<ович>. Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень — прекрасные комнаты, только довольно странное расположение, столько дверей, закоулков и лестниц в задней половине, что я в первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переехал и теперь всё занимаюсь уборкой комнат.

Вера. Ах, вообразите, как мой Пьер мил!.. Сегодня я просыпаюсь и вдруг вижу у себя на туалете целую модную лавку... что ж вышло: это всё он мне подарил на новоселье.

Ю р и й. Княгиня! это показывает, как дорого князь ценит вашу любовь.

К н я з ь. О, помилуйте! мне так приятно ее тешить... за каждую ее ласку я готов дать десять тысяч.

А л е к с < а н д р > (*в сторону*). За такую ласку я уж отдал спокойствие — теперь отдам жизнь.

К н я з ь. Что вы так задумчивы, Александр Дмитриевич, — вчера у нас вы были гораздо веселее.

В е р а. Он всегда печален, когда другие веселы.

А л е к с < а н д р >. Если вам угодно, я буду весел...

В е р а. Пожалуста, это любопытно посмотреть.

А л е к с < а н д р >. Что ж, извольте: не рассказать ли, как толстая жена откупщика потеряла башмак в собрании, это очень смешно, но вы так добры, что вам будет жалко. Рассказать, как князь Иван битых три часа толковал мне об устройстве новой водяной мельницы и сам махал руками наподобие ветряной; вы сами видели эту картину и не смеялись; повторить, что рассказывает он про своего дядю, как тот на 20<-м> году от роду получил пощечину, 72 года всё искал своего неприятеля, на 92<-м> нашел, замахнулся... и от натуги умер, — это смешно, только когда он сам рассказывает; наконец, говорить мне свои глупости — вы к ним уж слишком привыкли, и они мне самому надоели больше, чем кому-нибудь.

В е р а. Вы сегодня расположены к злости.

А л е к с < а н д р >. Право! — ну так оправдаю вашу догадку и расскажу, как наша соседка плакала, когда дочь отказала жениху с миллионом, потому что он только раз в неделю бреет бороду.

Ю р и й. Вот уж это было бы вовсе не смешно — и я бы на ее месте слег в постелю... миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут всё.

Д м < и т р и й > П е т р < о в и ч >. Полно, Юрий, это слишком по-петербургски.

Ю р и й. Батюшка! везде так думают — и в Петербурге так говорят, но поверьте мне, женщина, отказавшая миллиону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей в миллионе! наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь, дружба... вы скажете, это будет все один обман; но и без того мы вечно обмануты, так лучше быть обмануту с миллионом.

Д м < и т р и й > П е т р < о в и ч >. Я не полагаю, чтоб многие так думали.

Ю р и й. Я знаю людей, которые поступают по этим правилам.

В е р а (*в сторону*). Он меня мучит. (*Громко*) Пьер, ты хотел показать Дмитрию Петровичу, как убраны наши комнаты, — и об чем-то с ним переговорить.

К н я з ь. Ах точно — я имею до вас маленькую просьбу — насчет условия.

Д м <и т р и й> П е т р <о в и ч>. К вашим услугам, князь.

(*Уходят. Александр приближается к Вере и Юрий, с минуту молчание.*)

Ю р и й (*насмешливо*). Да, княгиня, миллион вещь ужасная.

(*Уходит. Она погружена в задумчивость.*)

А л е к с <а н д р> (*берет ее за руку*). Вера, твой муж... все ушли, мы одни, вот уж сутки, как я жду этой минуты, я видел по твоему лицу, что ты хочешь мне что-то сказать, — о, я читаю в глазах твоих, Вера,

(*она отворачивается*)

ты отворачиваешься; конечно у тебя на душе какая-нибудь новая, мучительная тайна, — скорей, скорей, влей ее в мою душу... там много ей подобных, и она с ними уживется. Какое-нибудь сомнение? что ж? ты знаешь, как искусно я умею разрешать все сомнения.

В е р а. О! я помню.

А л е к с <а н д р>. Ты помнишь, сколько мне стоило труда уничтожить твой единственный предрассудок и как потом ты мне была благодарна, — потому что я люблю тебя, Вера, люблю больше, <чем> ты можешь вообразить, люблю как человек, который в первый раз любим и счастлив.

В е р а. Да, я слишком всё это хорошо помню.

А л е к с <а н д р>. Что это? упрек! раскаянье?.. и отчего же именно теперь, после двух лет!.. о! я не хочу угадывать, нет, это минута неудовольствия, ты чем-нибудь огорчена... и зная, как я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... хорошо, Вера, хорошо, продолжай — это тебя успокоит — я с радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательством твоей любви.

В е р а (*оборачивается*). Я имею до вас одну просьбу!..

А л е к с <а н д р> (*отступает шаг назад*). Просьбу! вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств искренней нежности... похоже на проклятие. По-

смотрим, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежит вам, зачем же тут слово: просьба? Нет жертвы, которой бы я не принес вашей минутной прихоти.

В е р а. О, я не требую никакой жертвы!..

А л е к с < а н д р >. Тем хуже, Вера, — большою жертвой я бы мог доказать тебе свою любовь...

В е р а (*в сторону*). Любовь — это несносно.

А л е к с < а н д р >. Вижу, я начинаю докучать тебе, — не мудрено: я глупец! зачем не употреблял я хитрости, чтоб удержать твое сердце, когда хитростью приобрел его!.. но что делать? я желал хоть один раз попробовать любви искренней, открытой...

(*Мол<чание>.*)

говорите, что вам угодно.

В е р а. Я хотела вас просить — чтоб вы — сказали вашему брату!

А л е к с а н д р. Брату?

В е р а (*скоро*). Да, скажите ему, что он меня чрезвычайно обидел, намекая на богатство мужа моего, — вы сами знаете, оттого ли я за него вышла... это было безумие, ошибка... скажите ему, просите его, чтоб он, ради прежней нашей дружбы, не огорчал меня более... если это для вас не жертва, то прошу вас сказать ему...

(*Молчание.*)

А л е к с < а н д р >. Хорошо, Вера, я скажу... но это, вопреки тебе, будет служить доказательством моей нежности более всего на свете.

В е р а (*протягивая руку*). О, мой друг, как я тебе благодарна.

А л е к с < а н д р >. Нет, ради Бога, лучше не благодари. (*Уходит, в сторону.*) Конечно, я ничего ему не скажу!..

В е р а (*одна*). С нынешнего дня я чувствую, что я погибла!.. я не владею собою, какой-то злой дух располагает моими поступками, моими словами.

К н я з ь (*высунувшись из двери*). Веринька, Веринька! venez ici — посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича, — завтра же куплю тебе такой же точно.

В е р а (*как бы проснувшись, встает*). О, Боже! и всю жизнь слышать этот голос!..

КОНЕЦ 1<-го> АКТА

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(*В комнатах князя Лиговского. Князь и Вера.*)

Князь. Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар.

Вера. Очень мило — но тут есть новые камни.

Князь. Это любезность бриллиантщика.

Вера. А! понимаю… ты не хочешь моей благодарности… ты с каждым днем делаешься милее…

Князь. Я рад, что угодил тебе.

Вера (*в сторону*). Угодил! — право, другой подумает, что он мой управитель.

Князь. Мне очень понравился второй сын Дмитрия Петровича, — не знаю, как тебе.

Вера. Я его давно знаю.

Князь. Он веселого нрава.

Вера. Слишком веселого.

Князь. Признаюсь, я сам таков и люблю посмеяться, и, право, ты наконец надоешь мне своей задумчивостью — а ведь Юрий Дмитрич недурен. Мне выражение лица его очень нравится.

Вера. Какая-то насмешливая улыбка — я боюсь говорить с ним.

Князь. Какое предубеждение, — напротив, у него в улыбке-то именно есть что-то доброе, простое… я его раз видел, а уж полюбил… а ты?

Слуга (*вход<ит>*). Юрий Дмитрич Радин.

Юрий (*входит*). Князь, я почел обязанностию засвидетельствовать вам мое почтение…

Князь. Мы с женой постараемся превратить эту обязанность в удовольствие! — прошу садиться — а вы легки на помине — мы с женой сейчас лишь об вас говорили — и я ее выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лице есть что-то ядовитое, злое…

Юрий. Может быть, княгиня права. Несчастие делает злым.

Князь. Ха-ха-ха. Каким у вас быть несчастиям — вы так молоды.

Юрий. Князь! вы удивляетесь, потому что слишком счастливы сами.

Князь. Слишком! — о, да это в самом деле колкость — я начинаю верить жене.

Юрий. Верьте, прошу вас, верьте — княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вера (*быстро прерывает его*). Скажите — вы прямо к нам — или были уж где-нибудь?

Ю р и й. Я сегодня сделал несколько визитов… и один очень интересный… я был так взволнован, что сердце и теперь у меня еще бьется, как молоток…

В е р а. Взволнованы?..

К н я з ь. Верно, встреча с персоной, которую в старину обожали, — это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

Ю р и й. Вы правы — я видел девушку, в которую был прежде влюблен до безумия.

В е р а (*рассеянно*). А теперь?

Ю р и й. Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу…

К н я з ь. Пожалуйста — писаных романов я не терплю — а до настоящих страстный охотник.

Ю р и й. Я очень рад. Мне хочется также при ком-нибудь облегчить душу. Вот видите, княгиня. Года три с половиною тому назад я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве; лучше сказать, я был принят в нем как родной. Девушка, о которой хочу говорить, принадлежит к этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ее не описываю, потому что в этом случае описание сделалось бы портретом; имя же ее для меня трудно произнесть.

К н я з ь. Верно, очень романическое?

Ю р и й. Не знаю — но от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность. Я его храню, как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка.

В е р а. Вы очень красноречивы.

Ю р и й. Тем лучше. Но слушайте: с самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы… говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно — и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах, одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее — частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки — много ли надо, чтоб разбудить таившуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей, как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее огненное плечо; но сама клялась любить меня вечно — мы расстались — она была без чувств, все приписывали то припадку болезни — я один знал причину — я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она

была моя — я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновенье. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них, — ни одна меня не привязала — и вот, наконец, я вернулся на родину.

К н я з ь. Завязка романа очень обыкновенна.

Ю р и й. Для вас, князь, и развязка покажется обыкновенна... я ее нашел замужем, — я проглотил свое бешенство из гордости... но один Бог видел, что происходило здесь.

К н я з ь. Что ж? Нельзя было ей ждать вас вечно.

Ю р и й. Я ничего не требовал — обещания ее были произвольны.

К н я з ь. Ветреность, молодость, неопытность — ее надо простить.

Ю р и й. Князь, я не думал обвинять ее... но мне больно.

К н я г и н я (*дрожащим голосом*). Извините — но, может быть, она нашла человека еще достойнее вас.

Ю р и й. Он стар и глуп.

К н я з ь. Ну так очень богат и знатен.

Ю р и й. Да.

К н я з ь. Помилуйте — да это нынче главное! ее поступок совершенно в духе века.

Ю р и й (*подумав*). С этим не спорю.

К н я з ь. На вашем месте я бы теперь за ней поволочился, — если ее муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас еще любит.

В е р а (*быстро*). Не может быть.

Ю р и й (*пристально взглянув на нее*). Извините, княгиня, — теперь я уверен, что она меня еще любит. (*Хочет идти.*)

К н я з ь. Куда вы?

Ю р и й. Куда-нибудь.

К н я з ь. Поедемте вместе на Кузнецкий (*два слова на ухо*).

Ю р и й. Извольте, куда хотите (*выходят*).

К н я з ь. Прощай, Веринька. (*Идет и в дверях встречает Александра.*) Извините, Александр Дмитрич, — а вот жена целое утро дома. (*Уходит.*)

(*Александр входит медленно, смотрит то на них, то на Веру. Вера, опрокинув голову на спинку стула, закрыла лицо руками.*)

А л е к с < а н д р > (*про себя.*) Он был здесь, она в отчаянье — (*глухо*) я погиб.

В е р а (*открыв глаза*). А! опять передо мною.

Алекс<андр>. Опять и всегда, как жертва, на которую ты можешь излить свою досаду, как друг, которому ты можешь вверить печаль, как раб, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вера. О, поди, оставь меня... ты живой упрек, живое раскаяние — я хотела молиться — теперь не могу молиться.

Алекс<андр>. Если б я умел молиться, Вера, то призвал бы на твою голову благодать Бога вечного — но ты знаешь! я умею только любить.

Вера. Я ничего не знаю... уйди, ради неба, уйди.

Алекс<андр>. Ты меня не любишь.

Вера. Я тебя ненавижу.

Алекс<андр>. Хорошо! это немножко легче равнодушия — за что же меня ненавидеть... за что?.. Говори, за что!..

Вера. О, ты нынче недогадлив... ты не понимаешь, что после проступка может оставаться в сердце женщины искра добродетели; ты не понимаешь, как ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не сметь об этом думать, не сметь дать себе этого имени...

Александр. Да, понимаю! несносно для самолюбия.

Вера. Если б не ты, не твое адское искусство, если б не твои ядовитые речи... я бы могла еще требовать уважения мужа и по крайней мере смело смотреть ему в глаза...

Александ<р>. И смело любить другого...

Вера (*испугавшись.*) Нет, неправда, неправда, такая мысль не приходила мне в голову.

Александр. К чему запираться? — я не муж твой, Вера; не имею никаких прав с тех пор, как потерял любовь твою... и что ж мне удивляться!.. я третий, которому ты изменяешь, — со временем будет и двадцатый!.. Если ты почитаешь себя преступной, то преступления твои не любовь ко мне — а замужество; союз неровный, противный законам природы и нравственности... Признайся же мне, Вера: ты снова любишь моего брата?..

Вера. Нет, нет.

Алекс<андр>. Если хочешь, то я уступлю тебя брату, стану издали, украдкой смотреть на ваши свежие ласки... и стану думать про себя: так точно и я был счастлив... очень недавно...

Вера. Да ты мучитель... палач... и я должна терпеть!..

Алекс<андр>. Я палач? — я, самый снисходительный из любовников?.. я, готовый быть твоим безмолвным поверенным, — плати только мне по одной ласковой улыбке в день?.. многие плотят дороже, Вера!

Вера. О, лучше убей меня.

Алекс<андр>. Дитя, разве я похож на убийцу!

Вера. Ты хуже!

А л е к с <а н д р>. Да!.. такова была моя участь со дня рождения… все читали на моем лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было… но их предполагали — и они родились. Я был скромен, меня бранили за лукавство — я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал — все оскорбляли — я стал злопамятен. Я был угрюм — брат весел и открытен — я чувствовал себя выше его — меня ставили ниже — я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир — меня никто не любил — и я выучился ненавидеть… Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с судьбой и светом. Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца… они там и умерли; я стал честолюбив, служил долго… меня обходили; я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни — а видел, как другие без искусства счастливы: в груди моей возникло отчаянье, — не то, которое лечат дулом пистолета, но то отчаянье, которому нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни; наконец я сделал последнее усилие, — я решился узнать хоть раз, что значит быть любимым… и для этого избрал тебя!..

В е р а (*смотря на него пристально*). О Боже!.. и ты надо мной не сжалился.

А л е к с а н д р. Бог меня послал к тебе как необходимое в жизни несчастие. Но для меня ты была ангелом-спасителем. Когда я увидал возможность обладать твоей любовью — то для меня не стало препятствий; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаянья я уцепился за эту райскую мысль… Все средства были хороши, я, кажется, сделал бы самую неслыханную низость, чтоб достигнуть моей цели… но вспомни, вспомни, Вера, что я погибал… нет, я не обманул, не обольстил тебя… нет, было написано в книге судьбы, что я не совсем еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вера! никто на свете меня не разуверит — никто не вырвет у меня из души воспоминаний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятно… видишь, видишь слезы… не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих… а теперь плачу, как ребенок, плачу… когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. (*Упадает на колени и хватает ее руки.*) О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.

В е р а. Послушай, Александр, послушай… что же мне делать?.. мне жаль, но я не люблю тебя, не могу, не могу больше любить, — я всегда ошибалась — мы не созданы друг для друга… что же мне делать!..

(*Александр встает.*)

Послушай, забудь, оставь меня… или нет, я уеду, далеко, далеко… не обращай на меня внимания, — я не ангел — я слабая, безумная женщина…

я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. презирай меня, если тебе от этого будет легче, — но оставь, не мучь...

А л е к с а н д р. Хорошо, хорошо, Вера... я тебя оставлю — ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взор, мой слух будут вечно с тобой, — когда ты будешь весела и довольна, то я об себе не напомню, но в минуты печали я буду тебе являться — и ты утешишься, видя, что есть на свете человек, который несчастнее тебя!..

В е р а. Но зачем же, зачем... попробуй полюбить другую — я знаю много женщин, которым ты нравишься... а меня оставь жить как судьбе угодно!.. что может быть между нами общего — без любви... я тебя прощаю!.. прощаю от всего сердца.

А л е к с < а н д р >. Какое великодушие!..

В е р а. Обещаюсь забыть все мучения, которым ты был причиной.

А л е к с < а н д р >. И ты думаешь обмануть меня! и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю в глубине души твоей? меня обмануть? да знаешь ли, что это почти невозможно... ты выбрала минуту слабости — ты думала, что слезы помешают мне видеть всю тонкость твоего намерения! Я знаю, что ты хочешь избавиться от моего надзора, как от любви моей, — чтоб на свободе отдать мое место другому, — эта мысль еще не развилась в уме твоем, ты говоришь по какому-то невольному побуждению... но я вижу эту мысль во всей ее ужасной наготе... и этого не будет... нет, что хоть раз мне принадлежало, то не должно радовать другого... а этот другой — мой брат Юрий. Слышишь ли, я и это знаю.

В е р а (*с гордостью*). Такое подозрение слишком обидно... с сей минуты мы чужды друг другу... прощайте, я вас не знаю — позволяю вам мстить всеми возможными, даже низкими средствами.

А л е к с < а н д р >. Как, неужели и ты, и ты не нашла в душе моей ничего благородного...

В е р а. Не знаю.

А л е к с < а н д р >. О!..

В е р а. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру...

(*Упадает на кресла.*)

А л е к с < а н д р >. Я иду... только он никогда не будет твоим — никогда... (*Подойдя к двери, оборач<ивается>*) слышишь ли, никогда.

КОНЕЦ 2<-го> АКТА

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(*Дмитрий Петрович входит. Александр его ведет под руку и сажает.*)

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмит<рий> Петр<ович>. Старость, брат, старость — пора убираться... да, ты что-то мне хотел сказать.

Алекс<андр>. Да, точно... есть одно дело, об котором я непременно должен с вами поговорить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Это, верно, насчет процентов в Опекунский совет... да не знаю, есть ли у меня деньги...

Алекс<андр>. В этом случае деньги не помогут, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Что же такое...

Алекс<андр>. Это касается брата...

Дм<итрий> Петр<ович>. Что?.. что такое с Юринькой случилось?

Алекс<андр>. Не пугайтесь, он здоров и весел.

Дм<итрий> Петр<ович>. Не проигрался ли он?

Алекс<андр>. О нет!

Дм<итрий> Петр<ович>. Послушай... если ты мне скажешь про него что-нибудь дурное, так объявляю заранее... я не поверю... я знаю, ты его не любишь!

Алекс<андр>. Итак, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты во всех предполагаешь дурное.

Алекс<андр>. Я молчу, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Видно, я правду говорю — коли ты не смеешь и защищаться!..

Алекс<андр>. Я чувствую, что человеку не дано силы противиться судьбе своей!

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты меня выведешь из терпения... ну скажи что ли, скорее, что ты еще открыл, — в чем предостерегать!..

Алекс<андр>. Юрий влюблен в княгиню Веру.

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, я сам подозреваю, что он не совсем ее забыл... а она?

Алекс<андр>. Она — его любит страстно — о, я это знаю... я имею доказательства... я вам клянусь честью... спасите хоть ее. — Еще два, три дни... и она не будет в силах ни в чем противиться... вы до этого не допустите брата.

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, да, — это нехорошо... но Юрий не захочет, не решится.

Алекс<андр>. А минута страсти, самозабвения?.. одна минута?

Дм<итрий> Петр<ович>. Это нехорошо... ты прав... благодарю, что сказал... да что же делать? поговорить разве Юрию...

Алекс<андр>. О, это хуже всего... он уж слишком далеко зашел... надо, чтоб князь уехал... потом брату кончится отпуск... и они никогда, по крайней мере долго, не увидятся...

Дм<итрий> Петр<ович>. Бедная женщина!..

Алекс<андр>. О, если б вы видели, как она страдает в борьбе с собою... но я ее знаю... еще несколько дней... и она погибнет!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Я хвалю тебя, Александр!.. ты всегда был строгих правил, хотя не очень чувствителен... но как же быть?

Алекс<андр>. Предупредить князя! — сказать ему просто!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Рассорить его с женой?..

Алекс<андр>. Он благоразумный и добрый человек... скажите ему только, что Юрий влюблен в княгиню... это ваш долг, долг отца и честного человека... объясните ему, что вы нимало не подозреваете его жены... но что, живя в одном доме, ее репютация может пострадать, — брат может проболтаться, похвастаться двусмысленным образом — из самолюбия... мало ли!.. одним словом, князь должен уехать...

Слуга (*вход<ит>*). Князь Лиговский.

Дм<итрий> Петр<ович>. Надо подумать... как же так опрометчиво поступать — надо бы подумать.

Алекс<андр>. Минуты дороги... вы видите, сама судьба его вам посылает.

(*Входит князь.*)

Князь. А я сейчас с Кузнецкого моста, покупал всё жене наряды к празднику... столько хлопот, что ужасть... вот эти молодые люди не знают, что такое жениться.

Дм<итрий> Петр<ович>. Приятно со стороны смотреть, как вы любите вашу супругу, князь.

Князь. Я жену очень люблю — однако видите, я со всем тем муж благоразумный, — хочу, чтоб меня слушались, и в случае нужды имею твердость — о, я очень тверд! Как вы нынче в своем здоровье?

Дм<итрий> Петр<ович>. Благодарю... я нынче что-то слаб... и к тому же расстроен... ох, дети, дети!

Князь. Расстроены... помилуйте, вы, кажется, так счастливы детьми.

Дм<итрий> Петр<ович>. Это правда... но иногда и самые лучшие дети делают глупости.

Князь. Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно...

Дм<итрий> Петр<ович>. Ничего, князь, — напротив... это дело даже больше касается до вас, нежели до меня.

(*Александр делает знак отцу и уходит.*)

Князь. До меня?..

Дм<итрий> Петр<ович>. Мой долг повелевает мне сказать... но я не знаю, как решиться.

Князь. Разве это что-нибудь...

Дм<итрий> Петр<ович>. Вот видите, я не знаю, как вы примете.

Князь. Да разве?..

Дм<итрий> Петр<ович>. Успокойтесь — это еще не опасно.

Князь. Слава Богу... так еще не опасно — уф!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Мой сын Юрий...

Князь. Юрий Дмитрич? он со мной никаких не имел сношений!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Я не говорю, чтоб он имел сношение с вами — или с кем-нибудь из вашего дома, — но ваша жена... еще до замужества... ее красота, любезность!..

Князь. Вот видите, Дм<итрий> Петрович... я этих достоинств еще сам в ней хорошенько не рассмотрел... не потому говорю так, что она моя жена, — но ведь я не поэт! о, вовсе не поэт!.. я женился потому, что надо было жениться, — женился на ней потому, что она показалась мне доброго и тихого нрава, — люблю ее потому, что надобно любить жену, чтоб быть счастливу!.. я вас прервал, пожалуста, продолжайте!

Дм<итрий> Петр<ович>. Это не так легко, князь.

Князь. Прошу вас, для меня себя не принуждайте.

Дм<итрий> Петр<ович>. Одним словом, мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужества, — и, кажется, был несколько ей приятен.

Князь. О, я уверен, что теперь эта страсть прошла.

Дм<итрий> Петр<ович>. К сожалению, не прошла! со стороны моего сына.

Князь. Тем хуже для него.

Дм<итрий> Петр<ович>. Я боялся, чтоб это и вам было неприятно! — по долгу честного человека решился вас предупредить, на всякий случай...

Князь. Лишь бы жена была мне верна — больше я и знать не хочу!

Дм<итрий> Петр<ович>. Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

Князь. И я также.

Дм<итрий> Петр<ович> (*со вздохом*). Вы очень счастливы...

Князь. Не спорю-с. (*Вдруг, как бы вспомнив что-то, хватает себя за голову и вскакивает.*) О, я дурак — о, я пошлая дурачина... о, глупая ослиная голова... вы правы — а я дубина!.. теперь вспомнил... о, пошлая недогадливость!.. теперь понимаю... понимаю... этот анекдот!.. всё было на мой счет сказано... а я, сумасшедший, — ему же советую волочиться за моей женой — а ее смущение... ведь надо было мне жениться — в 42 года! с моим добрым, простосердечным нравом — жениться!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Успокойтесь — прошу вас, всё еще поправить можно.

Князь. Нет, никогда не успокоюсь (*садится*).

Дм<итрий> Петр<ович>. Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына: он легко может наделать глупостей — и невинным образом в свете компрометировать княгиню, — притом она молода — может завлечься невольно... скажут, что, живя в одном доме...

Князь. Вы правы — посудите теперь! ну не несчастнейший ли я человек в мире.

Дм<итрий> Петр<ович>. Утешьтесь... я очень понимаю ваше положение — но что же делать.

Князь. Что делать? — вот видите, я человек решительный — завтра же уеду из Москвы в деревню — нынче же велю всё готовить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Это самое лучшее средство — самое верное — тихо, без шуму...

Князь. Да, тихо, без шуму!.. уехать из Москвы, зимой, накануне праздников, — вот женщины! о, женщины!.. Прощайте, Дмит<рий> Петрович, прощайте — о, вы увидите, что я человек решительный!

Дм<итрий> Петр<ович>. Не взыщите, я говорил от сердца, князь, — по-стариковски — притом я всегда был строгих правил...

(*Хочет встать.*)

Князь. Не беспокойтесь — вы истинный мой друг — прощайте... о, я человек решительный!.. (*Уходит.*)

Дм<итрий> Петр<ович>. Ну, слава Богу, с плеч долой — всё уладил — ох, дети, дети...

(*Юрий входит и хохочет во всё горло.*)

Юрий. Вообразите, ха-ха-ха-ха… нет, я век этого не забуду… Князь, ха-ха-ха! я подаю ему руку и говорю, здравствуйте, князь… что нового… а он — ха-ха-ха! скорчил кошачью мину и руку положил в карман: ничего-с — к несчастию, всё старое… потом шаг назад и стал в позицию… я скорей бежать, чтоб не фыркнуть ему в глаза… не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дм<итрий> Петр<ович>. А ты хочешь волочиться за женой и чтоб муж тебе в ноги кланялся! кабы в наше время, так ему бы надо тебя не так еще проучить.

Юрий (*серьезно*). Я волочусь за его женой? Кто ему это сказал?

Дм<итрий> Петр<ович>. Ну, ведь признайся: ты в нее влюблен?..

Юрий. Он о прежнем ничего не знает и слишком глуп, чтоб теперь догадаться.

Дм<итрий> Петр<ович>. Долг всякого честного человека был ему сказать!

Юрий. А позвольте: кто ж этот чересчур честный человек?

Дм<итрий> Петр<ович>. А если б даже я.

Юрий. Вы, батюшка?

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, я не терплю безнравственности, беспутства… в мои лета трудно смотреть на такие вещи и молчать… хороший отец должен удерживать сына от бесчестных поступков — а если сын его не слушает, то мешать ему всеми средствами…

Юрий. А, так вы ему сказали.

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, не прогневайся — и князь завтра же увозит жену в деревню.

Юрий. О! это нестерпимо!

Дм<итрий> Петр<ович>. Вздор, вздор!.. что такое за упрямство, будто нет других женщин.

Юрий. Для меня нет других женщин… я хочу, хочу… да знаете ли, батюшка, что это ужасно… кто вам внушил эту адскую мысль!

Дм<итрий> Петр<ович>. Кто внушил!.. и ты смеешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любит больше жизни, тобою только и дышит — вот благодарность! разве я так уж стар, так глуп, что не вижу сам, что дурно, что хорошо!.. нет, никогда не допущу тебя сделать дурное дело, — опомнишься, сам будешь благодарен и попросишь прощения.

Юрий. Никогда!.. прощения! мне еще вас благодарить — за что? Вы мне дали жизнь — и теперь ее отняли — на что мне жизнь?.. я не могу жить без нее — нет, я вам никогда не извиню этого поступка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Юрий, Юрий, — подумай, что ты говоришь.

Юрий. Я не уступлю — борьба начинается — я рад, очень рад! посмотрим — все против меня — и я против всех!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Сжалься, Юрий, над стариком — ты меня убиваешь.

Юрий. А вы надо мною сжалились — вы пошутили — милая шутка.

Дм<итрий> Петр<ович>. О, ради Бога, перестань!

Юрий. Князь завтра едет, а нынче Вера будет моя. (*Идет к столу.*)

Дм<итрий> Петр<ович>. Александр! Александр! он убил меня — мне дурно!

(*Александр вбегает, подымает и ведет его под руку.*)

Он злодей — он убил меня!..

Юрий (*один*). Нынче она будет моя — нынче или никогда... они хотят у меня ее вырвать — разве я даром три года думал об ней день и ночь — три года сожалений, надежд, недоспанных ночей, три года мучительных часов тоски глубокой, неизлечимой — и после этого я ее отдам без спору, и в ту самую минуту, когда я на краю блаженства, — да как же это возможно! (*Пишет записку и складывает.*) Кажется, так оно удастся. (*Отворяет дверь и кличет*) Ванюшка!

(*Входит молодой лакей в военной ливрее.*)

Послушай! от твоего искусства теперь зависит жизнь моя...

Ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вам всеми силами рад служить.

Юрий. Когда ты сделаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Если же нет — ты погиб!

Ван<юшка>. Слушаю-с.

Юрий. Видишь эту записку — через час, никак не позже она должна быть в руках у княгини Лиговской.

(*Александр показывается в другой двери.*)

Ван<юшка>. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дело — я познакомился уж с ее горничною, — а у нас в пустой половине такие закоулки, что можно везде пройти днем так же безопасно, как ночью...

Юрий. Я на тебя надеюсь — только смотри, не позже как через час (*уходит*).

В а н < ю ш к а >. Через пять минут, сударь... (*Про себя*). Мы с барином, видно, не промахи — четыре дни как здесь, а уж дела много сделали (*хочет идти*).

А л е к с < а н д р > (*подкрался сзади и схватывает его за руку.*) Постой!

В а н < ю ш к а > (*испуганный*). Что это вы, барин!

А л е к с < а н д р >. У тебя вот в этой руке записка...

В а н ю ш к а. Никак нет-с.

А л е к с < а н д р > (*хочет взять*). А вот увидим.

В а н < ю ш к а >. Я закричу-с, ваш братец услышит!

А л е к с < а н д р > (*в сторону.*) Попробую другой способ! (*Ему*) Видишь вот этот кошелек, в нем 20 червонцев — они твои — если ты дашь мне ее прочесть — так, из любопытства.

В а н < ю ш к а >. Только никому сами не извольте сказывать.

А л е к с < а н д р >. Я буду молчалив, как могила (*высыпает деньги в руки*).

В а н < ю ш к а >. А если изорвете, сударь, — так я скажу своему барину.

А л е к с < а н д р > (*про себя*). Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. (*Читает*) «Ваш муж всё знает... Я вас люблю больше всего на свете, вы меня любите, в этом я также уверен... Сегодня вечером в 12 часов я должен с вами говорить, будьте в этот час в большой зале пустой части дома; вы спуститесь по круглой лестнице и пройдете через коридор, — если через 2 часа я не получу желаемого ответа, то иду к вашему мужу, заставляю его драться и, надеюсь, убью. В этом клянусь вам честию... ничто его не спасет в случае вашего отказа. — Выбирайте». А! искусно написано!..

В а н < ю ш к а >. Пожалуйте, сударь, записку, мне пора.

А л е к с < а н д р >. А если я ее изорву — говори, что ты хочешь за это, — всё, что попросишь... тысячу — две?..

В а н < ю ш к а >. И миллиона не надобно-с.

А л е к с < а н д р >. Я тебя умоляю!..

В а н < ю ш к а >. Вот видите, сударь, — мне велено ее отнести, и я отнесу; об том, чтоб ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вам показал.

А л е к < с а н д р > (*подумав*). Хорошо, отнеси ее.

(*Слуга уходит.*)

(*Про себя*). Я все-таки найду средство им помешать.

КОНЕЦ 3<-го>АКТА

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(*Большая заброшенная комната; развалившийся камин. С левой стороны виден коридор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестница. Направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон. Лунное освещение.*)

А л е к с а н д р (*входит с правой стороны из двери и запирает их ключом. Он в широком плаще*). Хоть стар замок — а не скоро его сломаешь... и покуда я здесь царь!.. жалкая власть! жалкое удовольствие, украденное из рук судьбы... и горькое, как хлеб нищего, — зато я по крайней мере, хотя против ее воли, но еще раз прижму ее к груди своей; мой огненный поцелуй, как печать, останется на устах ее — и она будет мучиться этой мыслию; оно так и следует: вместе были счастливы, вместе и страдать! В темноте под этим плащом она не скоро меня узнает! Может быть, даже вероятно, что мне удастся под чужим именем выманить два-три ласковые слова... О! какой ангел внушил мне эту мысль — Бог, видимо, хочет вознаградить меня за 30-тилетние муки, за 30 лет жизни пустой и напрасной. (*Задумывается.*) Да, мне 30 лет... а что я сделал; зачем жил?.. говорят, что я эгоист; итак, я жил для себя?.. Нет... я во всем себе отказывал, вечно был молчаливой жертвой чужих прихотей, вечно боролся с своими страстями, не искал никаких наслаждений, был сам себе в тягость — даже зла никому умышленно не сделал... итак, я жил для других? — также нет... я никому не делал добра, боясь встретить неблагодарность, презирал глупцов, боялся умных, был далек от всех, не заботился ни о ком — один, всегда один, отверженный, как Каин, Бог знает, за чье преступление — и потом один раз встретить что-то похожее на любовь — один только раз — и тут видеть, знать, что я обязан этим искусству, случаю, даже, может быть, лишней чашке шоколаду, — наконец, против воли предавшись чудному, сладкому чувству, — потерять всё — и остаться опять одному с ядовитым сомнением в груди, с сомнением вечным, которому нет границы (*ходит взад и вперед*). Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего самые обыкновенные чувства у меня так мертвы? Отчего теперь, в самую решительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна... я, право, кажется, мог бы теперь с любым глупцом говорить битый час о погоде, — видно, я так создан, видно, недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... о! лучше бы уж я родился слеп, глух и нем... обо мне бы по крайней мере сожалели.

(*Вера показывается на лестнице*.)

Это она... так точно — теперь я должен призвать на помощь всю свою твердость.

В е р а. Его еще нет... темно, страшно... Боже! как я могла решиться... но что ж делать, я его знаю — он сдержал бы свое обещание — у меня сердце бьется, как молоток, — шорох, о, кто это... Юрий!..

А л е к с < а н д р > (*берет ее за руку*). Это я!..

В е р а. Довольны ли вы... что может сделать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня таким средством.

А л е к с < а н д р >. Я также выбрал между жизнью и смертию.

В е р а. Решившись вам повиноваться, я решилась также вас забыть...

А л е к с < а н д р > (*хочет ее обнять*). О, это женская хитрость.

В е р а. Нет... нет — я вам скажу также, что я люблю вас.

А л е к с < а н д р >. Меня одного?

В е р а. Одного, клянусь небом! Я могла заблуждаться — но теперь чувствую, что сердце мое никогда не изменялось.

(*Алекс<андр> вздыхает*.)

Однако несмотря на это мы должны расстаться навсегда... мне трудно так же, как и вам, об этом думать — но теперь мы будем благоразумнее, чем в минуту первой разлуки нашей, — я уж не могу быть счастлива — но спокойствие для меня еще возможно — оставьте мне хоть это!..

А л е к с < а н д р >. У меня и этого не останется.

В е р а. Верьте мне, женщина благородная может на минуту забыть свой долг, но всегда приходит время, когда она чувствует, что должна возвратиться к нему, — время это для меня настало — никакое искусство, никакие угрозы не поколеблют моей твердости. Юрий! дайте мне руку, обещайте как другу, как женщине, которой постоянною мыслью были вы; обещайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину от ее обязанностей — это ужасно, Юрий!.. это иногда хуже убийства.

А л е к с < а н д р >. О, молю, один прощальный поцелуй.

В е р а. Нет, расстанемся друзьями — зачем такое испытание!

А л е к с < а н д р >. Я буду покорен во всем — только один поцелуй — ты непременно должна — непременно — один — только один — и потом пусть между нами обрушится вечность.

(*Увлекает и целует ее — луч месячный упадает на его лицо, и она узнает... вскрикивает громко*.)

Вера. О! опять он — опять!

Алекс<андр>. Я уж сказал тебе, опять и всегда — никто не займет моего места.

Вера. Это обман неслыханный, — пусти, пусти мне руку... я к тебе чувствую отвращение!..

Алекс<андр>. Знаю, знаю всё — но ты не уйдешь отсюда — и ты подумала, что я не останусь верен своей клятве... да, я здесь — а твой страстный любовник теперь сидит крепко за двумя замками... видишь эту дверь, за нею еще дверь... они обе заперты... он должен сломать замки... может быть, это ему и удастся... но тогда он увидит тебя в моих объятиях...

Вера. Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что он на всё способен!

Алекс<андр>. Ха, ха, ха — разве ты этого прежде не знала! разве год тому назад, когда ты в упоении страсти лежала в моих объятиях, когда твои поцелуи горели на губах моих, разве тогда еще я не предварял тебя? Разве я не говорил: Вера, ты любишь человека ужасного, который не имеет ничего святого, кроме тебя, и то пока он любим, человека с душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничем не дорожит, — разве я не говорил: берегись, ты будешь раскаиваться... но ты не верила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу, — мне шутить в такие минуты! — ты думала, что я всё это говорил, чтоб показаться интересным, удивить тебя, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоисма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты... потому что тогда кровь волновалась в твоих жилах, тебе нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нежность, покуда, на время, до появления другого, достойнейшего... не дрожи, не поднимай глаза к небу... наказание упало тебе оттуда... ты не мученица добродетели, не жертва страсти и обмана... ты просто слабая, ветреная, непостоянная женщина... ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трех человек, одному назначила покорность, другому вздохи и признания, третьему, самому послушному, ты назначила мучения ревности, пытки презрения, муки любви отверженной, обманутой — и этот последний теперь мстит за себя...

Вера (*упадая на колени*). Не подходи, не подходи...

Алекс<андр> (*подымая ее за руку*). Встаньте, не унижайтесь, княгиня, — до такой степени... после вашей надменности, это уж слишком смешно... На коленях, и перед кем? Одумайтесь — что это! страх! чего же вы боитесь? времена кинжалов прошли — разве я вам угрожаю?

Вера (*почти без чувств*). Я не переживу этого.

Алекс<андр>. Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоем будет играть улыбка, в волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце твоем будет пусто и светло...

(*Слышен стук отломанного замка.*)

В е р а. Это Юрий — он идет сюда.
А л е к с <а н д р>. Наконец!

(*Вера хочет убежать.*)

Постой!.. мне пришла мысль, — зачем оставлять дело неконченным, — я хочу, чтоб он нашел тебя в моих объятиях, чтоб он насладился приятной картиной, — это было бы божественно, как ты думаешь!.. (*Обнимает ее.*)

В е р а. Мне всё равно — делай, что хочешь — у меня нет сил противиться.

А л е к с а н д р. Слышишь — вот его шаги... последний замок сейчас разлетится... бешенство удвоивает его силы...

(*Молчание.*)

Нет, я вижу — это уж слишком много для тебя — обморок? — пустое. Я хочу, чтоб ты с ним говорила, — останься здесь — скажи ему, что ты его не любишь — не любишь нисколько... я отойду в сторону... слышишь ли, отвергни его ласки так же холодно, как мои, — иначе я стану между вами, и тогда горе вам обоим.

(*Отходит и прячется — дверь с треском отворилась, и входит Юрий.*)

Ю р и й. А! меня заперли — это недаром — это с умыслом сделано — но кто же? брат? — зачем ему... о, если я опоздал... Вера!.. ничего не слышно... чу! шорох платья... она здесь — здесь, Вера! (*подходит и видит*). О, как я счастлив (*берет ее за руку*). Вера, княгиня, — простите меня.

В е р а (*слабо*). Вас... я прощаю...

Ю р и й. Это был миг сумасшествия... но я хотел вас видеть перед тем, чтоб расстаться снова — и, может быть, навсегда, — я хотел... о, я сам не знаю чего... да, только вас видеть, только... я надеялся, я полагал — что вы не можете любить вашего мужа, потому что он не стоит вас... я хотел найти вам в уме своем извинение... я даже... мечтал, что вы меня еще любите.

В е р а. Вы совершенно ошиблись.

Ю р и й. Однако вы здесь, — вы не хотели огорчить меня — вы здесь — ваша рука горит в руке моей — женщина не любя не сделает этой жертвы...

В е р а. Вы правы, я пожертвовала собой из любви — но не к вам.

Ю р и й. Вы хотели спасти мужа.

В е р а. Да...

Ю р и й (*обидясь*). Если так, то прошу от меня его поздравить.

В е р а (*после молчания*). Забудьте меня.

Ю р и й. Я не ожидал такого приветствия.

В е р а. Чего ж вы ожидали?

Ю р и й. В вас нет и тени той женщины, которая некогда любила меня так нежно, которой обязан я лучшими минутами в жизни... отчего ж бы, кажется, им не воскреснуть — зачем дарить сокровище тому, кто ему не знает цены, — а я, я, так долго живший одной надеждой обладать им, — я брошен в сторону — со мной поступают, как с игрушкой, то кидают огненный взор, то ледяное слово...

В е р а. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Ю р и й. Боже! как вы переменились — бывало, вам стоило подумать, и я уж знал эту мысль — пожелать — и я невольно желал того же — бывало, нам почти не нужно было слов для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я вас не понимаю.

В е р а. О! слава Богу.

Ю р и й. Слава Богу... ужель вы хитростью хотели избавиться от моей любви — обманом испугать меня — этому не бывать... вы теперь в моей власти... я не упущу этого случая... теперь или никогда — вы моя, вы будете моею... судьба этого хочет...

В е р а. Юрий, Юрий! одна минута восторга — и веки раскаяния.

Ю р и й. Я не буду раскаиваться.

В е р а. А я?

Ю р и й. Вы меня любите.

В е р а. Я слабая женщина... я имею обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Ю р и й. Ты об нем забудешь в моих объятиях.

В е р а. Пощадите...

Ю р и й. Не доводи меня до крайности... я за себя не ручаюсь.

В е р а. Шорох... нас подслушивают... здесь кто-то есть...

Ю р и й. Шорох... кто же смеет... (*Осматривается*).

В е р а (*убегает.*) Прощай, Юрий... прощай.

Ю р и й (*бежит за нею*). Нет, я вас не пущу... невозможно... я не хочу так расстаться.

(*В двери хватает ее за руку и упадает на колени; Александр является.*)

В е р а (*указывая пальцем на Александра.*) Уйдите — уйдите! это он... опять он!.. (*Убегает.*)

Ю р и й (*оборачивается*). А! что такое!..

А л е к с < а н д р >. Свидетель твоих глупостей!..

Ю р и й. Этого свидетеля можно достойно наградить за труды.

А л е к с < а н д р >. Его награждение... здесь. (*Указывает на сердце.*)

Ю р и й. Брат... с этой минуты — я разрываю узы родства и дружбы — ты мне сделал зло — невозвратимое зло — и я отомщу!..

А л е к с < а н д р > (*холодно*). Каким образом?

Ю р и й. Ты мне заплотишь.

А л е к с < а н д р > (*улыбаясь*). С удовольствием — только чем!

Ю р и й (*в бешенстве*). Ценою крови...

А л е к < с а н д р >. В наших жилах течет одна кровь.

Ю р и й. Подслушивать — так коварно отравлять чужое счастие... знаешь ли, что это дело подлецов...

А л е к с < а н д р >. А обольщать жену другого...

Ю р и й. Она меня любит.

А л е к с < а н д р >. Неправда... разве это видно из ее поступков...

Ю р и й. Я знаю, что она меня любит... любила меня одного...

А л е к с < а н д р >. А я знаю кое-что другое.

Ю р и й. Что ты знаешь? Говори, сейчас говори!..

А л е к с < а н д р >. Я знаю, что в твоем отсутствии она имела любовника.

Ю р и й. Клевета, низкая клевета.

А л е к с < а н д р >. Я тебе покажу письма...

Ю р и й. Кто же он... назови его мне...

А л е к с < а н д р > (*подумав*). Изволь, я тебе его назову.

Ю р и й. Сейчас — сию минуту.

А л е к с < а н д р >. Завтра... когда она уедет. (*Уходит.*)

Ю р и й (*задумчиво*). Что если он говорит правду!..

КОНЕЦ 4<-го> АКТА

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(*Комната князя. Он сидит. Перед ним управитель с бумагами.*)

У п р а в и т е л ь. Ваше сиятельство, честь имею рабски донести, что всё в подмосковной готово для принятия вашего сиятельства — и дом отоплен — и обоз должен сегодня туда приехать.

К н я з ь. Хорошо... ты останешься здесь и сдашь квартиру... нынче, часа через два мы едем — вели укладывать карету...

У п р а в <и т е л ь>. Слушаю-с — да что ваше сиятельство изволили так на Москву прогневаться...

К н я з ь. Не твое дело рассуждать, — дурачина.

У п р а в <и т е л ь>. Слушаю-с, ваше сиятельство.

(*Вера входит.*)

Княгиня изволила пожаловать.

К н я з ь. Пошел вон.

(*Управ<итель> уходит.*) (*Жене*)

Я очень рад, сударыня, что вы пришли — сделали мне эту честь, — очень рад, в восторге... я должен с вами поговорить — сделайте милость, садитесь.

В е р а. Что вам угодно?

К н я з ь. Если б вы всегда мне делали этот вопрос, то было б лучше.

В е р а. Вы этого не требовали...

К н я з ь. Тогда было другое — тогда я был ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка, — только вы не умели ценить этого, сударыня... чего я не делал?.. надобны бриллианты — и бриллианты являются, — бал? — и бал готов, — коляски, кареты, шали, шляпы — я для вас разорялся, сударыня.

В е р а. Я всегда была благодарна.

К н я з ь. И из благодарности сами хотели мне подарить головной убор, в новом вкусе.

(*Вера хочет встать.*)

Сидите — останьтесь... я ваш муж и теперь попробую приказывать — одним словом, мы нынче едем в подмосковную — а как только будет можно, то оттуда в симбирскую деревню...

В е р а. Я пришла вас просить не откладывать отъезда.

К н я з ь. Сами просите!.. вот новость!.. знаете ли, что это очень хитро, — тут что-нибудь кроется... и я, право, из любопытства в состоянии остаться.

В е р а. Нет — вы этого не сделаете — это невозможно... мы должны ехать — сегодня же — сейчас... Я вас умоляю.

К н я з ь (*про себя*). Хоть убей не понимаю! (*Ей*) Я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ехать так скоро...

В е р а. Я не могу вам этого объяснить...

К н я з ь. Не можете — и не надо — я сам догадываюсь... вы желаете доказать мне, что вы добродетельная супруга, которая избегает своего любовника, — а мне, сударыня, известно, что вы любите сами Юрия Дмитрича — мне известно...

В е р а. Нет, нет — я его не люблю... но боюсь...

К н я з ь. Полюбить его?

В е р а. Женское сердце так слабо...

К н я з ь. И так обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кроме меня...

В е р а. Я всегда старалась не подать вам повода думать...

К н я з ь. Теперь я буду стараться... запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд, сад, поле и прочие сельские красоты, а подобных франтиков за версту от дому буду встречать плетьми и собаками... ваша любовь мне не нужна, сударыня, — я, слава Богу, не так глуп, но ваша честь — моя честь! о, я отныне буду ее стеречь неусыпно.

В е р а. Я решилась искупить вину свою — беспредельной покорностью.

К н я з ь. Образумиться надо было немного раньше.

В е р а. Конечно, это было не в моей власти.

К н я з ь. Что же! — судьба, во всем виновата судьба! — вот модные романы — вот свободные женщины — философия — черт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для меня, от этого всё зло!.. Отныне не дам вам ни одной книги в руки — извольте заниматься хозяйством.

В е р а. Я сказала, что буду покорна во всем, — только прошу одного ради Бога — никогда не напоминайте мне о прошедшем... я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будет принадлежать вам... только не упрекайте меня...

К н я з ь. Вот мило — вот хорошо!.. нет, сударыня, отныне делаю всё вам напротив, вы хотите обедать — я велю подавать завтрак, хотите ехать — я сижу дома, хотите сидеть дома — везу вас на бал... я вам отплачу, вы узнаете, что значит кокетничать, может быть, верно больше... с петербургскими франтиками, имея такого мужа, как я! (*Уходит.*)

В е р а. И вот мне раскрылась целая жизнь страданий — но я решилась терпеть и буду терпеть до конца!

(*Входит слуга.*)

Слуга. Князь приказал вам доложить, ваше сиятельство, — что извольте, дескать, одеваться, — возок закладывают.

Вера. Скажи, что я иду. (*Уходит*).

СЦЕНА ВТОРАЯ

(*Комнаты у Дмитрия Петровича, Дмитрия Петровича несут на креслах. Александр входит.*)

Дм<итрий> Петр<ович>. Так, так, — остановитесь здесь — я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты, — в той комнате темно, страшно, как во гробе, — здесь тепло — здесь, может быть, снова жизнь проснется во мне... Дети... Юрий, где вы... ушли — никого.

Александр. Я возле вас, батюшка!

Дм<итрий> Петр<ович>. Друг мой, я умираю — я заметил, как доктор нынче покачал головой и уехал, не сказав ни слова. Ты говорил с доктором?

Алекс<андр>. Нет, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты боялся спросить... ты был всегда добрый сын — не правда ли, ты любил меня... где Юрий?..

Алекс<андр>. Его здесь нет. (*Уходят за Юрием по знаку Александра.*)

Дм<итрий> Петр<ович>. Ради неба — позовите его — моего милого Юрия... я умираю... хочу его благословить... он, верно, не знает, что я так дурен, верно, ты не сказал ему.

Алекс<андр>. Я боялся его огорчить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Так, стало быть, я в самом деле так близок к смерти.

Алекс<андр> (*отвернясь*). Не знаю, батюшка...

Дм<итрий> Петр<ович>. О! ты камень — когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения.

Алекс<андр>. О, конечно, я тогда это узнаю!

Дм<итрий> Петр<ович>. Тебе не жаль меня — ты даже не просишь моего благословения.

Алекс<андр> (*Юрий входит в волнении*). Батюшка, вот пришел брат...

Юрий (*подходит*). (*Про себя*) Боже мой! как он переменился со вчерашнего дня...

Александр (*Юрию*). Он умирает... и ты убил его...

Юрий (*закрыв лицо*). О! говорить это... и в такую минуту!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Юрий!

Юрий. Я у ваших ног (*стоя на коленях подле него*).

Дм<итрий> Петр<ович> Я тебя прощаю — и благословляю отцовским благословением.

Алекс<андр> (*отходя к окну*). А мне простить нечего, надо мной нельзя показать великодушия... и потому нет благословения!.. (*Стоит у окна.*)

Юрий (*встает*). Батюшка, я перед вами злодей — я недостоин.

Дм<итрий> Петр<ович>. Полно, полно — пылкость, ребячество — я это понимаю — но мне было больно...

Федосей (*за столом Юрию*). Уговорите его, барин, лечь в постель, ему так сидеть трудно — посмотрите, лишается чувств, ослабевает.

Юрий. Погоди — надо дать успокоиться.

Дм<итрий> Петр<ович> (*слабо*). Я ничего не вижу — здесь ли ты, Юрий, — свет бежит от глаз моих... пошлите за священником.

Юрий. Он без чувств, руки холодны.

Федосей (*Юрию*). Вот уж дней с пять, сударь, как с ними это часто бывает.

Юрий. Боже, сколько мучений!.. здесь умирающий отец... там...

Александр (*хватает брата за руку и тащит к окошку*). Посмотри... посмотри — вот она выходит на крыльцо. Даже сюда не смотрит — бледна!.. но что за диво, — ночь, проведенная без сна! — садится — улыбается мужу, а тот и не замечает... посмотри... еще раз выглянула в окно и опустилась в карету!.. Вера! Вера! чего ищут глаза твои.

(*Слышен стук кареты.*)

Юрий. Всё кончено.

Алекс<андр>. Вздыхай — терзайся — воображай ее слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь, — воображай, какая ужасная борьба происходила в душе ее, когда она решилась противиться твоей страсти!.. о, великий, святой пример добродетели... чистая душа... ха-ха-ха!.. Это был страх, страх — она знала, что я тут за дверью.

Юрий. Замолчи, замолчи — видишь, здесь умирающий отец.

Алекс<андр>. Что мне теперь отец, целый мир — я потерял всё, последнее средство погибло, последнее чувство умерло — на что мне жизнь... хочешь взять ее? — возьми и хорошо сделаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебе наскажу таких вещей, от которых и у тебя засохнет сердце, и у тебя в душе родится сомнение и ненависть... глупец, глупец! Ты думал, что когда раз понравился 17-летней девушке, то она твоя навеки, — что она не может любить другого, видевши раз такое совершенство,

как ты... А я тебе скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человека, для которого она забыла мужа, долг, закон, честь, даже самолюбие, человека, для которого она была готова отдать жизнь, служить ему рабой, человека, который тысячу раз должен бы был задушить ее в своих объятиях — если б отгадал будущее.

Юрий. Наконец ты должен мне сказать, кто он? Я вырву у тебя из горла это проклятое имя.

Дм<итрий> Петр<ович> (*слабо*). Федосей, что они делают — позови их, я хочу проститься.

Федосей. Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрий. А, ты молчишь! — так я тебя принужу (*хватает на столе саблю*).

Дм<итрий> Петр<ович>. Дети, дети... убийство — остановите их — брат на брата — Господи, возьми меня скорей... (*упадает*).

Федосей. Помогите — холоден... (*Упадает на колена и целует руку старика.*)

Алекс<андр> (*вырывает саблю и бросает на пол*). Дитя, и ты думаешь, что силой, страхом из меня можно что-нибудь выпытать, — ты грозишь смертью, кому? брату... что если б я позволил тебе убить себя... но я не так жесток — я сам скажу всё... твой соперник, счастливый соперник — я!..

Юрий. Ты?

Алекс<андр>. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели — твой ангел лежал здесь, на этой груди, — следы твоих поцелуев выжжены моими — я выжал из сердца Веры всё, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего.

Юрий (*закрыв лицо руками*).

Дм<итрий> Петр<ович> (*умирая*). Дети... Юрий, Юрий.

Юрий. Мое имя... отец... он умирает. (*Бросается к нему.*)

Федосей. Скончался!..

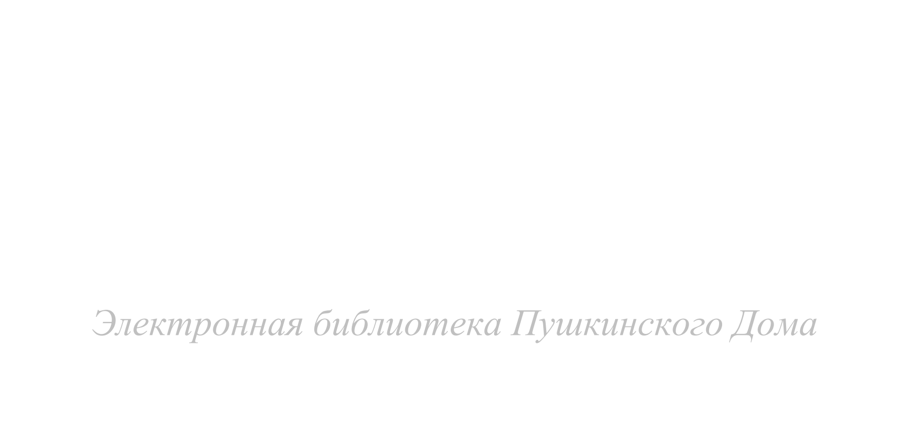
Юрий. Не может быть... (*хватает руку*). О!

(*Юрий упадает без чувств на пол. Александр стоит над ним и качает головою.*)

Александр. Слабая душа... и этого не мог перенести.

КОНЕЦ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

487а. МАСКАРАД

<*Ранняя редакция*>

<ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ>*

<1-я СЦЕНА>

<ВЫХОД ТРЕТИЙ>

А р б е н и н

А думаешь: глупец?..
Он ждет себе, а я...

Н и н а

Ах, мой Творец!
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет... я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,

* Начало отсутствует (*ред.*).

Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу…
Скажи лишь просто мне, как другу… но к чему
Меня воображение умчало…
Положим, ты меня и любишь… но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!..

А р б е н и н (*улыбаясь*)
Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно.

Н и н а
Конечно.

А р б е н и н
Ты сердишься?

Н и н а
Нет, я благодарю.

А р б е н и н
Ты опечалилась.

Н и н а
Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

А р б е н и н
Нина!

Н и н а
Что вы?

А р б е н и н
Послушай… нас одной судьбы оковы
Связали навсегда… ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.

(*Привлекает к себе на колена и целует.*)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе. Я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,

Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(*Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.*)

Нина
Ты странный человек! Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда.
Но часто...

Арбенин
Часто?

Нина
Нет! но иногда!..

Арбенин
Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно,
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Нина
Опять ты недоволен... Боже мой!..

Арбенин
О нет!.. я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я целовать могу твои уста и очи,
И сладострастье первой ночи
Теперь постигнуто лишь мной.
Оставим прежнее забвенью;
Вознагражден судьбою я вполне,
И если б мог Творец завидовать творенью,
То позавидовал бы мне.
(*Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.*)

Н и н а
Ты побледнел, дрожишь... О Боже!

А р б е н и н (*вскакивает*)
Я? ничего! где твой другой браслет?

Н и н а
Потерян.

А р б е н и н
А! потерян.

Н и н а
Что же!
Беды великой в этом нет.
Он двадцати рублей, конечно, не дороже.

А р б е н и н
Потерян... (*про себя*) отчего я этим так смущен;
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Н и н а
Тебя понять я, право, не могу.

А р б е н и н
(*пронзительно на нее смотрит, сложив руки*)
Браслет потерян?

Н и н а (*обидясь*)
Нет! я лгу!..

А р б е н и н (*про себя*)
Но сходство! сходство!

Н и н а
Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние, слуга

А р б е н и н (*звонит, слуга входит*)
(*слуге*) Карету обыщи ты вдоль и поперек.
Потерян там браслет... избави Бог
Тебя вернуться без него! (*Ей*) Тут дело
О счастии моем идет,
О жизни и о чести.

(*После паузы.*) (*Слуга уходит.*)

(*Ей*) Но если ж он и там браслета не найдет?

Н и н а
Так, стало быть, в другом он месте!

А р б е н и н
В другом? и где — ты знаешь?

Н и н а
В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно, новый,
(*Слуга входит.*)

А р б е н и н
Ну что?.. скорее отвечай...

С л у г а
Я перешарил всю карету-с.

А р б е н и н
И не нашел там.

С л у г а
Нету-с.

А р б е н и н
Я это знал... ступай.
(*Значит<ельно> взгляд<ывает> на нее.*)

С л у г а
Конечно, в маскераде он потерян.

А р б е н и н
А!.. в маскераде!.. так вы были там.
(*Слуге*) Иди...

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние, кроме слуги

А р б е н и н
(*Ей*) Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей.
С кем были вы?

Н и н а
Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят,
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила,
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад...
(*Смеется*) Смешно, смешно, ей-Богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

А р б е н и н
Дай Бог, чтоб это был не твой последний смех!..

Н и н а
О, если ваши продолжатся бредни...
То это, верно, не последний.

А р б е н и н
Кто знает... может быть...
Послушай, Нина!.. Я смешон, конечно,

Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион.
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился,
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь... улыбка... взор... дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни Бога, ни души,
Ни чувства, ни существованья.
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно...
Послушай, Нина!.. я рожден
С душой кипучею, как лава:
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться... тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!..
(*Хочет взять ее за руку. Она отскакивает в сторону.*)

Н и н а
Не подходи... о, как ты страшен!

А р б е н и н

Неужели?..
Я страшен?.. нет, ты шутишь... я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать?.. скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада?
Пускай потешится, придет;
Вы дали мне вкусить почти все муки ада,
И этой лишь недостает.

Н и н а
Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет.
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

А р б е н и н
Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я;
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. но ты, мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё. (*Ей*) Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... и сам был на колена
Пред ней готов упасть, когда бы увидал
Одну слезу... одну... нет! смех был мне ответом.

Н и н а
Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам: я не виновна в этом...
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно, не солгу.

А р б е н и н
О, замолчи... прошу тебя... довольно.

Н и н а
Но слушай... я невинна.

А р б е н и н

Пусть.

Н и н а

Но слушай: я клянуся.

А р б е н и н

Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.

Н и н а

Мне больно
Твои упреки слушать… я люблю
Тебя, Евгений.

А р б е н и н

Ну, по чести,
Признанье в пору…

Н и н а

Выслушай, молю;
О Боже, но чего ж ты хочешь?

А р б е н и н

Мести.

Н и н а

Кому ж ты хочешь мстить?

А р б е н и н

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь.

Н и н а

Не мне ль… что ж медлишь ты?

А р б е н и н

Геройство к вам нейдет…

Н и н а

(*с презрением*) Кому ж?

А р б е н и н

Вы за кого боитесь?

Н и н а

(*берет руки*)
В последний раз, Евгений, в эту ночь
Клянуся: я невинна.

А р б е н и н

Прочь, прочь, прочь!..

Н и н а

О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... о, сжалься... ах! я не умею
Просить... и ты неумолим... но я и тут,
И тут тебе прощаю.

А р б е н и н

Лишний труд.

Н и н а

Однако есть и Бог... он не простит.

А р б е н и н

Жалею!

(*Она в слезах уходит*).

(*Один*) Вот женщина! о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить,
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..

(*Подходит к двери жены и слушает.*)

Что делает она? смеется, может быть!..
Нет, плачет.
(*Уходя*) Жаль, что поздно!..

2-я СЦЕНА 2-го АКТА

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Комната у баронессы.
Пехотный полковник и барон<есса>, потом князь Звездич

Баронесса (*привставая*)
Давно ль решились вы мне сделать эту честь.
Где пропадали вы? — два месяца предлинных.
С тех пор...

Полков<ник>
Я болен был дней шесть.
А после служба всё.

Баронесса
О!.. служба враг гостинных.

(*Князь Звездич входит. Очень холодно*)

Ах, князь!..

Князь
Я был вчера у вас
С печальной новостью, что наш пикник расстроен.

Баронесса
Прошу садиться, князь!

Князь
Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы... но вид ваш так спокоен.

Баронесса
Мне, право, жаль.

Князь
А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Полковник
Вчерась вы были в маскераде?

Князь
Был.

Баронесса (*укрощая улыбку*)
А в каком наряде?
Там было много?

Князь
О, толпа! и там
Под маской я узнал иных из наших дам:
Конечно, всё охотницы рядиться (*смеется*).

Баронесса (*горячо*)
Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет,
Рискнуть быть узнанной... вам надобно стыдиться,
Отречься от таких нескромных слов.

Князь
Отречься не могу, стыдиться же готов.

ВЫХОД ВТОРОЙ
Прежние и Нина
(*Входит в шляпе*.)

Нина
Каталась я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.

Баронесса
C'est une idée charmante, vous en avez toujours!
(*Садясь*) Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза... конечно, не от слез!..

Нина
Я дурно ночь спала.

Полковник
Позвольте, баронесса,
Не удалося слышать вам
Конец пречудный моего процесса.

Баронесса
Нет.

Полковник
Да-с, беда, кто не привык к делам
(*рассказывает*).
(*Князь подходит к Нине.*)

Князь (*всматрив<аясь>*)
Ошибка или нет, а странно в самом деле.
(*Ей*) Какой у вас премиленький браслет,
Но отчего другого нет?

Нина
Другой?.. потерян...

Князь
А (*ей*) и не секрет,
Когда?

Нина
Третьева дни, вчера... на той неделе.
Зачем вам знать, когда.

Князь
Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.
(*В сторону*) Смущается она — вопрос ее тревожит!..
Ох эти скромницы! (*Ей*) Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Нина
Пожалуйста... но где?

К н я з ь

А где ж потерян он?

Н и н а

Не помню.

К н я з ь

Как-нибудь на бале?

Н и н а

Может статься.

К н я з ь

Или кому-нибудь на память подарен?

Н и н а

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

К н я з ь

Будто в свете только муж.
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Но пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет, —
Получит ли от вас какое награжденье?

Н и н а (*улыбаясь*)

Смотря...

К н я з ь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал, — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны под маскою, его
Ласкали вы любви словами.
Но поймите же.

Н и н а

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

К н я з ь

О Боже, я мечтал... ужель вы рассердились?
(*Про себя*) Ты отвертелася! добро... но будет час,
И я своей достигну цели.
(*Нина не отвечает, подходит к баронессе.*)
(*Полковник раскланивается и уходит.*)

Н и н а

Adieu, ma chère, — до завтра, мне пора.

Б а р о н е с с а

Помилуй, милая, с тобой мы не успели
Сказать двух слов.
(*Целуются.*)

Н и н а (*уходя*)

Я завтра жду тебя с утра. (*Уходит.*)

Б а р о н е с с а

Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Прежние, кроме Нины и полковника

К н я з ь (*в сторону*)

Я отомщу тебе! Вот скромница нашлась.
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Б а р о н е с с а

Задумалися, князь?

К н я з ь

Да, многое раздумать мне придется.

Б а р о н е с с а
Как кажется, ваш разговор
Был оживлен... о чем был спор?

К н я з ь
Я утверждал, что встретил в маскераде.

Б а р <о н е с с а>
Кого?

К н я з ь
Ее.

Б а р о н е с с а
Как!.. Нину?

К н я з ь
Да!..

Б а р о н е с с а
Она созналась?..

К н я з ь
Как же...

Б а р о н е с с а
Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

К н я з ь
Из странности решаюсь иногда.

Б а р о н е с с а
Прекрасно, только друг нас не бранит заочно,
Но я не верю: доказательств нет?

К н я з ь
Нет... только мне вчера был дан браслет,
И у нее такой же точно.

Б а р о н е с с а
Вот доказательство… Логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

К н я з ь
Я нынче все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.

Б а р о н е с с а (*после молчания*)
Я завтра ж дам совет полезный Нине
Не доверяться болтунам.

К н я з ь
А мне совет какой?

Б а р о н е с с а
                                        А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

К н я з ь
За два совета благодарен вдвое!
(*Уходит*.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Б а р о н е с с а (*одна в задумчивости*)
Ага! Madame Арбенин, вы
Всё взяли на себя по дружбе, добровольно,
Так пусть падет на вас и мщение молвы,
И мщение мое… подумать больно,
Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему — со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь… не мне вас выводить
Из заблуждения, о нет, избави Боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет… а, Нина там была,
И вот разгадка всей шарады…
Не знаю отчего, а я его люблю;
Быть может, так, от скуки, от досады,

От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Она меня узнает — расскажу
Везде, унижу, пристыжу
Охотницу до нежных предприятий!

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Баронесса и Шприх
(*Шприх входит и раскланивается*.)

<Баронесса>
Ах, Шприх, ты вечно кстати!

Шприх
Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен.
Покойный ваш супруг...

Баронесса
Всегда ль ты так любезен!

Шприх
Блаженной памяти барон...

Баронесса
Тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх
Занял тысяч...

Баронесса
Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх
Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Б а р о н е с с а
Скажи, что нового?

Ш п р и х
                    У графа одного
Наслушался… сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Б а р о н е с с а
                    А ничего
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Ш п р и х (*в недоумении*)
Нет — слышал — как же — нет.
Про это знает целый свет!..
(*В сторону*) А что, бишь, я не помню, вот ужасно!

Б а р о н е с с а
О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Ш п р и х
Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Б а р о н е с с а
Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Когда они сквозь тысячу преград
К своей стремятся героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболе.
Прощайте, мосье Шприх; обедать ждет меня
Сестра, а то б осталась с вами доле.
(*Уходя, в сторону*) Я ей полезный дам урок.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Ш п р и х (*один*)
Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига, да, устрою эту связь;
Мне благодарен будет князь;
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1-я СЦЕНА

<ВЫХОД ПЕРВЫЙ>
(*В доме Арбенина, его кабинет.*)
(*Арбенин и Нина.*)

Н и н а
Евгений, ты со мной не едешь?

А р б е н и н
Нет.

Н и н а
Ты виноват передо мною
И должен извиниться.

А р б е н и н
Всей душою
Прощенья рад просить.

Н и н а
Потерянный браслет
Тебя уж больше не тревожит?

А р б е н и н
Меня?

Н и н а
Ну да, тебя.

А р б е н и н
Быть может.

Н и н а
Быть может! Это не ответ,
И для меня укор обидный.
Ты должен подойти меня поцеловать
И весело сказать:
«Я виноват, мой друг, мне стыдно,
Мое ребячество смешно;
Но за любовь мою в глазах твоих оно
Найдет прощение». (*Он ее целует.*) Вот так бы уж давно.

А р б е н и н (*подходит и целует два раза*)
Я виноват, мне стыдно,
Мое ребячество смешно.

Н и н а
Ты это говоришь как будто поневоле.

А р б е н и н
Я повинуюся, чего ж ты хочешь боле?

Н и н а
Нет, вижу я, намеднишний твой бред
Не вовсе кончился, — тебе не жалко было
Довесть меня до слез... за что же, за браслет.
И дуться целый день потом — как это мило.

А р б е н и н
Не правда ль мило?..

Н и н а

Нынче же куплю
Такой же точно непременно.

А р б е н и н
Весьма обязан.

Н и н а

Только б совершенно
Тебя утешить. (*Уходит.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин один. Потом лакей

А р б е н и н

Я ее люблю,
И в этом звуке все мученья.
Что делать... брошу подозренья,
Забуду всё, скажу себе:
Она чиста, как голубь, — как судьбе
Ей вверюся с закрытыми глазами
И буду счастлив... Пусть пред нами
Клокочут клеветы, я буду спать в грозу.
О, жизнь завидная!

Л а к е й (*входит*)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

А р б е н и н
Да от какой?

С л у г а

Не разобрал-с.

А р б е н и н

Записка? к Нине!
(*Идет; слуга остается.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
(*Афанасий Павлов<ич> Казарин и слуга.*)

С л у г а
Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

К а з а р и н
Хорошо.

С л у г а
Я тотчас доложу-с.
(*Уходит.*)

К а з а р и н
Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь!..
Вы опытны; но ведь и мы не дети.
Не ускользнет от нашей сети
Неукротимый этот зверь.
Иль никогда — или теперь!
Один уж я не лажу с ними;
Товарищ ловкий нужен мне.
Арбенин смел, с талантами большими,
Богат приятель мой вполне
И будет верен старине!..

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Казарин и Шприх
(*Входит Шприх.*)

К а з а р и н
Шприх!

Ш п р и х
Афанасий Павлович, вот чудо.
Ах, как я рад — не думал встретить вас.

К а з а р и н
Я также — ты с визитом?

Шприх

Да-с,
А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право, — а не худо,
Что мы сошлись, — о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot вам ни по чем,
А право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!..

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин... (*Делает пальцами изображение рогов.*)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

Ш п р и х

Мой Создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

К а з а р и н

Бес вечно тут как тут.

Ш п р и х

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком. Ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело…
Я принялся — и разом всё поспело;
Князь обещал молчать… записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тотчас же доставил.

К а з а р и н

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Ш п р и х

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли…

К а з а р и н

И даже не был бит?

Ш п р и х

У вас всё шутка, смех…
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

К а з а р и н

И в самом деле
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Ш п р и х
Но это в сторону. Ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

К а з а р и н

Что ж это?

Ш п р и х

Анекдот.
А дело вот в чем.

К а з а р и н

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Ш п р и х
Нет никого, — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

К а з а р и н
Твой анекдот, ей-Богу, презабавный.

Ш п р и х
Ваш брат охотник, вам купить бы славно.

К а з а р и н
Итак, Арбенин как дурак...

Ш п р и х
Послушайте.

К а з а р и н

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно.
Женитесь после этого.

Ш п р и х

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

К а з а р и н
В женитьбе верность, счастие — всё враки.
Эй, не женися, Шприх.

Ш п р и х
Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно — вот клад.

К а з а р и н
Жена?

Ш п р и х
Собака.

К а з а р и н
Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену, — что Бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

(*Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, а он их не видал*.)

Задумчив и с письмом, узнать бы интересно.

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние и Арбенин

А р б е н и н (*не замечая их*)
О, благодарность! и давно ли я
Спас честь его и будущность? не зная
Почти, кто он таков, — и что же — о! змея!
Неслыханная низость! он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..

И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья;
Я думал: вся вина ее… не знает он,
Кто эта женщина… как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться…
Вот благодарность!.. много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.

(*Перечитывает письмо.*)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно;
«Вы правы… что страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так, не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите… и это будет тайной!..
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Ш п р и х
Письмо! так, так, оно… пропало всё как раз!..

А р б е н и н
Ого! искусный соблазнитель, — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.
(*Казар<ину>*) А! ты был здесь.

К а з а р и н
Я жду уж целый час.

Ш п р и х (*в сторону*)
Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.
(*Уходит незамечен.*)

ВЫХОД ШЕСТОЙ
Прежние, кроме Шприха

К а з а р и н
Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал. (*В сторону*) Письмо! так вот что! понимаю!
(*Ему*) Ты в размышленье.

А р б е н и н
Да, я размышляю.

К а з а р и н
О бренности надежд и благ земных?

А р б е н и н
Почти! о благодарности.

К а з а р и н
Есть мненья
Различные на этот счет.
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.

А р б е н и н
Твое же мнение?..

К а з а р и н
Я думаю, мой друг,
Что благодарность вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-Богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.

А р б е н и н
Ты шутишь всё, Казарин.

К а з а р и н
Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный!
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет — я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример
Для поясненья этих правил:
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, — я в картах суевер, католик,
Вот с трепетом кладу свой туз на страшный столик,
Он выиграл — я очень рад,
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там барыш с потерею расчел...
И карту смятую — под стол.
Теперь... но ты не слушаешь, мой милый?

А р б е н и н (*в размышлении*)
Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!

К а з а р и н (*в сторону*)
Задумался.
(*Ему*) Теперь мы перейдем
К другому казусу — и дело разберем;
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат»,
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;

И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену.... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться,
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

А р б е н и н
Ты славный моралист!

(*В сторону*)

Так, это всем известно.
А, князь... за ваш урок я заплачу вам честно!

К а з а р и н (*не обращая внимания*)
Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть,
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это делал всё из страсти
И самолюбия, отчасти;
Чтоб ею обладать, ты отдал всё,
А не для счастия ее...
Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

А р б е н и н (*расстроенно*)
Да, да, ты прав, что женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли,
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав: глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

К а з а р и н
Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

А р б е н и н

Право?

К а з а р и н

А разве нет?

А р б е н и н

О! счастлив... да...

К а з а р и н

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!

А р б е н и н

А что же?

К а з а р и н

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой...
Кутили мы, в чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед — вино, Парижа честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть,
Потом в театр... душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе:
На картах золото насыпано горой,
Тот весь горит — другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма!
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...

И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.
(*Арбенин упадает на стул*.)

А р б е н и н
О! кто мне возвратит вас... буйные надежды...
Вас, нестерпимые, но пламенные дни.
За вас отдам я счастие невежды;
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль — мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель, — я тебя не знаю...
Я был обманут и тобой
И краткий наш союз отныне разрываю,
Прощай, прощай.
(*Падает на стул и закрывает лицо*.)

К а з а р и н
Теперь он мой!..

2-я СЦЕНА
Комната у князя
(*Дверь в другую растворена*.)
(*Он в другой спит на диване*.)

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Иван, потом Арбенин
(*Слуга смотрит на часы*.)

И в а н
Седьмой уж час почти в исходе...
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее...

Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.
(*Арбенин входит.*)

А р б е н и н
Князь дома?

С л у г а
Дома нет-с.

А р б е н и н
Неправда.

С л у г а
Пять минут
Тому назад уехал.

А р б е н и н (*прислушивается*)
Лжешь, он тут

(*показывает на кабинет*)

И, верно, сладко спит: прислушайся, как дышит.
(*В сторону*) Но скоро перестанет.

С л у г а (*в сторону*)
Он всё слышит...
(*Ему*) Себя будить мне князь не приказал.

А р б е н и н
Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать. (*Слуге*) Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..
(*Слуга уходит.*)

ВЫХОД ВТОРОЙ

А р б е н и н (*один*)
Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда...

Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, при них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!
О нет! я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(*Растворяет дверь.*)

Он спит!.. что видит он во сне в последний раз?

(*Страшно улыбаясь*)

Я думаю, что он умрет ударом.
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(*Входит в комнату.*)

(*Минуты 2 и выходит бледен.*) Не могу.

(*Молчание.*)

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе — я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус!.. трус!.. я? кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно,
О, жалко... право, жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья.
Любить... ты не умел, — а мщенья...
Хотел... пришел и — и не мог!..

(*Молчание.*)

(*Садится.*) Я слишком залетел высоко,
Иной избрать я должен путь…
И ненависть свою глубоко
Зарыть в измученную грудь.
Улыбкой радостной и безмятежным взглядом
Встречать врага… терпеть, молчать
И медленным, но верным ядом
Не жизнь его — но счастье истреблять.
Так, так, он будет жить… убийство уж не в моде…
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе.
Язык и золото… вот наш кинжал и яд!..

(*Берет чернил и записку пишет.*)
(*Берет шляпу.*)

Прощай, красавчик ветреный; спи сладко
И долго спи… покуда можешь спать…
Хоть тяжко мучиться любовною загадкой,
Но часто хуже отгадать.

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Арбенин и баронесса
(*Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.*)

Дама в вуале
Ах!.. всё погибло…

Арб<енин>
Это что?

Дама (*вырываясь*)
Пустите.

Арбенин
Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели. (*Ей строго*) Молчите!
Ни слова, или сей же миг…
Какое подозренье! отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама
Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин
Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама
Ради Бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин
Смущенье странно… вы должны открыться.
Он спит теперь… и может встать сейчас!..
Всё знаю я… но убедиться
Хочу…

Дама
Всё знаете!.. так нечего таиться.
Да, это я!
(*Откидывает вуаль. Баронесса.*) (*Арбенин отступает в удивлении, потом приходит в себя.*)

Арбенин
Благодарю, Творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса
О, что я сделала? теперь всему конец.

Арб<енин>
Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласен, в час такой
Наместо пламенных объятий
С холодной встретиться рукой…
И то минутный страх… а нет беды большой.
Я скромен, рад молчать — благодарите Бога,
Что это я, а не другой…
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса
Ах... он проснулся, говорит.

Арбенин
В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А вы... вы здесь одни... вы, женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами.
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово.
Зачем... о, я глупец! (*В бешенстве*) Зачем? зачем?

Баронесса (*решительно*)
Я поняла, об чем вы говорите... знаю,
Что вы пришли...

Арб<енин>
Как! кто ж вам рассказал!..
(*Опомнившись*) А что вы знаете?..

Баронесса
О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арб<енин>
Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса
Ослеплена была я страстью...
Во всем виновна я, но слушайте.

Арб<енин>

К чему?
Мне, право, всё равно. Я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арб<енин>

А! уж это слишком много!..
Письмо! какое?.. а... так это вы, тогда,
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. неурожай! сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?..
Да, признаюсь!.. вы клад в гостиных;
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Баронесса

О!.. Боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Баронесса (*упадает на креслы*)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!..
(*Хочет идти.*)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте, он идет,
Не слушает... о, я умру...

Арбенин

Что ж? Продолжайте.
Вас это к славе поведет...

Теперь меня не бойтесь, и прощайте…
Но Боже сохрани нам встретиться вперед…
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать… всегда,
Везде… на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся, то… беда!..
Я б вас убил… но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой,
Вы видите, я добр… взамен терзаний ада
Вам оставляю рай земной.
(*Уходит.*)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Баронесса одна

Баронесса (*вслед ему*)
Послушайте — клянусь… то был обман… она
Невинна… и браслет!.. всё я… всё я одна.
Ушел, не слышит, что мне делать?.. всюду
Отчаянье… нет нужды… я хочу
Его спасти во что бы то ни стало. Буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал… идет… решуся… о, мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Баронесса и князь

Князь (*в другой комнате*)
Иван! кто там… я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(*Входит.*)

Ба, это что за посещенье!
Красавица, я очень рад.

(*Узнает и отскакивает.*)

Ах, баронесса! нет… невероятно.

Б а р о н е с с а
Что отскочили вы назад? (*Слабым голосом*)
Вы удивляетесь.

К н я з ь (*смущенно*)
Конечно... мне приятно...
Но счастия такого я не ждал...

Б а р о н е с с а
И было б странно, если б ожидали.

К н я з ь
О чем я думал?.. О, когда б я знал.

Б а р о н е с с а
Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

К н я з ь
Свою вину загладить я готов.
С покорностью приму какое наказанье
Хотите... я был слеп и нем; мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(*Берет ее за руку*.)

Но ваши руки... лед!.. в лице у вас страданье.
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Б а р о н е с с а
Вы ошибаетесь!.. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам.
Нет!.. то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого...

К н я з ь
Что это значит?

Б а р о н е с с а
Не мешайте мне.
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я... вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как?.. это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте... ради неба... эта мысль одна
Нас всех погубит... всех, — она
Не знает ничего... но муж.... читал... ужасен
В любви и ненависти он.
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К убийству... вы так молоды.

К н я з ь
Ваш страх напрасен!
Арбенин в свете жил... и слишком он умен,
Чтобы решился на огласку;
И сделать, наконец... без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он, и в этом нет беды;
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага,
И право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага!

Б а р о н е с с а
Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,

Но если вас убьет, убьет! — о Боже!..
И я всему виной!..

К н я з ь
Вы?..

Б а р о н е с с а
Пощадите.

К н я з ь (*подумав*)
Я обязан драться...
Я виноват пред ним... его я тронул честь,
Хотя не знал того, но оправдаться
Нет средства.

Б а р о н е с с а
Средство есть.

К н я з ь
Солгать? не это ли? другое мне найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Б а р о н е с с а
Минуту!.. не ходите,
И слушайте меня. (*Берет его за руку.*)
Вы все обмануты!.. та маска

(*облокачивается, почти упадая*)

это я!

К н я з ь
Как? вы?.. о Провиденье! (*Молчание.*)
Но Шприх!.. он говорил... какой содом!

Б а р о н е с с а (*опомнясь и отходя*)
Минутное то было заблужденье,
Безумство странное — теперь я каюсь в нем.

Оно прошло. Забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет — он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой,
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет Бог судьей.
Вас он простит... меня ж простить уж в вашей воле.
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(*Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.*)

Не следуйте за мной.

(*Уходит.*)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь один

К н я з ь (*после долгого размышления*)
Я, право, думать что, не знаю,
И только мог понять из этого всего,
Что случай счастливый под носом пропускаю,
Не сделав ничего.

(*Подходит к столу.*)

Ну вот еще... записка... от кого?
Арбенин! Прочитаю!..

«Любезный князь! приезжай сегодня к N. вечером: там будет вся наша компания, и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы спал целый вечер. Прощай, жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Перед тем, чтоб вызвать на дуэль.

СЦЕНА 3

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
(*Комната игроков.*) (*Казарин и прочие.*)
(*Стол один. Собираются ужинать.*)

К а з а р и н
Ну, господа, надежда есть!
Арбенин, верно, нынче будет,
А стоит лишь ему присесть,
Так встать сам черт уж не принудит.
Да, я почуял издали,
Что скоро нам он будет нужен.
Союз наш стал не слишком дружен,
И годы тяжкие пришли.
Когда всё общество готово
Вдруг разорваться навсегда,
Нужней нам боле, чем когда,
Товарищ умный, господа,
С огнем в груди и силой слова,
Не дурно, если он к тому ж
Любитель смелых предприятий,
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Дарами этими вполне
Снабдил Арбенина Создатель,
Он будет верен старине;
И сверх того, он мой приятель.

В с е
О, если так, то ради мы душой.

К а з а р и н
О, вы увидите, как всё пойдет исправно!
(*В сторону*) Глядишь, а там другой, еще другой
Появится, ушедший на покой.
И заживу, как прежде, славно.
А мне же эта молодежь
Ну просто нож!
Толкуй им как угодно,

Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!

(*Является еще несколько игроков.*)

Взгляните-ка, — из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
И всё ведь от<ч>его, — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ВТОРОЙ
Арбенин и прежние
(*Арбенин входит.*)

< К а з а р и н >
Арбенин, милый друг, какой судьбой!..
(*Все обращаются.*)

А р б е н и н
Соскучился... пришел рассеяться немного,
Хочу отстать от жизни строгой
И вспомнить ночи жизни холостой!

К а з а р и н
Похвально... ты по всем приметам гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш...

А р б е н и н
                    Я ваш! былого нет и тени!..
Мечту я вдребезги разбил
И снова жить хочу, как жил.
(*Все подходят и жмут руки.*)

М н о г и е
Ах, как мы ради — вас недоставало
Одних…

А р б е н и н
Вы ради? я — нимало.
Но так велит судьба — и это не упрек.
Я сам таков же; был всегда игрок
И буду им опять… но я прошу вниманья,
Условия мои понравятся ли вам,
Исполните одно мое желанье,
А я взамен вам всё отдам,
Что выиграю в месяц… (*Смеется.*)

К а з а р и н
Что ж такое?

А р б е н и н
Забава — так! — пустое!
Князь Звездич вам знаком?..

Д р у г о й
Конечно… я с ним дружен.

А р б е н и н
Он будет нынче — прежде надо ужин,
Вино, веселость — а потом…

Т р е т и й
Потом…

А р б е н и н
Он проиграет.

Т р е т и й
Много?

А р б е н и н
Всё на свете.
Всё… всё…

И г р о к

Но кто ж в ответе
За следствия?

А р б е н и н

Я отвечаю, я,
И в награждение вам за то вся жизнь моя;
Мое искусство… всё… о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью…
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей поставил бы свою.

М н о г и е (*смеясь*)
О, мы его зарежем без условий,
Пожалуй.

А р б е н и н

Ваши руки, господа…
Не бойтеся — на картах нет следа
Ни слез, ни крови.
(*Звонок*.)

К а з а р и н
Вот, кажется, и князь! сомненья нет!..

А р б е н и н
Надеюсь на вас…

И г р о к

О, будьте без сомненья.

К а з а р и н
Тебе уйти б не худо в кабинет.

А р б е н и н
Ты прав, он догадаться может…
(*Уходит в дверь*.) (*Князь входит*.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Князь Звездич и прежние, кроме Арбенина

Князь

Извиненья
Прошу, что опоздал.

Хозяин

Князь, без чинов у нас!
Мы рады вам во всякий час!
А вот вы прямо к ужину поспели,
И как старинный аматер,
Я вас попотчую, есть у меня Lausseur
И славный Шамбертень. (*Садятся.*)

Князь

Второе ближе к цели.

Казарин

Вино несчастных друг — а вы счастливец, князь.

Князь

Напротив, эти дни мне всё не удавалось.

Казарин

Пожалуй, захотите не трудясь…
Вам, верно, не случалось
С самим собой пускаться на пари,
Чтоб наверняк узнать вражду или пристрастье
Судьбы и счастья.
Присядьте поиграть прилежно ночи три,
Смотрите только уж не доле;
По кушам маленьким сначала, а когда
Пойдет… так и смелей, — но чтоб всегда
Остановиться было в вашей воле.
(*Подливают.*)

Князь

Я с некоторых пор поклялся не играть!..

К а з а р и н
(*в сторону*) Хороший знак.

И г р о к
Мне вас легко понять!
Я нрава сам такого.
Однажды как-то банк всё у меня унес,
Я банки не метать тогда ж себе дал слово —
И вот уж десять лет играю только в штосс!..
(*Хохочут.*) (*Приготовляют в стороне стол, некоторые встают из-за стола и мешают карты, и начинают играть.*)

К н я з ь (*в сторону*)
Однако, кажется, я быть могу спокоен,
Арбенин не пришел, не храбрый, видно, воин!..
(*Наливает себе.*) Но, впрочем, лучше и ловчей
С его женой мне объясниться,
Отдать браслет на бале завтра ей
И тем от зла спокойно удалиться.

К а з а р и н (*игр<ает>*)
На ваше счастье, князь, поставить карту нам
Позвольте...

К н я з ь
(*допивая*) Очень рад.

К а з а р и н
Взяла опять... вот диво...
Ну, счастье к вам несправедливо!..

К н я з ь
Да, счастие подобно всем рабам,
Услужливо к чужим лишь господам,
И если б голова моя не так кружилась,
То... (*садится и ставит*).

Казарин
(*отходя*) Сел — ну, с плеч гора свалилась!
Арбенин угостил нас славно в день вступленья.

Игрок
Но он расстроен был, пришел сюда в волненье.

Казарин
Конечно с радости, что бросил модный свет
И снова поступил в ученый Комитет!

Князь
Ага, ну что?

Игрок (*в притворной досаде*)
Беда!

Князь
Ведь прав Казарин,
Иль гость незваный хуже, чем татарин?
Но, впрочем, господа, меня Арбенин звал.
Арбенин! — друг мой и приятель,
Я всюду с ним — на бал
И в маскерад... я страстный обожатель
Всех черных домино.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
*Прежние и Арбени*н
(*В это время Арбенин отворил половину двери и смотрит на него*.) (*И остается так*.)

1<-й> игрок
Вы бьете наповал,
Нельзя играть...

2<-й> игрок
Что ж дальше?

Князь
О! конечно,
Я нынче счастлив... счастие не вечно!..

А р б е н и н
(*сквозь зубы*) Да, счастлив потому, что в пору замолчал!

К н я з ь (*играет*)
(*Играют. Казарин подошел, посмотрел и воротился к Арбенину*.)

К а з а р и н
Мой милый, поздравляю,
Теперь уж он не вырвется от нас.

И г р о к
Что ж, вы играете?

К н я з ь
Играю...
Рискую, мешкать скучно.

И г р о к
В добрый час.
Вы проиграли.

К н я з ь
Что ж, я не печалюсь.
Сегодня счастье пощадило вас,
А завтра надо мной на первый раз
Уж верно сжалится.

А р б е н и н
Да я не сжалюсь.
Отныне ты пойдешь моим путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
Былое счастье будет в тягость
Твоей душе... И мыслить об одном
Ты будешь день и ночь: и постепенно чувства
Любви, высокого погаснут и умрут,
И совесть замолчит при голосе искусства,
И жизнь твоя пройдет вся тут,
За карточным столом, без мысли, одноцветна,
Как ассигнация, — и если неприметно
Надежды прежние в тебе и оживут, —

То успокойся, друг, — я буду тут...
Теперь мы квиты.
(*Князь рассчитывался и облокотился на стул.*)
(*Арбенин сзади подходит.*)

Князь

(*Игроку*) Как? я откажусь! пустое!
Я тверд и уж свое возьму назад.

Арбенин (*на ухо ему громко*)
Князь, я советую вам съездить в маскерад
Рассеяться...
(*Уходит быстро, игроки смеются.*)

ВЫХОД ПЯТЫЙ
Прежние, кроме Арбенина

Князь

А! (*вскакивает*) что такое?
Кто говорил? Кто говорил?

1<-й> игрок

Не я!

2<-й> игрок
Не я!

Князь
Да что такое? шутка?

(*Многие смеются сзади.*)

Арбенин здесь иль я лишен рассудка.

Казарин
Арбенин? Что вы?

Князь

Он мне говорил,
Я слышал.

Казарин

Полноте тревожиться мечтою.

Князь (*почти про себя*)

Нет, слишком я испуган был,
И этот голос мне не даст покою.

Казарин

Эх, полно, князь, — садитесь-ка сюда,
И разом думы все сбегут с вас, как вода!..
(*Князь, махнув рукой, садится.*)

<IV-й> АКТ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка, Нина, Арбенин. Князь Звездич. Гости
(*Бал. Сидят — рояль налево.*)

Хозяйка

Я баронессу жду… не знаю,
Приедет ли. Мне, право, было б жаль
За вас, мосье Петров.

Петров

Я вас не понимаю…
(*Принуж<денно> улыб<ается>.*)

1-й гость (*чиновник*)

Вы ждете баронессу Траль?..
Так вы не знаете? какими же судьбами?
Она уехала.

Многие

Неужели! — как жаль!
Вы, верно, шутите над нами?

2-й

Давно ли? как?

Т р е т и й

Когда?

Х о з я й к а

Вы сами видели?

1<-й> г о с т ь

Увы, к несчастью, да.
Сегодня поутру в двенадцатом в начале,
Нет, в первом, я заехал к ней;
Вхожу. Столы, диваны в зале,
Комоды, сундуки. В передней нет людей,
Ни тени жизни светской!
Смущен иду назад. Навстречу мне дворецкой
В тулупе, в теплых сапогах.
Лицо в аршин, печаль в глазах.
Что это значит, братец? — Мы-с съезжаем.
— На дачу? — Нет-с— Куда ж?
— То знает барыня — мы-с ничего не знаем;
В раздумье выхожу. Дорожный экипаж
Уж подвезен к крыльцу шестеркою разгонной,
Вздохнув, я пожелал счастливых много лет
Прекрасной страннице и к графу на обед
Помчался по Мильонной!..

Х о з я й к а

Загадка несколько темна!
В деревню ль, в монастырь сокроется она?

2<-й> г о с т ь

Она жила довольно пышно
И многим здесь была должна.

3<-й> г о с т ь

Нет, я не думаю, ведь это было б слышно.

Н и н а

Но, может быть, любовь, измены весть,
Отчаянье.

П о ж и л о й   ч е л о в е к

Отчаянье? да, есть
И это слово в дамском лексиконе,
Благодаря романам и Творцу
Оно довольно звучно даже в тоне
И многим женщинам к лицу:
Ведь носят же супиры, сувениры
И репантиры?
Дивлюся, как давно не превратят
Отчаянье в какой-нибудь наряд.
Но успокойтеся, в числе других товаров
На днях Париж сюда пришлет
Несметное число премилых дезесепоаров.

Н и н а   (*улыбаясь*)
Вы вечно против женщин или мод.
(*Гость садится за фортепьяно и играет вальс*.)

Х о з я й к а
Прошу вас, начинайте.

О д и н   г о с т ь
Мы дамам не дадим присесть,
Но вы собой пример подайте. (*Идет с ней*).

Н и н а   (*одной даме*)
Вальс — божество мое.

К н я з ь   (*ей*)

Угодно сделать честь?

(*Делает с ней тур и останавлив<ается> в стороне*.)

(*В сторону*) Не будет случая другого,
Теперь от всех мы с ней удалены.
(*Ей*) Я должен вам сказать два слова,
И вы их выслушать должны.

Н и н а
Должна?

К н я з ь

Должны для вашего же счастья.

Н и н а

Какое странное участье!

К н я з ь

Я вас молю!

Н и н а

И просьба как приказ.
Вы нынче дерзки, как в тот раз.

К н я з ь

Тогда я мог таким казаться,
Но нынче должен оправдаться!

Н и н а

Такой же дерзостью, от лишнего труда
Я, князь, охотно вас избавлю.

К н я з ь

Но вы не знаете! — но вам грозит беда.
Я сделал глупость и ее поправлю,
Я не шучу… Послушайте — назад
Тому дней шесть я ездил в маскерад.
Там в знак любви браслет мне дали.
Конечно, где-нибудь его вы потеряли,
Но я вообразил, что это были вы.
Обманутый безумным подозреньем,
Я вас преследовал и принят был с презреньем,
И вздумал отомстить орудием молвы!..
Теперь я всё узнал — теперь я перед вами,
Готовый казнь принять, — и посудите сами,
Как мог я вдруг расстаться сам собой
С моей божественной мечтой?

Н и н а

Я всё простила б вам, когда бы вы молчали.

К н я з ь
Я знаю сам, мне извиненья нет,

(*она хочет идти*)

Еще минута, вот браслет.
О, если б вы его судьбы вовек не знали,

(*она берет*)

О, если б прошлое я уничтожить мог!
Ваш муж.

Н и н а (*вздраг<ивает>*)
Мой муж.

К н я з ь
Ему всё рассказали.

Н и н а (*гордо*)
Мой муж не знает ничего.

К н я з ь
Дай Бог.

(*Она уходит.*)

(*Один*) Холодный едкий взгляд — то был упрек в боязни.

А р б е н и н
(*в сторону*) Дай Бог, чтоб ничего вовеки он не знал!

К н я з ь
Но я достоин этой казни.

А р б е н и н
Всё кончено — я слишком много ждал.

Х о з я й к а (*иным*)
Как много съехалось — здесь, право, будет тесно.
Прошу вас в залу, господа,
Mesdames, пожалуйте туда.

ВЫХОД ВТОРОЙ
(*Все уходят.*)

А р б е н и н (*один*)
(*про себя*) Я сомневался? я? — а это всем известно!
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня… Я жалок им, смешон!..
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?
Две женщины ее убили!
Одна из них… О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут…
Нет, людям я ее не уступлю…
И нас судить они не станут…
Я сам свершу свой страшный суд…
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут! (*на грудь.*)
Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу… жить розно? (*Как бы испугавшись себя*) Решено.
Она умрет. Я прежней твердой воле
Не изменю! ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем и любить
Другого… это ясно! как же можно жить
Ей после этого!.. Ты, Бог незримый,
Но Бог всевидящий… возьми ее, возьми.
Как свой залог тебе ее вручаю.
Прости ее, благослови,
Но я не Бог и не прощаю!

(*Слышны звуки музыки.*)
(*Ходит по комнате, вдруг останавливается.*)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата.
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл, —

Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал!
Я был в отчаянье — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик.
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком... риск, право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался,
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.
(*Уходит быстро.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ
Хозяйка, Нина и несколько дам и кавалеров
(*Во время последних строк входит хозяйка и несколько гостей.*)

Хозяйка
Не худо бы немного отдохнуть.

Дама (*другой*)
Так жарко здесь, что я растаю.

Петров
Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина
Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

Дама
Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка
Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Н и н а (*садясь за пиано*)
Но слушать со вниманьем — мой приказ, —
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(*Поет*)

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно
И целый ад в груди моей».

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Прежние, Арбенин
(*В конце 3<-го> куплета муж входит и облокач<ивается> на фортепьяно.*)
(*Она, увидев, останавливается.*)

А р б е н и н
Что ж, продолжайте.

Н и н а
                                        Я конец совсем
Забыла.

А р б е н и н

Если вам угодно,
То я напомню.

Н и н а (*в смущении*)

Нет, зачем.
(*В сторону, хозяйке*) Мне нездоровится.

П е т р о в

(*другому*) Во всякой песне модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

Г о с т ь 1

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

Г о с т ь 2

Вы правы, как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.
(*Подают мороженое.*)
(*Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем.*)

Н и н а

(*хозяйке*) Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!
(*Мужу*) Мой ангел, принеси мороженого мне.
(*Арбенин вздраг<ивает> и идет за мороженым. Возвращается и всыпает яд.*)

А р б е н и н (*в сторону*)

Смерть, помоги!

Н и н а (*ему*)

Мне что-то грустно, скучно.
Конечно, ждет меня беда.

А р б е н и н (*в сторону*)
Предчувствиям я верю иногда.
(*Подавая*) Возьми, от скуки вот лекарство.

Н и н а
Да, это прохладит. (*Ест.*)

А р б е н и н
О, как не прохладить.

Н и н а
Послушай, надо мне с тобой поговорить.

А р б е н и н
Успеем и потом.

Н и н а
Обманы, ложь, коварство,
Вот всё, на чем вертится свет.
Ужасно.

А р б е н и н
Да, ужасно!

Н и н а
Душ непорочных нету.

А р б е н и н
Нет!
Я думал, что нашел одну, — и то напрасно.

Н и н а
Что говоришь ты?

А р б е н и н
Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал.
Тебя.

Н и н а

Ты бледен.

А р б < е н и н >

Много танцевал.

Н и н а

Опомнись, mon ami, ты с места не вставал.

А р б < е н и н >

Так, верно, потому, что мало танцевал!

Н и н а (*отдает пустое блюдечко*)

Возьми, поставь на стол.

А р б е н и н

(*берет*) Всё, всё!

Ни капли не оставить мне! жестоко!

(*В размышлении*)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.
(*Бросает блюдечко об землю и разбивает.*)

Н и н а

Как ты неловок.

А р б е н и н

Ничего, я болен.
Поедем поскорей домой.

Н и н а

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! Ты мною недоволен?

А р б е н и н

Кто? я? нет, нынче я доволен был тобой.
(*Уходят.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ
Спальня Арбенина
(*Входит Нина, за ней служанка*.)

С л у ж а н к а
Сударыня, вы что-то бледны стали.

Н и н а (*снимая серьги*)
Я нездорова.

С л у ж а н к а
Вы устали.

Н и н а
(*в сторону*) Мой муж меня пугает, — отчего
Не знаю! — он молчит, и странен взгляд его.
(*Служанке*) Мне что-то душно — верно, от корсета.
Скажи, к лицу была сегодня я одета?
(*Идет к зеркалу*.) Ты права, я бледна, как смерть бледна,
Но в Петербурге кто не бледен, право!
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!

(*Снимает пукли и заверт<ывает> косу*.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(*Садится в кресла*.)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося — не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость. Саша, дай мне книжку!
Как этот князь мне надоел опять.
Я проучу надменного мальчишку!..
И что он думает?

С л у ж а н к а
Прикажете убрать? (*показывая на наряды.*)

Н и н а
Оставь. (*Погружается в задумчивость.*)
(*Арбенин показывается в дверях*.)

С л у ж а н к а
Прикажете идти?

А р б е н и н (*служанке глухо*)
Ступай.

(*Служанка не уходит*.)

Иди же.
(*Уходит, он запирает дверь*.)

ВЫХОД ВТОРОЙ
Арбенин и Нина

А р б е н и н
Она тебе уж больше не нужна.

Н и н а
Ты здесь?

А р б < е н и н >
Я здесь!

Н и н а
Я, кажется, больна!
И голова в огне, — поди сюда поближе.
Дай руку... чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда;
Не правда ли?

А р б е н и н (*в рассеянности*)
Мороженое? да!

Н и н а
Мой милый, я с тобой поговорить хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор,
И всё за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

А р б <е н и н> (*в сторону*)
Не мудрено, теперь без них уж можно!

Н и н а
Что значит поступить хоть раз неосторожно.

А р б <е н и н>
Неосторожно! о!

Н и н а
И в этом вся беда.

А р б <е н и н>
Обдумать всё заране надо было.

Н и н а
О, если бы я нрав заране знала твой,
То верно не была б твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой,
Как это весело и мило!

А р б <е н и н>
И то: к чему тебе моя любовь!

Н и н а
Какая тут любовь? на что мне жизнь такая!

А р б е н и н (*садится возле нее*)
Ты права! что такое жизнь? — жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,

И всё вокруг темней! темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое — рожденье, где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайной ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Н и н а (*показывая на грудь*)
Здесь что-то жжет.

А р б е н и н (*продолжая*)
Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль! Жизнь, как бал:
Кружиться весело, — кругом всё светло, ясно.
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял...
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертию легка еще борьба;
Но это счастие не всем дает судьба.

Н и н а
О нет, я жить хочу.

А р б е н и н
К чему?

Н и н а
Евгений,
Я мучусь, я больна.

А р б < е н и н >
А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих.

Н и н а
Пошли за доктором.

А р б < е н и н >
Жизнь — вечность! — смерть — лишь миг.

Н и н а
Но я — я жить хочу.

А р б < е н и н >
И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Н и н а
(*в отчаянии*) Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

А р б < е н и н >
(*встает, холодно*) Не пошлю.

Н и н а (*после молчания*)
Конечно шутишь ты — но так шутить безбожно,
Я умереть могу — пошли скорей.

А р б < е н и н >
Что ж, разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Н и н а
Но ты злодей,
Ты изверг... это слишком... ты погубишь
Меня... Евгений. Я жена
Твоя.

А р б < е н и н >
Да! знаю, знаю!

Н и н а
О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

А р б е н и н
Так скоро? Нет, еще (*смотрит на часы*) осталось полчаса.

Н и н а
О, ты меня не любишь.

А р б е н и н
А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила... о нет, я рад, я рад
Твоим страданьям... Боже, Боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей.
И что ж нашел? Коварство и измену.
Возможно ли? меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить, — мне? и так скоро!..

Н и н а
Но ты не выслушал... Я нынче лишь сама
Узнала всё.

А р б < е н и н >
Прочь, прочь! о, я сойду с ума,
Не верю — прочь! Когда же перестанут
Меня терзать.

Н и н а
Всё это клевета молвы,
Ошибка, оба были вы
Обмануты.

А р б е н и н
Так, так, я был обманут.
Довольно... я ошибся! возмечтал,
Что я могу быть счастлив... Думал снова

Любить и веровать… Но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде,
Ты не хотела — ты!
Плачь!.. Плачь. Но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!..
Я ж плакал — я, мужчина!..
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках — и ад в его груди!

Н и н а
(*в слезах упада<ет> на колени и поднимает руки к небу*)
Творец небесный, пощади!
Не слышит он — но Ты всё слышишь — Ты всё знаешь.
Невинность пред Тобой, не очерняй врага,
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!

А р б < е н и н >
Остановись — хоть перед Ним не лги!

Н и н а
Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он твой судья, защитник будет мой.

А р б е н и н
(*который во время этого ходил по комнате, сложив руки*)
Теперь молиться время, Нина,
Ты умереть должна чрез несколько минут,
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только Божий суд.

Н и н а
Как, умереть — теперь, сейчас — нет, быть не может!

А р б е н и н
Я знал заранее, что это вас встревожит.

Н и н а
Смерть, смерть! он прав. В груди огонь — весь ад.

А р б е н и н
Да, я тебе на бале подал яд. (*Молчание.*)

Н и н а
Не верю, невозможно — нет, ты надо мною

(*бросается к нему*)

Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою
Меня ты не погубишь в цвете дней.
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх.
Взгляни сюда...

(*Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.*)

О! смерть в твоих глазах.
(*Упадает на стул и закр<ывает> глаза.*)
(*Он подходит и целует ее.*)

А р б е н и н
Да, ты умрешь, и я останусь тут
Один, один, один... Года пройдут,
Умру — и буду всё один! Ужасно!
Но ты не бойся! мир прекрасный
Тебе откроется — и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют. (*Плачет.*)
Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвенью,

Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она — смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой.

Н и н а (*вырывается и вскакивает*)
Сюда… сюда… на помощь! умираю.
Яд, яд — не слышат — понимаю,
Ты осторожен… никого! — нейдут.
Но помни! есть Небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.
(*Не добежав до двери, упадает без чувств*.)

А р б е н и н (*горько смеясь*)
Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят Богом. (*Подходит.*) Бедное созданье!
Ей не по силам наказанье…

(*Стоит сложа руки*.)

Бледна (*содрогается*), но все черты спокойны. Не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений.
Ужель?

Н и н а
(*слабо*) Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна… ты злодей…

А р б е н и н
Ложь!
Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость — говори скорей:
Я был обманут… так шутить не может
Сам ад любовию моей.
Молчишь? а, месть тебя достойна…
Но я не верю… будь спокойна!

Н и н а
Теперь мне всё равно… я всё ж
Невинна.

А р б <е н и н>

Ложь! Ложь! Ложь!

(*С хитрой лаской*)

Послушай, средство есть тебя спасти...

Н и н а

Скорей,

Скорей — на всё готова.

А р б <е н и н>

Скажи, что ты виновна. Лишь два слова...

Есть время.

Н и н а

Жизнь! Спасение.

А р б е н и н

Страшна

Открытая могила.

Н и н а (*умирающим голосом*)

Всё правда, я преступна, изменила.

А р б е н и н (*грозно*)

Прощай, мой друг, — ты умереть должна.

Н и н а

Ах! обманул... (*<Арбенин> садится в креслы.*)

(*Молчание. Слышен тяжелый стон Нины. Арб<енин> встает и подходит — вздрагивает.*)

А р б <е н и н>

Теперь пора!

(*Бросается в дверь.*)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Прежние и несколько служанок и слуг

< А р б е н и н >

Сюда…
Сюда… ей дурно… умирает…
Что ж — не проснетесь никогда…
За доктором, за доктором.

Г о л о с а

(*Люди прибегают.*)

Беда.
Что с барыней?

А р б < е н и н >

Иль здесь никто из вас не знает
Меня!.. Вы видите, она
Без чувств и как мертвец бледна.

(*Суета — он стоит в дверях, сложа руки, не решается подойти.*)

1 < - я > с л у ж а н к а

За доктором скорей.

2 < - я >

Да где найдешь?

3 < - я >

Над нами
Живет какой-то, побегу за ним.

4 < - я > (*возле Нины*)

Подайте капель.

5 < - я >

С ней удар.

4 < - я >

Спиртами
Ей потереть виски… где барин?

3 < - я >

С ним

Теперь не говори.

4 < - я >

Голубушка! чуть дышит.

И губы синие... сударыня.

2 < - я >

Не слышит.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и доктор

(*Входит доктор.*)

Д о к т о р

Давно ли госпожа Арбенина больна?

С л у ж а н к а

Сейчас схватило.

Д о к т о р

Как, во время сна!

С л у ж а н к а

Нет-с, только что вернулись с бала.

(*Подходит муж.*)

Д о к т о р

А!..

С л у ж а н к а

Верно, простудилась.

Д о к т о р

А!

Она, конечно, много танцевала.

А р б е н и н (*взяв его за руку*)

И тотчас, не простыв, как помню, три куска

Мороженого.

Доктор

А! и воспаленье…
Такой болезни два скачка.

Арб<енин> (*мрачно и с горькой улыбкой*)
Вы поняли болезнь, я жду от вас спасенья.

Доктор (*пощупав пульс*)
Готов употребить я всё свое уменье,
Но…

Арб<енин>

Но…

Докт<ор>

Власть Бога велика.
Она скончалась.

Арб<енин>
(*как будто отдохнув*) О!

Доктор

Я вижу, вас тревожит
Ужасно эта горестная весть,
Но успокойтеся, быть может,
Я поспешил, и средство есть!
Рецептик написать, послать в аптеку
В одну минуту я б успел.

Арб<енин>
Вы думаете? нет, не сделать человеку
Того, что сделать Бог не захотел.

Доктор
Итак, я больше здесь не нужен… вам осталось
Беречь себя. (*Уходит*).

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Арбенин один

А р б < е н и н >

Ого! я невредим...
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась.
А я всё жив! Я счастия искал,
И в виде ангела мне Бог его послал.
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество...
И вот оно, прекрасное созданье,
Смотрите... холодно... мертво!..
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё — и через час.

КОНЕЦ

487b. АРБЕНИН

Драма в 5-ти действиях, в стихах

Действующие лица

Евгений Александрович Арбенин.
Нина, жена его.
Оленька, компаньонка.
Афанасий Павлович Казарин.
Князь Звездич.
Адам Петрович Шприх.
Игроки.
Гости.
Служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх
(*За столом мечут банк и понтируют... кругом стоят*.)

1<-й> понтер
Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет
Извольте.

1<-й> понтер
Сто рублей.

Банкомет
Идет.

2<-й> понтер
Ну, добрый путь.

3<-й> понтер
Вам надо счастие поправить...
И не мешало бы загнуть.

2<-й> понтер
На все?.. Нет, жжется!

4<-й> понтер
Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3<-й> понтер (*тихо первому*)
Смотри во все глаза.

Князь Звездич
Ва-банк.

2<-й> понтер
Эй, князь.
Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь
На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет
Убита.

Князь
Черт возьми.

Банкомет
Позвольте получить…

2<-й> понтер (*насмешливо*)
Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь
Я с честью их достал, — и вам их не купить.

ЯВЛЕНИЕ 2
(*Те же и Арбенин.*)
(*Арбенин входит, кланяется, подходит к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.*)

А р б е н и н
Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

К а з а р и н
Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат, — стал барин,
И позабыл товарищей своих!

А р б е н и н
Да, я давно уж не был с вами.

К а з а р и н
Делами занят всё?

А р б е н и н
Любовью... не делами.

К а з а р и н
С женой, по балам.

А р б е н и н
Нет.

К а з а р и н
Играешь?

А р б е н и н
Нет... Утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

К а з а р и н
Шприх!
Адам Петрович!.. я вас познакомлю разом.

(*Шприх подходит и кланяется.*)

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх
Я вас знаю.

Арбенин
Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх
По рассказам.
И столько я о вас слыхал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин
Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

(*Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.*)

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек, — а с чертом не похож.

Казарин
Эх, братец мой, что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз — с безбожником безбожник,

С святошей — иезуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек,
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин
Портрет хорош, — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот, высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях,
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин
Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.

Арбенин
А этот маленький каков?
С крестом, растрепанный...

Казарин
Трущов?
О, малый необыкновенный!
Не знаю, в штатской иль военной,
Но в Грузии когда-то он служил,
Иль послан был туда с каким-то генералом,
Кого-то там из-за угла хватил;
Пять лет за то был под началом
И крест на шею получил.

Игроки (*кричат Казарину*)
Пожалуйте сюда.

Казарин
Иду.

1<-й> понтер
Скорей.

К а з а р и н

Какая там беда?
(*Живой разговор между игроками, потом успокаиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.*)

А р б е н и н
Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

К н я з ь (*недовольно*)
Я то же самое хотел спросить у вас.

А р б е н и н
Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь!

К н я з ь (*с чувством берет его за руку*)
Я проигрался.

А р б е н и н

Что ж? топиться!..

К н я з ь
О! я в отчаянье.

А р б е н и н

Два средства только есть,
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтоб у них выигрывать решиться,

Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»
(*Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.*)

К н я з ь
Не знаю, как мне быть, что делать?

А р б е н и н
Что хотите.

К н я з ь
Быть может, счастие...

А р б е н и н
О, счастия здесь нет!

К н я з ь
Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

А р б е н и н
Советов не даю.

К н я з ь
Ну, сяду...

А р б е н и н (*вдруг берет его за руку*)
Погодите,
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был

Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б... (*останав<ливается>*) кто-нибудь
меня остановил,
То... (*Смотрит на него пристально.*)
(*Переменив тон*) Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!

(*Подходит к столу, ему дают место.*)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба.

Казарин
Не вытерпел... зажглося ретивое.
(*Тихо*) Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки
Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1<-й> понтер (*на ухо второму*)
Берегись, имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька-Каин,
И притузит он моего туза.
(*Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола.*)
(*Шприх отводит на авансцену Казарина.*)

Шприх (*лукаво*)
Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин
Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был, а теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, — а, право, тот же зверь.
Мне скажут, можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг, (*ударив по плечу*) хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

(*Подходят игроки*.)

Что, господа, иль не под силу? а?..

1<-й> игрок
Арбенин ваш мастак.

Казарин
И, что вы, господа!
(*Волнение у стола между игроками*.)

1<-й> понтер
Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4<-й> понтер (*в сторону*)
Обрежется.

5<-й> понтер

Посмотрим.

Арбенин (*встает*)

Баста!

(*Берет золото и отходит, другие остаются у стола. Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руки князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.*)

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.
(*Горько*) А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли —
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

А р б е н и н
По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, что был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.
(*Арбенин уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ 3
(*Те же, кроме Арбенина*.)

К н я з ь
Мне кажется, он говорил с презреньем.
Досадно! — деньги я не должен был принять.

К а з а р <и н>
Задумались, — об чем, нельзя ль узнать.

К н я з ь
Смущен я странным приключеньем.
Великодушием...

К а з а р <и н>
                    Арбенин не таков —
Он никого без видов не обяжет!
Зато вы можете сегодня ж без чинов
В пух обыграть его — он ничего не скажет.

К н я з ь
Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто по сердцу для нас совсем чужой.

К а з а р <и н>
Особенно когда он знатный
И требует покорности немой!
Или когда хотим мы волочиться
За дочерью его иль за его женой.
Всё это может же случиться?
Жена Арбенина собою недурна

И, кажется, в него не очень влюблена,
И я заметил вот недавно,
Как у Печориных движеньем томных глаз
Она кругом искала вас... да, вас,
Э! князь! да вы себя ведете славно,
По нашим вы ступаете следам!
Мое благословенье вам!
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряют
Себя для службы и наград,
О добродетели кричат
И возле женщины порядочной зевают!
Жить не умеют, мой отец,
Стыдятся неудач, боятся приключений;
И чем кончают наконец...
Лет в 25 все женятся — от лени!

Князь
Да кто же вам сказал? Как догадаться вам?

Казар<ин>
Когда Арбенин был в деревне,
Вы ездили к Настасье Алексевне
По вечерам и по утрам.

Князь
Вот мило! — что же тут дурного.

Казар<ин>
Напротив...

Князь
                    Я боюсь молвы,
И потому надеюся, что вы
Об этом никому ни слова...

Казар<ин>
Мне изменить вам! Вас предать?

Князь
Но вы Арбенину приятель.

Казар<ин>
Ха! ха! ха! ха! о мой Создатель!
Да, он мой друг — вам не угодно ль знать
Начало дружбы нашей, — я был молод,
Двенадцать лет тому назад,
Неопытен, и пылок, и богат,
Но он — в его груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым он гордится всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам, — я разбирать не буду.
Раз он меня завел под вечерок
К себе — я верил счастью! кошелек
Мой полон был... я сел играть (признаться,
Страстишка эта уж владела мной)
И проиграл. Отец мой был скупой
И строгий человек: я вздумал отыграться!
Но он меня в когтях своих держал,
И я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью: тут были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... они в нем возбудили
Один холодный смех — о! лучше бы пронзить
Меня кинжалом!
И с того мгновенья
Покинул я забавы юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир безобразных, странных ощущений,
Мир обществом отвергнутых людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений!
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им, — года прошли,
Всё снова унеслось — богатство и здоровье;
Навек передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь,
Умеренный игрок и наблюдатель строгий,
Не действую нигде, зато уж вижу много.

Князь
Послушать вас: Арбенин ваш злодей.

Казар<ин>
Однако ж явно мы поныне
Не ссорились, хотя в душе, ей-ей,
Я не терплю его.

Князь (*про себя*)
Поеду завтра к Нине!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Бал у Арбенина. (*Музыка в другой комнате*)

ЯВЛЕНИЕ 1

1-й гость
Угодно ли?

Нина
Я эту не танцую,
А вас сейчас рекомендую
Премилой даме.

1-й гость
Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина
Вы истинный герой!

Князь
Охота вам так много суетиться!

Нина
Всем надо угодить.

Князь
Нельзя ли, хоть на смех,
Меня в число поставить всех?..

Н и н а
Неблагодарный! есть за что сердиться.
Подумайте, мы не одне...

К н я з ь
Для света всё — а мне
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нежного промолвить...

Н и н а
Погодите.
(*Уходят.*)

А р б е н и н (*Оленьке*)
Где Нина? — отчего ты не танцуешь?

О л е н ь к а
С кем?..

А р б е н и н
А! не охотница до пляски!..
Послушай, Оленька, когда приедут маски,
Вели отказывать не всем.

(*Оленька уходит.*)
(*Гостю*)

Вот истинная компаньонка!..
Как не скучает с ней жена!
Всегда молчит: бледна, грустна,
Зато послушнее ребенка!

Г о с т ь
Давно ль у вас она живет?

А р б е н и н
Уж скоро третий год;
Я взял ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сиротка с ранних дней.

Гость
Да, если так, а то я б подивился.
(*Арбенин, пожав плечами, уходит.*)
(*Гость выходит из залы к даме.*)

Дама
Вы с некоторых пор на мир, как на Содом,
Глядите, строгим мудрецом!..

2-й гость
Премудрость нынешнего света
Не смотрит за предел балета!
Балет на сцене — в обществе балет;
Страдают ноги и паркет,
Куда как весело, ей-Богу.
Захочется ль у нас кому
В beau monde открыть себе дорогу,
Работы нет его уму,
Умей он поднимать лишь ногу
И всё, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду там... есть из чего стараться.
Тоска!

Дама
Зачем же вы сюда
Приехали?

2-й гость
Куда же мне деваться?

Дама
Вам не понравится, боюся, мой совет.

2-й гость
Здесь от передней до гостиной
Всё так высоко, холодно и чинно,
Так приторно и так невинно,
Что мочи нет!

Д а м а
Тем лучше.

3 - й г о с т ь
Об заклад побиться не хотите ль,
Что он московский житель?
Но, впрочем, не дивлюсь, что здесь скучает он;
Блестящий бал, да что за тон,
La société est si mêlée
De ces figures qu’on voit passer
Au boulevard, à l’assemblée. (*Музыка.*)
Madame, voudrez-vous bien valser?
(*Все уходя*т.)

ЯВЛЕНИЕ 2

О л е н ь к а (*одна*)
Им весело, для них судьбою
Жизнь так роскошно убрана,
А я одна, всегда одна…
Всем быть обязанной, всем жертвовать собою
И никого не сметь любить,
О! разве это значит жить?..
Счастливые царицы моды!
Им не изменит свет, их не изменят годы…
За что же? красота моя
Их красоте поддельной не уступит,
Жемчуг, алмазы, кисея
Морщин и глупости собою не искупят!
Но счастье их! восторга своего
Несут им дань мужчины ежечасно;
Я лучше, я умней — напрасно!
Никто не видит ничего.

(*Сзади проходит несколько гостей и между ними маска.*)

И он, он так же, как другие,
Бежит за ветреной толпой
И мимоходом лишь порой
Мне кинет взгляд, — мечты пустые…

И как его винить? — и как ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За миг один, за слово?..
Всё ждать да ждать, о Боже!.. это он,
Расстроен, кажется, смущен...

ЯВЛЕНИЕ 3

Князь (*быстро подход<я>*)
Ах! извините! я вас принял за другую.

Оленька
И потому лишь подошли...

Князь
Вы размышляли, — от земли
Мечты вас, верно, унесли
В мир лучший, жизнь другую?
Я не прощу себе! так дерзко помешать.

Оленька
Чему?

Князь
Мечтам.

Оленька
Дай Бог вам не мечтать,
Вдаваться вредно в заблужденье!

Князь
Вы правы, чувства, страсти, всё обман...

Оленька
О! для чего ж от них такое нам мученье!

Князь
Вас взволновал какой-нибудь роман!

Оленька (*в стор<ону>*)
Нет! истинное приключенье!

Князь
Не верьте сердцу, ни уму,
Когда они бывают в споре.

Оленька
Чему же верить?

Князь
                    Ничему.

(*Отходя в сторону*)

Не в духе я болтать о вздоре,
А компаньонка мне нужна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Нина (*входит*)
Измучилась...

Князь
                Но к вам идет усталость.

Нина
Я думала найти в вас жалость...

Князь
Где есть любовь — там жалость уж смешна!

Нина
О! вы не знаете, как тягостно, как скучно
Жить для толпы, всегда в ее глазах,
Не сметь ни перед кем открыться простодушно,
Везде с улыбкою являться на губах,
Для выгод мужа быть с одним любезной,
Холодностию мстить другому за него
И слышать: «Нина, это — мне полезно,
Благодарю тебя!» — и больше ничего.

К н я з ь
Восторг толпы и света удивленье
Заменят счастие легко!

Н и н а
К толпе я чувствую презренье.

К н я з ь
Чего ж вам надобно?

Н и н а
Любви — хоть на мгновенье!

К н я з ь
О, вам искать недалеко!..
Любви вы ищете, глубокой, сильной, страстной,
Она пред вами здесь в груди моей,
Вы это знаете, — и сколько, сколько дней
Я мучился и думал: всё напрасно!..
Но я любим, я был любим всегда,
О, я молю: скажите да!..
Когда, вы помните, на бале
Мы увидались в первый раз,
Лежало облако печали
На светлом небе ваших глаз.
Они усталые, без цели
Бродили медленно вокруг,
И не искал их встречи ваш супруг,
И на него поднять вы их не смели,
И он стоял близ вас, бесчувственный, как сталь,
С лицом, исполненным бесстрастья,
Как неизбежная печаль
Близ неожиданного счастья.
Тогда во мне проснулся чудный звук,
Я поклялся любить, и клятву не нарушу,
Я чувствовал: вам нужен друг,
И в жертву я принес вам душу.

Н и н а
Нас могут слышать, умоляю вас,
Уйдите.

К н я з ь
Нет, скажите мне хоть раз,
Что я любим, скажите, обещайте!

Н и н а
Да... я люблю вас! Боже мой! ступайте.

К н я з ь (*хватает ее руку*)
Один лишь поцелуй на счастие, в залог,
Один, не больше, видит Бог.

Н и н а (*не вырывая руки*)
Неблагодарный, вот мужчины:
Похожи все на одного!
Теперь вам мало сердца Нины,
Теперь вам хочется всего!
Вам надо честь мою на поруганье!
Чтоб, встретившись на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Промолвить: вот она — и пальцем указать.
(*Маска в дверях*.)

К н я з ь
Обидно ваше подозренье,
И я вас должен наказать, (*срывая браслет*)
Вот мне залог любви, доволен я, прощайте.

Н и н а (*в испуге*)
Ах! что вы сделали, отдайте мне, отдайте,
Мой муж заметит, он меня убьет!
Да нет, вы шутите, о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь рассудка...
Вы так-то любите? — все обещанья вот?
Вот на доверенность как нынче отвечают!..

О л е н ь к а (*становится между ими*)
Скорей, скорей, за вами примечают!

Н и н а (*убегая*)
Хоть пощадите честь мою.

К н я з ь (*задумываясь*)
Мне кажется... что я ее люблю...

О л е н ь к а (*в сторону*)
Хотя б сказал, благодарю!
Ни взгляда, ни привета,
Он, верно, думает, что плотят мне за это!
Нет, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой. (*Уходит.*)

ЯВЛ<ЕНИЕ> 5

К н я з ь
Что делаешь ты здесь, таинственная маска?

М а с к а (*в полукитайском костюме*)
Смотрю на ваш роман,
Завязка дельная, да будет ли развязка?

К н я з ь
Узнать нельзя ль, кто вы?

М а с к а
Из дальных стран
Приезжий — вам знакома Уналаска?

К н я з ь
Пусть так, на этот раз,
Там, верно, принято у вас
Подсматривать, подслушивать стараться
И не в свои дела мешаться!
Но это здесь, мой милый друг,
Не так свободно сходит с рук.

М а с к а
Угрозы?.. и еще какие?
Гостеприимства нет в России!

К н я з ь (*увидав Арбенина*)
Теперь не время… но…
(*уходит скоро.*)

ЯВЛЕНИЕ 6
Арбенин (*подходит*)
(*Казарин снимает маску и хохочет.*)

А р б е н и н
Что Звездич так взбешен?..
Уж верно зацепил его ты эпиграммой.

К а з а р и н
Нет, сердится за то, что видел я, как он
Любезничал с одною дамой!

А р б е н и н
С кем, с Оленькой?

К а з а р и н
Быть может… не совсем.

А р б е н и н
Ты для друзей и слеп, и нем,
А помнится, глаза-то были зорки…
Бывало, тотчас различат
Хоть за версту пятерку от шестерки.
Подобный глаз для мужа клад!
Вот я так ничего не вижу и не знаю,
Жене свободу полную даю,
Мечтаю, что любим, о верности мечтаю
Лишь потому, что верен и люблю.

К а з а р и н
Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна,
Беспечность редкая в таких, как ты, мужьях.

А р б е н и н
Ты прав, я не молод.

Казарин
И опытен; обидно
С таким умом...

Арбенин
Ну что же?

Казарин
Ах!
Не спрашивай.

Арбенин
Уже верно подозренье...

Казарин
Нет, я тебя оставлю в заблужденье,
Тебя, мой старый, первый друг,
Вступил ты в новый, лучший круг,
И знанье сердца, знанье света
Ты презрел для любви — законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрета!
Я не дивлюся, Бог с тобой,
Ведь это иногда бывает,
Кто в детстве рассуждал, тот в старости мечтает,
Но я всё тот, каков и был...

Арбенин
Чужого счастия отчаянный зоил!
Ну! что же, продолжай! ведь целый час хлопочешь,
Обманут я женой моей,
Прищурься, ха-ха-ха, поохай, пожалей.

Казарин
Так... если сам ты этого уж хочешь.

Арбен<ин>
Уж эти мне разносчики вестей!

Казарин
Я рад, что ты, как прежде, хладнокровен,
И стану говорить смелей.

Союз ваш несколько неровен,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе без расчета.
Пожалуй, есть мужья!
Им подражать кому охота:
Ревнуют, бесятся, шумят.
Провел меня ты славно, брат.
И надо б отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушием прямым
Князька ты одурачил славно,
Началом пользуясь таким,
Ты оберешь его исправно.
Пускай жене в отсутствии твоем
Он плотит нежные визиты,
Тебе же плотится за карточным столом,
И дело слажено, вы квиты!

А р б е н и н (*в негодованье*)
Казарин!

К а з а р и н
Видел я сейчас,
Как нежничал, шептался здесь он с нею;
Я издали смотрел, и, утверждать не смею
(Трельяж их закрывал от любопытных глаз),
Два вздоха слышал я да звуки поцелуя
И больше ничего, поклясться в том могу я.

А р б е н и н
Ты видел, слышал? помни, что сказал.
Я доберусь до истины, — терпенья
Достанет у меня, но если ты солгал,
Казарин, о! тогда не жди спасенья,
Ты в десять лет успел меня узнать;
Я в жизни раз лишь был обманут, раз — не боле,
И отомстил — и отомщу опять,
И страшно отомстить — в моей, ты знаешь, воле.

К а з а р и н
Мой бедный друг, всё тот же он,
Всё тот же черт, когда взбешен;
Дни, об которых я тоскую,
Невольно мне напомнил ты теперь,
Жизнь беспокойную, кипучую, лихую.
Тогда ты был не человек, а зверь...
(*Смеясь уходит*.)

А р б е н и н (*один*)
О, кто мне возвратит вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но сладостные дни.
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль! который испытал
Все ужасы и сладости злодейства
И с ним лицо к лицу ни разу не дрожал?..

(*Погружается е задумчивость, музыка играет в другой комнате, и он садится*.)

В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил,
Любим был часто нежно, страстно,
И ни одну из них я не любил;
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И скучно стало мне, и тяжко жить,
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену — покорное созданье;
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец Божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена.
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою

Взглянул — и увидал, что я ее люблю,
И стыдно молвить… ужаснулся…
И снова ревность, бешенство, любовь
В пустой груди бушуют на просторе,
Изломанный челнок, я снова брошен в море,
Вернусь ли к пристани я вновь?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Арбенина

ЯВЛЕНИЕ 1

А р б е н и н (*один*)
Ночь, проведенная без сна,
Страх видеть истину — и миллион сомнений!..
С утра по улицам бродил подобно тени
И не устал — и в сердце мысль одна…
Один лишь злой намек, обманчивый, быть может,
Разбил в куски спокойствие мое!
И всё воскресло вновь… и всё меня тревожит,
Былое, будущность, обман и правда… всё!..
Но я решился, буду тверд… узнаю прежде,
Уверюсь… доказательства… да! да…
Мне доказательств надо… и тогда…
Тогда… конец любви, конец надежде!..

ЯВЛЕНИЕ 2

(*Входит Нина.*)

А р б е н и н (*холодно*)
А! здравствуй, Нина… наконец…

Н и н а
Недавно я проснулась…

А р б е н и н
Поздно,
Я жду тебя уж целый час…

Н и н а

Серьезно?

Ах, как ты мил!

А р б е н и н

А думаешь, глупец...

Н и н а

Вот ты опять не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь...

А р б е н и н

Скучаю я с тобою розно.

Н и н а

А встретимся, ворчишь.
(*Ласкаясь*) Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова.
Скажи мне это, я готова,
В деревне молодость свою я схороню;
Но что, меня умчало
Воображенье... и к чему?..
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому.

А р б е н и н

Как быть, я жить привык беспечно,
А ревновать смешно.

Н и н а

Конечно.

Ты столько видел, испытал,
И ревность и любовь тебе не новы...
Ты отдыхаешь...

А р б е н и н
(*В продолжение этого монолога он по временам останавливается и наблюдает Нину*.)
(*В сторону*) О! не долго отдыхал!

(*Ей*)

Послушай, нас одной судьбы оковы
Связали навсегда, ошибкой, может быть,
Не мне и не тебе судить!
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь — верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я;
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный,
Но ныне черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.

Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем,
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(*Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.*)

Н и н а
Тебя понять, ей-Богу, трудно,
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать?

А р б е н и н
Да, требовать любви, конечно, безрассудно,
Я и не требую — мне поздно покупать
Лукавый поцелуй признаньями и лестью.
Моя душа с твоей душой
Не встретились... что делать — Бог с тобой...
Позволь мне дорожить по крайней мере честью!..
Честь, имя — вот чего я требую от вас.
Вы их толпе на поруганье дали,
Я внятно говорю... вы всё не понимали,
Поймите же меня, хотя на этот раз.

Н и н а
Мне отвечать вам было б стыдно.

А р б е н и н
Стыд? так — пора — его давно не видно...
Зачем явился он теперь!
Гоните прочь его скорей, в окно иль в дверь,
Откуда входит к вам любезный,
Чувствительный, услужливый князек.

Н и н а
Так вот что? это мне урок...

А р б е н и н
И, верно, бесполезный.

Н и н а
Не знаю, кто оклеветал меня,
Я это заслужила,
Смеялась, резвилась, шутила,
Нет, с нынешнего дня
Не будет сметь ко мне приблизиться мужчина
На расстоянье в три аршина!

(*С иронией*)

Решусь не говорить, решуся не смотреть,
Не танцевать, за картами сидеть,
Как кукла, как статуя,
Тогда на вас, конечно, угожу я!
Тогда вы скажете — вот верная жена!
Как зло на всех глядит она.

(*Смеясь*)

Смешно, смешно, ей-Богу,
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

А р б е н и н
Дай Бог, чтоб это был не твой последний смех.

Н и н а
О! если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.

А р б е н и н
Увидим.

Н и н а
Я тебя люблю,
Мне жаль тебя, Евгений.

А р б е н и н
Ну, по чести,
Признанье в пору...

Н и н а
Выслушай, молю, —
Я оправдаюсь.

А р б е н и н
Нет.

Н и н а
Чего ж ты хочешь?

А р б е н и н
Мести!

Н и н а
Кому ж ты хочешь мстить?

А р б е н и н
О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь!

Н и н а
Не мне ль?

А р б е н и н
Геройство к вам нейдет.

Н и н а
Кому ж?

А р б е н и н
Вы за кого боитесь?

Н и н а
О это нестерпимо!.. что ж он сам
Не явится сюда, мой тайный обвинитель,
Пусть повторит при мне — пускай покажет вам

Все доказательства... вы этого хотите.
А если он не явится? Какой
Найдете вы предлог, чтоб оправдаться?

(*Плача*)

Но, право, вы слезы не стоите одной,
И мне приличнее смеяться!

А р б е н и н
Так суждено мне, может быть,
Весельем оскорблять, страданием смешить!
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен;
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь.
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился;
Постиг друзей, коварную любовь;
Чинов я не хотел, а славы не добился,
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье,
Я человек — пока они мои;
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно?
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава;
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава

С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову!
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!
(*Хочет взять ее за руку, она отскакивает в сторону*.)

Нина
Не подходи... о, как ты страшен.

Арбенин
Неужели!
Я страшен! Нет! — ты шутишь, я смешон.
Да, ты своей достигла цели;
Зачем же не пришел полюбоваться он
Моим отчаяньем!.. Теперь бы очень кстати
Вчерашний разговор вам повторить живой;
Чай, в промежутках ласк, объятий
Смеялись вы жестоко надо мной.

Нина
Вчера?..

Арбенин
Вчера, на бале.

Нина (*в сторону*)
Он всё знает.
(*Ему*) Так вот причина! А ты видел сам?..
Ты видел?.. нет! кто ж обвиняет
Меня? Никто... ты следуешь мечтам,
Тебе спокойствие и счастье надоело,
Прекрасно! Продолжай же смело!..
Ты хочешь правды? Верь или не верь,
Тебе я всё скажу теперь.
Князь любит Оленьку... давно ли, я не знаю.
И без тебя он для нее одной
Езжал сюда... он не бывал со мной,
Он избегал меня... вчера, я понимаю!..
Вчера он с ней, от бала удалясь,

Был здесь... и на меня подумать?.. Этот князь!..
Хвастун, мальчишка... да я их застала...
Вчера вдруг Оленька краснея убежала...
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозренья.

А р б е н и н
Я верю... и сейчас за Оленькой пошлю.

Н и н а
Избавьте хоть ее от пыток и мученья,
Чего еще вам надо?

А р б е н и н
Убежденья!

Н и н а
Но не теперь!.. в другой хоть раз.

А р б е н и н (*звонит — лакей входит.*)
Поди и позови мне Оленьку — сейчас...

Н и н а
Евгений, я прошу: не говори с ней строго,
Она так молода... вина ее скорей
Простая ветреность.

ЯВЛЕНИЕ 3
Те же и Оленька

Н и н а (*подбегая к Оленьке, тихо ей говорит*)
Не бойся — будь смелей!

О л е н ь к а
Что вам угодно?

А р б е н и н
Много! Очень много!..

О л е н ь к а
Что сделалось?..

Н и н а (*ей тихо*)
Не погуби меня,

(*упадая в кресла*)

Молчи, молчи!

О л е н ь к а
Готова слушать я…

А р б е н и н
Скажи мне, Оленька… на сердце руку смело,
Всю правду, как пред Богом, — всё скажи.

О л е н ь к а
Я не охотница, вы знаете, до лжи.

А р б е н и н
О! да, я знаю, ты всегда умела
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить.
Ты чувствовать умела одолженья,
Не замечать, не помнить зла.
Как ангел-примиритель ты жила
В семействе нашем… Но!.. ужасные мученья
Столпились к сердцу моему.
И я теперь не верю ничему.
Клянись… но, может быть, моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудреного! Кому моей судьбою
Заняться!.. я суров! я холоден душою…
Один лишь раз, один пожертвуй ты собою
Не для меня — нет — для нее…

О л е н ь к а
О, мне, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для вас.
Вы точно знаете: вас это успокоит?
Извольте… где? когда? сейчас?..

А р б е н и н
Вот видишь, это дело важно: в свете
Смеюсь над этим сам...
А в сердце целый ад... так знай: в твоем ответе
Жизнь ил<и> смерть обоим нам.
Я был в отлучке долго... слух промчался,
Что Звездич в Нину был влюблен.
Он каждый день сюда являлся,
Но для кого? свет часто ошибался,
Его сужденья не закон;
Вчера здесь слышали признанья, объясненья,
Вы обе были тут; с которой же из вас!
Я должен знать сейчас,
О, если не с тобой — то нет ему спасенья!..

О л е н ь к а (*в сторону*)
Теперь я понимаю... он убьет,
Убьет его.

А р б е н и н
Ты видишь, речь идет
О жизни, счастии и чести.
Я истины хочу: она сказала мне,
Что с князем здесь вы оставались вместе.

О л е н ь к а
Она сказала? с ним? наедине?

А р б е н и н
Она! а ты молчишь?

О л е н ь к а
Что делать, Боже!

А р б е н и н
Я вашу связь не осуждаю... что же,
Но если это так, то дом оставить мой
Должна ты завтра же, не ссорюсь я с тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку света я пред светом обнаружу!..

Оленька
А я? куда я денусь?.. ни родных,
Ни друга на земле; чем жить... в презренье
У всех... в мои лета... за что? — о! в этот миг

(*Нине*)

От вас я требую, да, требую спасенья!
Защиты — вы должны, вы можете одне...

Арбенин (*на ухо Нине*)
Она не признается. Для терпенья
Граница есть.

Нина
Но что же делать мне?..

Арбенин
Подумай, Оленька: одно лишь средство
Окончить всё: скажи мне да иль нет;
Скорей, скорей, какой-нибудь ответ.
Но также вспомни время детства.
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали ни мгновенья,
Чужая ей, ты с ней делила всё.
Есть сердце у тебя? смущенье,
Страх, обморок!.. Ну, право, я не зверь,
Прошу лишь слово правды... не хотите!..
Ошибся я — не надобно — идите.

Оленька (*чрез силу*)
Минуту — погодите.
Да, я всему виной — довольны ль вы теперь?..

Арбенин
О! наконец!

(*После молчания.*) (*Жене*)

Здесь на колена
Я упадаю пред тобой,

Прости, прости меня... глупец я злой
И недостойный! может ли измена
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я недостоин жить.
Здесь, здесь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветник,
Как я перед тобой теперь, у ног моих
Не будет умолять о жизни и прощенье,
На Божий суд пойду я с ним...
Скажи мне: я прощен? я вновь тобой любим?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Казарина

ЯВЛЕНИЕ 1

Казарин
Я утверждал всегда:
Чего судьба упрямая захочет,
Пусть целый мир хлопочет,
А сбудется наверно, — да!
Князь Звездич, например, — была ему острастка —
А нынче сам ко мне на вечер назвался.
Играть не станет он, посмотрит только... сказка!
Уж быть тому, за что я раз взялся!
Вот, кажется, он сам, какое нетерпенье!
Явился прежде всех.

(*Отвор<яет> двери.*)

А, князь! мое почтенье!

ЯВЛЕНИЕ 2

Казарин и Арбенин

Казар<ин> (*оправившись*)
Ну, брат, не ждал я, виноват.
Я, впрочем, очень рад.

Арбенин
Не торопись заране веселиться!

Казар<ин>
Мой бедный друг! Как приуныл,
Да что ж могло с тобой случиться?
Ах, помню! видишь ли, я правду говорил!
Из благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умерь себя, ко мне сегодня будет князь,
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,
А завтра делай с ним, чего душа
Попросит...

Арбенин
Мысль отменно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казар<ин>
Вот сердце доброе, — да в свете нет такого!

Арбенин
Тебе же я скажу всю правду, как привык,
Ты, милый мой, презренный клеветник.
Клеймом стыда я вас, сударь, отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

Казар<ин>
Ах, Боже мой... меня? за что ж меня?
Вот хлопочи, советуй другу!
Зло за добро — брань за услугу!..
Что? этак делают друзья...

Арбенин
Да, да, я помню, время было,
Когда с тобой одним путем
Стремление страстей нас уносило;
Я нужен был тебе, искусством и умом
Я защищал тебя в опасные мгновенья,
С тобой добычу я делил,

И только — вот твое о дружбе мненье!
Иначе в жизни ты ни разу не любил.
Когда всю ночь я в шумном круге
Сидел и хохотал с истерзанной душой,
Искал ли я в тебе как в друге
Надежды, жалости?.. бывал ли я с тобой
Таков, как иногда бываю
Один с моим Творцом, когда под гнетом бед
За преступленья юных лет
Я, горько плача, умоляю?
Нет, нет!
Ты мне завидуешь, тебя ж я презираю!

К а з а р и н
Пусть так! — возьми назад, возьми
Ты дружбу глупую — всё кончено меж нами,
Я никогда не дорожил людьми,
Тем боле гордецами!
А чем же лучше ты меня!
Тем, что беснуешься, кричишь ты без разбору.
А я, рассудок свой храня,
Немного говорю, да в пору!..
Чем виноват я, что жена
Тебе немного неверна...
С такою совестью измученной и грозной
Тебе бы в монастырь, — а уж влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощение грехов,
Молчи, терпи...

А р б е н и н
О нет! Я не таков!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья
При первом подозренье.
Тебе я это уж сказал —
И всё ж ты на нее бесстыдно клеветал!
Но я открыл глаза... и будешь ты наказан,
Да, — совестью моей не так еще я связан,
Как ты, быть может, полагал.

К а з а р < и н >
Твоих угроз я не пугаюсь, право!

А р б е н и н
Посмотрим! помнишь ли, советник мой лукавый,
Второе сентября 7 лет тому назад...

К а з а р < и н > (*смущаясь*)
Что ж, помню.

А р б е н < и н >
Очень рад.
Я стану говорить короче.
Дольчини, ты и Штраль, товарищ твой,
Играли вы до поздней ночи,
Я рано убрался домой,
Когда я уходил, во взорах итальянца
Блистала радость; на его щеках
Безжизненных играл огонь румянца...
Колода карт тряслась в его руках,
И золото пред ним катилось, — вы же оба
Казались тенями, восставшими из гроба.
Ты это помнишь ли?..

К а з а р < и н >
Ну что ж.

А р б е н < и н >
Сейчас
Я кончу мой рассказ.
Пред вашим домом утром рано
Дольчини был найден на мостовой
В крови, с разбитой головой;
Вы всех уверили, что пьяный
Он выскочил в окно, —
Так это и осталось! но
Волшебной сказкою меня не обморочишь
И кем он был убит, скажу я, если хочешь!

К а з а р < и н >
Ты доказать не можешь ничего.

А р б е н < и н >
Конечно! вот письмо. Кто написал его?

Казар<ин> (*упадая на стул*)
Злодей, ведь я погиб...

Арбен<ин>
Твой друг мне проигрался
И отдал свой бумажник — в нем
Нашел я этот клад... Кто в дураках остался?
Ты мне хотел вредить... за зло плачу я злом.

Казар<ин>
Помилуй, сжалься, я твой раб отныне,
Конечно, что уж делать, согрешил,
Но я клянусь...

Арбен<ин>
Какой святыней?

Казар<ин> (*плача*)
Я уж раскаялся.

Арбен<ин>
А! Плачешь, крокодил!

Казарин (*вскакивая*)
(*в сторону*) Одно осталось средство для спасенья.
(*Громко*) Постой, смотри... вот шкаф и от него ключи,
Там тысяч пятьдесят — с условием, молчи!
Тебе всё, всё мое именье!

Арбен<ин>
Ха, ха, ха, ха, смешное предложенье!..

Казар<ин>
Не хочешь?

Арбен<ин>
Я богат.

Казар<ин> (*в отчаянье*)
Он прав, но если так,
Я остаюсь при первом мненье.

А р б е н и н
Что? Что?

К а з а р <и н>
Я просто был дурак,
Что испугался. Докажи сначала,
Что я солгал... да, — докажи сперва,
Что мне вредить имеешь ты права
И что жена тебе не изменяла,
Ты муж, каких на свете мало,
Всем верил! прежде мне,
Потом проказнице жене;
С тобой, я вижу, надо осторожно...

А р б е н <и н>
Изволь, тебя утешить можно.
Ты знаешь Оленьку — она,
Бедняжка, в князя влюблена.
Он для нее езжал ко мне, меж ними
Что было, я не знаю, только всё
Упало на жену, намеками своими
Ты очернил ее!
Но я хотел знать правду... и не много
Трудился — Оленька призналась: строго
Я поступил — но требует нужда,
Она мой дом оставит навсегда.

К а з а р <и н>
Сама призналась?

А р б е н <и н>
Да!

К а з а р <и н>
Заставили признаться!

А р б <е н и н>
Сама!..

К а з а р <и н>
Не может быть! уговорить легко!

Арбен<ин>
Мне любопытно знать, как может далеко
Такая дерзость простираться.

Казар<ин>
Я милости прошу — минут чрез пять
Князь будет здесь — дай слово не мешать.

Арбенин
В чем?

Казар<ин>
Ради Бога!

Арбен<ин>
Про жену ни слова.

Казар<ин>
Пусть ни гу-гу!

Арбен<ин>
Посмотрим, это ново,
Последнее то будет шельмовство,
Песнь лебедя... а там к расчету.

Казар<ин> (*в сторону*)
Заплатишь, милый, за охоту
Знать верх искусства моего.

(*Ходит по комнате.*)

Он скоро будет... кажется, идет,
Нет — если он не будет — право,
Злой дух меня толкнет
С ним заключить расчет кровавый.

ЯВЛЕНИЕ 3
(*Те же и князь.*)

Казарин (*тихо*)
Насилу! кажется, еще на этот раз
Судьба меня спасти взялась.

(*Князю*)

Князь, поздно, поздно что? Откуда?

Князь
Я был в театре.

Казар<ин>
Что дают?

Князь
Балет.

Казар<ин>
А я про вас здесь слышал чудо
И верить не хотел.

Князь
Конечно, не секрет?

Казар<ин>
Сказать бы рад — да мудрено решиться,
Не вздумали бы рассердиться.

Князь
За правду не сержусь — а если ложь,
На вас сердиться мне за что ж?

Казар<ин>
Люблю за это нашу молодежь,
Рассудит прежде, после скажет;
Бывало, нам ничто язык не свяжет,

Врут, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались!

Князь
Да что ж вы про меня узнали?

Казар<ин>
Да! вот что! бедная, ее вы наказали
За жертвы, за любовь... люби вас, шалунов,
Потом терпи, кто ж виноват, она ли?
Ан нет! Чай, сколько просьб и слов,
Угроз и ласк, и слез, и обещаний
Вы расточили перед ней,
И всё зачем? из сущей дряни:
Повеселиться пять, шесть дней.
Прекрасно, князь, прекрасно.
Скажите-ка: она вас любит страстно?
Вы долго волочились!.. о, злодей!..

Князь
Позвольте хоть узнать, о ком вы говорите?

Казар<ин>
Не знает! О, невинность! Посмотрите,
Какой серьезный вид и недовольный взор.
Да я не знал, что вы такой актер;
А для кого, скажите-ка по чести,
Езжали вы к нему так часто в дом,
А кто с утра ждал под окном,
Как вы проедете... уж я на вашем месте
Теперь, когда открылося, когда
Она без крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Уж я женился бы... хотя б из сostраданья.

Князь
Да ради Бога, кто ж она? И в чем
Я виноват?

Казар<ин>

Нашли же вы на ком,
На компаньонке пробовать искусство,
И трудно ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя,
За это я возьмусь шутя!

Князь

Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казар<ин>

Да я и не шучу... я правду вам сказал —
Арбенин Оленьку прогнал...
Что ж делать, у него свои есть предрассудки.

Князь

Помилуйте, да вы сошли с ума.
Кто так наклеветал безбожно?

Казар<ин>

Она сама призналась.

Князь

Как?

Казарин

Она сама.

Князь

Не может быть.

Казар<ин>

Случилось — так возможно.

Князь

Не может быть. Ее признанье ложно.
Я не хочу, чтоб за меня она
Страдала; я помочь не в силах, право...
Я не люблю ее... жениться мысль смешна.

Арбен<ин>
И то, зачем, уж вы покрылись славой.

Князь
С чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенин
Ну, князь, я думал, вы честней...

Князь
Вы это думали?.. А, это оскорбленье.
Останьтесь же при первом мненье,
И прежде чем решит свинец,
Я докажу, что я не трус и не подлец.
Хотите ль правду знать?

Арбен<ин>
Посмотрим — что же?

Князь
Вы не раскаетесь?

Арбен<ин>
У вас спрошу я то же.

Князь
Хотите?

Арбен<ин>
Да!

Князь
Скажите лучше: нет

Арбенин
Хочу.

Князь (*подавая браслет*)
Смотрите, чей браслет!
Узнали ль?

Арбен<ин>
Да, узнал!

Князь
Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись.

Арбен<ин> (*помолчав, с бешенством*)
Нет! вы его украли!
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, как с мальчиком... глупцы, вы оба дети...
Вы видите, как ваши сети
Я разорвал одной рукой...
А! князь, вы сами захотели
Себя достойно наказать,
Как вы решились, как вы смели
В глаза всё это мне сказать;
Скорее на колени, на колени.
Нет! очень рад! Тем меньше затруднений!
Вам жизнь наскучила — не странно! жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь, вы будете убиты;
Умрете с именем и смертью подлеца.

Князь
Скорее час и место!

Казар<ин> (*в сторону*)
Ну, насилу
Избавлюсь от него, не в крепость — так в могилу.

Арбен<ин>
Я жду вас завтра к 9-ти часам
И у себя.
(*Подходит к Казар<ину>.*)

Казар<ин> (*смеясь*)
Не спорь со мною.

Арбен<ин>
Не веселись по пустякам.
Твои дела сегодня ж я устрою.
(*Уходит быстро*.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Казар<ин> (*несколько времени поражен, потом вскакивает*)
Князь, я ваш секундант… угодно?

Князь

Очень рад.

(*В сторону*)

Я глупо поступил — да уж нельзя назад.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спит на канапе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арбенин (*входя оборачивается к двери*)
Князь Звездич скоро должен быть. Ко мне
Его проси — ступай; как ты сюда попала?

Служанка
Тихонько-с! барыня сейчас започивала.
Ждала вас целу ночь и бредила во сне…
Потом чем свет оделась, встала,
Изволила прийти к вам в кабинет
Да и уснула здесь на креслах.

Арбенин

Я исправить
Хочу вину свою… ты можешь нас оставить.
(*Уход служанки*.)

ЯВЛЕНИЕ 2
Арб<енин>, Нина

А р б е н < и н > (*подходя к Нине*)
Спит — точно спит, сомненья нет,
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутные слова
Меж губ скользят едва-едва...
Понять не трудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала в грудь мою,
Бежит за мной и шепчет: мщенье! мщенье!
А я, безумный, всё еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомненье!
И кто подумал бы, кто смел бы ожидать?
Меня, — меня, — меня продать
За поцелуй глупца, — меня, который
Готов был жизнь за ласку ей отдать,
Мне изменить! мне — и так скоро.

(*Задумывается.*)

Да. Да, я этого хочу;
Я вырву у нее признанье
Угрозой, страхом, я ей от<о>мщу,
Как прежде мстил, — без состраданья.

(*Молчание.*)

Бывало, я искал могучею душой
Забот, трудов, глубоких ощущений,
В страданиях мой пробуждался гений,
И весело боролся я с судьбой;
И был я горд, и силен, и свободен,
На жизнь глядел как на игрушку я,
И в злобе был я благороден,
И жалость не смешна казалася моя,
Но час пришел — и я упал,— ничтожный,
Безумец, безоружен против мук и зла;
Добро, как счастие, мне стало невозможно,
И месть, как жизнь, мне тяжела...

ЯВЛЕНИЙ 3
Ар<бенин>, Нин<а>, Олен<ька>

О л е н ь к а (*входя, увидав*)
Ах, Боже мой!.. он здесь...

А р б е н и н
Не разбуди...

(*Увидав узел*)

Что это значит?

О л е н ь к а
Я пришла проститься...

А р б е н и н
К кому же ты пойдешь?

О л е н ь к а
К кому случится.
Прощайте!

А р б е н и н
Погоди!
Мне жаль тебя... бедняжка, ни родного,
Ни друга на земле.

О л е н ь к а
Что ж? я на всё готова.

А р б е н и н
Легко сказать... Презренье, нищета...
Ужасно.

О л е н ь к а
Да, ужасно!..

А р б е н и н
Тебе упреком будет красота.
Пройдут и скажут: да, она прекрасна;

С подобным личиком невинность сохранить
Задача трудная — к тому ж ведь надо жить!..

Оленька
О, я умру.

Арбенин
Кто виноват? не ты ли?..
Подумай!..

Оленька
Я одна.

Арбенин
Признайся мне, вы в заговоре были,
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь — если нет — признайся — спасена.
Есть время...

Оленька
О, не искушайте!

Арбенин
Я жду последний твой ответ.

Оленька (*уходя*)
Прощайте!

Арбенин
Постой... войди сюда... и через час
Я кликну... может быть, и прежде.

Оленька
Для чего же?

Арбенин
Узнаешь.
(*Она уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 4
Арбенин, Нина

А р б е н и н

Боже! Боже!
Дай твердость мне в последний раз.

(*Арбенин подходит к Нине.*)

Проснись... пора...

Н и н а

Ах, это ты, Евгений!
Какой тяжелый сон... толпа видений
В уме моем еще теснится. Снилось мне,
Что ты ласкал меня так страстно!
А говорят, что всё во сне
Наоборот... и верить им опасно...
Боюсь, что ждет меня беда!

А р б е н и н
Предчувствиям я верю иногда.

Н и н а
Тебя я жду всю ночь — была готова
Послать искать.

А р б е н и н

О, редкая жена...

Н и н а
Послушай, милый друг, я что-то нездорова.

А р б е н и н (*в сторону*)
Судьба мне помогает снова.

Н и н а
Я очень, кажется, больна.

А р б е н и н
Мне жаль.

Н и н а

Послушай, я сказать тебе должна.
Со мною ты ужасно изменился,
Стал холоден и принужден.
И отчего?

А р б е н и н

Как быть, мне также снился
Зловещий сон!..

Н и н а

Всё грустен, всё ворчишь — мне в тягость жизнь такая.

А р б е н и н

Ты права, что такое жизнь? — жизнь вещь пустая, —
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье, где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее... а целое — обман.

Н и н а

О, нет, я жить хочу.

А р б е н и н

Пустое!

Н и н а

И умереть боюсь.

А р б е н и н

Жизнь — вечность, смерть — лишь миг.

Н и н а

Нельзя ль от шуток мне твоих
Избавиться, я слушать всё готова,

Но не теперь… Евгений, я молю,
Пошли за доктором… я очень нездорова,
И голова кружится!

Арбенин

Не пошлю.

Нина

О, ты меня не любишь…

Арбенин

А за что же
Тебя любить… за то ль, скажи,
Что был обманут я, ты требуешь любви,
Насмешка горькая…

Нина

О Боже!..

Арбенин

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата,
Раз в ночь одну, я всё до капли проиграл.
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.
Я был в отчаянье. Ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь,
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик,
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик,
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
Заветный порошок я долго сберегал
Среди волнений жизни шумной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и этот день настал.

Нина

Что хочешь ты сказать, не мучь меня, Евгений.
Но ты дрожишь: ты стал бледнее тени?

Арбенин
Тут был стакан — он пуст — кто выпил лимонад?

Нина
Я выпила — смеешься?

Арбенин
Да, я рад.

Нина
Что ж было в нем?

Арбенин
Что? Яд!

Нина (*вскочив*)
Не верю! Невозможно! и с такою
Холодностью смеяться надо мною.
И в чем виновна я — ни в чем;
Что балы я люблю, вот вся беда в одном.
Яд — это было бы ужасно.
Нет, поскорей рассей мой страх,
Зачем терзать меня напрасно?
Взгляни сюда, о, смерть в твоих глазах.

Арбенин (*бросая браслет на стол*)
Ты изменила мне — вот обвиненье.

Нина
Не верь — не верь... из сожаленья!

Арбенин
Признайся!

Нина
Не могу!..

Арбенин
Пожалуй, ты умрешь.

Н и н а
Но я невинна.

А р б е н и н
Ложь!

Н и н а
Так нет спасенья!

А р б е н и н
Нет спасенья!..

(*Нина плачет*.)

Да, горько я ошибся — возмечтал
О счастье — думал снова
Любить и веровать — но час судьбы настал
И всё прошло, как бред больного.
Я мог бы воскресить погибшие мечты,
Я мог бы, веруя надежде,
Быть снова тем, чем был я прежде.
Ты не хотела, ты!
Плачь, плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда.
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина плачет!
В тот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Н и н а (*упадая на колени*)
О, ты ужасен! о, помилуй, пощади!
Я всё исполню, я признаюсь, — поскорее,
Еще есть время, говори, чего
Ты хочешь… смерть всего страшнее,
Смерть, смерть, — да, я люблю его,
Нет, нет, — то было заблужденье,
Ребячество, обман, воображенье,

Я не любила никого...
Позволь обнять твои колени...
Ты видишь, я у ног твоих, Евгений,
Скажи, скажи, какой ценой
Купить мне жизнь... ценой мучений?
Чем хочешь буду я — твоей рабой...
Я молода — жизнь так прекрасна;
О, ты меня спасешь — ты не злодей.
Я знаю, жалость есть в душе твоей,
Помучишь и простишь: напрасно, всё напрасно,
Мне кажется, я чувствую в груди
Огонь, огонь, — о, сжалься, пощади!..

(*Бросается к дверям.*)

Сюда, сюда... на помощь — умираю.
Яд, яд, не слышат, понимаю,
Ты осторожен... никого, нейдут,
Но помни, я тебя, жестокий, проклинаю,
И ты придешь на Божий суд!

ЯВЛЕНИЕ 5
Ар<бенин>, Нин<а>, Оленька

О л е н ь к а
Я здесь! что с вами?

Н и н а
Ах, скорее, ради Бога,
Покуда время есть! я жить хочу, жить, жить,
Ужели и тебя мне надо так молить?
(*Становится пред нею на колени.*)

О л е н ь к а
О, что вы сделали...

А р б е н и н (*помолчав*)
Перепугал немного!
Хотел знать правду и узнал...
Опомнитесь и встаньте, я солгал,

Я не ношу с собою яда...
В вас сердце низкого разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыд.
Что вы дрожите? будьте вновь спокойны,
Вам долго жить на свете суждено,
И счастье вам еще возможно. Но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да, ныне чувствую, я стар,
Измучен долгою борьбою,
Последний на меня упал судьбы удар,
И я поник покорной головою,
Желаний нет, надежды нет,
Я выброшен из круга жизни шумной
С несносной памятью невозвратимых лет,
Страдалец мрачный и безумный.
(*Садится. Нина почти без чувств на креслах; входит князь с пистолетами.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Арб<енин>, Нина, Олень<ка>, князь и Казарин

К н я з ь

Что это значит, смею вас спросить,
Дуэль в кругу семейства — очень ново.
Тем лучше, случая такого
Мне, верно, больше не нажить.

К а з а р и н

По чести, странный выбор секундантов.
Где о дуэли речь, там я в числе педантов.

К н я з ь

Мне всё равно, без дальних слов.
Вот пистолеты, я готов...

А р б е н и н (*встает и подходит к нему*)

День, час тому назад хотел я крови, мести;
Защитник прав своих и чести,
С надеждой трепетной в груди
Я думал отразить позор и обвиненье,

И я ошибся; с глаз слетело заблужденье —
Вы правы, торжествуйте — впереди
Вас ждут победы славные, как эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье света,
И мало ль женщин есть во всем подобных ей?
Они того, — кто посмелей!!!
Смотрите, как бледна, почти без чувства,
А отчего, не отгадаешь вдруг;
Что это — стыд, раскаянье, искусство?
Ничуть! Испуг — один испуг!
Ни вы, ни я, мы не имели власти
В ней поселить хоть искру страсти.
Ее душа бессильна и черства.
Мольбой не тронется — боится лишь угрозы,
Взамен любви у ней слова,
Взамен печали слезы.
За что ж мы будем драться — пусть убьет
Один из нас другого — так. Что ж дале?
Мы ж в дураках: на первом бале
Она любовника иль мужа вновь найдет.
Теперь стреляться вы хотите,
Вот грудь моя обнажена.
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мне, ни миру не нужна!..

Казарин (*тихо князю*)
Стреляйте же скорей — скорей.

Арбенин

Молчите?
Задумались, — итак, оставьте нас!
Мы квиты.
(*Князь уходит.*)

Казар<ин>

Обманул, еще раз увернулся,
Скорей и мне убраться с глаз,
Покуда не очнулся.
(*Хочет уйти.*)

А р б е н и н (*останавливая*)
Куда спешишь?.. Постой:
Расчет у нас не кончился с тобой.
Недаром моего позора
Ты был свидетелем!.. (*насмешливо*)
т<ак> вежливость храня,
Прошу я, поклонись Камчатке от меня…

К а з а р и н (*в испуге*)
Как?.. Что?.. Когда?..

А р б е н и н (*выталкивает его*)
Утешься! — очень скоро!

ЯВЛЕНИЕ 7
Ар<бенин>, Олень<ка>, Нина

А р б е н и н
Я еду, Оленька, прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,
Душе твоей удел — небесный рай,
Душ благородных воздаянье;
Как утешенье образ твой
Я унесу в изгнание с собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущает.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бедность вновь тебе не угрожает…

О л е н ь к а
Вы возвратитесь?..

А р б е н и н (*помолчав*)
Никогда!..

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том вошли все драматические произведения Лермонтова, начиная с наброска оперного либретто «Цыганы» по поэме А. С. Пушкина, оставленного юным поэтом в самом начале работы над ним, и кончая последней драмой «Два брата». Драматическая сцена «Азраил» по традиции включена в том 2 (Поэмы).

Текстология драм Лермонтова не представляет эдиционных сложностей, ввиду сохранившихся рукописных источников. Исключение составляет сложная творческая история драмы «Маскарад». Лермонтов неоднократно переделывал драму, надеясь увидеть ее на сцене. Но так как характер авторского изображения светского общества и отношение к нему главного героя и в новых редакциях оставались в основном прежними, драма, не получившая одобрения цензуры, так и не увидела света рампы. Для более полного представления об истории текста «Маскарада» в приложении к тому дается ранняя (трехактная) редакция произведения и его переработанная версия под названием «Арбенин». При составлении комментария проблемы творческой истории драмы освещались по материалам разысканий А. М. Докусова.

В настоящем томе комментарий к драматургии Лермонтова существенно расширен за счет историко-литературных исследований последних десятилетий. Комментарий к каждой драме сопровождается списком литературы (помимо библиографических ссылок, введенных по необходимости в текст комментария), отражающим изучение данной драмы хронологически. Библиографические записи приводятся в сокращенной форме, которая расшифровывается в общем списке литературы в конце тома.

Тексты подготовлены Н. И. Коваленко и О. В. Миллер при участии Ю. М. Прозорова. Комментарий составлен О. В. Миллер при участии Н. А. Дроздова, Н. Г. Охотина и Ю. М. Прозорова. Ответственный редактор тома О. В. Миллер.

ДРАМЫ

483. Цыганы (Опера)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 1–2 об. – черновой в тетради 3 (на последней странице автографа не оставлено места для продолжения и сделан росчерк, свидетельствующий о прекращении работы над текстом).
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по нахождению автографа в тетради 3.
Впервые: ОЗ. 1859. № 7. Отд. 1. С. 26–27 (в составе статьи С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»).

«Цыганы» — первый драматический опыт Лермонтова, представляющий собой незаконченное либретто оперы по одноименной поэме А. С. Пушкина (1824), обладающей богатым драматическим потенциалом (показательны слова самого Пушкина о том, что дорога к драме ему открылась после «Цыган» — Анненков 1855: 290). По мнению Д. Д. Благого, «фабульная концепция <пушкинских> „Цыган“ отразилась и в лермонтовском „Маскараде“» (Благой 1941: 362).

Вероятно, Лермонтов начал писать либретто для своего соученика по Московскому университетскому благородному пансиону М. И. Сабурова, который был увлечен оперными замыслами (о Сабурове см.: ЛЭ 1981: 495). Об этих юношеских замыслах Лермонтова и Сабурова свидетельствует также приписка копииста на списке стихотворения «Леший»: «М. Ю. Лермонтов. Написано для оперы М. И. Сабурова „Ведьма“ в 1829 или 1830 в Университетском Благородном пансионе» (Чистова 1992: 81–95).

Возможно, что намерение обратиться к цыганской теме возникло у Сабурова с Лермонтовым под впечатлением от оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (либретто М. Н. Загоскина), которая была поставлена в Москве в Большом театре 24 мая 1828 г. Отрывок из этой оперы — «Цыганскую песню», напечатанную в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц театра» (СПб., 1828. С. 133), в сокращенном и несколько измененном виде Лермонтов ввел в текст своего либретто. Стоит отметить, что эту песню использовал и В. А. Каратыгин в более поздней инсценировке пушкинских «Цыган» (1832); подробнее см.: Денисенко 2014: 124.

С. 7. *Цыганская песня.* — Лермонтов использует ряд стихов из «Цыганской песни» М. Н. Загоскина; ср.:

Мы живем среди полей
И лесов дремучих;
Но счастливей-веселей
Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
Нам примером служат,
И цыгане-молодцы

Ни о чем не тужат!
Гей, цыгане! Гей, цыганки!

(Из «Московского вестника» песнь) — Лермонтов оставил место для включения в текст своего либретто «Цыганской песни» С. П. Шевырева, напечатанной без подписи в «Московском вестнике» (1828. Ч. 10. № 15. С. 320):

Добры люди, вам пою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.
Но мы песнями богаты,
Песня — друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.
Песня все нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

Старый цыган (*пред очагом*). — Ср. его слова с эпизодом из поэмы Пушкина «Цыганы» (Пушкин 1937–1959: IV, 180):

Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака —
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.
Но вот она...

С. 8. *...как сделала коварная мать твоя?* — Мотив женского коварства — новация Лермонтова: у Пушкина ни Мариула, ни Земфира не наделены этим свойством (см.: Денисенко 2014: 125–126).

...Веду я гостя: *за курганом...* — далее до конца — стихи Пушкина из поэмы «Цыганы».

Лит.: ЛЭ 1981: 611; Нейман 1914b: 203; Яковлев 1924: 23–25; Благой 1941: 362; Денисенко 2014.

484. Испанцы

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 9. Л. 1–17 — черновые отрывки в тетради 9; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 12 об., 19, 22 об., 27, 33–33 об. — отрывки перебеленной рукописи в тетради 6, с правкой (план трагедии, наброски, список действующих лиц); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 10 об., 11 об. (две редакции «Еврейской мелодии»; 2-я сцена 3 действия).

Авторизованная копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 18. Л. 1–66 — писарская копия с пометой на обложке «1830 года», поправками Лермонтова (чернилами и карандашом), а также с позднейшими пометами публикатора (П. А. Ефремова); последний лист в тетради 17, содержащий окончание драмы, утрачен.

Печатается по авторизованной копии (с незначительными исправлениями по отрывкам чернового автографа).

Замысел и первые наброски трагедии датируются концом лета — осенью 1830 г. (по положению в тетради 6, где записаны стихотворения этого периода); время завершения — неизвестно, возможно, его следует отнести к концу того же года.

Впервые: РВ. 1857. Т. 9. № 5, кн. 2. С. 233–260 (отрывки в статье С. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова»); ОЗ. 1859. № 11. Отд. 1. С. 247–249 (в статье С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»: наброски к трагедии «Благородные для того не сближаются...», «В первом действии моей трагедии...» и «Природа подобна печи...»; полностью: Лермонтов 1880: 1–127.

Замысел трагедии сформировался не сразу, о чем свидетельствуют наброски планов в творческих тетрадях Лермонтова 1830 г. Сначала он обдумывает сюжет о завоевании испанцами Америки: «В Америке дикие, угнетенные испанцами. Из романа французского Аттала» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6, Л. 12 об.); имеется в виду повесть Ф.-Р. де Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» («Atala, ou les Amours de deux sauvages dans le désert», 1801). Затем начинает вырисовываться оригинальный сюжет трагедии (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 19, 22 об., 27, 33–33 об.):

«I
Сюжет

В Испании у матери дочь увез в дурной дом обманщик, хотя служащий при инквизиции, который хочет после обмануть и другую сестру. Любовник первой, за которого не хотели отдать, ибо у него нет многих благородных предков, узнает происшествие, когда сидит с друзьями. Он спасает жида от инквизиции прежде. Жид и говорит, что ее увезли. Он клянется живую или мертвую — привезти ее. Жид ему помогает ее найти. Он находит — ему злодей не отдает. Он ее убивает и уносит. Злодей не мешает, ибо сам боится, чтоб не узнали похищения. Злодей идет к матери. Приносит тот свою любезную мертвую. Его схватывают, спрашивают, полиция. Входит злодей. Обвиняемый бросает<ся> к нему на шею, целует и кинжалом колет в сердце. Его ведут казнить.

II

Когда испанец вынимает портрет своей любезной, жидовка отвращается, и он говорит: «Вот что значит женщина, она не может видеть лица, которое не уступает ей в красоте». После он, видя, что она огорчилась, тут же спрашивает: что он должен дать ей, чего она хочет? Она говорит: «Чего я хочу, того ты не можешь мне дать!» — и уходит. Он: «Она только желает и молчит; а как многие требуют невозможного от нас!..» (во второй сцене у жида). Дейст<вие> IV.

III

(В первом действии моей трагедии молодой испанец говорит отцу любовницы своей, что «благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его».)

(В том же действии испанец говорит: «Что такое золото, которое мое может сделать счастье, ибо без него не могу обладать моей любезной? — металл, как другой. Верно, Бог не дал ему этого преимущества, коего многие люди не имеют?»)

IV

Действующие лица

Дон Алварец — отец. Немного бедный, но гордый дворянин и добрый.

Донна Мария — мачеха Эмилии — причудливая, капризная, глупая женщина.

Эмилия — дочь Алвареца. Любит и любима Фернандом.

Фернандо — молодой испанец, воспитанный в доме Алвареца.

Патер Соррини — итальянец. Хитрый, богатый иезуит.

Моисей — жид.

Ноэми — дочь его.

Испанцы праздношатающиеся.

Жиды и жидовки.

Слуги.

(*Действие в Кастилии*).

V

В первом действии так начинается: мачеха с Эмилией идут в церковь: Фернандо тут. Эмилия из-под мантильи роняет записку, где она говорит, что если Алварец ему что-нибудь станет говорить, то чтоб он не горячился. Тут приходит Алварец и говорит ему, что хотя прежде он обещал за него выдать дочь, но теперь не может, ибо имеет другие виды, а Фернандо побочный сын — и проч.!

VI

Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разновидные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства.

N. B. В первом действии моей трагедии Фе<р>нандо, говоря с любезной под балконом, говорит про луну и употребляет предыдущее сравнение.

К трагедии...»

Далее в записи Лермонтова следует монолог Фернандо о луне, почти без изменений введенный в трагедию, — «Взгляни на тихую луну! о, как прекрасна!» (д. I, сц. 2).

«Испанцы» — первое полноценное драматическое произведение Лермонтова. Внимание поэта к Испании объясняется не только общим интересом русского общества к Испании, вызванным отчасти событиями испанской революции 1820–1823 гг., но и причинами иного характера. Стараясь восстановить историю своих предков, поэт увлекся преданием о том, что Лермонтовы произошли от испанского герцога Лермы, который во время борьбы с маврами вынужден был бежать из Испании в Шотландию. В драме Ф. Шиллера (1759–1895) «Дон Карлос» («Don Karlos, Infant von Spanien», 1783–1787) юный поэт встретил имя благородного графа Лермы и какое-то время предполагал, что он потомок этих благородных испанцев. Он даже подписывался «Лерма», а фамилию Лермонтов писал через «а». Одновременно испанские образы возникают в его графическом и живописном творчестве (см.: Ковалевская 1980: 28–34, 234).

Действие трагедии не приурочено к какому-то точному историческому моменту. С одной стороны, появление в тексте правоверных иудеев, легально проживающих в Испании, указывает на эпоху до 1492 г., с другой стороны, наличие среди действующих лиц трагедии монаха-иезуита и упоминание имени Лютера соотносит происходящее с периодом после 1540 г. (год утверждения ордена иезуитов). А рассказ Алвареца о первом из длинной череды его предков — современнике испанского короля Карла I (1500–1558), и вовсе сдвигает действие пьесы к XVII столетию. Рассматривать ли «Испанцев», как социальную драму, написанную в продолжение декабристских традиций (Эйхенбаум 1960: 45–56), или как «романтическую драму раскрепощенных страстей» (Вольперт 2010: 43), — в любом случае следует признать, что верность историческим обстоятельствам и характерам — задача для русского поэта глубоко вторичная (многие анахронизмы легко могли быть исправлены по доступным историческим сочинениям, в частности, по статье «О состоянии еврейского народа с XV века до наших дней», появившейся в журнале «Атеней» и переведенной на русский язык соучеником и близким другом поэта Н. С. Шеншиным — Атеней. 1830. Ч. 1, март. № 5. С. 405–427). Для своей реконструкции испанских нравов Лермонтов широко пользовался теми культурными стереотипами, которые сложились в европейской культуре к началу XIX в. (подробнее о рецепции в России «черной легенды» об Испании см.: Калугина 2001).

«Испанцы» создавались в годы увлеченного освоения Лермонтовым поэзии и драматургии Ф. Шиллера (немалое значение для восприятия Шиллера-драматурга

имели спектакли с участием П. С. Мочалова; о том, что «Мочалов во многих местах превосходит Каратыгина», Лермонтов писал в письме к М. А. Шан-Гирей весной 1829 г. — Т. IV. № 540). В лермонтовской трагедии выявляются сюжетные и даже текстологические заимствования из шиллеровских пьес. Прежде всего, стиль и дух Шиллера сказался на изображении главных героев в драмах Лермонтова. Это и Фернандо в «Испанцах», и Юрий Волин в «Menschen und Leidenschaften», и Владимир Арбенин в «Странном человеке» — благородные, гуманные, свободолюбивые юноши, которые утверждают свои идеалы в патетических монологах, что роднит их с шиллеровскими героями. В «Дон Карлосе», «по сюжетной и композиционной канве которой», как считает М. А. Яковлев, «Лермонтов сконструировал свою драму» (Яковлев 1924: 80), сцена короля с Карлосом близка к разговору Алвареца с Фернандо: враждебные отношения в обоих случаях приводят к взрыву и последующему изгнанию молодых собеседников. Есть сходство и в сценах свидания Карлоса с королевой и Фернандо с Эмилией, конечно, функционально близки зловещие фигуры Доминиканца и Соррини, а инквизиция в обеих драмах предстает как зловещая, преступная сила; финалы драм также в значительной степени параллельны. Однако шиллеровский субстрат «Испанцев», по-видимому, не ограничивается «Доном Карлосом»: в драме «Коварство и любовь» Фердинанд грозится убить Луизу, чтобы спасти ее от позора, Фернандо в «Испанцах» подобную угрозу приводит в исполнение; аналогичен и финал сцены: и Фернандо, и Фердинанд бросают орудие убийства и отдаются в руки врагов. Отдельные детали роднят «Испанцев» и с «Разбойниками».

М. А. Яковлев (Яковлев 1924: 118–122) отмечал многочисленные параллели между «Испанцами» и комедией Мольера «Тартюф» («Tartuffe, ou l'Imposteur», 1664), в частности, между фигурами Тартюфа и Соррини, Оргона и Алвареца. М. П. Алексеев (Алексеев 1991: 320) высказал мнение, что релевантным для разработки инквизиционной темы у Лермонтова было негативное описание религиозной нетерпимости и монастырских нравов в романе Ч.-Р. Мэтьюрина (Maturin; 1782–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820).

Неоднократно обсуждалось и воздействие на Лермонтова драмы В. Гюго (Hugo, 1802–1885) «Эрнани» («Hernani», 1830). Тут, помимо испанской темы и сходства «героев-бунтарей», отмечаются три похожих эпизода: «1) Альварец в „Испанцах“ говорит Фернандо о своих знатных предках, причем указывает на их портреты (д. I, сц. 1); аналогичный эпизод найдем в „Эрнани“, где Рюи Гомец ведет короля Дона-Карлоса к портретам своих предков (схожую сцену см. в „Разбойниках“ Шиллера. — *Ред.*); 2) после неудачной попытки убить Соррини Фернандо отказывается от своего намерения и бросает кинжал на землю (д. V, сц. 1); также и Эрнани отказывается от убийства находящегося у него в руках Дона-Карлоса (близкий эпизод см. и в драме Шиллера „Коварство и любовь“. — *Ред.*); 3) Фернандо в одежде пилигрима проникает в дом Соррини; таким же способом, переодетый странником, Эрнани приходит к Рюи Гомецу» (Шувалов 1914: 329–330). Высказывались сомнения, что поставленная на парижской сцене в феврале пьеса Гюго могла быть известна в Москве уже к лету того же года, однако путь модных книжных новинок из

Франции в Россию исчислялся обычно двумя-тремя месяцами: достаточно указать, что уже в мае 1830 г. пьесу Гюго читает А. С. Пушкин, французская петербургская труппа ставит ее сокращенную переделку («Кастильская честь»), а к осени явился в свет уже и русский перевод А. И. Ротчева.

Некоторые сюжетные линии «Испанцев» находят аналогии в драмах Г.-Э. Лессинга (1721–1781) «Натан Мудрый» («Nathan der Weise», 1779) и «Эмилия Галотти» («Emilia Galotti», 1772), для которых, так же как и для «Испанцев», характерен пафос веротерпимости. Так, линия Храмовника, Натана и Рэхи в известной мере соотносится с персонажами Лермонтова: Фернандо, Моисеем, Ноэми. Совпадают также и некоторые сюжетные ходы, такие как восстановление родственных связей в «Натане Мудром» (Яковлев 1924: 102–104), похищение и убийство Эмилии в «Эмилии Галотти» (Висковатов 1891: 60), наблюдается ряд мотивных перекличек (подробнее см.: Яковлев 1924: 104–112). Л. П. Гроссман отмечал также «некоторую близость лермонтовской пьесы к первому драматическому произведению Лессинга „Евреи“» («Die Juden», 1749); в частности, исследователь обращал внимание на эпизод спасения богатого барона от разбойников: самоотверженный спаситель — путник-еврей, случайно оказавшийся на месте нападения (Гроссман 1941: 716). Отдельные мотивные параллели, связанные с еврейской темой, исследователи находили и в романе В. Скотта (1771–1832) «Айвенго» («Ivanhoe», 1819), где христианин из человеколюбия спасает от смертельной опасности старика-еврея, а в дальнейшем получает от него помощь (Нейман 1915: 709–721).

Интерес Лермонтова к еврейской теме, по мнению некоторых исследователей, носил не только литературный характер, но обуславливался и некоторыми реальными событиями (Гроссман 1941: 719–735). Речь идет о так называемом «велижском деле»: весной 1823 г. в городе Велиж Витебской губернии было инспирировано дело о «ритуальном убийстве», якобы совершенном местными евреями. Обвиняемых подвергали «разным истязаниям и угнетениям», держали в нечеловеческих условиях, местные власти и следственная комиссия намеренно нагнетали антисемитскую истерию вокруг процесса. Дело было закрыто решением Государственного совета в 1835 г. — обвиняемые полностью оправданы, клеветники сосланы на поселение. В окружении Лермонтова, вероятно, могли обсуждаться перипетии процесса. В 1829 г. на следствие был направлен Н. С. Беклешов, муж М. В. Беклешовой, тетки и воспитательницы Е. А. Сушковой, которая и сама провела в Велиже несколько месяцев (с сентября по декабрь 1829 г.); среди местных поклонников и собеседников Сушковой оказались и сотрудники следственной комиссии (Сушкова 1928: 92–95): сколь ни мало молодая девушка интересовалась «следствием над жидами», какие-то подробности, безусловно, должны были доходить и до нее. Лермонтов познакомился и сдружился с Сушковой в мае 1830 г., лето они провели вместе в Середникове, так что, возможно, «велижская история» действительно стала предметом их разговоров, хотя вряд ли послужила импульсом к созданию трагедии.

В XX столетии российские театры не раз осуществляли постановку «Испанцев»: в 1923 г. в Москве (реж. К. В. Эггерт), в 1939 г. в Вологде и в 1941 г. в Ленинграде

(группой артистов при лекторском бюро Пушкинского общества). Большой успех имел спектакль Московского гос. еврейского театра в 1941 г. Были также постановки «Испанцев» в 1954–1955 гг. в Ворошиловграде (Луганске), в 1955 г. в Гродно и в Гомеле, в 1956–1957 гг. в Петрозаводске, в 1962–1963 гг. в Великих Луках, в Северо-Осетинском национальном музыкально-драматическом театре и на других сценах.

С. 9. *Посвящение.* — Адресат посвящения не установлен. Возможно, это то же лицо, которому посвящена драма «Menschen und Leidenschaften» (№ 485).

Так над гробницею стоит / Береза юная, склоняя / С участьем ветки на гранит, / Когда ревет гроза ночная!.. — Лермонтов использует здесь традиционную топику кладбищенской элегии. Рисунки с изображением могилы или урны под склонившимся деревом (символ memento mori, в частности, аллегория памяти об утраченной любви или дружбе) часто встречались в книжной графике (ср., например, виньетки на титульных листах сочинений Жуковского и Батюшкова, изданных в 1817 г.), и были непременным атрибутом дамских альбомов 1800–1820 гг. (ср.: Корнилова 1990: 76–81).

Патер Соррини. Итальянец-иезуит, служащий при инквизиции. — Патер (*лат.* отец) — католический священник. Иезуит — монах католического ордена иезуитов, основанного в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденного Папой Римским в 1540 г. Святая инквизиция — следственный и карательный орган католической церкви, созданный в XIII в. для борьбы с ересью и церковными преступлениями. Лермонтов объединяет в одном образе несколько негативных стереотипов, усиливающих друг друга: итальянец знаменует хитрость, иезуит — коварство и цинизм, инквизитор — беспощадность и жестокость. Некоторые черты Соррини сближают его с Дон Базилио из трилогии П. Бомарше (1732–1799) — лицемерие, беспринципность и, в особенности, готовность прибегнуть к клевете в острых ситуациях: «О клевета! приди на помощь — никогда / Так не нуждался я в тебе, как ныне» (д. IV, сц. 1).

С. 10. ...*Вдвоем гуляли мы в горах Кастильских...* — Кастильские горы — горы на Пиренейском полуострове в Испании, входящие в Центральную Кордильеру.

С. 14. ...*С слугой однажды шел я из Бургоса...* — Бургос — главный город провинции того же названия, в Кастилии.

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!.. — Ср. с жалобами Карла Моора на одиночество в «Разбойниках» Шиллера: «Моя невинность! О моя невинность!.. <...> Вселенная — одна семья, и один отец там, наверху! Отец, но не мне отец! Я один отвержен, один изгнан из среды праведных! Сладостное имя „дитя“ — мне его не услышать!» (Шиллер 1955–1957: I, 440–441).

С. 15. ...*При Карле первом, при дворе, в благоволенье...* — Карл I (1500–1558) — король испанский в 1516–1556 г. и император Священной Римской империи в 1519–1556 г. (под именем Карла V). Учредил в Нидерландах инквизиционный трибунал для борьбы с ересями.

...*второй при инквизиции / Священной, был не в малых людях <...> Конечно, он причислен к лику?* — Вероятно, предок Альвареца был светским членом Супремы — высшего совета инквизиции (в состав Супремы по назначению короля входило два

человека из Государственного совета). Далее речь идет о причислении к «лику святых», т. е. о канонизации.

С. 15. ...*В сраженье против англичан проклятых.* — Здесь, нужно полагать, подразумеваются неудачные действия испанского флота (так называемой «Непобедимой Армады») против англичан в 1588 г.

...И род наш до трубы последней продолжился)... — «Глас трубный», согласно представлениям христианских церквей, будет означать наступление Страшного суда.

С. 16. *Когда пергаменты свои покажешь...* — Пергамент — обработанная кожа (обычно телячья), употреблявшаяся для письма. Здесь — грамоты, свидетельствующие о дворянском происхождении.

...Как то, что папа есть апостолов наместник!.. — Глава католической церкви Римский Папа считается среди католиков наместником на земле апостола Петра.

С. 17. *Вон! вон скорей из дома моего...* — Ср. в «Дон Карлосе» Шиллера: «Вон с глаз моих!» (Шиллер 1955–1957: II, 55). Параллелизм сцен подтверждается и тем, что и Фернандо, и Карлос уходят в крайнем раздражении, угрожая совершить какой-либо безрассудный поступок.

...Видаться с нею, то, клянусь Мадритом... — Мадрит (Мадрид) — с конца XVI в. столица Испании. Орфография, в соответствии с которой на конце слова писалась литера *т,* была распространена в русских литературных памятниках первой половины XIX в. (ср. трагедию Пушкина «Каменный гость», 1830).

С. 18. *Повеса он большой, и пылкий малый...* — Ср. в «Дон Карлосе»: «Он горд своей свободой, не привык / Повиноваться, чтобы стать достойным / Повелевать, — ему ли быть на троне! / Нет, в нем живет гиганта смелый дух, / Все нити нашей мудрости державной / Он разорвет» (Шиллер 1955–1957: II, 99). И Доминго, и Соррини прикрывают свое враждебное отношение к Карлосу и Фернандо заботой о троне и церкви; оба также привлекают женщин (принцессу Эболи и донну Марию).

С. 19. *Когда он был еще ребенком, позволял...* — В рассказе Альвареца об увлечении Фернандо Эмилией варьируется история любви Карлоса к Королеве («Дон Карлос»); см.: Яковлев 1924: 82.

С. 28. *Ах! ах! святой Доминго, помоги!* (ср. на с. 44: *Пойдемте, с помощью святого Доминика!*) — Доминго (Доминик, 1170–1221) — основатель монашеского Ордена проповедников — доминиканцев (1214), воинствующий преследователь религиозных ересей, причисленный к лику святых.

С. 30. ...*Мы созданы Небесным друг для друга.* — Ср. в «Дон Карлосе»: «Пред целым миром были вы моею, / Два мощных трона отдали мне вас, / Мне бог вас предназначил и природа» (Шиллер 1955–1957: II, 37). Сходным же образом прерывается и свидание обеих пар.

Взгляни опять: подобная Армиде... — Армида — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» («La Gerusalemme liberata», 1580) итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595). О своих приключениях в волшебном дворце Армиды рыцари рассказывают в песни X поэмы (см.: *Тассо Т.* Освобожденный Иерусалим. Пер. С. Е. Раича. М., 1828. С. 259 и след.).

С. 32. *Ступай ты лучше в монастырь...* — Здесь возможна реминисценция из трагедии В. Шекспира (1564–1616) «Гамлет» («Hamlet», 1600–1601; акт III, сц. 1). «Г а м л е т: Уйди в монастырь, к чему тебе плодить грешников...» (пер. М. Л. Лозинского.)

С. 35. *Positum* — нужно полагать *(лат.)*.

С. 36. *...Не то все гурии завянут...* — Гурии, по мусульманским верованиям, райские девы, услаждающие праведников.

Поди ты к черту с ним — ракалия!.. — Ракалия — негодяй, бестия, подлец (от *фр.* racaille).

С. 41. *Что значит золото? — оно важней людей...* — Ср. в «Дон Карлосе» «Деньгам доступно многое» (Шиллер 1955–1957: II, 106). Страсть к деньгам намного сильнее проявляется в характере Соррини, чем Доминиканца.

...Купивши индульгенцию... — Индульгенция — грамота об отпущении грехов, выдававшаяся или продававшаяся католической церковью, преимущественно Папами Римскими, начиная с XI в.

С. 43. *Гвадьяна бежит по цветущим полям...* — Гвадиана — река в Испании и Португалии. Первоначально на месте этого текста, вероятно, предполагалась другая вставная баллада («Берегись, берегись, над Бургосским путем...» — см.: Т. I. № 133), которая являлась вольным переложением «Песни леди Амондевилль» из «Дон-Жуана» Байрона («Don Juan», 1819–1824; песнь XVI, 36–41). Однако перевод остался незаконченным, а в «Испанцах» появился совсем иной, вполне оригинальный текст, но с теми же строфическими и ритмическими характеристиками, восходящими к Байрону (восьмистишия с регулярным чередованием четырехударных и трехударных строк, где амфибрахии и анапесты перемежаются дольником). Подробнее о цикле лермонтовских баллад 1830 г. см.: Wilkinson 1977: 146–189.

...С чалмой и крестом, над чугунным столбом, / Стоит превысокий курган. — Ср. в поэме Лермонтова «Каллы» (1830–1831) описание памятника, ставившегося над могилами убитых, которые должны были быть отомщены: «Белеет памятник простой: / Какой-то столбик округленный! / Чалмы подобие на нем» (Т. II. С. 104); изображение чалмы указывало на то, что погребенный — хаджи, т. е. мусульманин, совершивший паломничество (хадж) в Мекку. Однако здесь на традиционную магометанскую символику наслаивается, в соответствии с сюжетом баллады, символика христианская, — прием, возможно, заимствованный из описания памятника Марии в «Бахчисарайском фонтане»: «Над ним крестом осенена / Магометанская луна...» (Пушкин 1937–1959: IV, 168).

...Взошел сарацин... — Сарацинами в античности именовались кочевые племена западной и южной Африки. В Средние века сарацинами стали называть всех мусульман, и это значение слова сохранилось и много позднее.

С. 44. *...Не хочешь ли вина, искусный трубадур?* — Трубадур — странствующий поэт-певец во Франции XI–XIII вв. В Кастилии их называли хугларами. Лермонтов употребляет наименование, широко усвоенное поэтической традицией.

С. 50. *Будь Авраам свидетель...* — Авраам — герой библейских легенд, один из древнееврейских патриархов.

С. 52. *У волка есть берлога, и гнездо у птицы — / Есть у жида пристанище; / И я имел одно — могилу!..* — По наблюдению Л. П. Гроссмана (Гроссман 1941: 718) — парафраз строк из стихотворения Байрона «Oh! Weep for Those», входящего в цикл «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies», 1815): «У горлицы есть гнездо, у лисы — пещера, / У рода людского — его страна, а у Израиля — только могила» («The wild-dove hath her nest, the fox his cave, / Mankind their country — Israel but the grave»). Восходит к евангельскому: «Лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58; также ср. Пс. 83: 4).

С. 56. *Бог сохрани меня от этой мысли...* — В монологе Фернандо выступает в роли яростного противника церковной власти, что сближает его с Карлом Моором из «Разбойников» Шиллера (ср. с монологом «Слышали? Заметили, как он вздохнул?..» (Шиллер 1955–1957: I, 432)). Вражда между патером и Моором также напоминает противостояние Соррини и Фернандо: так, оба церковника грозят молодым людям физической расправой, а впоследствии приказывают схватить.

С. 70. *Еврейская мелодия.* — Первоначальную редакцию см.: Т. I. № 328. М. А. Яковлев отмечает, что песня контаминирует мотивы поэтического цикла Байрона «Еврейские мелодии» (см. выше) и соотносится с гимном, который поет Ревекка в 39-й главе романа В. Скотта «Айвенго» (Яковлев 1924: 112–117; подробный разбор заимствований из Байрона см.: Воробьев 2002). Следует также заметить, что лермонтовский текст вослед Байрону варьирует мотивы псалмов Давидовых (ср., например, Пс. 136: 1–9); библейские аллюзии такого рода были характерны и для декабристской гражданской поэзии (ср. «Плач пленных иудеев» Ф. Н. Глинки, 1822).

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел!.. <...> В пустынях рассеяно племя твоё. — Израиль, или «земля Израилева» — библейское название Палестины, здесь — народ Израиля. Солим — одно из названий древнего Иерусалима (ср. стихотворение «Ветка Палестины» — Т. I. № 330). В данной строфе ощутимо влияние 4-го, 5-го и 21-го стихотворений байроновского цикла: «Oh! Weep for those that wept by Babel’s stream» («О! Плачьте о тех, кто рыдал на реках Вавилонских»), «The Wild Gazelle» («Дикая газель»), «By the Rivers of Babylon We Sat Down and Wept» («У рек Вавилона мы сидели и плакали»).

...Того, кто явился к пророку в огне!.. — По библейскому сказанию, пророку Моисею во время исхода евреев из Египта явился Бог в горящем, но не сгорающем кусте терновника («неопалимая купина», Исх. 3: 1–4).

Тому только можно Сион вам отдать... — Сион — гора в юго-восточной части Иерусалима, на которой возвышалась крепость. Метонимически обозначает храм Соломона, весь Иерусалим и пр.

...Привесть вас на землю Ливанских холмов... — То есть возвратить евреев из изгнания. Ливанские холмы — плоскогорье Ливана.

С. 82–83. *...Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться ~ Так судят люди большей частью.* — В начале 1830 г. в стихотворении «К***» Лермонтов писал: «Поверь:

великое земное / Различно с мыслями людей. / Сверши с успехом дело злое — / Велик; не удалось — злодей» (Т. I. № 66).

С. 83. *Великий инквизитор обещал / У нашего отца святого выпросить / Мне шапку кардинала...* — Великий инквизитор — глава испанской инквизиции (с 1483 г.). Святой отец — Папа Римский. Кардинал — самый высокий (после папы) сан в католической церкви.

С. 86. *...теперь я говорю / Отважно*: *veni, vici — потому / Что я еще девицу не видал!..* — Восходит к известному изречению Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил» («Veni, vidi, vici»). Этими словами, как рассказывает Плутарх, Цезарь известил одного из друзей о своей победе над понтийским царем Фарнаком в 47 г. до н. э.

С. 97. *А! Соррини! / Она моя... и честь ее моя.* — Ср. монолог Фердинанда в «Коварстве и любви» Шиллера: «Погиб! Да, несчастная! Я погиб...» (Шиллер 1955–1957: I, 684).

С. 99. *Ни с места вы, рабы!..* — Ср. в «Дон Карлосе»: «Мечи в ножны!» (Шиллер 1955–1957: II, 242). Далее, Соррини останавливает слуг от нападения на Фернандо так же, как у Шиллера король — грандов; и Фернандо, и Карлос обращаются к трупам Эмили и маркиза с похожими по содержанию речами; наконец, оба персонажа добровольно сдаются.

С. 102. *Он еретик! он верит Лютеру / И чтит его!..* — Мартин Лютер (1483–1546) — реформатор католической церкви, отлучен от церкви и признан еретиком Папой Львом X в 1520 г.

С. 104. *...Кровавое пятно и день и ночь / Глазам бессонным станет представляться!..* — Возможно, реминисценция из Шекспира (ср. слова леди Макбет в трагедии «Макбет» («Macbeth», 1606; д. V, сц. 1): «Ах ты, проклятое пятно! Но когда же ты сойдешь?» (пер. Б. Л. Пастернака).

С. 108. *Нет, не могу я видеть этот жемчуг...* — Ср. с реакцией леди Мильфорд на бриллианты, полученные от герцога: «Прочь эти брильянты! Они бросают в мое сердце отблеск адского пламени» (Шиллер 1955–1957: I, 640).

С. 113. *...Бог знал заране всё / Зачем же Он не удержал судьбы?..* — В поэме <«Азраил»> герой произносит такую же жалобу: «...всесильный Бог, / Ты знать про будущее мог, / Зачем же сотворил меня?»

С. 125. *Нет! Аврааму было легче самому / На Исаака нож поднять...* — Согласно библейской легенде, Авраам по требованию Бога согласился принести ему в жертву единственного своего сына Исаака. В то время, когда Авраам занес над связанным сыном нож, к нему явился ангел и передал ему слова Бога, удовлетворившегося послушанием Авраама и разрешившего ему сохранить жизнь сына (Быт. 22: 1–19).

Лит.: ЛЭ 1981: 200–201; Висковатов 1891: 57–61; Замотин 1914: 54–57; Нейман 1915: 709–721; Яковлев 1924: 48–55, 76–125; Якубович 1935: 245; Алексеев 1940: 423–424; Нейман 1940: 35–46; Дурылин 1941: 15–38; Закруткин 1941: 241–246; Мануйлов 1950: 42–59; Данилов 1957: 170; Владимирская 1960а: 13–30; Владимирская 1960б: 13–30; Эйхенбаум 1960: 45–56; Эйхенбаум 1961:

154–162; Пустынников 1962: 51–89; Федоров 1967: 292–294; Удодов 1973: 85–90; Владимирская 1974: 93–100; Владимирская 1975: 3–22; Иванова 1979: 94–97; Григорьян 1982: 372–374; Стадников 1989: 106–113; Гребнева 1998: 5–11; Головенкина 2008: 30–37; Витковская 2013; Данилевский 2013: 259–261.

485. Menschen und Leidenschaften

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 6. Л. 1–58 — беловой, с пометами и рисунками; на л. 1 заглавие: «Menschen und Leidenschaften (ein Trauerspiel)* 1830 года. М. Лермантов»; здесь же полустершийся, подведенный чернилами, набросок мужской головы с усами; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6 (тетрадь 6). Л. 14 — черновой отрывок монолога Юрия Волина из д. V («Природа подобна печи ~ так и с нами»).

Печатается по автографу РНБ.

Датируется 1830 годом по заголовку в автографе (датировку возможно сузить — тетрадь 6 с черновыми набросками заполнялась в первой половине года).

Впервые: Лермонтов 1860: II, 90 (посвящение и пересказ содержания); полностью: Лермонтов 1880: 129–195. На более ранние планы опубликовать трагедию указывает цензурная помета на рукописи РНБ: «1855 года рассмотрено. Следует напечатать. Отнестись к Краевскому», однако подробности этого проекта неизвестны.

В жандармской «Описи переномерованым бумагам корнета Лермонтова», составленной при его аресте 20 февраля 1837 г., упоминается «План, составленный Лермонтовым для драмы, заимствованный из семейного быта сельских дворян, — написана ли по сему плану драма, неизвестно» (Лермонтов 1954–1957: VI, 474). Вероятно, пьеса «Menschen und Leidenschaften» и была создана по этому несохранившемуся плану. Однако эту драму нельзя назвать только семейно-бытовой, как то было определено жандармами, — общественно-политическое содержание ее выходит далеко за пределы бытовых коллизий.

Адресат посвящения драмы «Menschen und Leidenschaften», так же как и трагедии «Испанцы», не известен: после слова «Посвящается» в рукописи следует двоеточие, тире и тщательно зачеркнутое, не поддающееся прочтению имя. Не исключено, что это та же девушка, о которой в 1829 г. Лермонтов писал в стихотворению «К Гению»; сцена свидания здесь имеет сходство с аналогичными сценами в этих драмах. В позднейшем примечании к этому стихотворению он писал: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне <т. е. в имении Ю. П. Лермонтова Кропотове> в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — *и поныне люблю*» (Т. I. № 12 и комментарий). Несомненную связь с этим эпизодом имеют стихотворение «Дереву» (Т. I. № 110) и заметки «1830 (мне 15 лет)» и «Мое завещание (про дерево, где я сидел с А. С.): (Схороните меня под этим сухим деревом...)» (Т. IV. № 532, 534), а рядом с текстом посвящения к драме нарисован поясной портрет молодой женщины, сидящей под деревом. Инициалы А. С. подходят

* Люди и страсти (Трагедия) (*нем.*).

к двум молодым родственницам Лермонтова, которых по обычаю тех лет называли кузинами. Несмотря на то, что Анна Григорьевна Столыпина (в замужестве Философова, 1815–1892) была на один год моложе поэта, в некоторых его биографиях именно ее называют адресатом этих произведений. П. А. Висковатов в письме Е. А. Боброву писал: «...Это всего вероятнее была Анна Столыпина» (Бобров 1909: 89). К этому мнению присоединился и М. А. Яковлев (Яковлев 1924: 128–129). Но в заметке «1830 (мне 15 лет)» Лермонтов пишет, что девушка была старше его на 5 лет. По возрасту больше подходит другая кузина поэта — Агафья Александровна Столыпина (1809–1874). Она, кстати, вместе с родственниками, среди которых был и Лермонтов, ездила на Кавказские Воды в 1825 году. Но трудно сказать, могла ли она в 1827 году гостить в Кропотове.

Трагедия «Menschen und Leidenschaften» написана в годы внимательного изучения Лермонтовым творчества Ф. Шиллера. К 1829–1830 годам относятся переводы его стихотворений «Три ведьмы», «К Нине», «Встреча», «Перчатка», «Дитя в люльке», «Делись со мною тем, что знаешь...» (Т. I. № 20, 21, *55*, *57*, *58*, *59*). Воздействие пафоса и стиля Шиллера особенно ощутимо в драмах Лермонтова. В некоторых случаях он заимствует, часто в трансформированном виде, шиллеровские сюжетные ситуации и сцены, в иных случаях вплоть до текстуальной близости (подробнее о шиллеровских параллелях см.: Яковлев 1924: 166–171).

И у Шиллера в драме «Разбойники», и у Лермонтова в «Menschen und Leidenschaften» ключевой момент — несправедливое проклятие отцом сына. И Карл, и Юрий жертвы расчетливой клеветы. Проклятие отца повергает Карла Моора в отчаяние, и он готов молиться не Богу, а тому, кто «нанесет жгучую рану людскому племени»; и этот «мститель», восклицает он: «...Станет мне другом, ангелом, богом! Я буду молиться на него» (д. I, сц. 2, пер. Н. Ман). Протест Юрия носит гораздо более резко выраженный богоборческий характер: «Бог всеведущий! зачем Ты не отнял у меня прежде этого зрения... зачем попустил видеть, что я Тебе сделал, Бог!.. О! во мне отныне нет к Тебе ни веры, ничего нет в душе моей!..» (д. IV, явл. 5). В несколько измененном виде этот монолог был перенесен в драму «Странный человек» (№ 486). Позднее раскаяние отцов в обеих драмах («Разбойники» и «Menschen und Leidenschaften») выливается в схожие реплики: «Старик Моор: Мое проклятье убило его! Он умер в отчаянии!» (акт II, сц. 2). «Николай Михалыч: Мой сын... от моего проклятья!.. не может быть» (д. V, явл. 11). В обеих драмах раскаявшиеся виновники произошедшего разражаются упреками в адрес тех, кто толкал их на это. «Старик Моор *Французу*: Ты своими наговорами вырвал проклятье из моего сердца!.. Ты... ты!» (д. II, сц. 2). «Марфа Ивановна: Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты *(поднимает руку на нее)* своими сплетнями это сделала...» (д. V, явл. 7). Сцена чтения Евангелия в «Menschen und Leidenschaften» также, возможно, навеяна сценой из «Разбойников» (д. II, явл. 2), где Амалия читает Библию старику Моору, но эти эпизоды имеют различный смысл. История Иакова, которому предъявляют ложные доказательства гибели Иосифа, аналогична положению Старика Моора, также обманутого. Тексты Евангелия воспринимаются Марфой Ивановной в сниженном личном плане, что добавляет еще

одну черту к ее характеристике. Юрий Волин кончает жизнь самоубийством, Карл Моор приходит к мысли о самоубийстве, от которой скоро отказывается.

Есть аналоги с драмой Лермонтова и в драме Шиллера «Коварство и любовь»: Юрий, объясняясь с отцом, заявляет: «Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете» (д. V, явл. 3). То же самое говорит отцу и Фердинанд: «Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка в жертву вашему величию» (акт I, сц. 7, пер. Н. Любимова). Еще характернее схожая ситуация: Юрий узнает о верности Любови уже после того, как принял яд. Фердинанд узнает, что роковое письмо было написано Луизой, чтобы спасти отца, после того, как она уже выпила яд.

«Как характерно, — писал С. Н. Дурылин, — что драму из *русской* жизни Лермонтов озаглавливает *по-немецки*! В этой *шиллеризации* самого заглавия драмы Лермонтов без всякой утайки обнаруживает кровную связь ранней драматургии с великим немецким драматургом» (Дурылин 1941: 17). Такого рода заглавия характерны для немецкой романтической драмы: «Kabale und Liebe» («Коварство и любовь», 1784) Ф. Шиллера, «Sturm und Drang» («Буря и натиск», 1776) Ф.-М. Клингера, «Menschenhass und Reue» («Человеческая ненависть и раскаяние», 1789) А. Коцебу (1761–1819) и др.

Но, опираясь на традиции романтической драмы, Лермонтов вносит в свое произведение социальные мотивы, которые дают возможность рассматривать его как драму социальную. Б. М. Эйхенбаум писал: «В основе своей эта трагедия социальная, созданная путем приложения сен-симонистских идей к русской жизни последекабрьской поры. Людей связывает здесь не взаимная любовь и уважение друг к другу, не стремление к общему идеалу, а расчет, хитрость, вражда. Юрий Волин противопоставлен другим персонажам пьесы не как „характер“, а как не зараженный еще пороками своей среды и своего времени („критической эпохи“ по Сен-Симону) член этого общества» (Эйхенбаум 1961: 169–170). Говоря о жанре «Menschen und Leidenschaften», исследователь вносит еще одно уточнение: «...В пьесе появляется мотив „судьбы“, который переводит ее из жанра семейной драмы в жанр философской трагедии» (Там же: 170).

Просматривается в драме и воздействие русской литературы (подробнее см.: Яковлев 1924: 171–176). Несомненны впечатления, например, от комедии Ф. И. Фонвизина «Недоросль» (1781). Марфа Ивановна во многом напоминает Простакову. Когда она рассуждает, куда и как ехать Юрию за границу (обязательно только во Францию, не заезжая в Германию), она подобна Простаковой, рассуждающей о бесполезности такой науки, как география. Или ее реплики: «Ты... с ним... едешь... ты с ума сошел. Я тебя не пущу... Так вот плоды моего воспитания!.. Вот нынешняя благодарность!» (д. III, явл. 5), которые прямо соотносятся со словами Простаковой: «И ты! и ты меня бросаешь! А неблагодарный!» (д. V, явл. последнее). Юрий, подобно Чацкому, готов бежать от общества, в котором не видит возможности существовать: «Беги далеко из родины, где для тебя ничего больше нет... Беги туда, где нет женщин... Где ж это край благословенный? пущусь искать его... Стану бро-

дить по свету...» (д. IV, явл. 5). «Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит» (Там же). «Ч а ц к и й: Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок. / Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, / Где оскорбленному есть чувству уголок!» (д. IV, явл. 14). В «Menschen und Leidenschaften» Лермонтов, следуя традиции русской драматургии XVIII века, некоторым действующим лицам дает имена, соответствующие сущности их личности: Громова, Волины, Любовь. Современный материал пьесы диктует отказ от стихотворной формы, заставляет индивидуализировать речевые характеристики, детализировать приметы быта. Но в то же время монологи Юрия Волина, его пафос и фразеология могут восприниматься как речь романтических героев, подобных шиллеровским. Возникает то, что В. Э. Вацуро назвал «стилевой двойственностью» (Вацуро 2008: 539).

В лермонтоведении отмечалась близость некоторых эпизодов драмы Лермонтова к аналогичным сценам в повестях А. А. Бестужева-Марлинского (1797–1837) «Испытание» (1830), «Замок Нейгаузен» (1824). В частности, указывались ситуации ссор на почве ревности двух друзей (иногда братьев), приводящие к дуэли. Но, как заметил Б. М. Эйхенбаум, «совпадение традиционных мотивов, да еще бытующих в данную эпоху, не является убедительным доказательством литературного влияния» (Лермонтов 1935–1937: IV, 493).

«Menschen und Leidenschaften» — первое произведение Лермонтова, действие которого происходит в хорошо известной автору среде, не в далеких странах (Испания, Италия, Кавказ), а в русской провинции, в помещичьей усадьбе: сцены этой жизни, обстановка, характеры написаны по личным впечатлениям автора. Трагедия изобилует автобиографическими материалами. Это в свое время даже побудило П. А. Висковатова использовать ее как источник биографических сведений о поэте. В принципе отвергая подобные подходы, Б. Т. Удодов писал о постоянном взаимодействии «между образами задуманного произведения и отражаемой ими действительностью... Движение Лермонтова от факта к образу необыкновенно диалектично. В своем творчестве поэт, с одной стороны, *всегда* теснейшим образом связан с реальными жизненными фактами, предельно „автобиографичен“ и „субъективен“. А с другой стороны, он всегда, даже в ранних произведениях, выступает не как фотограф, а как художник, стремящийся к глубоким образным обобщениям» (Удодов 1973: 100–101). А. И. Журавлева писала: «...Житейские ситуации биографии поэта введены не прямо, а в романтически преображенном, сгущенном виде, иногда по-новому скомбинированы, а главное, характеры участвующих в них лиц заострены, иной раз резко сдвинуты» (Журавлева 1988: 17).

В плане автобиографизма наиболее показателен образ главного героя. Здесь, однако, можно говорить не столько об автобиографизме, хотя многие события и ситуации в жизни Волина несомненно биографичны, сколько об автопсихологизме или «духовном автобиографизме» (Журавлева 1988: 16). Многие лирические стихотворения Лермонтова 1830 г. звучат в том же ключе, что и монологи Юрия Волина, иногда наблюдается даже их текстуальная близость. В. Х. Хохряков, одним из первых начавший собирать материалы для биографии Лермонтова, общавший-

ся с друзьями поэта А. П. Шан-Гиреем и С. А. Раевским, записал: «...Характер Юрия Николаевича похож на лермонтовский» (Лермонтов 1954–1957: V, 726). В сюжете драмы центральное место занимает отражение семейных неурядиц между отцом поэта, Юрием Петровичем, и бабушкой, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, которые вели спор за право жить с ним вместе и руководить его воспитанием и образованием. Эти жизненные обстоятельства тяжелым бременем легли на детство и юность поэта, что отразилось и в его лирике («Ужасная судьба отца и сына...», 1831) и «Эпитафия» («Прости! увидимся ль мы снова?..», 1832). Точно передан в драме и смысл подлинного завещания Е. А. Арсеньевой.

Эти автобиографические сюжетные линии и характеры слишком буквально были поняты Хохряковым, который стремился найти точные прототипы действующих лиц среди окружения поэта. «М. И. Громова — бабушка Лермонтова. Н. М. Волин — отец Лермонтова. Ю. Н. — Лермонтов. В. М. Волин — брат отца Лермонтова. Любовь, Элиза — двоюродные сестры Лермонтова. Заруцкий — Столыпин (не знаю, который из Столыпиных). Дарья — нянька Лермонтова. Иван — слуга Лермонтова, муж няньки. Он привез в Тарханы тело Лермонтова. Лермонтов стрелялся со Столыпиным из-за двоюродной сестры. Замужняя жизнь Марьи Мих<айловны> Лермонтовой <матери поэта> была несчастлива, потому на памятнике переломленный якорь. Елизав<ета> Алексе<евна> дала отцу Лермонтова деньги, лишь бы он не брал сына (может быть, деньги б<ыли> даны, чтобы кончить споры об имении)» (цит. по: Лермонтов 1954–1957: V, 726). Как видим, Хохряков не исключал ни той, ни другой цели этих векселей.

Прототипы Дарьи и Ивана, о которых выше пишет Хохряков, — это Дарья Григорьевна Соколова, ключница в Тарханах, и ее муж Андрей Иванович Соколов, «дядька» и лакей Лермонтова (см.: Вырыпаев 1976: 60–64). О них Е. А. Арсеньева писала Лермонтову в письме от 18 октября 1835 г.: «Скажи Андрею, что он так давно к жене не писал, она с ума сходит, все плачет, думает, что он болен, в своем письме его письмо положи, купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью» (Т. IV, раздел «Письма к Лермонтову». № 9). Через Соколова во время ареста Лермонтова по делу о стихотворении «Смерть Поэта» (1837) С. А. Раевский послал поэту копию своих ответов на следствии. В 1842 г. Соколову было поручено перевезти тело Лермонтова из Пятигорска в Тарханы.

Персонажи драмы Марфа Ивановна Громова и Николай Михайлович Волин совершенно не соответствуют личностям Е. А. Арсеньевой и Ю. П. Лермонтова. И к тому, и к другому Лермонтов относился с нежной любовью — потому их вражда и была так трагична для него. Некоторым действующим лицам Хохряков вообще напрасно искал прототипы. У Юрия Петровича не было братьев, так что В. М. Волин прототипа не имеет. Искать прототипов для Элизы и Любови также не имеет смысла: оппозиция характеров имеет здесь исключительно литературное назначение. Указание на то, что прототипом Заруцкого является один из Столыпиных, с которым у Лермонтова была дуэль из-за двоюродной сестры, никакими документами и воспоминаниями о поэте не подтверждается. Вероятно, и в этом

образе Лермонтов стремился изобразить не какое-то конкретное лицо, а пустого и легкомысленного светского человека — тип, противоположный Юрию Волину. Тем не менее, Эйхенбаум поддерживал эту версию и называл в качестве прототипа Заруцкого именно Монго-Столыпина.

Драма «Menschen und Leidenschaften» впервые была поставлена в 1948 г. на сцене Хакасского областного драматического (русского) театра; в 2000 г. — в московском театре «Сфера».

С. 133. *...наконец его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину.* — Сохранились два заемных письма (векселя) на 25000 руб., выданных Е. А. Арсеньевой Ю. П. Лермонтову. Значение этих писем долгое время трактовалось как условие, при котором Юрий Петрович соглашался оставить сына у бабушки. Архивные разыскания П. А. Вырыпаева заставляют в корне переосмыслить происхождение этих документов. Обратившись к материалам Тульского губернского архива, он установил, что деньги Е. А. Арсеньева должна была выплатить зятю за имущество умершей дочери, оставшееся в ее распоряжении. При этом второе заемное письмо (28 февраля 1817 г.) только повторяло условия первого (21 августа 1815 г.) и по нему деньги были выплачены (Вырыпаев 1976: 36–40). По всей вероятности, если второй вексель был подписан в феврале 1817 г. и если предположить, что его появление было связано с условием оставить Лермонтова у бабушки, то вопрос о том, кто будет его воспитывать, тогда же должен был быть решен. Тем не менее, М. М. Сперанский 5 июня 1817 г. пишет: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына, едва согласился оставить еще на два года» (Летопись 2003: 45). Это свидетельствует о том, что заемные письма не имели отношения к тому, где будет жить мальчик.

С. 134. *...хоть он и нарахтится в важные люди.* — Нарахтиться — стремиться к чему-либо.

С. 135. *Если жизнь тебя обманет...* — стихотворение А. С. Пушкина, впервые напечатанное в 1825 г. в «Московском телеграфе» (Ч. 5. № 17. С. 37).

С. 136. *Смертный, мне ты подражай!* — измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Гроб Анакреона» (1815), в окончательной редакции напечатанного в 1826 г. в книге «Стихотворения Александра Пушкина»:

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубок наливай!
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай!
(Пушкин 1999–2010: I, 148)

...прекрасная мечта земного, общего братства... — Возможно, что Юрий говорит о «всеобщем братстве», упоминаемом в книге Анри де Сен-Симона (Saint-Simon,

1760–1825) «Новое христианство» («Nouveau Christianisme», 1825). Слова Юрия можно сравнить со следующей строфой из стихотворения Лермонтова «Отрывок» (1830; Т. I. № 92):

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

С. 138. *«Поверь мне, той страны нет краше и милее...»* — измененные заключительные строки из басни И. А. Крылова «Два голубя» (1808): «Но, верьте, той земли не сыщете вы краше, / Где ваша милая, иль где живет ваш друг» (Крылов 1984: I, 477). Близкая мысль повторяется у Лермонтова в стихотворении «Прощанье» (1832): «Поверь, отчизна там, где любят нас» (Т. I. № 264) и в поэме «Измаил-бей» (1832): «По мне отчизна только там / Где любят нас, где верят нам!» (Т. II. № 465 и комментарий).

С. 139. *Ma sœur* — сестра (*фр.*).

Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... — В романе Вальтера Скотта «Вудсток, или Кавалер» («Woodstock or the Cavalier», 1826) значительное место занимает сцена несостоявшейся дуэли между Карлом II Стюартом, скрывающимся под чужим именем, и сторонником О. Кромвеля полковником Маркемом Эверардом, которого любит Алиса Ли, убежденная роялистка. Самоотверженный и рискованный поступок Алисы, остановившей поединок двух претендентов на ее внимание, вызывает восхищение Любови и насмешку Элизы, что дополнительно подчеркивает конфликт их характеров.

С. 140. *...я была у Троицкой лавры...* — Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде под Москвой. Лермонтов вместе с бабушкой и кузинами совершал туда пешее паломничество в августе 1830 г. (Летопись 2003: 81–82).

С. 141. *Марфа Ивановна <...> девок по щекам так и лупит...* — Ср. отношение помещицы Лесинской к служанке Лизе в «Дмитрии Калинине» В. Г. Белинского (1830): «Да ты еще вздумала вывертываться, так вот же тебе. *(Бьет ее по щекам)*» (Белинский 1953–1959: I, 442). Сходным образом Лесинская и Марфа Ивановна пытаются «сослать» на конюшню старого слугу Ивана и Ваську-поваренка.

С. 143. *Эй, Дашка, возьми-ка Евангелие и читай мне вслух.* — Ср. в «Дмитрии Калинине» диалог Лесинской и Сидора Андреевича, наполненный цитатами из Библии (Белинский 1953–1959: I, 443–446).

С. 144. *Ведяху ~ жребия.* — Цитата из Евангелия (Лк. 23: 32–34).

Горе вам ~ беззакония. — Цитата из Евангелия (Мф. 23: 27–28).

Дополняйте же ~ геенны. — Цитата из Евангелия (Мф. 23: 32–33).

Сего ради глаголю вам ~ согрешения ваша. — Цитата из Евангелия (Мк. 11: 24–25).

С. 146. *Все колбасники, шмерцы!..* — Шмерцы — презрительное прозвище немцев (от *нем.* Schmerz — боль, горе; зарождению прозвища, видимо, способствовало расхожее немецкое восклицание «O, Schmerz!» — «О, горе!», «Вот напасть!»).

Неужто Кант был дурак?.. — Иммануил Кант (1724–1804) — родоначальник немецкой классической философии. Многие из современников Лермонтова изучали философию Канта в университетах Германии.

С. 147. *...знает, что он ничего не знает.* — Перефразировка изречения «Я знаю, что ничего не знаю», приписываемого греческому философу Сократу.

С. 151. *je dois être aujourd'hui plus belle que jamais* — я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо (*фр.*).

Comme si c'était une affaire d'état!.. — как будто это — государственное дело!.. *(фр.)*.

Moi je me moque de tout cela! — я-то над всем этим смеюсь! (*фр.*).

Équivoque — двусмысленность (*фр.*).

С. 154. *За месяц перед смертью твоей матери...* — Далее идет рассказ, передающий историю, близкую семейной драме Лермонтова (кроме сюжета о подаренном имении).

Павел Иванович. — Его прототип — предположительно брат Е. А. Арсеньевой, Афанасий Алексеевич Столыпин.

С. 155. *Если я умру, то брат П<авел> И<ваныч> опекуном именью...* — В завещании Е. А. Арсеньевой, написанном в 1817 г., вскоре после смерти дочери, есть подобное же распоряжение: «...В случае же смерти моей я обнадеживаюсь дружбой моей... с родным братом моим... Афанасием Алексеевичем Столыпиным, коего и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти, прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным или родному зятю моему... Григорью Даниловичу Столыпину... если же отец внука моего истребовает... то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михаиле Юрьевичу Лермантову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении» (Бумаги Арсеньевой 1948: 635).

С. 161. *...рыбки попляшут на сковроде...* — Этот образ навеян, по-видимому, чтением басни Крылова «Рыбья пляска» (1824).

Эта старуха вертится... как солдат по барабану... — Во время строевых учений словесные команды дублировались барабанными сигналами, которые должны были легко узнаваться и исполняться солдатами в боевой обстановке.

С. 163. *Господин офицер...* — Дальнейшая сцена соответствует сцене между Валерианом и Греминым в «Испытании» А. А. Бестужева-Марлинского. Ссора между молодыми людьми в обоих случаях прерывается — Ольгой и Любовью Волиной соответственно.

С. 167. *...недвижна, как жена Лотова...* — По библейской легенде жена Лота была превращена в соляной столб в наказание за то, что во время бегства из Содома оглянулась на гибнущий город, нарушив запрет ангелов (Быт. 19: 15–24).

С. 172. *Но я тебя прошу... поменажируй его...* — От *фр.* ménager — щадить, беречь.

С. 176–178. Явления 8 и 9 Лермонтов впоследствии почти без изменений перенес в драму «Странный человек» (сцена XI).

С. 176. *Возьми это — и ступай отсюда, здесь тридцать червонцев...* — Ср. аналогичную сцену в «Разбойниках»: Карл Моор дарит старому слуге Даниэлю кошелек с деньгами в момент, предшествующий трагической развязке.

С. 178. *...я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденье моем.* — Ср. в стихотворении «Одиночество» (1830): «И будут (я уверен в том) / О смерти больше веселиться, / Чем о рождении моем» (Т. I. № 77).

С. 180. *...мы с тобой не были созданы для людей.* — Ср. с последним стихом «Эпитафии» — «Он не был создан для людей» (Т. I. № 98) и со стихами из «Демона» (Т. II. С. 421):

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

Лит.: ЛЭ 1981: 277–278; Ефремов 1880: 386–394; Семевский 1888: 265–266; Спасович 1888: 375–376; Замотин 1914: 57–61; Яковлев 1924: 126–139, 165; Дурылин 1941: 15–28; Закруткин 1941: 246–251; Эйхенбаум 1941: 3–82; Иванова 1957: 126–128; 174–175; Пустынников 1961: 21–50; Пустынников 1962: 15–70; Богомолец 1963: 165–170; Владимирская 1975: 3–22; Андреев-Кривич 1978: 134–137; Григорьян 1982: 374–377; Арзамасцев 1984: 12–26; Яковченко 1991: 79–80; Дякина 2001: 20–22; Кольян 2002: 20–41; Косяков 2002: 71–79; Удодов 2004: 231–232; Кольян 2007: 4–24; Головенкина 2010: 117–124.

486. Странный человек

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 19. Л. 1–27 — беловой в тетради 18; на обложке тетради надпись рукой Лермонтова: «Странный человек. Романтическая драма. Москва, 1831 год». 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 10. Л. 1–36 — черновой в тетради 10 (без сцен IV и X), с заголовком: «Странный человек. Романтическая драма. 1831 года кончена 17 июля». 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 7, 21–22, 24 об.—25 — черновой в тетради 11 (сцены IV и X); на л. 7 запись: «Memor: прибавить к Странному человеку еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попалась Белинскому» (эта сцена не была написана; вероятно, ее заменили строфы из стихотворения «1831-го июня 11 дня» — Т. I. № 167).

Печатается по беловому автографу.

Окончание работы над пьесой датируется октябрем–декабрем 1831 года.

Впервые: РВ. 1857. Т. 9. № 6, кн. 1. С. 317–336 (подробный пересказ с отрывками по беловому автографу, в составе статьи С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова»); Лермонтов 1860: II, 197–282 (без двух сцен и с цензурными купюрами — по черновой рукописи из тетради 10; Лермонтов 1880: 197–271 (полностью, по беловому автографу в тетради 18).

Между драмами «Странный человек» и «Menschen und Leidenschaften» существует тесная связь. Б. М. Эйхенбаум считал, что «Странный человек» — коренная переработка и развитие тем, намеченных в «Menschen und Leidenschaften» (Эйхенбаум 1961: 185). Здесь есть даже повторение положений и эпизодов предыдущей драмы, например, в сцену XI «Странного человека» влились явления 8 и 9 из «Menschen und Leidenschaften». В новой драме Лермонтов продолжил переход от бытовой, семейной к социальной драме. Этому способствует, в частности, введение двух новых сцен. Одна их них — сцена IV, которая рисует кружок московских студентов, друзей Арбенина, противопоставленный светскому обществу. Вторая — введенная позднее сцена X, где разговор слуг дает ясное представление об их сочувственном отношении к Владимиру и осуждении Павла Григорьевича. Она подготавливает следующую сцену — разговор Арбенина с Иваном, его человечное отношение к крепостному слуге. Уже перерабатывая предисловие, поэт откинул слова о «безумной страсти», погубившей героя, и в тексте драмы причины его гибели изменены. Лермонтов отходит от того, что Б. М. Эйхенбаум определил как «вертеровская версия». Вместе с тем, с большей определенностью, чем в черновике, выявлена ненависть светского общества к Арбенину. Появляются такие отзывы о нем, как «злой насмешник», «не заслуживает названия дворянина», «ужасный повеса» (сц. II). Подготавливая мысль об антагонизме героя и дворянского окружения, Лермонтов уже в Предисловии к драме дает характеристику этому обществу. Усиливая социальную направленность «Странного человека», он еще определеннее высказывает свое отношение к крепостному праву. Если в «Menschen und Leidenschaften» это выразилось только в сцене с поваренком, разбившим хрустальную кружку, то здесь Лермонтов вводит целую сцену с мужиками, которые говорят о жестокости помещицы и беззащитности крестьян.

Общее в обеих драмах — это главный герой, благородный юноша, который противостоит обществу. Но здесь он наделен и новыми чертами. Прежде всего, он поэт, в стихах которого «виден гений». Это не только углубляет его характеристику, но и сближает с личностью автора. От Юрия Волина Владимира Арбенина отличает и то, что он не одинок: в студенческой среде его любят и ценят как поэта, его стихи читают и переписывают. Владимир Арбенин проводит отчетливую границу между студентами и светской молодежью, про которую он говорит: «Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи» (сц. II). Подчеркивается традиционная, но не слишком глубокая оппозиция студенчества (интеллектуалов и буршей) и светской среды. Так, Белинский, получив билет во Французский театр, размышляет: «Скучно будет сегодня во Французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего де-

лать! весь beau monde!» (сц. V); с теми же чувствами он едет на вечер: «К графу Пронскому — скука смертельная! а надо ехать...» (сц. I).

Одинок в светском обществе и сам Владимир Арбенин, но этот конфликт глубже, он в значительной мере опирается на байронический комплекс «бунтарства-изгнанничества»: «Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны» (сц. II); «Он жил с людьми как бы с чужими / И справедлива их вражда...» (черновая редакция сц. IV). Однако тут же возникают и мотивы разочарования, характерные для «Героя нашего времени»: «Где мои исполинские замыслы? к чему служила эта жажда к великому?» (сц. XI); ср. с размышлениями Печорина в ночь перед дуэлью: «...Верно, было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...». Печоринская двойственность угадывается и в словах Белинского об Арбенине: «Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться; и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей» (сц. V); ср.: «...Отчего я не хотел ступить на этот путь... где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное... Нет! я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами...» («Княжна Мери»; ср. также стихотворение «Парус», 1832; Т. I. № 309).

Автобиографические элементы в «Странном человеке» носят другой характер, чем в драме «Menschen und Leidenschaften». Здесь нет стольких биографических реалий. Только любовь героя к Наталье Федоровне Загорскиной и ее измена, вероятно, основаны на истории увлечения поэта Н. Ф. Ивановой. Лермонтов даже сохраняет ее имя. Остальные персонажи или не имеют прототипов, или они неузнаваемы. Тем не менее, Лермонтов, начиная с Предисловия подчеркивает, что драма имеет реальную основу, что она и написана для того, чтобы действующие лица себя узнали. Герою драмы Лермонтов приписывает свои стихи, написанные независимо от драмы. Причем друг Владимира сопровождает их чтение репликами: «Он чувствовал все, что здесь сказано», «Арбенин описывает то, что с ним было...». Вероятно, что и даты, которые выставлены перед каждой сценой, таят воспоминания о каких-то реальных событиях. Сочувствие переживаниям главного героя, его мироощущению, его стремлению к действию в гораздо большей степени сближает его с автором, чем жизненные обстоятельства (измена возлюбленной, поэтическое творчество, дружеский кружок московских студентов). Здесь еще определеннее, чем в «Menschen und Leidenschaften» проявляется не столько автобиографизм, сколько автопсихологизм. Б. Т. Удодов видит в этом художественный прием: «В драме „Странный человек“ неоднократно подчеркиваемая невыдуманность, реальная основа изображения становится важным составным художественным принципом Лермонтова-романтика» (Удодов 1973: 103).

Воздействие драматического творчества Шиллера на драму «Странный человек» значительно слабее, чем в «Испанцах» и «Menschen und Leidenschaften». Хотя противостоящий окружающим герой с его благородными порывами и патетическими монологами («И я его называл другом? Ад и проклятие! Он мне заплотит!..»), проклятие отца, обращение к Богу с негодующими упреками — все это роднит дра-

му с «Разбойниками» Шиллера (см.: Яковлев 1924: 179–180). Но совершенно отсутствует мотив рокового недоразумения, характерный для произведений немецкого драматурга. В характеристику Шиллера (и Мочалова, исполнителя заглавных шиллеровских ролей) вводится легкая, но ощутимая ирония: «Вышневский: Что играли? Челяев: Общипанных разбойников Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию. Вышневский: И ты, верно, крепко боялся в театре... Челяев: Боялся? Чего? Вышневский: Как же? — ты был один с разбойниками!» (сц. IV).

В «Странном человеке» улавливается вполне определенная связь с «Горем от ума». Отдельные выражения героя свидетельствуют о том, что комедия А. С. Грибоедова присутствовала в сознании автора во время написания «Странного человека». Вслед за Грибоедовым Лермонтов рисует картину московского дворянского общества во всей его неприглядности (расчетливое корыстолюбие, жестокость, узость этических представлений), но герой Лермонтова, так же как и Чацкий, признанный этим обществом сумасшедшим, не бежит из Москвы, а погибает (Яковлев 1924: 184–187).

Известны немногие постановки драмы «Странный человек» на сцене: в Московском драматическом театре Суходольских в 1916 г., в Московском театре им. Моссовета (спектакль студии) в 1948 г., в Киевском театре юного зрителя в 1958 г., в Пензенском драматическом театре в 1964 г.

С. 182. *Я решился изложить драматически происшествие истинное ~ Лица, изображенные мною, все взяты с природы...* — Единственная сюжетная линия в драме, носящая автобиографический характер, — это история отношений героя с Натальей Федоровной Загорскиной, которая, по-видимому, отражает основу истинных событий в жизни поэта. Лермонтов как будто и не старался это скрывать. Героиня носит то же имя и отчество, ее возраст и семейное положение также совпадают со сведениями о Н. Ф. Ивановой, роману с которой посвящен обширный цикл стихов Лермонтова (см. прим. к № 69). Некоторые из этих стихотворений, написанных независимо от драмы, в «Странном человеке» приписаны Арбенину. Вероятно, Н. Ф. Иванова и была в первую очередь тем, кто должен быть узнан и испытать раскаяние. «Лица, взятые с природы», по всей вероятности, не портреты реальных людей, а изображения типических персонажей, основанные на наблюдениях поэта над окружающей жизнью.

The Lady of his love was wed with one... и далее — Перевод:

Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим,
Кто любил ее не больше. . . . .
. . . .
. . . .
...И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,
И меланхолический взгляд — страшный дар;
Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,

Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым
уничтожает фантазию,
Приближает жизнь в ее истинной наготе
И делает холодную действительность слишком
действительной...
(*Сон.* Лорд Байрон) (*англ.*).

Лермонтов взял эпиграфом к пьесе две строфы из стихотворения Байрона «Сон» («The Dream», 1816). В эпиграфе, по существу, раскрывается весь психологический сюжет драмы — отвергнутая любовь бескорыстного, искренне любящего человека. Строки эпиграфа о «безумии мудрецов»: «...brings life near in utter nakedness, / Making the cold reality too real!..» («...приближает жизнь в ее полной наготе / И делает холодную действительность слишком действительной») соответствуют тому, что сказано о сумасшествии Арбенина: это случается с людьми, «которые слишком близко взглянули на жизнь» (сц. XIII). Стихотворение Байрона имело для Лермонтова особое значение. Под впечатлением от него написано стихотворение «Видение» (Т. I. № 205), которое введено в драму со следующей репликой Заруцкого: «Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пьесы. Она, в некотором смысле, подражание „The Dream" Байронову». Видимо, об этом стихотворении Байрона Лермонтов разговаривал с А. М. Верещагиной и настолько заинтересовал ее, что она просила сделать для нее перевод. Поэт пометил в своей тетради: «Memor: перевесть в прозе: The Dream of Lord Byron pour miss Alexandrine» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 4).

Утром. 26 августа. — Даты перед каждой сценой Лермонтов поставил в беловой рукописи. И. Л. Андроников считает, что эти даты означают дни, памятные Лермонтову и чем-то отмеченные в истории его отношений с Н. Ф. Ивановой (Андроников 1951: 38).

С. 185. *Входит Белинский...* — Фамилия этого персонажа, вероятно, образована от названия села Белынь Нижнеломовского уезда Пензенской губернии, расположенного неподалеку от родных мест Лермонтова. Таким образом, фамилия его героя имеет общие корни с фамилией критика В. Г. Белинского, к которому данный персонаж «Странного человека», безусловно, никакого отношения не имеет. Есть основание предполагать, что прототипом Дмитрия Белинского был студент Московского университета Д. П. Тиличеев, имя которого упоминается в стихотворении Лермонтова «А. Д. З......» (Т. I. № 209), обращенном к студенту А. Д. Закревскому (см.: Андроников 1951: 39–42).

Я говорил о царе Соломоне... — Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (1020–980 г. до н. э.), прославившийся, в частности, огромным гаремом и склонностью к роскоши.

С. 186. *Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился...* — Подобной легенды нет ни в Коране, ни в преданиях об основателе ислама Мухаммеде (ок. 570–632). Дж. Аддисон в журнале «Зритель» (The Spectator. 1711. June 18. № 94) привел следующую турецкую сказку. «Некий

маг уговорил египетского султана, сомневавшегося в истинности предания о Магомете, опустить голову в водоем. Сделав это, султан обнаружил, что находится на незнакомом берегу. Он пустился в странствия, пережил множество приключений, разбогател, женился, имел семь сыновей и семь дочерей, затем разорился и впал в нищету. Однажды, совершая омовение, он окунулся в море и, вынув голову из воды, увидел, что стоит около водоема рядом с волшебником» (Левин 1997: 299).

С. 189. *C'est une coquette* — Это кокетка *(фр.)*.

С. 190. *...господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку...* — Мушка или муха — карточная игра из разряда коммерческих (т. е. не азартная), известная в Европе с XVII в., но в конце 1820-х гг. опять вошедшая в моду (так, например, 18 апреля 1828 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «На днях же и сам дебютировал в *муху* (игра карточная в моде)» — Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 67).

С. 192. *...со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..* — Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» была поставлена в Москве только в ноябре 1831 г., но до этого распространялась в многочисленных списках и благодаря этому Лермонтов и был знаком с ней задолго до премьеры. Своего героя он помещает в ту же самую среду дворянской, «фамусовской» Москвы, из которой бежал Чацкий. Конфликт лермонтовского Арбенина с обществом носит еще более острый характер, и романтический юноша, многими чертами напоминающий шиллеровских героев, действительно теряет рассудок и погибает. В тексте «Странного человека» некоторые выражения свидетельствуют о постоянном присутствии в сознании Лермонтова комедии Грибоедова. Так в сцене XII старшее поколение «фамусовской» Москвы вызывает у поэта ассоциацию с «очаковским веком» («...Времен очаковских и покоренья Крыма»). Павел Григорьевич Арбенин свой разрыв с женой мотивирует формулой: «Что скажут в свете?» («Ф а м у с о в: Что будет говорить княгиня Марья Алексевна?»). Среди молодых людей, с которыми встречается Арбенин в свете, назван и Чацкий. Узнав об измене Натальи, Арбенин сначала считает это злой шуткой («Ч а ц к и й: Шалит, она его не любит»). Наконец, Чацкий сам причисляет себя к *странным* людям («Я странен, а не странен кто ж? Тот, кто на всех людей похож»).

...как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму... — Московское благородное собрание помещалось в здании, построенном архитектором М. Ф. Казаковым в 70-х годах XVIII в. на углу Охотного ряда и Б. Дмитровки (ныне Дом Союзов). Здесь давались балы и маскарады. Лермонтов бывал в Благородном собрании в 1830–1831 гг.

Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. — Б. В. Нейман сопоставлял эту фразу с со стихотворением Пушкина «Зимний вечер»: «Буря мглою небо кроет <...> / То, как путник запоздалый, / К нам в окошко застучит» (Нейман 1914а: 79).

А бывало, помню (ему еще было 3 года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!.. — Это подробность из жизни самого Лермонтова, что

подтверждается следующей записью 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» (Т. IV. № 530).

С. 196–202. *Сцена IV.* — В этой сцене отразились университетские впечатления Лермонтова. Характеризуя Москву, В. Г. Белинский в статье «Петербург и Москва» останавливался на огромном значении Московского университета в жизни Москвы и всей России. «В Москве находится не только старейший, но и лучший русский университет, привлекающий в нее свежую молодежь изо всех концов России» (Белинский 1953–1959: VIII, 404). Лермонтов учился в университете в одно время с В. Г. Белинским, Н. В. Станкевичем, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. М. Сатиным, Н. И. Сазоновым, С. М. Строевым, И. А. Гончаровым и другими — в пору, когда в студенческих кружках горячо обсуждались философские, социальные, политические и литературные проблемы. Один из таких кружков изображен Лермонтовым в сцене IV. Писатель воспроизвел здесь некоторые черты своего студенческого окружения, той группы молодежи, которая в высшем обществе Москвы получила прозвание «la bande joyeuse» — «веселая шайка» (см.: Бродский 1945: 278–296.). Эта la bande joyeuse описывается в романе «Княгиня Лиговская», а в письме С. А. Бахметевой (август 1832 г.) Лермонтов подписывается «член вашей bande joyeuse». Вполне вероятно, что в лице студента Заруцкого Лермонтов изобразил своего товарища А. Д. Закревского — весельчака, остроумного собеседника, страстного любителя поэзии Лермонтова. Закревский живо интересовался историей и свои общественные идеалы выразил с наибольшей полнотой в статье «Взгляд на русскую историю» (Телескоп. 1833. Ч. 17. № 20. С. 489–504. Подпись «А. З.»). В этой статье он защищал мысль о национальной самобытности России и ее высокой исторической миссии. Особое значение в русской истории он придавал Отечественной войне 1812 г.: «1812 год есть начало самобытной, национальной жизни России», — писал он (Там же. С. 490). Ср. заключительный монолог Заруцкого в сцене IV.

С. 197. *Sacredieu!* — черт побери!

Общипанных разбойников Шиллера. — Речь идет о драме «Разбойники» («Die Räuber», 1781) Ф. Шиллера в переделке Н. Н. Сандунова (1769–1832). Вольный перевод этой драмы, осуществленный Сандуновым еще в 1793 г., в течение ряда лет шел на петербургской и московской сценах и, очевидно, приспосабливался к цензурным и эстетическим требованиям императорских театров. Лермонтов иронизирует над попытками «переделать» драму Шиллера в угоду требованиям театральной администрации (ср. также с оценкой в его письме к М. А. Шан-Гирей 1830 г. — Т. IV. № 541). О переделке Шиллера писал в 1829 г. и С. Т. Аксаков (1791–1859): «Плод разгоряченного воображения юного Шиллера, еще не знавшего ни драматического искусства, ни света, ни людей... дается на русской сцене — в сокращенном виде!.. рука, которая поднялась на Шиллера, не необходимостью была на то подвигнута: если б исключили сцены или выражения, противные строгой нравственности, вредные в каком-нибудь отношении, по крайней мере признанные

такими, это дело другое, а то просто: показалась пиеса длинною, действующие лица болтливыми — и трагедию сократили» (Аксаков 1955–1956: 464).

С. 197. *Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе...* — П. С. Мочалов (1800–1848) был кумиром московской студенческой молодежи; его мастерство высоко ценили Белинский и Герцен. На примере исполнения Мочаловым роли Карла Моора Белинский (Белинский 1953–1959: I, 184–186), подобно Лермонтову, доказывал преимущество творческого метода Мочалова перед манерой петербургского трагика В. А. Каратыгина (1802–1853). Вместе с тем, подобно Лермонтову, Белинский отмечал как существенный недостаток Мочалова «неровность» его игры, неумение всегда в полной мере владеть собой: «Со дня вступления на сцену, привыкши надеяться на вдохновение, всего ожидать от внезапных и волканических вспышек своего чувства, он всегда находился в зависимости от расположения своего духа: найдет на него одушевление — и он удивителен, бесподобен; нет одушевления — и он впадает не то чтобы в посредственность — это бы еще куда ни шло — нет, в пошлость и тривиальность... Вот в такие-то неудачные для него спектакли и видели его люди, имеющие о нем понятие как о дурном актере. Это особенно приезжие в Москву, и особенно петербургские жители» (Белинский 1953–1959: X, 390–391). Другой современник вспоминал: «Мочалов был богато одарен природою; но вверяясь одному природному таланту, и не изучая искусства, он был так неровен, что иногда восхищал своею игрою и исторгал слезы, иногда был так дурен, что доходил до излишеств, нетерпимых истинным чувством и истиною сценического искусства» (Дмитриев 1869: 176).

Моя душа, я помню, с детских лет... — В драму введены как «фантазия» Арбенина строфы (1, 2 и 5) из стихотворения «1831-го июня 11 дня», написанного независимо от драмы «Странный человек». Отдельные строки этого фрагмента в драме «Странный человек» несколько отличаются от текста стихотворения (ср.: Т. I. № 167).

С. 198. *К чему волшебною улыбкой...* — Стихотворение, очевидно, специально написано для драмы «Странный человек».

С. 199. *Я видел юношу*: *он был верхом...* — Стихотворение Арбенина, которое читает Заруцкий, — «в некотором смысле, подражание „The Dream“ Байронову». См. выше комментарий к эпиграфу.

С. 204. *...я видел ее в театре*: *слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий?* — Роль Фердинанда в исполнении П. С. Мочалова вызывала неизменный восторг московского студенчества и передовой, демократически настроенной публики. «Я помню, как он исполнял роль Фердинанда в поре своей молодости, искренний пыл которой обнаруживался и в сценах нежной любви, и в сцене отчаянной ревности. Мы, студенты, знали почти наизусть всю эту роль», — вспоминал один из зрителей той поры (Галахов 1999: 194). Волнение Натальи во время спектакля Арбенин истолковывает как явный признак ее духовного родства с ним. В дальнейшем жизнь разбивает эту иллюзию героя. Замечательно сходство этого момента драмы Лермонтова с одним из эпизодов «Дворянского гнезда» Тургенева: студент

Московского университета Лаврецкий на основании впечатления, которое производит игра Мочалова на юную красавицу, делает поспешный вывод о благородстве и независимости ее натуры, вывод, в котором ему приходится затем горько разочароваться (см.: Тургенев 1978–1983: VI, 45).

С. 205. *...терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..* — Неоднократно высказывалось мнение, что Лермонтову была известна антикрепостническая драма В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин» (1830), написанная почти одновременно со «Странным человеком». Помимо общей идейной направленности в этих драмах много сходного. Белинский, учившийся в университете одновременно с Лермонтовым, не был с ним знаком в студенческие годы, и вопрос о том, читал ли поэт «Дмитрия Калинина», много раз поднимавшийся, документально не подтверждается, хотя известно, что драма Белинского ходила в списках. Сходство некоторых персонажей и ситуаций может объясняться общим опытом: Белинский детские годы провел в том же Чембарском уезде Пензенской губернии, где находились и Тарханы. Исходя из этого некоторые исследователи искали исторические свидетельства о злоупотреблениях и жестокости местных помещиков; назывались имена дворян Мосоловых, помещицы М. Я. Давыдовой (Нечаева 1949: 307–326; Храбровицкий 1951: 243–247).

С. 206. *Люди! люди!* — Ср. в «Разбойниках» Шиллера: «Люди! Люди! Лживые, коварные ехидны! Их слезы — вода! Их сердца — железо! Поцелуй на устах — и кинжал в сердце! Львы и леопарды кормят своих детенышей, вороны носят падаль своим птенцам, а он, он... Черную злобу научился я сносить. Я могу улыбаться, глядя, как мой заклятый враг поднимает бокал, наполненный кровью моего сердца... Но если кровная любовь предает меня, если любовь отца превращается в мегеру, — о, тогда возгорись пламенем, долготерпение мужа, обернись тигром, кроткий ягненок, каждая жилка наливайся злобой и гибелью!» (Шиллер 1955–1957: I, 393).

С. 208. *Скучно будет сегодня во Французском театре*: *играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau monde!* — В 1829–1830 гг. в Москве существовал частный французский театр, антрепренером которого была С. В. Карцева. Деятельность ее была во многом неудачной. Она не смогла собрать достаточно сильную труппу, к тому же во время холеры 1830 г. умерли два лучших артиста ее театра. Помещение театра было неудобным, холодным, плохо проветривалось. Но мода на французские спектакли заставляла московский beau monde посещать театр Карцевой несмотря на все неудобства. В начале 1831 г. (сц. V «Странного человека» помечена датой «10 января») антреприза французского театра еще находилась в руках Карцевой, а в мае 1831 г. труппа была передана дирекции императорских театров (см.: Погожев 1908: 210–252).

С. 209. *Un jeune homme charmant!* — Очаровательный молодой человек! (*фр.*).

С. 213. *Замолчи, сумасшедший! Страшись моего гнева...* — Ср. в «Коварстве и любви» Шиллера: «В последний раз говорю, тебе, мальчишка: ступай туда, не то бойся моего гнева!» (Шиллер 1955–1957: I, 635).

Вы мне дали жизнь: возьмите, возьмите ее назад, если можете... — Ср. там же: «Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка, в жертву вашему величию» (Шиллер 1955–1957: I, 634).

С. 217. *...турок в пух разбили наши; взяли пашу!* — Видимо, речь идет о событиях русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Таким образом, действие драмы скорее всего нужно отнести к началу 1829 г.

...5000 стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерея было. — Указанная здесь стоимость похорон позволяет отнести их к высшему разряду: дворяне среднего достатка тратили на погребение примерно 2000 руб. ассигнациями, на «генеральские» похороны в столицах уходило до 4000 (см., например, «печальный счет», приведенный в очерке А. П. Башуцкого «Гробовой мастер» — Башуцкий 1841: 90–93). Сослужение на отпевании двух архиереев (довольно редкое обыкновение) дополнительно повышает статус церемонии. Донской монастырь, основанный в конце XVI в. и названный в честь Донской иконы Божией Матери, — один из богатейших монастырей Москвы; его обширный некрополь — традиционное место захоронения представителей дворянства и богатого купечества.

С. 224. *Меня осадил весь очаковский век.* — Реминисценция из «Горя от ума» Грибоедова: «...Времен очаковских и покоренья Крыма».

С. 225. *Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слыхали еще? Она из Парижа...* — Вероятно, речь идет о выступлениях знаменитой французской арфистки Алин Бертран (Aline Bertrand, 1798–1835), которая дала свой первый московский концерт 24 января 1831 г. в зале Большого театра (гастроли в Москве продолжались до конца марта 1831 г. — см.: Московские ведомости. 1831. № 7; 21); иногда Алин выступала дуэтом со своей сестрой Идой, известной певицей. В черновиках пьесы Лермонтов называет музыкантшу «мадам Спанди Бертран» — что значит это прозвище, к сожалению, неизвестно.

С. 227. *Когда одни воспоминанья...* — Первоначально Лермонтов включил в драму стихотворение «Романс к И...» (Т. I. № 140), переработав его и ослабив любовную тему. В тексте Лермонтова варьируются темы стихотворения Томаса Мура «Когда тот, кто обожает тебя» («When he who adores thee») из первой книги «Ирландских мелодий» (1807).

С. 230. *В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещания... вы желали бы во мне найти Вертера!..* — Вертер — герой романа И.-В. Гете «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werther», 1774). В первоначальном варианте сюжет драмы «Странный человек» мог рассматриваться как в некотором отношении аналогичный «Вертеру». Углубляя социально-критическую направленность драмы, Лермонтов отошел от любовной ее основы. Сопоставляя изменения в этих строках с черновым вариантом, Б. М. Эйхенбаум отмечает: «Так устами самого героя отброшена мысль о его сходстве с Вертером: он возмущен тем, что изменившая ему девушка разыгрывает из себя Шарлотту» (Эйхенбаум 1961: 176).

С. 234. *Une figure piquante!* — Пикантное лицо! (*фр.*).

С. 234. *Да! бедный Арбенин! Вы знаете*: *он сошел с ума!* — Ср. ремарку в «Дмитрии Калинине» Белинского: «*По зале раздается шопот*: „Он сумасшедший, он с ума сошел; его надобно схватить, посадить на цепь“» (Белинский 1953–1959: I, 79).

Вы, конечно, не ученик Лафатера? — И.-К. Лафатер (1741–1801), швейцарский писатель, в своей книге «Физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви» («Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe», 1775–1778) развил теорию связи между личностью человека и строением его лица и черепа.

Лит.: ЛЭ 1981: 554–555; Шестаков 1857: 317–336; Буренин 1880: 2–3; Булгаков 1884: 573; Михайловский 1880: 319–343; Семевский 1888: 265–266; Спасович 1888: 500–548; Венгеров 1990: 133–136; Дризен 1900: 556–585; Яковлев 1924: 145–157; Иванова 1950: 56–59, 185–186; Мануйлов 1950: 85–97; Андроников 1951: 11–14, 34–59; Иванова 1957: 166–198, 330–331; Пустынников 1959: 63–109; Пустынников 1960: 97–118; Владимирская 1963: 134–148; Владимирская 1964: 5–27; Удодов 1973: 101–105, 535–536; Левин 1975: 204–206; Манн 1976: 277–279; Левин 1997: 299; Стадников 1999: 24–26; Манн 2001: 275–280; Радомская 2006: 15–19; Фадеева 2012: 130–139; Чони 2012: 140–146; Данилевский 2013: 261.

487. Маскарад. Драма в 4-х д., в стихах

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 74. Л. 1–104 — писарская копия второй 4-актной редакции (1835) со вставками рукой С. А. Раевского, без стихов 64–72; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 76. Л. 1–62 — писарская цензурная копия 1842 г. с исключениями и пометками цензора А. В. Никитенко; 3) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 3. № 1, 2. Л. 1–38 об. — писарская копия первой 4-актной редакции с правкой Лермонтова и С. А. Раевского; 4) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а — авторизованная копия последней, 5-актной редакции («Арбенин»); 5) РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. №. 47. Л. 73–113 — правленная писарская копия последней, 5-актной редакции («Арбенин»). О копиях 3–5 см. подробнее в комментариях к приложениям.
Печатается по копии 1; отсутствующие в ней стихи 64–72 восстановлены по: БЗ. 1859. № 12. С. 383.
Датируется 1835 годом (последние переработки март — октябрь 1836 г.).
Впервые: *Лермонтов М.* Стихотворения. СПб., 1842. Ч. 3. С. 1–187 (с цензурными купюрами). Полностью: Лермонтов 1873: II, 324–437.

Замысел «Маскарада», вероятно, возник в конце 1834 или в начале 1835 г., когда Лермонтов, выпущенный в полк, пускается в светскую жизнь и посещает приемы, театры, а вероятно и знаменитые маскарады в доме В. В. Энгельгардта.

Творческая история «Маскарада» очень сложна (подробно об этом см.: Лермонтов 1954–1957: V, 734–750; Докусов 1955: 5–36; Богомолец 1955: 351–360). Наиболее ранняя из известных нам редакций драмы, 4-актная, сохранилась в виде писарской копии (так называемый «якушкинский» список; ныне хранится в РГАЛИ), куда рукою Лермонтова и С. А. Раевского внесена значительная правка: вычеркнуты многие реплики и отдельные слова, сделано более ста вставок. В результате авторских поправок более четким стало членение на акты, яснее обозначились

выходы, появились дополнительные ремарки, усовершенствована версификация (улучшена рифмовка, устранены перебои ритма), речевые характеристики сделаны более яркими. Все это усилило динамичность действия, повысило выразительность монологов и диалогов. В ранней редакции более детально, чем в последующих, разработана фигура Казарина, сцена мести Арбенина Звездичу также дана с опущенными впоследствии подробностями.

В начале октября 1835 г. Лермонтов представил в драматическую цензуру переработанную, 3-актную редакцию драмы. Рукопись этой редакции до нас не дошла, но в своем отзыве цензор Е. И. Ольдекоп (1787–1845) подробно изложил ее содержание (цит. по: Докусов 1955: 7–10):

«Молодой князь Звездич, находясь в игорном доме, только что проиграл всё свое состояние. Входит Арбенин. Арбенин в прошлом профессиональный игрок — только что женился на женщине молодой и прелестной, женщине, которую он любит. Ради нее он начал новую жизнь, жизнь правильную, жизнь порядочного человека. Видя отчаяние князя, Арбенин садится за игорный стол, отыгрывает все деньги, которые проиграл князь, и возвращает их ему. Оттуда оба едут в маскарад в доме Энгельгардта. Арбенин предлагает князю завести интригу. Случай скоро представляется. Одна замаскированная дама интригует князя и оказывает ему благосклонность, более чем легкомысленную. Князь и замаскированная дама теряются в толпе. Князь возвращается, и можно подумать, что он только что очень приятно провел четверть часа. Он преследует замаскированную даму и хочет видеть ее лицо, дама этому противится. Чтобы отделаться от князя, она дарит ему браслет, потерянный какой-то дамой в зале. Князь рассказывает свое приключение Арбенину и удаляется. Арбенин, возвратившись домой, замечает, что у его жены только один браслет; она признается ему, что она только что потеряла другой. Арбенин подозревает ее в неверности и клянется отомстить за себя.

Замаскированная дама, которая интриговала князя, — это баронесса Штраль. Желая остаться неузнанной, она предпринимает новую интригу с помощью некоего Шприха, который говорит князю, что для того, чтобы быть счастливым в любви, нужно уметь хранить тайну. Князь пишет в этом духе письмо к Арбениной, которое попадает в руки ее мужа. Арбенин отправляется к князю, чтобы убить его во время сна, но у него не хватает на это сил, и он приглашает его на вечер к одному приятелю. Князь отправляется туда. Арбенин, понтируя, рассказывает анекдот, внезапно обвиняет князя в нечестной игре, бросает ему карты в лицо и называет его „шуллер и подлец“. Взбешенный князь вызывает его на дуэль. Арбенин отказал, говоря ему: „да вам не испугать и труса“.

Посоветовав жене Арбенина быть настороже, князь уезжает на Кавказ. Баронесса почувствовала угрызения совести, не имела решимости признаться во всем Арбенину. Он отравляет свою жену.

Я не знаю, сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена.

Возможно, что вся пьеса основывается на событии, случившемся в нашей столице.

Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов...

Я объявить вам, князь, должна...

Август Ольдекоп». (*Оригинал по-французски*).

На рукописи сделана помета: «Возвращена для нужных перемен. 8 ноября 1835».

Возмущение цензора объясняется главным образом тем, что на маскарадах Энгельгардта бывали члены царской фамилии. Шеф жандармов Бенкендорф (1781 или 1783–1844), сыгравший главную роль в запрещении «Маскарада», ознакомившись с пьесой, усмотрел в ней еще и прославление порока (Арбенин, отравивший свою жену, оставался безнаказанным) и потребовал «изменения пьесы автором таким образом, чтобы она кончилась примирением между господином и госпожой Арбениными», т. е. фактически изменения всего идейного смысла драмы. Видимо, об этом же свидетельствует и хорошо осведомленный в делах III Отделения А. Н. Муравьев (1806–1874), когда в своих воспоминаниях пишет: «Пришло ему <Лермонтову> на мысль написать комедию вроде „Горе от ума“, резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура Третьего отделения не могла ее пропустить. Автор с негодованием прибежал ко мне и просил убедить начальника сего отделения, моего двоюродного брата <А. Н.> Мордвинова (1792–1869), быть снисходительным к его творению; но Мордвинов остался неумолим; даже цензура получила неблагоприятное мнение о заносчивом писателе, что ему вскоре отозвалось неприятным образом» (Муравьев 1871: 22).

Когда Лермонтов в декабре 1835 г. уезжал в отпуск, у него уже был готов новый, 4-актный вариант драмы (копия 1), который теперь считается наиболее соответствующим авторскому замыслу. По просьбе поэта С. А. Раевский снова представил рукопись в драматическую цензуру, а Лермонтов в это же время отправил письмо директору императорских театров А. М. Гедеонову, в котором уведомлял, что он выполнил пожелания цензуры, дополнив драму четвертым актом.

Одним из главных отличий новой четырехактной редакции было введение в драму Неизвестного. «Фигура Неизвестного — третья ипостась героя, как бы еще один вариант его судьбы. Жизнь Неизвестного — это то, чего избежал Арбенин благодаря своей силе и незаурядности... Он словно специально введен для того, чтобы оградить высокого героя с его не бытовой, а философской идеей возмездия, от мелкожитейской, сниженной трактовки, противопоставить суд интриганству» (Журавлева 1988: 23).

Однако, вопреки пожеланиям цензуры, основные идейные установки и положения своей пьесы Лермонтов не изменил и заканчивать пьесу «примирением между г-ном и г-жой Арбениными» (требование А. Х. Бенкендорфа) не стал. Такая авторская позиция не могла не вызвать негодования цензора Ольдекопа. В своем отзыве на эту редакцию драмы он писал (цит. по: Докусов 1955: 17–19):

«В прошлом году я имел честь представить следующее донесение по поводу этой пьесы <следует текст первого отзыва>. Таково было мое первое донесение об

этой пьесе. Ваше превосходительство мне высказало желание графа, чтобы пьеса была изменена автором так, чтобы она оканчивалась примирением между г-ном и г-жой Арбениными.

Автор не счел необходимым сделать надлежащие выводы из этого замечания. В новом издании мы находим те же самые непристойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта (с. 16 и 46), те же дерзости против дам высшей знати (с. 18).

Автор пошел на то, чтобы присоединить новый конец, не тот, какой был, но далеко не такой удачный, какой ему указывали. Арбенин отравляет жену; при этой сцене присутствует Неизвестный. Арбенина умирает. Ее смертью заканчивалась пьеса в первой редакции. Теперь автор прибавил еще один акт. Неизвестный и князь являются к Арбенину; первый сообщает Арбенину, что 7 лет тому назад это последний выиграл у него все его состояние и что с тех пор он поклялся отомстить за себя. Он обвиняет Арбенина в отравлении своей жены и объявляет ему, что она была невиновна. Князь подтверждает это и вызывает Арбенина на дуэль, но тот, потрясенный известием, что его жена невиновна, теряет рассудок.

Драматические ужасы наконец прекратились во Франции; так неужели их хотят возродить у нас? Неужели хотят и у нас внести яд в семейную жизнь? Женские моды, изношенные в Париже, приняты и у нас; это вполне невинно, но желать, чтобы у нас были введены чудовищные драмы, от которых отказались уже в самом Париже, — это более чем ужасно, этому нет названия. Август Ольдекоп».

На этом рапорте карандашом помечено: «Убрать до востребования. В театре позволено к представлению быть не может» [январь 1836].

В феврале 1837 г. в объяснении по делу о «непозволительных стихах на смерть Пушкина» Лермонтов писал: «Драма „Маскарад“, в стихах, отданная мною в театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена» (ВЕ. 1887. Т. I. С. 341).

«Цензура обманула Лермонтова, — замечал по этому поводу С. Н. Дурылин, — „резких страстей“ и „недостаточно награжденной добродетели“ — по выражению цензора — было вдоволь в неисчислимом мелодраматическом переводном хламе, благополучно заполнявшем тогда александринскую сцену, не встречая цензурного запрета...» (Дурылин 1941: 29). Скорее всего, цензура не обманула Лермонтова. Он хорошо понимал, что причина запрета совсем в другом. Даже А. Н. Муравьев определил мысль Лермонтова как «резкую критику на современные нравы».

После запрещения «Маскарада» Лермонтов в период с марта по октябрь 1836 г. полностью перерабатывает пьесу, создав совершенно «безобидную» новую, 5-актную ее редакцию и сменив даже раздражающее Ольдекопа название (пьеса озаглавлена «Арбенин»). Не исключено, что поэт хотел выяснить, вызывает ли гонения его произведение, или играет роль отношение к нему лично. Не случайно А. Н. Муравьев заметил, что настойчивость, с которой Лермонтов старался провести «Маскарад» через цензуру, произвела «неблагоприятное мнение о заносчивом писателе, что ему вскоре отозвалось неприятным образом» (Воспоминания 1989: 237).

В октябре 1836 г., хотя Ольдекоп в своем отзыве отметил, что пьеса совершенно переделана и «нет более никакого отравления, все гнусности удалены», последовала резолюция: «Запретить. 28-го октября 1836» (см.: Докусов 1955: 21).

Таким образом, можно обозначить следующие стадии работы над «Маскарадом»:

1) была создана доцензурная редакция «Маскарада» (автограф неизвестен);

2) с него снята копия (Якушкинский список), и по ней Лермонтовым и частично Раевским проведена значительная правка (копия сохранилась — см. копия 2);

3) потом был написан трехактный «Маскарад», и копия, снятая с него, представлена в цензуру в октябре 1835 г.; 8 ноября она запрещена цензурой и «возвращена для нужных перемен» (ни автограф, ни копия неизвестны);

4) в ноябре и первой половине декабря 1835 г. написан четвертый акт, введен образ Неизвестного и внесены все нужные изменения в предыдущие акты, особенно в третий (автограф неизвестен); как только Раевский получил рукопись четвертого акта, он незамедлительно принял меры к созданию копии, в которую внес некоторые поправки, и в конце декабря вариант четырехактного «Маскарада» представил в драматическую цензуру (копия 1); в январе 1836 г. цензура вновь и решительно запретила драму;

5) с марта по середину октября 1836 г. Лермонтов перерабатывает пьесу, существенно смягчая ее обличительный пафос, меняет название на «Арбенин», дописывает 5-й акт, завершающийся отказом от дуэли и отъездом Арбенина; автограф новой версии также не сохранился, зато известна авторизованная и правленная копия (копия 4), с которой, в свою очередь, была сделана несохранившаяся копия для очередного, по-прежнему неудачного представления в цензуру (запрет 28 октября 1836);

6) после того, как «Арбенин» был снова отвергнут цензурой, Лермонтов, вероятно, опять вернулся к работе над пьесой — сохранилась писарская копия (копия 5), отразившая более позднюю стадию работы над текстом, нежели копия 4 (Докусов 1955: 22–29); не исключено, однако, что создание копии 5 предшествовало цензурному рассмотрению (не имея рукописи, запрещенной в октябре 1836 г., выяснить это невозможно).

В литературе имеются указания на существование рукописей, не попавших в поле зрения позднейших исследователей. Так М. Н. Лонгинов (1823–1875) 30 или 31 марта 1836 г. видел у Лермонтова тетрадь in folio и очень толстую, на заглавном листе крупными буквами было написано «Маскарад, драма» (Воспоминания 1989: 191). Сослуживец С. А. Раевского по Департаменту государственных имуществ В. А. Инсарский (1814–1882) сообщает, что ему в свое время «навязали читать и выверять „Маскарад“, который предполагали еще тогда <в 1836 г.> поставить на сцену» (Там же: 633). В редакции «Библиографических записок» находился список четырехактного «Маскарада», единственного, где сохранились стихи о Трущеве. Местонахождение и этого списка и того, который видел Лонгинов, не известно. Не дошла до нас и ни одна из трех цензурных рукописей «Маскарада»—«Арбенина».

После запрещения «Маскарада» в театральной цензуре Лермонтов не предпринимал никаких шагов для опубликования драмы. Этим энергично занялся А. А. Краевский (1810–1889) уже после гибели поэта. 22 сентября 1842 г. цензор А. В. Никитенко (1804–1877) представил «Маскарад» на рассмотрение Цензурного комитета, предварительно изъяв те места, которые могли, с его точки зрения, вызвать безусловный запрет драмы, тем более что все принадлежавшее перу опального поэта было взято под особо бдительный надзор. Многие места, которые могли осложнить процесс прохождения драмы через цензуру и которые Никитенко не хотел ни запрещать, ни пропускать под свою личную ответственность, он привел в докладе на заседании Цензурного комитета. Но, знакомя с ними Цензурный комитет, Никитенко сделал все от него зависящее, чтобы пьеса произвела впечатление чисто семейной драмы. 22 сентября 1842 г. комитет разрешил драму «Маскарад» к печати со всеми «сомнительными», по мнению Никитенко, и отмеченными в протоколе стихами. Цензорское разрешение Никитенко относится к 29 сентября 1842 г. В том же году драма была напечатана и вызвала ряд неодобрительных отзывов критики. Им противостояла оценка Белинского, увидевшего в «Маскараде» произведение, достойное гения Лермонтова. В нем, писал Белинский, «нельзя не увидеть следы его мощного, крепкого таланта; так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» (Белинский 1953–1959: VI, 548).

Создавая «Маскарад» Лермонтов опередил свое время, и многие его современники не поняли и не смогли оценить по достоинству замысел Лермонтова, видя в драме только историю любви, роковых недоразумений и злодейства. «„Маскарад“ — это трагедия не психологическая... а социально-философская, — писал Б. М. Эйхенбаум, — в ней речь идет не о судьбе личности, не о „характере“ и не о страстях самих по себе, а о человеческом обществе, устроенном так, что деятельное стремление к добру и счастью неминуемо должно обернуться злом» (Эйхенбаум 1961: 206).

Мотивы карточной игры и маскарада, организующие драму, определены В. Э. Вацуро как «социальные символы высокого уровня обобщения» (Вацуро 2008: 591). Карточная игра в русском обществе 1830-х годов занимала исключительно большое место. За картами завязывались знакомства, обсуждались партии, определялось продвижение по службе, игра в карты открывала доступ в свет людям даже непричастным к нему. Один из современников Лермонтова записывал: «Можно положительно сказать, что семь десятых петербургской мужской публики с десяти часов вечера всегда играют в карты» (Башуцкий 1834: III, 93). «Карточная игра являлась мерилом «нравственного достоинства человека. „Он приятный игрок“ — такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе» (Вяземский 2003: 97; см. также: Соллогуб 1988: 489; Вигель 2003). А. И. Кошелев писал, что салон Карамзиных был «единственным в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски» (Кошелев 2002: 26). В окружении Лермонтова были лица, имевшие репутацию страстных игроков. В судьбе Арбенина есть нечто сходное с эпизодами из жизни писателя Н. Ф. Павлова (1803–1864), которого Лермонтов лично знал. Н. Ф. Павлов пользовался репутацией одержимого и подозрительного в карточной игре человека. Таким же несдержанным в игре был и другой совре-

менник Лермонтова — композитор А. А. Алябьев (1787–1851), осужденный за убийство во время карточной ссоры. Не менее примечательна в этом смысле и фигура Ф. И. Толстого-Американца (см. комментарий к с. 495). Такой же неблаговидной репутацией пользовался Савва Михайлович Мартынов, дядя Н. С. Мартынова (см.: Мочульский 2004: 13–18). В драме Лермонтова мотивы карточной игры и маскарада имеют двойное значение. Это не только реалии эпохи, но и носители судьбы, случая, властвующего над человеком, а карточная игра — универсальный ключ к пониманию мироустройства («Что ни толкуй Волтер или Декарт — / Мир для меня — колода карт»). Подробнее о роли карт в литературе пушкинской эпохи см.: Лотман 1997: 786–814.

Игра в судьбе Арбенина — это его жизненные перипетии, взлеты и падения, основа его могущества и орудие мести. По словам В. Э. Вацуро, «наиболее значительное достижение Лермонтова <в „Маскараде“> — характер Арбенина, заключающий в себе глубокий и неразрешимый внутренний конфликт: отделивший себя от общества и презирающий его, герой „Маскарада“ оказывается органическим его порождением, и его преступление с фатальной предопределенностью утрачивает черты „высокого зла“ в трагическом смысле и низводится до степени простого убийства... Это был кризис романтического индивидуализма» (Вацуро 2008: 591). Несмотря на то, что многие монологи Арбенина звучат как признания Демона, а судьба Арбенина — путь от порочной юности к поискам дороги к добродетельной жизни через любовь к женщине — сближает героев драмы и поэмы, «Маскарад» — это развенчание демонического героя. «Герой драмы должен пройти путь Демона, но в бытовом воплощении» (Эйхенбаум 1961: 205). В этом плане для Лермонтова была значима «Пиковая дама» А. С. Пушкина. «На жалкий образ демонически-эгоистического неудачника Германна Лермонтов ответил трагической фигурой страдальца Арбенина, на иронический „анекдот“ — патетической драмой» (Эйхенбаум 1961: 201).

Не менее важной для драмы представляется ситуация маскарада, во время которого происходят основные события и который сам по себе является основным двигателем сюжета. В первой половине XIX века маскарад, как обоснование сюжетных коллизий, был достаточно распространенным явлением в литературе: «Маски» («Die Masken: Ein Schauspiel in einem Aufzuge», 1813) А. Коцебу, «Тридцать лет, или Жизнь игрока» («Trente ans ou la vie d'un joueur», 1828) В. Дюканжа (1783–1833), «Берлинские привидения, или Нечаянная встреча на маскараде» (1830), ошибочно приписанные А. Радклиф (1764–1823), и т. д. В 1830-е гг. маскарадные «qui pro quo» стали основой множества комедийных и водевильных пьес.

«Маскарадная» интрига могла быть непосредственно позаимствована Лермонтовым из «Испытания» Бестужева-Марлинского (1830). М. А. Яковлев приводил многочисленные параллели между произведениями, отмечая, помимо общего маскарадного фона, ключевую роль, которую играет в сюжете потерянное ювелирное украшение (у Бестужева-Марлинского — кольцо), и тему вражды между бывшими приятелями (Яковлев 1924: 209–215). Со сцены маскарада начинается и повесть Марлинского «Фрегат „Надежда“» (опубл. 1833), в которой находим и конкретные

детали, использованные Лермонтовым в ранней редакции драмы. Кроме того, параллели с этими повестями Марлинского можно найти и в сценах обсуждения гостей и распространения сплетен (и особенно в изобилии искусственных цветов красноречия, афоризмов, максим и каламбуров, столь свойственных прозе Марлинского). Разумеется, эти сближения могут иметь и чисто типологический характер: аналогичные эпизоды и стилистические особенности легко обнаруживаются во многих других повестях и пьесах «из светской жизни». К числу типологических следует, вероятно, относить и неоднократно отмеченные параллели «Маскарада» с комедией Грибоедова «Горе от ума» (см.: Яковлев 1924: 216–218), явная зависимость от которой прослеживается в «Странном человеке». Однако *свет* в «Маскараде», как утверждает современный исследователь, «уже не такая абстрактно-романтическая антитеза высокому герою», какой он обычно предстает в юношеском творчестве поэта: «Теперь Лермонтов, опираясь на свои непосредственные житейские впечатления, хочет перейти от условного к более конкретному, „бытовому“ изображению враждебной герою среды» (Журавлева 1988: 17).

Д. Д. Благой усматривал связь сюжета и «психологической ситуации» «Маскарада» с «Цыганами» Пушкина (Алеко, так же как Арбенин, признает свое право на суд и казнь изменившей ему возлюбленной) и отмечал текстуальные переклички этих произведений (Благой 1941: 374–375). Так, например, реплике Нины «Не подходи… о, как ты страшен!» (д. I, сц. 5, выход 3) соответствует реплика Земфиры «О, мой отец, Алеко страшен», а словам умирающей Нины «И я тебя, убийца, проклинаю» (д. III, сц. 2), — последнее проклятие Земфиры: «Твое убийство проклинаю…» (Пушкин 1937–1959: IV, 191, 200). Однако, по мнению А. В. Федорова, сходство психологических реакций объясняется типологическим сходством ситуаций, в которые попадают герои, а словесные переклички не выходят за рамки общей для поэтов стилистической манеры (Федоров 1967: 107–108). Сопоставлялся «Маскарад» и с трагедией Пушкина «Моцарт и Сальери» (Вацуро 2008: 253–268). Арбенин, как и Сальери, долгое время хранит яд и ждет достойной цели его применения. Но если Сальери видит в нем возможное орудие убийства и самоубийства, то у Арбенина самоубийство отпадает в день приобретения яда, после выигрыша. В. Э. Вацуро считал, что в обоих случаях речь идет об убийстве–самоубийстве. Этот вывод, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований; к тому же побудительные причины для отравления своих жертв у Арбенина и Сальери совершенно различны.

Большее значение для замысла Лермонтова имела, по-видимому, мистерия В. К. Кюхельбекера (1797–1846) «Ижорский» (изд. 1835). «У Лермонтова мы, несомненно, встречаем следы внимательного чтения драмы Кюхельбекера. Не только драматический стих „Ижорского“ оказал влияние на стих „Маскарада“, — близки и характеры главных действующих лиц» (Тынянов 1939: LX). Лермонтов оценил гражданский характер мистерии Кюхельбекера, где порочным показывается такое устройство социума, при котором судьбами людей могут распоряжаться темные силы.

О воздействии западноевропейской драматургии на «Маскарад» по сравнению с ранними драмами можно сказать очень немногое. В литературе о Лермонтове

отмечалось сюжетное сходство «Маскарада» с «Отелло» («The Tragedy of Othello, The Moor of Venice», 1604) Шекспира: так, У. Викери выделяет параллелизм определенных мотивов в пьесах (вводится предмет, вызывающий подозрение в измене; Отелло и Арбенина сближает высокая степень мастерства в их делах, оба старше своих жен, обоих полностью преобразовал брак, и оба в той же степени зависимы от него) (Vickery 2001: 335). Тем не менее, в драмах существенно различается система персонажей: так, в «Маскараде» отсутствует персонаж, параллельный Яго, что и создает сюжетную разнонаправленность (хотя в финальной редакции «Маскарада» эту роль берет на себя Казарин). При этом многообразие параллелей не обязательно должно означать, то Лермонтов заимствовал их напрямую у Шекспира — влияние вполне могло осуществляться через пьесы Шиллера, также во многом опиравшегося на творчество Шекспира (Vickery 2001: 336).

Сцена смерти Нины напоминает сцену смерти Луизы («Коварство и любовь» Шиллера). В «Маскараде» возникает мотив позднего прозрения (Фердинанд узнает о верности Луизы после того, как она выпила яд; Юрий Волин понимает свою ошибку, уже отравившись; Арбенин получает доказательства невиновности Нины после ее смерти). Но, как заметил Р. Ю. Данилевский, в драме «Маскарад» «пафос Шиллера вместе с остальным „романтическим“ наследием уходит в подтекст, уступая место изображению реального и конкретного человеческого бытия» (Данилевский 2013: 261). При этом в «Маскараде» остается большое количество мотивов, заимствованных из драмы «Коварство и любовь»: подозрение в измене, подложное письмо, отравление с помощью десерта, месть и смерть признающейся в своей невиновности героини, причем параллели существуют как на уровне сюжета, так и в мелких деталях (Яковлев 1924: 220–228).

Тема измены и образ женщины в светском обществе, столь актуальные для прозы Лермонтова, начинают активно разрабатываться именно в «Маскараде». Мотивы, типичные для ранних романов Жорж Санд, преломляются в «Маскараде» в словах баронессы Штраль: «Жорж Занд почти что прав! / Что ныне женщина? создание без воли, / Игрушка для страстей иль прихотей других!». Смерть Нины, ставшей жертвой чужих игр, только подтверждает эту мысль, а по иронии судьбы действия самой баронессы Штраль, жалующейся на ограниченность роли женщины в обществе, и приводят к такому трагическому финалу (о двуплановости ее образа см.: Вольперт 2010: 117). Характерно, что современники усматривали в «Маскараде» прямое заимствование из Жорж Санд: «Иные находят, что сия драма есть подражание одному, неизвестному мне роману г-жи du Devant (или Georg Sand) „Jacques“, в котором герой, также старый душой и телом, убивает себя в угождение молодой жены и любовника ее» (замечание Д. Н. Блудова в его докладе императору от 23 декабря 1843 г. — Докусов 1955: 24). Любопытен также отзыв цензора (янв. 1836), прямо, но не слишком обоснованно связавшего драму Лермонтова с явлениями французской «неистовой словесности» (см. цитированный выше отзыв цензора Ольдекопа; Докусов 1955: 18–19).

Прошли годы после гибели Лермонтова, прежде чем вопрос о сценическом воплощении «Маскарада» удалось сдвинуть с мертвой точки. Первая инициатива

исходила из семьи Петровых, которых связывали с поэтом сердечные, родственные отношения. П. И. Петров (1790–1871) был женат на тетке Лермонтова А. А. Хастатовой, и в письмах Лермонтов обращался к нему «любезный дядюшка». Его сын Аркадий Павлович Петров (1825–1895) вел дневник (ОР РГБ. Ф. 138. № 315), где сделал такую запись: «Читал вслух всю драму Лермонтова „Маскарад“, и нашли, что я провел ее хорошо». В следующем 1847 году он записывает: «31 января был дан... спектакль в пользу бедных жителей г. Галича, главным и почти единственным распорядителем которого был я сам. Играли: сцены из двух действий драмы Лермонтова „Маскарад“. Арбенин — я, Нина — Маша <сестра Аркадия>, служанка — Н. А. Прокудина, слуга — П. В. Шигорин». По всей вероятности, цензурного разрешения для этого спектакля не понадобилось. «Театр, — прибавляет Петров, — сошел прекрасно, а „Маскарад“ и „Тяжба“ <Гоголя> превосходно».

На сценах столичных театров добиться разрешения на постановку «Маскарада» было гораздо труднее. В 1843 г. любимый актер Лермонтова П. С. Мочалов (1800–1848) пытался добиться разрешения на постановку драмы Лермонтова. За помощью он обращался к В. П. Боткину (1811–1869), но ничего не помогло. В 1846 г. «Маскарад» представляла в цензуру дирекция Александринского театра для бенефиса М. И. Вальберховой. Последовал очередной запрет. В 1848 г. Мочалов опять безуспешно пытался получить разрешение на постановку. В 1852 г. новые попытки возобновила сама Вальберхова и наконец в октябре, в ее бенефис, но без ее участия были поставлены сцены в Александринском театре (27 октября, 29 октября и 5 ноября). Об этой постановке можно судить по отзыву Аполлона Григорьева. В 1862 г. он писал о «Маскараде», считая его несовершенным в литературном плане: «Но ведь тут есть громадное лермонтовское лицо — Арбенин, здесь есть гениальные наметки на типы, из которых хорошие артисты могут досоздать типы... Однако, лет десять тому назад давали сцены из „Маскарада“. Бедный, общипанный лермонтовский „Маскарад“, в котором Арбенин закалывается после отравления Нины со словами „умри ж и ты, злодей!“ должно быть ради специальной нравственности, не допускающей совершиться над ним лютой казни сознания. А какие это сцены для настоящего трагика» (Григорьев 1980: 638). 21 января 1853 г. те же сцены были показаны в Московском Малом театре. И только 24 сентября 1862 г. «Маскарад» был полностью поставлен в этом же театре с незначительными изъятиями некоторых стихов. В Петербурге на сцене Александринского театра драма была поставлена в январе 1864 г. После этого некоторые частные театры (театр А. Бренко, театр Ф. Корша и др.) включают «Маскарад» в свой репертуар. В 1911 г. Александринский театр объявил о начале работы над новой постановкой, но премьера состоялась только 25 февраля 1917 г. Этот спектакль положил начало новой эпохи в сценической истории «Маскарада». Три гениальных участника постановки: А. Я. Головин (1863–1930) — декорации и костюмы, А. К. Глазунов (1865–1936) — музыка к спектаклю и В. Э. Мейерхольд (1874–1940) — режиссер — определили значение спектакля для всех последующих сценических воплощений драмы Лермонтова.

В дальнейшем «Маскарад», в отличие от других драм Лермонтова, имел богатейшую сценическую историю. Постановки драмы Лермонтова в 1930–1960-х гг. в

Ленинградском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина, в Московском драматическом театре им. Моссовета (музыка А. Хачатуряна (1903–1978)), в Ереванском театре им. Сундукяна и Воронежском государственном областном театре драмы вошли в историю советского театра. Позднее, в 1971–1972 гг., «Маскарад» ставился также в театрах Орджоникидзе, Тбилиси, Ульяновска, Харькова. В 1992 г. «Маскарад» был поставлен А. Васильевым в Комеди Франсез (Париж). В 1986 г. «Маскарад» был поставлен в Русском драматическом театре Эстонии, а в 1995-м — на эстонском языке в эстонском драматическом театре. В 2010 г. драма Лермонтова сыграна в московском Театре им. Евг. Вахтангова (реж. Р. Туминас), а в юбилейном 2014-м заново поставлена в московском Малом театре (реж. А. Житинкин) и петербургском театре-студии «Пушкинская школа» (реж. В. Рецептер). См. также обзоры постановок «Маскарада»: Маскарад 1941: 137–178; Ваняшова 2012: 6–15.

Значительным событием в истории советского кино была экранизация «Маскарада», снятая на «Ленфильме» и вышедшая в прокат в 1941 г.; сценарий и постановка С. А. Герасимова (1906–1985), музыка В. В. Пушкова (1896–1971), в главной роли — Н. Д. Мордвинов (1901–1966). Опера Б. И. Зейдмана (1908) «Маскарад» шла в Азербайджанском государственном театре оперы и балета им. М. Ф. Ахундова в Баку (1954), опера Д. А. Толстого (1923–2003) «Маскарад» — в Пермском государственном театре оперы и балета (1953–1955), балет Л. А. Лапутина (1929–1968) «Маскарад» — в Новосибирском и Ташкентском театрах оперы и балета (1956) и в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова (1960). Подробнее об оперных и балетных спектаклях на сюжет «Маскарада» см.: Гловацкий 1964: 83–93.

С. 237. *Нина, жена его.* — Нина — здесь уменьшительное, домашнее имя от Анастасии. В тексте драмы читаем: «Настасья Павловна споет нам что-нибудь» (д. III, сц. 1). Имя Настасья звучало как простонародное, имя Нина как романтичное, светское (о литературных коннотациях этого имени см.: Пеньковский 2003).

Князь Звездич. Баронесса Штраль. — Эти фамилии встречаются и в «Испытании» Бестужева-Марлинского: графиня Звездич, играющая по сюжету ту же роль, что и князь Звездич в «Маскараде», и эпизодический персонаж ротмистр фон-Штраль. Т. М. Николаева справедливо возводит литературную генеалогию этих героев Лермонтова к типу либертинов XVIII столетия, прежде всего к персонажам романа П. Шодерло де Лакло (Choderlos de Laclos, 1741–1803) «Опасные связи» («Le liaisons dangereuses», 1782) — виконту де Вальмону и графине де Мертей (Николаева 2005: 182–192).

Шприх, Адам Петрович. — Прототипом Шприха явился, по-видимому, некий А. Л. Элькан (1786–1868) — известный в петербургских салонах меломан и полиглот, писавший театральные фельетоны, хвалившийся своим знакомством с разными европейскими знаменитостями (о нем см.: ЛЭ 1981: 630; Лернер 1914: 39–56; Ефимова 1927: 48–49; Корнеев 1994: 91–94). По слухам, Элькан сотрудничал с тайной полицией. Он также послужил прототипом многих литературных персонажей: так, он выведен в «Горе от ума» Грибоедова (Загорецкий), в фельетонах

М. А. Бестужева-Рюмина (1798–1832) в альманахе «Сириус» (1826) и в «Северном Меркурии» (1830), в водевиле П. А. Каратыгина (1805–1897) «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони» (1838), в повести Т. Г. Шевченко «Художник» (1856). Отдельно стоит отметить повесть О. И. Сенковского (1800–1858) «Предубеждение» (1834), где Элькан выведен под фамилией Шпирха — отсюда взято имя и лермонтовского персонажа. Шпирх Сенковского — лицо комическое, у Лермонтова этот образ приобретает черты зловещего гротеска. В имени Шприха (ср. *нем.*: sprich — болтай, от глагола sprechen — говорить), возможно, заключен намек на одно из амплуа Элькана, переносчика сплетен и доносчика. Как полагают некоторые исследователи, в Шприхе угадываются и черты Ф. В. Булгарина — известного литератора и журналиста, агента III отделения, человека мелочного и мстительного, заклейменного Лермонтовым в эпиграммах.

За столом мечут банк и понтируют... — В ряде азартных игр типа фараона (штосс, банк, и др.) банкомет — игрок, который мечет (держит) банк, играет один против всех понтеров и отвечает по всем денежным ставкам, он вскрывает карты, уплачивая проигранные суммы по карте, выпавшей направо, и получая выигрыши по карте, выпавшей налево. Понтировать — участвовать в игре в качестве понтера, т. е. игрока, ставящего куш (ставку) против банкомета на определенную карту. Подробнее см.: Маскарад 1941: 235; Вахитов 2007: 36–41, 191–195.

С. 238. *...А семпелями плохо...* — Семпель (от *фр.* simple, «простой») — прямая, простая ставка, не увеличенная против назначенной ранее суммы (Вахитов 2007: 229).

Надо гнуть. — Гнуть — увеличить ставку в два раза.

Ва-банк. — Ва-банк — ставка, равная той сумме, которую поставил банкомет.

Убита. — Убитая карта — карта проигравшая.

С. 241. *Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный...* — Ср. эту характеристику Шприха с описанием Загорецкого из «Горя от ума» Грибоедова (Яковлев 1924: 216):

Вот, брат (*Чацкому*), рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд;
И в карты не садись: продаст.
(д. III, явл. 9).

С. 245. *Не по нутру мне этот Ванька-Каин...* — Ванька-Каин — лицо реальное. Это Иван Осипов, по прозванию Каин (1718 — после 1756), сын крестьянина Ростовского уезда, живший в XVIII в. Существует относящаяся к 1764 г. автобиография Ваньки-Каина, в которой он рассказал о своей бурной «карьере» (издана в 1782 г. с портретом и приложением его любимых песен; переиздавалась в XVIII в.

пятнадцать раз). На ее основе создалось несколько произведений массовой литературы, в частности авантюрно-приключенческий роман М. Комарова под названием «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина, всей его жизни и странных похождений» (СПб., 1779). У Лермонтова употреблено в значении «мошенник», «ловкий пройдоха», может быть даже «предатель».

С. 246. *Обрежется...* — Обрежется, или обдернется, т. е. ошибется, поставит не на ту карту, на которую задумал сделать ставку.

С. 248. *Ведь нынче праздники и, верно, маскерад / У Энгельгардта...* — В. В. Энгельгардт (1785–1837), известный дружбой с Пушкиным (оба члены кружка «Зеленая лампа»; Пушкин посвятил ему в 1819 г. стихотворение «Прости, счастливый сын пиров...»), — внук одной из сестер кн. Г. А. Потемкина, полковник в отставке, «хорошо и всенародно был знаком Петербургу. Расточительный богач, не пренебрегающий весельями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший» (Яцевич 1935: 301). В его доме на Невском проспекте (на углу Екатерининского канала, ныне № 30) после перестройки в 1829–1830 гг., были открыты помещения, специально приспособленные для публичных концертов, балов, маскарадов, благотворительных вечеров и т. п., — дом стал походить «на парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами» (ИВ. 1911. № 5. С. 549–550). Именно в 1835 г., когда Лермонтов работал над своей драмой, публичные маскарады в доме Энгельгардта, несмотря на платный вход (в нач. 1830-х — 10, позднее — 5 руб. ассигнациями), пользовались необычайно шумным успехом. На «масляной неделе» их посещал А. Н. Вульф (1805–1881) оставивший в своем «Дневнике» живое воспоминание о массе людей, «тесно сжатой» и «оживленной» (Вульф 1999: 229). Небезразличным для понимания лермонтовского восприятия маскарадов у Энгельгардта может оказаться отзыв независимого наблюдателя, английского путешественника К. Френкленда (Frankland, 1796–1876), посетившего дом Энгельгардта в 1831 г.: «Ничего не может быть скучнее русского публичного маскарада; половина масок — полицейские шпионы, так что никто не смеет сказать ни слова» (цит. по: Казанский 1936: 307). Подробнее о маскарадах и праздниках в доме Энгельгардта см.: Маскарад 1941: 223–227.

...У маски ни души, ни званья нет, — есть тело. — Ср. слова графини Звездич в «Испытании» Бестужева-Марлинского: «...Можно ли узнать душу, не видав лица, ее зеркала. Человек, который так упорно скрывается под маскою, может сбросить с нею и маскарадные свои качества» (Бестужев-Марлинский 1981: 212; Бестужев-Марлинский 1838: I, 44).

С. 250. *...Диана в обществе... Венера в маскераде...* — То есть пользуется репутацией непорочной в обществе, а в маскараде — жрица любви.

(Одно домино подходит... — Маскарадный костюм домино, восходящий к маскам венецианского карнавала, состоит из длинного плаща с капюшоном. Маска для такого костюма чередовала черные и белые элементы (одна половина белая — другая черная, или поверхность черная — изнанка белая).

С. 252. *Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный, / Самолюбивый, злой, но слабый человек; / В тебе одном весь отразился век...* — Ср. со стихами Пушкина из «Евгения Онегина» (глава седьмая, строфа XXII):

...два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой...
(Пушкин 1937–1959: VI, 148).

С. 258. *Вы, может быть, должны судьбу благословлять...* — Ср. слова мнимого испанца в «Испытании» Бестужева-Марлинского: «Но позвольте мне хранить маску... может быть, для обета своим товарищам, может быть, в подражание дамам, которые носят вуаль, чтобы возбуждать любопытство, не могши изумлять красотою... может быть, для удаления от вас неприятного сюрприза видеть лицо мое» (Бестужев-Марлинский 1981: 212; Бестужев-Марлинский 1838: I, 44–45).

С. 274. *Жорж Занд почти что прав!* — Жорж Санд — псевдоним знаменитой французской писательницы Авроры Дюдеван (1804–1876). Фраза должна была прозвучать достаточно резко для середины 1830-х гг., поскольку так открыто поддерживать Жорж Санд решались немногие. Основная масса негативных отзывов о ней (а они не были редкостью) появлялась в «Библиотеке для чтения» и принадлежала О. И. Сенковскому. Многие из ее романов, в которых развивались идеи женской эмансипации, широко обсуждались в 1830-х гг. на страницах русских журналов. Так, в томе 7 журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. (где напечатана упомянутая выше повесть Сенковского «Предубеждение») был помещен перевод статьи из французского журнала «Revue de Paris» с разбором с консервативных позиций романа Жорж Санд «Jacques». В монологе баронессы Штраль можно усмотреть иронический отклик Лермонтова на выступление «Библиотеки для чтения» и самого издателя журнала Сенковского против французской писательницы.

С. 275. *C'est une idée charmante, vous en avez toujours.* — Мысль превосходная, как и всегда у вас *(фр.)*.

С. 288. *Бывало, ты всё занят был делами, / А делом в первый раз.* — Казарин, видимо, подразумевает разницу в значениях словосочетания *заниматься делами* (заниматься канцелярской работой) и *заняться делом* — взяться за что-то серьезное.

С. 289. (*Делает пальцами изображение рогов.*) — Намек на то, что Арбенину изменяет жена, что он рогоносец (от *фр.* идиомы «avoir, porter des cornes» — иметь, носить рога).

С. 297. ...*Кутили мы, в чью голову — не знаю, / Хоть оба мы ребята с головой!..* — Шутка строится на столкновении двух идиом: «кутить (делать что-либо) не в свою голову», т. е. без удержу, безрассудно (примеры см.: Виноградов 1999: 259–267) и «ребята с головой» (умные, головастые).

С. 297. *Потом обед, вино — Рауля честь...* — Франц Рауль — владелец знаменитого погреба французских вин в Петербурге (в то время помещался «у Исакия, в д. Мятлевой, на углу Почтамтской»). Рауль, в частности, был поставщиком А. С. Пушкина. Торговля Рауля просуществовала до начала XX в.

С. 298. *Мне ль быть супругом и отцом семейства...* — Ср.: «Когда б мне быть отцом, супругом...» («Евгений Онегин», гл. IV, строфа XIII; Пушкин 1937–1959: VI, 70).

С. 305. *...Ошибся, виноват, вы служите из чести!* — Буквально — без жалованья. Возможно, здесь имеет место ироническая аллюзия на «Опасного соседа» В. Л. Пушкина (1811), где кухарка в борделе говорит герою: «Из *чести* лишь одной я в доме здесь служу» (Пушкин 2005: 28).

С. 308. *...Возьмут Лепажа пистолеты, / Отмерят тридцать два шага...* — Судя по деталям, Лермонтов следует за пушкинским описанием дуэли Онегина и Ленского: «Лепажа стволы роковые», «Зарецкий тридцать два шага / Отмерил с точностью отменной» (Пушкин 1937–1959: VI, 112–114). Лепаж — парижский ружейный мастер начала XIX в., пистолеты Лепажа наряду с Кухенрейтерами наиболее часто применялись в дуэлях. 30–32 шага — обычно в русской дуэли крайняя дистанция, с которой противники начинают сходиться до уговоренного барьера, имея право стрелять, не доходя до него (в пушкинском романе Онегин стреляет с 14 шагов). Лермонтов, видимо, еще не слишком хорошо понимал дуэльные правила: Князю не стоит гордиться своей храбростью при стрельбе с 32 шагов — она практически безопасна (обычная дистанция условного французского поединка); важна не исходная дистанция, а минимально допустимая — в последней дуэли Пушкина и в поединке Лермонтова с Мартыновым она равнялась 10-ти шагам.

С. 310. *...Чтоб в этом увидать картель.* — Картель (*фр.* cartel — соглашение, договор) — письменный вызов на дуэль.

С. 311. *Посмотрим. — Транспорт!..* — Транспорт — термин карточной игры, означающий перенос ставки на другую карту. В данном случае имеет иронический смысл — перемена противника.

С. 315. *Вы шулер и подлец.* — Сцена мести Арбенина князю Звездичу, возможно, подсказана Лермонтову происшествием, случившимся в Москве в начале 1830-х гг. Один гусар из удальства увез красавицу жену купца и вернул ее через три дня. Купец притворно согласился на мировую и сел играть с гусаром в карты. Внезапно он назвал противника шулером и дал ему пощечину (ИВ. 1884. № 9. С. 594–595).

С. 321. *Куда ж вы едете, далеко очень, видно; / Конечно не в луну? / Нет, ближе, на Кавказ.* — Нина намекает на безумие князя: на Луну летал Астольф в поисках утраченного ума Роланда (*Ариосто Л.* Неистовый Роланд. Песнь XXXIV, ст. 68–92). Князь же намерен отправиться на кавказскую войну, т. е. туда, где можно обрести смерть или вернуть честь.

С. 323. *Когда печаль слезой невольной...* — Наиболее ранние музыкальные переложения романса Нины принадлежат И. В. Романусу ([1839], 1846) и М. Ю. Виельгорскому ([1844]). Оба композитора были знакомы с Лермонтовым. Иван Васильевич Романус (1803–1861) в 1830–1837 гг. был дежурным офицером в Школе

гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Если нотированная версия романса действительно напечатана у В. Клевера и И. Пеца в 1839 г. (дата окончательно не установлена), то ее можно считать первой прижизненной, хотя и фрагментарной публикацией текста «Маскарада». В 1839 г. Романус мог узнать слова романса непосредственно от Лермонтова или через кого-то из его соучеников по Школе. Знакомство Лермонтова с Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788–1856) и его семьей состоялось, видимо, в 1838 г. и продолжалось в последующие годы; скорей всего, бывал поэт и в салоне Виельгорских (ЛЭ 1981: 86). Полный перечень музыкальных переложений «Романса Нины» см.: Морозова, Розенфельд 1983 (по указ.).

С. 325. *К тому же слишком прям и наш язык природный / И к женским прихотям доселе не привык.* — Ср. в «Евгении Онегине»: «Доныне гордый наш язык / К почтовой прозе не привык» (гл. III, строфа XXVI; Пушкин 1937–1959: VI, 63).

С. 326. *Вот всё, на чем вертится свет!* — Ср.: «И вот на чем вертится мир» («Евгений Онегин», гл. VI, строфа XI; Пушкин 1937–1959: VI, 112).

С. 327. *Всё, всё! / Ни капли не оставить мне! жестоко!* — В. Э. Вацуро (Вацуро 2008: 266) связывает эти слова с репликой Сальери в сцене отравления Моцарта: «Постой, / Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?» («Моцарт и Сальери»; Пушкин 1937–1959: VII, 132). Исследователь отмечает, что у Пушкина и Лермонтова был общий важный претекст — предсмертный монолог Джульетты у Шекспира: «Он значит отравился? Ах, злодей! / Всё выпил сам, а мне хотя бы каплю!» (пер. Б. Пастернака; в оригинале: «O churl! drunk all, and left no friendly drop / To help me after?»).

С. 333. *Осталось полчаса.* — Ср. у Шекспира в «Отелло»: «Д е з д е м о н а: Дай пожить сегодня! О т е л л о: Ты борешься... Д е з д е м о н а: Хоть полчаса!» (д. V, сц. 2; пер. М. Лозинского). Так же и в «Гамлете»: «Л а э р т: Ты не хранишь и получаса жизни» (д. V, сц. 2; пер. Т. Щепкиной-Куперник). Другие параллели см.: Vickery 2001: 335–336.

С. 349–350. *Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный / Сомнет минутная гроза.* — Ср. в «Евгении Онегине»: «Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял на утренней заре» (гл. VI, строфа XXXI; Пушкин 1937–1959: VI, 114). Следует, впрочем, заметить, что образ цветка — символа скоротечности жизни — имел библейские корни и был распространен в европейской литературе чрезвычайно широко.

С. 352. *И этот гордый ум сегодня изнемог!* — Офелия говорит о Гамлете, поверив в его безумие: «О, что за гордый ум сражен» (пер. М. Лозинского; д. III, сц. 1). «То, что в связи с трагедией Арбенина Лермонтову пришел на память не образ Отелло, казалось бы сюжетно более близкий, а именно Гамлет, весьма знаменательно. Это свидетельствует, что основу конфликта „Маскарада“ для Лермонтова составляет не ревность героя. Следует учитывать особое истолкование Лермонтовым образа Гамлета. Разойдясь с общепринятым толкованием своего времени, он не считал основой характера Гамлета слабость воли, неспособность к действию. Пересказывая беседу Гамлета с Гильденстерном, Лермонтов вкладывает в уста героя слова: „...как вы хотите из меня, *существа, одаренного сильной волею*, исторгнуть тайные мысли?..“ Упоминание „сильной воли“ в тексте Шекспира отсутствует. Для

Лермонтова Гамлет — сильный человек. Он бездействует потому, что не находит достойного поприща. Столкнувшись со злом мира, он потерял веру в людей и стимулы к действию. Это сближает его в сознании Лермонтова с образом Арбенина». См.: Лотман 1996: 543.

Лит: ЛЭ 1981: 273–275; Плаксин 1848: 16–18; Плаксин 1854: 254–255; Сушков 1854: 349–350; Григорьев 1855: 80, 84–86; Григорьев 1856: 28, 42–43; Лонгинов 1857: 236–238; Галахов 1858: 60–92, 277–311, 583–612; Лопухина 1875: 403; Булгаков 1884: 568–570; Висковатов 1891: 230–233; Котляревский 1891: 140–146; Дризен 1905: 131–132; Мейерхольд 1913: 111; Яковлев 1924: 67–71; Ефимова 1927: 26–50; Эйхенбаум 1933: 1; Дурылин 1939: 22–30; Эйхенбаум 1939: 20–21; Комарович 1941: 629–672; Маскарад 1941; Эйхенбаум 1941: 29–30; Мануйлов 1950: 113–146; Докусов 1955: 5–42; Богомолец 1955: 351–360; Гуковский 1957: 353–354; Данилов 1957: 173–177; Турбин, Усок 1957: 83–109; Линев 1959: 59–71; Владимирская 1960а: 33–35; Богомолец 1961: 127–173; Пульхритудова 1964: 35–43; Основин 1967: 3–24; Ходукина 1969: 68–89; Эйхенбаум 1969: 215–233; Коровин 1973: 203–216; Стариков 1974: 312–313; Владимирская 1975: 3–22; Фохт 1975: 123–130; Шнейдерман 1975: 162–208; Владимирская 1976: 3–12; Ходукина 1976: 47–51; Григорьев 1985: 235; Журавлева, Некрасов 1985: 5–51; Манн 1987: 209–236; Журавлева 1988: 16–29; Коровин 1988: 122–134; Карушева 1989: 161–166; Одиноков 1990: 146–154; Щеблыкин 1991: 60–64; Гюнтер 1993: 355; Зотов 1993: 22–24; Костюк 1993: 30–32; Щеблыкин 1993: 29–41; Вацуро 1994: 274–291; Зотов 1994: 63–68; Юхнова 1994: 31–33; Яковченко 1994: 39–40; Манн 1995: 289–305; Зотов 1996: 31–41; Лотман 1996: 543–545; Михеев 1996: 93–95; Щеблыкина 1996: 41–47; Щербинина 1996: 88–91; Юхнова 1996: 104–112; Яковченко 1996: 117–128; Грехнев 1997: 138–139; Кафанова 1998: 67–81; Марченко 1998: 149–178; Щербинина 1998: 115–116; Михеев 2000: 5–12; Болдина 2001: 61–64; Манн 2001: 303–319; Vickery 2001: 329–346; Журавлева 2002: 257–278; Козлов 2002: 42–44; Мильдон 2002: 92–110; Сквозников 2002: 46–47; Серман 2003: 26–32; Болдина 2004: 322–326; Мочульский 2004: 13–18; Щербакова 2004: 65–77; Бурова 2005: 99–100; Николаева 2005: 176–196; Анненкова 2006: 36–38; Нестор 2006: 152–165; Сахаров 2006: 137–164; Юхнова 2006: 204–206; Зорин 2009: 158–162; Данилевский 2013: 261; Алексеев 2014: 235–241; Левагина 2014: 40–43.

488. Два брата

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 20. Л. 1–20 об. — авторизованная в тетради 19 (без заглавия и списка действующих лиц); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 2 — список действующих лиц в тетради В. Х. Хохрякова; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 50 об. — отрывок из монолога Александра из 4 действия (*Да, мне 30 лет ~ за чье преступление*).

Печатается по авторизованной копии.

Датируется началом 1836 г. В. Х. Хохряков со слов С. А. Раевского датирует пьесу 1834–1836 гг. Однако Лермонтов в письме Раевскому от 16 января 1836 г. писал: «...Пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве» (Т. IV. № 556). Здесь Лермонтов мог иметь в виду только свое пребывание в Москве по пути в Тарханы 19–26 декабря 1835 г.,

т. к. после отъезда в Петербург в 1832 г. он в Москве не был. 22 декабря в Москву из Саранска приехала В. А. Бахметева (Лопухина) с мужем. Вероятно, встреча с ней и есть то происшествие, о котором Лермонтов писал Раевскому. Таким образом, Лермонтов мог приступить к работе над пьесой в самых последних числах декабря 1835 г. (а более вероятно — в первых числах января 1836 г.), а к 16 января он уже дописывает четвертый акт (из пяти).
Впервые: РВ. 1857. Т. 9. Июнь. Кн. 1. С. 336–344 — в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова»: пересказ содержания и отрывок (публикатор, видимо, имел в своем распоряжении ныне утраченный первый лист рукописи, так как в своем обзоре он называет пьесу «Двумя братьями» без оговорок, ломаных скобок и пр.). Полностью: Лермонтов 1880: 273–313.

Список действующих лиц пьесы сохранился только в тетради В. Х. Хохрякова (Лермонтов 1954–1957: V, 751). По сравнению с текстом пьесы в этом списке только одно расхождение: лакея зовут не Петрушкой, а Ванюшкой:

Дмитрий Петрович Радин.

Сыновья:
Александр
Юрий

Князь Лиговский
Вера (его жена).
Петрушка, лакей Юрия.
Федосей, камердинер Дмитрия Петровича.

В драме «Два брата» повторяется тема, неоднократно включавшаяся Лермонтовым в его драматические и прозаические произведения, — измена героини первому искреннему чувству и брак ее по расчету. Это Наташа Загорскина («Странный человек»), Вера Лиговская («Княгиня Лиговская»), Вера («Герой нашего времени»). В «Двух братьях» Вера сделала то же самое, даже девическая фамилия ее Загорскина. Все эти повторения не случайны. Такая ситуация, типичная для общества тех лет, не могла не волновать Лермонтова. Это судьба и Н. Ф. Ивановой, и В. А. Лопухиной. Встреча Лермонтова с Варварой Александровной через три года после ее замужества и послужила для него толчком для написания сцены встречи Юрия с Верой. Этим, возможно, и исчерпывается автобиографический элемент в драме, несмотря на слова Лермонтова, именовавшего ее в письме Раевскому драмой, «взятой из происшествия, случившегося со мной в Москве». «Драму никак нельзя назвать „автобиографической“ — даже в том смысле, в каком это слово приложимо к юношеским пьесам» (Эйхенбаум 1961: 216). В чем именно состояло «происшествие», неизвестно, намека Лермонтова в том же письме («О Москва, Москва, столица наших предков... преподло со мной поступила» — Т. IV. № 556) явно недостаточно для каких-либо биографических выводов. Хотя поиски автобиографических корней в драме не прекращаются (см., например: Бойко 2012: 47–54), следует, видимо, согласиться с выводом Б. М. Эйхенбаума, полагавшего, что «Два брата» — обобщенный «итог любовных происшествий, „похождений“ и экспериментов Лермонтова» (Лермонтов 1935–1937: IV, 559).

В создании драмы «Два брата» сказался опыт освоения западноевропейской литературы. Мотив вражды двух братьев-соперников был очень распространен в немецкой драматургии. Это и «Разбойники» Ф. Шиллера и его же «Мессинская невеста» (1803), «Близнецы» (1776) Ф. М. Клингера (1752–1831) и др. Так, М. А. Яковлев считает, что «Два брата» воспроизводят персонажную и сюжетную систему «Мессинской невесты» (Яковлев 1924: 187–188). Также указывалось на сходство основной коллизии «Двух братьев» с повестью А. А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825), где братья соперничают из-за дочери Волынского воеводы (Яковлев 1924: 195).

По своей сатирической направленности драма «Два брата» ближе всего примыкает к «Маскараду». Помимо этого, Лермонтов разрабатывает ту же тему, что и в «Маскараде», — тему супружеской измены. Однако если в «Маскараде» мотив мнимой измены используется как фабульный ход, то героиня «Двух братьев» уже гораздо ближе к «падшим» героям французской литературы 1830-х гг., например, к госпоже Реналь из романа Стендаля «Красное и черное» («Le Rouge et le Noir», 1830). Тем не менее, вполне отчетливо ощущается и сочувствие к этой «падшей» героине, что, по предположению Л. И. Вольперт, сближает творчество Лермонтова с первыми романами Жорж Санд «Индиана» (1832) и «Валентина» (1832) (Вольперт 2010: 121–122). Кроме того, несмотря на то что конкретных инвектив против брака нет, вполне резонно отмечается влияние ранних повестей Бальзака: «В драме, впервые в русской литературе, *по-бальзаковски* подчеркнуты отношения *купли-продажи*, доминирующие в браке» (Вольперт 2010: 148): показательно в этом смысле критическое заострение темы денег, как универсального ценностного эквивалента («...миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут всё» — д. I, сц. 1).

В драме два главных героя, два контрастных характера, но это уже не та расстановка сил, что в ранних драмах. Александр и Юрий Радины — смелые, страстные, вольнолюбивые, возвышаются над своей средой. Оба страдают от разочарования в любви, ревности, от пошлости и корыстолюбия окружающих их людей. Но Юрий доверчив и прямодушен, подобно героям ранних лермонтовских драм, тогда как Александр осторожен и скрытен, разочарования в жизни и людях сделали его жестоким и мстительным.

Современный исследователь писал о «Двух братьях»: «Небольшое число действующих лиц... придают пьесе камерный характер. Вместе с тем, выразительность личности доведена до такой высокой степени, психологическая наполненность каждого персонажа так велика, что образы приобретают шекспировскую монументальность» (Данилевский 2013: 264).

Б. М. Эйхенбаум считал, что в «Двух братьях» намечен переход Лермонтова от драмы к роману, от «Маскарада» к «Герою нашего времени» (см.: Эйхенбаум 1961: 216–219). Некоторые особенности душевного склада обоих братьев впоследствии сочетались в образе Печорина. Когда Печорин говорит: «...одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил...», он имеет в виду такие безвозвратно исчезнувшие черты своего характера, как «способность глубоко чувствовать добро и зло», «готовность любить весь мир»,

доверчивость, сближающие его с Юрием. С другой стороны, замкнутость, эгоизм (та, другая половина души, которая «шевелилась и жила к услугам каждого» — Там же) свидетельствуют об определенном сходстве его с Александром. Недаром монолог Александра «Да!.. такова была моя участь со дня рождения...» (д. II, сц. 1) почти дословно переносится Лермонтовым в роман «Герой нашего времени» как автохарактеристика Печорина. Таким образом, драма «Два брата» является одним из этапов на пути создания Лермонтовым образа Печорина в «Герое нашего времени».

Оценивая драму с точки зрения режиссера, В. Э. Мейерхольд писал: «„Два брата“, пьеса, которую многие из солидных издателей Лермонтова выбрасывают из полного собрания сочинений поэта, считая, вероятно, драму эту за юношеское его произведение, — это лучшая после „Маскарада“ драма Лермонтова — вводит нас в стихию Испанского театра яркой обрисовкой драматических характеров и остротою интриги» (Мейерхольд 1913: 111).

Пьеса «Два брата» впервые была поставлена В. Э. Мейерхольдом 10 января 1915 г. в Петрограде на сцене Мариинского театра в связи с празднованием столетия со дня рождения поэта. В роли Юрия выступил Ю. М. Юрьев (1872–1948), декорации и костюмы были выполнены по эскизам А. Я. Головина.

В 1936 г. пьеса передавалась по ленинградскому радио. Спектакль шел под руководством заслуженного артиста РСФСР И. Ф. Ермакова при участии заслуженных артистов РСФСР Н. М. Железновой, В. Э. Крюгера, Д. Л. Волосова, А. М. Жукова.

В 1939 г. И. Ф. Ермаков вновь обратился к пьесе «Два брата» и осуществил ее постановку в Ленинградском опытном телевизионном центре. Участниками были те же артисты, что и в радиоспектакле, за исключением героини: роль Веры исполняла народная артистка РСФСР И. П. Гошева.

В 1954 г. тот же режиссер возобновил постановку «Двух братьев». На этот раз в спектакле Ленинградской студии телевидения участвовали народный артист РСФСР В. И. Стржельчик и заслуженные артисты РСФСР Л. П. Штыкан, Г. И. Соловьев, В. Э. Крюгер. В том же году «Два брата» были поставлены в Воркутинском театре.

В 1964 г. в честь 150-летия со дня рождения Лермонтова на Ленинградской студии телевидения был создан телевизионный фильм «Два брата» по сценарию и в постановке И. Ф. Ермакова. На экран он вышел 13 октября 1964 г. (см.: Серебряков 1979: 163).

К 200-летию Лермонтова драма поставлена на сцене московского театра «Глас» (реж. Ю. Шипов).

С. 358. *venez ici* — идите сюда (*фр.*).

...посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича... — Слово «трельяж» (*фр.* treillage) имеет два значения: зеркало, состоящее из трех створок, и тонкая решетка, предназначенная для вьющихся растений и цветов или употребляемая в качестве легкой ширмы.

С. 359. *Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар.* — Фермуар (*фр.* fermoir от глагола fermer — запирать) — ожерелье с застежкой.

С. 361. *Поедемте вместе на Кузнецкий.* — Кузнецкий мост — улица в Москве, получившая свое название от бывшего на ней до 1819 г. моста через реку Неглин-

ную. На этой улице было сосредоточено большое количество преимущественно французских модных магазинов, которые служили своеобразной выставкой мод и других новинок. Ср. в «Горе от ума» Грибоедова (д. I, явл. 4):

А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!

Частые посещения этих магазинов московской знатью превратили Кузнецкий мост в место модного гулянья, где можно было не только купить или посмотреть последние французские наряды, но и услышать городские новости.

С. 362–363. *О, лучше убей меня ~ в груди моей возникло отчаянье, — не то, которое лечат дулом пистолета...* — Диалог Александра с Верой с небольшими изменениями перенесен в роман «Герой нашего времени» (ср. разговор Мери с Печориным от слов Мери: «...возьмите лучше нож и зарежьте меня...» — до слов Печорина: «...не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета...».

С. 365. *Действие третие. Сцена первая.* — Начало сцены почти дословно совпадает с начальной сценой драмы Шиллера «Разбойники» (Шиллер 1955–1957: I, 371).

С. 370. *...лакей в военной ливрее.*) — Поскольку Юрий — офицер, его лакей должен носить военизированную ливрею, воротник и полы которой обшиты полосами сукна в цвет, присвоенный полку, где служит его хозяин (у слуг гвардейских офицеров таких полос три, а у армейских — две).

С. 372. *Действие четвертое. Сцена первая.* — Сцена отчасти напоминает соответствующий эпизод из «Мессинской невесты» Шиллера, в конце которого Дон Цезарь убивает своего брата Дона Мануэля (Шиллер 1955–1957: III, 197–203, 227–234); у Лермонтова объяснение братьев ограничивается только угрозами (см. Яковлев 1924: 188–192).

...заброшенная комната <...> Лунное освещение... — Антураж готического романа (руины, заброшенные комнаты, лунный свет) нередко использовался романтиками для нагнетания таинственной и драматической атмосферы действия. Ср., например, сцену запретного свидания в рассказе А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831): «Я бродил по пустой его зале, между опрокинутых стульев и сгроможденных скамей. Лунный свет, падая сквозь окна, рисовал по стенам зыбкие цветы и деревья, отраженные морозными кристаллами стекол. <...> Ударило два часа за полночь, и зыблющийся колокол затих, ропща, будто страж, неохотно пробужденный; звук его потряс меня до дна души... Я дрожал, как в лихорадке, а голова горела, — я изнемогал, я таял. Каждый скрип, каждый щелк кидал меня в пот и холод... И, наконец, желанный миг настал: с легким шорохом отворились двери; как тень дыма, мелькнула в нее Полина... еще шаг, и она лежала на груди моей!» (Бестужев-Марлинский 1981: 331).

...один, всегда один, отверженный, как Каин... — Каин, по библейскому преданию, убил своего брата Авеля, за что был проклят Богом (Быт., 4, 1–17).

С. 378. *...постельная собачка... — фр.* Chien de Demoiselle, babiche, маленькая дамская собачка, которую держат в спальне. Эта мода, родившаяся в высших кругах французской знати в конце XVII в. и возродившаяся в эпоху сентиментализма, послужила основанием для множества двусмысленных литературных шуток. В 1830-х гг. должна была восприниматься, как намеренный архаизм.

С. 379. *...запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд...* — и далее ср. со словами Фамусова из «Горя от ума» Грибоедова (д. IV, явл. 14):

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком...

...философия — черт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для меня, от этого всё зло!... — Ср. со словами Фамусова: «Ученье — вот чума, ученость — вот причина» (д. III, явл. 21).

Лит: ЛЭ 1981: 127–128; Шестаков 1857: 232–263, 317–344; Висковатов 1891: 281–283; Мейерхольд 1913: 111; Батюшков 1914: 2; Батюшков 1915: 2; Гуревич 1915: 4; Колтоновская 1915: 325–328; Плещеев 1915: 6; Смоленский 1915: 6; Соболев 1915: 67–69; Вейконе 1916: 11–12; Яковлев 1924: 157–184, 189–196; Мануйлов 1950: 146–152; Удодов 1973: 95–96; Эйзенштейн 2005: 57–58; Вольперт 2010: 121–122; Данилевский 2013: 263.

ПРИЛОЖЕНИЯ

487а. Маскарад. <Ранняя редакция>

Автограф неизвестен.
Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 3. № 1. Л. 1–38 об. — авторизованная, с правкой Лермонтова и С. А. Раевского; начинается со слов Арбенина: «А думаешь: глупец?» (в основной редакции: д. I, сц. 3). Обнаружена в архиве семьи Якушкиных.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется началом 1835 г.
Впервые: Лермонтов 1935–1937: IV, 522–551 (в извлечениях, как вариант основного текста); Лермонтов 1953: 349–419 (полностью, как самостоятельное произведение; на с. 425 — список действующих лиц из тетради В. Х. Хохрякова).

Далее даются построчные комментарии лишь к тем фрагментам текста, которые отсутствуют в основной редакции «Маскарада».

С. 428. *Но Шприх!.. он говорил... какой содом!* — Содом — легендарный библейский город, разрушенный землетрясением и огненным дождем за грехи его жителей. В данном случае слово употреблено как нарицательное для обозначения крайнего беспорядка, неурядицы и разноголосицы.

С. 430. *...И годы тяжкие пришли.* — В рукописи далее вычеркнуты несколько строк из монолога Казарина:

За то, что прежде, как нелепость
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозится нам
И Петропавловская крепость.
(Лермонтов 1954–1957: V, 603–713).

Казарин имеет в виду ужесточение запрета на азартные игры, введенное указом Николая I Сенату от 12 марта 1832 г. (см.: Полное собрание законов Российской Империи. Том VII. Часть 7. СПб., 1833. С. 139–140. № 5227). Аналогичный указ Александра I был выпущен еще 11 июля 1801 г., однако исполнялся он плохо: игорные дома были запрещены, но в частных домах и клубах азартная игра по крупной продолжалась невозбранно (по крайней мере до тех пор, пока не возникал какой-либо громкий скандал — дуэль из-за нечестной игры, самоубийство проигравшегося игрока, и т. п.).

С. 434. *...И как старинный аматер, / Я вас попотчую, есть у меня Lausseur / И славный Шамбертень.* — Аматер (*фр.* amateur) — любитель. Lausseur — белое пенистое вино, которое производили в окрестностях города Нюи (Nuits-Saint-Georges) в Бургундии (ср.: «Лоссер янтарно-искрометный» — Бороздна 1837: 77). Шамбертень (*Chambertin*) — знаменитая марка красного бургундского вина длительной выдержки, любимое вино Наполеона (ср.: «Друзья! Наполеон недаром / Пивал бургонское одно — / Глубокомыслия вино» — Филимонов 1837: 65).

С. 435. *...И вот уж десять лет играю только в штосс!..* — Штосс — азартная карточная игра, построенная на игре случая (см.: Вахитов 2007: 270–272). Шутка заключается в том, что в штоссе, в схожем с ним банке (см. выше примеч. к с. 237) и некоторых других азартных играх группы фараона существует общее понятие «банк» — сумма кушей (ставок), участвующих в игре. Т. е. бросив банк и перейдя к штоссу, игрок не перестал «метать банк» (вести игру). Подробнее об игре в штосс см. в комментарии к незаконченной новелле Лермонтова <«Штосс»> (Т. IV. № 495).

С. 440. *...шестеркою разгонной...* — разгонные лошади, т. е. предназначенные для почтовой или частной езды в упряжке. Разгонная шестерка (упряжка шестерней) подразумевает длинную и небыструю дорогу.

...Помчался по Мильонной!.. — Миллионная — улица в центре Петербурга, параллельная Дворцовой набережной.

С. 441. *Отчаянье? да, есть ~ Несметное число премилых дезесепоаров.* — Иронический монолог пожилого человека — парафраз реплики Правина из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Фрегат „Надежда“» (опубл. в 1833 г.): «Отчаяние?..

это что-то новое выражение в модном словаре! Нет ли какого перстня или браслета такого имени! Ведь есть же супиры, и репантиры, и сувениры у любого золотых дел мастера. Отчаяние!!» (Бестужев-Марлинский 1981: 245; отмечено: Добродомов 2009: 99). Слишком явный характер заимствования, вероятно, заставил Лермонтова исключить данный фрагмент из последующих редакций «Маскарада».

Супир (*фр.* soupir — вздох) — тонкий перстень, который обычно носили в память о человеке или событии (Михельсон 1903: 329; подробнее об истории и употреблении слова см.: Добродомов 2009: 93–104).

Сувенир (*фр.* souvenir — воспоминание) — здесь памятный медальон с портретом (именование, характерное для XVIII в.).

Репантир (*фр.* repentir — раскаяние) — видимо, элемент дамской прически: букли, длинные завитки волос, спускающиеся с висков (мода, появившаяся в 1800-х гг.).

Дезесепоар (точнее *дезеспуар — фр.* desésрoir — отчаяние) — в XVIII веке этим термином обозначались либо ленты от чепца (шляпки), либо ожерелье, либо шейный платок (бант, галстук), завязанный определенным узлом. Вопрос о том, знали ли Бестужев и Лермонтов о существовании артефактов с таким названием, остается открытым.

487b. Арбенин

Автограф неизвестен.

Копии: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а — авторизованная копия последней редакции «Маскарада» в так называемой «чертковской» тетради (копия первоначально содержала много ошибок и пропусков, Лермонтов карандашом отметил места, подлежащие исправлению, на обороте 2-го листа набросал начерно список действующих лиц, на лицевой стороне того же листа карандашом написал стихи 56–64 и звездочкой пометил, куда они должны быть вставлены; затем С. А. Раевский внес чернилами правку и вставки против авторских карандашных помет; после этого автор внес еще одну правку чернилами); 2) РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. № 47. Л. 73–113 — копия из бумаг кн. П. В. Долгорукова, отложившихся в служебном архиве Д. Н. Блудова; данная копия отражает более позднюю стадию работы, нежели копия 1 (подробнее о статусе рукописи, обстоятельствах ее обнаружения и правительственной экспертизы см.: Дейч 1946: 188–189; Докусов 1955: 22–29).

Печатается по копии 1.

Датируется мартом — октябрем 1836 г.

Впервые: РС. 1875. № 9. С. 3–56 (под ошибочным названием «Маскарад»). В исправленном виде: Лермонтов 1954–1957: V, 532–601.

Далее даются комментарии лишь к тем фрагментам текста, которые не встречаются в основном тексте «Маскарада» и в его ранней редакции.

С. 464. *Оленька, компаньонка.* — Образ Оленьки для этой редакции мог быть заимствован из повести «Испытание» Бестужева-Марлинского: в этой повести Оленьке соответствует Ольга, сестра Валериана (подробнее см.: Яковлев 1924: 212–215).

С. 479. *Вы с некоторых пор на мир, как на Содом, / Глядите, строгим мудрецом!..* — См. комментарий к с. 428. В данном случае Содом — город.

Балет на сцене — в обществе балет ~ В beau monde открыть себе дорогу... — Ср. эпиграмму Лермонтова, написанную, вероятно, в сер. 1830-х гг.: «И на театре, как на сцене света / Мы не выходим из балета...» (Т. I. № 325).

С. 480. *La société est si mêlée* и далее — Общество столь смешанное, состоящее из лиц, которых видишь на бульваре, на сборищах (*фр.*). *Madame, voudrez-vous bien valser?* — Мадам, не хотели бы вы повальсировать? (*фр.*).

С. 485. *Из дальных стран / Приезжий — вам знакома Уналаска?* — Приезжий — очевидно, подразумевается граф Ф. И. Толстой-Американец (1782–1846). Дуэлист, картежник, нечисто игравший, Толстой отличался скандальной репутацией и беспутным образом жизни. В 1803–1806 гг. он участвовал в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна (1770–1846) и за недопустимое поведение на корабле был ссажен с него капитаном на один из Алеутских островов. Остров Уналаска входит в этот архипелаг.

Его гротескно-сатирический портрет дает А. С. Грибоедов в «Горе от ума» (д. IV, явл. 1):

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом;
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

С. 487. *Чужого счастия отчаянный зоил!* — Зоил (ок. 400 — ок. 330 гг. до н. э.) — древнегреческий ритор и софист, известный своей придирчивой, мелкой и злобной критикой Гомера. Имя Зоила стало нарицательным для обозначения недоброжелательной критики.

С. 488. (*Трельяж их закрывал от любопытных глаз*)... — См. комментарий к с. 358. В данном случае трельяж — легкая ширма, увитая растениями.

С. 514. *Комната Арбенина. Нина спит на канапе.* — Канапе (*фр.* canapé) — диван с приподнятым изголовьем.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков 1955–1956 — *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. III.
Алексеев 1940 — *Алексеев М. П.* Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании: Сб. М., 1940. С. 423–424.
Алексеев 1991 — *Алексеев М. П.* Чарлз Роберт Метьюрин и русская литература // Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исслед. Л., 1991. С. 294–337.
Алексеев 2014 — *Алексеев Д. А.* К истории «Маскарада» и «Арбенина» // Алексеев Д. А. Лермонтов: Новые материалы к биографии. М., 2014. С. 235–241.
Андреев-Кривич 1978 — *Андреев-Кривич С. А.* Всеведение поэта. М., 1978.
Андроников 1951— *Андроников И. Л.* Лермонтов. М., 1951.
Анненков 1855 — *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина (Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. Т. 1). СПб., 1855.
Анненкова 2006 — *Анненкова Н. А.* «Маскарад» и «Арбенин» М. Ю. Лермонтова // Вестн. Оренбург. ун-та. Оренбург, 2006. № 11. С. 36–38.
Арзамасцев 1984 — *Арзамасцев В. П.* «Звук высоких ощущений...». Саратов, 1984.

Батюшков 1914 — *Батюшков Ф. Д.* Романтическая драма Лермонтова // Речь. 1914. 22 дек. № 346. С. 2.
Батюшков 1915 — *Батюшков Ф. Д.* Лермонтов в слове, музыке и пластике // Пг. газ. 1915. 8 янв. № 11. С. 4.
Башуцкий 1834 — *Башуцкий А. П.* Панорама Санкт-Петербурга: В 3 ч. СПб., 1834.
Башуцкий 1841 — *Башуцкий А. П.* Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. С. 65–97.
Белинский 1953–1959 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953–1959.
Бестужев-Марлинский 1838 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Повести и рассказы: В 11 т. СПб., 1838. Т. I.
Бестужев-Марлинский 1981 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. I.
Благой 1941 — *Благой Д. Д.* Лермонтов и Пушкин: Проблема историко-литературной преемственности // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., 1941.
Бобров 1909 — *Бобров Е. А.* К библиографии М. Ю. Лермонтова // ИОРЯС. 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 89–93.

Богомолец 1955 — *Богомолец В. К.* Новое о писарских копиях «Маскарада» М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1955. Т. 107. С. 351–360.

Богомолец 1961 — *Богомолец В. К.* Творческая история драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Учен. зап. Ровен. пед. ин-та. 1961. Т. 6. С. 127–173.

Богомолец 1963 — *Богомолец В. К.* Юношеская драма М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» // Доповіді і повідомлення наук: Конф. Ровен. пед. ін-ту. Ровно, 1963. С. 165–170.

Бойко 2012 — *Бойко С. А.* «Два брата»: Последняя драма Лермонтова // Лермонтовские чт. 2011. СПб., 2012. С. 47–54.

Болдина 2001 — *Болдина Н. Н.* Ключевые единицы в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // ТВ. 2001. Вып. 14. С. 61–64.

Болдина 2004 — *Болдина Н. Н.* Языковое выражение антитезы в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Актуальные проблемы науки в России. Кузнецк, 2004. Вып. 2. С. 322–326.

Бороздна 1837 — *Бороздна И. П.* Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма: Письма в стихах к гр. В. П. З[авадовскому]. М., 1837.

Бродский 1945 — *Бродский Н. Л.* М. Ю. Лермонтов: Биография. М., 1945. Т. I.

Булгаков 1884 — *Булгаков Ф. И.* Лермонтов и цензура // ИВ. 1884. № 3. С. 568–570, 573.

Бумаги Арсеньевой 1948 — Бумаги Е. А. Арсеньевой в Пензенском государственном архиве // ЛН 1948: XLV–XLVI, 625–640.

Буренин 1880 — *Буренин В.* [Рец. на Сочинения Лермонтова под ред. П. А. Ефремова. 1880] // Новое время. 1880. 18(30) янв. С. 2–3.

Бурова 2005 — *Бурова Г. П.* Специфика межфразовой связи в драматургическом тексте М. Ю. Лермонтова // Вестн. Пятигор. лингвист. ун-та. 2005. № 3/4. С. 99–100.

Ваняшова 2012 — *Ваняшова М. Г.* Между романтизмом и постмодернизмом: «Маскарад» М. Ю. Лермонтова на современной сцене // Лермонтовские чт. 2011. СПб., 2012. С. 6–15.

Вахитов 2007 — *Вахитов С. В.* Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь. М., 2007.

Вацуро 1994 — *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 274–291.

Вацуро 2008 — *Вацуро В. Э.* О Лермонтове. М., 2008.

Вейконе 1916 — *Вейконе М.* «Два брата» Лермонтова // Искусство. 1916. № 1. С. 11–12.

Венгеров 1990 — *Венгеров С. А.* Соотношение между юношеской драмой Белинского и юношеской драмой Лермонтова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. 1. С. 133–136.

Вигель 2003 — *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003.

Виноградов 1999 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999.

Висковатов 1891 — *Висковатов* (*Висковатый) П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891.

Витковская 2013 — *Витковская Л. В.* Иберийские мотивы в интертекстуальном пространстве художественного мира М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в русской

и зарубежной науке и культуре: мат-лы всерос. науч. конф., 14–16 мая 2012 г. Пятигорск, 2013. С. 84–94.
Владимирская 1960а — *Владимирская Н. М.* М. Ю. Лермонтов и русская драматургическая традиция: «Маскарад» и «Горе от ума» // Учен. зап. Великолук. пед. ин-та. 1960. Вып. 12. С. 33–35.
Владимирская 1960б — *Владимирская Н. М.* Романтический герой в трагедии Лермонтова «Испанцы» // Учен. зап. Великолук. пед. ин-та. 1960. Вып. 11. С. 13–30.
Владимирская 1963 — *Владимирская Н. М.* Образ современника в драме Лермонтова «Странный человек» // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 134–148.
Владимирская 1964 — *Владимирская Н. М.* Драма «Странный человек» и становление художественной системы Лермонтова // Учен. зап. Великолук. пед. ин-та. 1964. Вып. 23. С. 5–27.
Владимирская 1974 — *Владимирская Н. М.* Жанровые особенности ранних драм М. Ю. Лермонтова // А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов: Жанр и стиль художественного произведения. Рязань, 1974. С. 93–100.
Владимирская 1975 — *Владимирская Н. М.* Стихотворная и прозаическая форма драм Лермонтова как элемент художественного стиля // Вопросы литературы: [Сб.]. Вып. 10. Владимир, 1975. С. 3–22.
Владимирская 1976 — *Владимирская Н. М.* «Маскарад» в системе драматургических произведений М. Ю. Лермонтова // Русская литература 30–40-х годов XIX века. Рязань, 1976. С. 3–12.
Вольперт 2010 — *Вольперт Л. И.* Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010.
Воробьев 2002 — *Воробьев В. П.* О влиянии «Еврейских мелодий» Байрона на трагедию Лермонтова «Испанцы» // http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/vorobev-o-vliyanii-evrejskih-melodij-bajrona.htm.
Воспоминания 1989 — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
Вульф 1999 — Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827–1842 годов. Тверь, 1999.
Вырыпаев 1976 — *Вырыпаев П. А.* Лермонтов: Новые материалы к биографии. Саратов, 1976.
Вяземский 2003 — *Вяземский П.* Старая записная книжка. М., 2003.

Галахов 1858 — *Галахов А. Д.* Лермонтов // РВ. 1858. № 13, июль. Кн. 1. С. 60, 92; № 14, июль. Кн. 2. С. 277–311; № 16, август. Кн. 2. С. 582–612.
Галахов 1999 — *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.
Гловацкий 1964 — *Гловацкий Б.* Лермонтов и музыка. М.; Л., 1964.
Головенкина 2008 — *Головенкина Е. В.* Формирование жанра трагедии в ранней драматургии М. Ю. Лермонтова («Испанцы») // Кафедра: Проблемы, поиски, перспективы. Новосибирск, 2008. С. 30–37.
Головенкина 2010 — *Головенкина Е. В.* Эволюция жанра трагедии в ранней драматургии М. Ю. Лермонтова: «Люди и страсти» // ТВ. Вып. 23. Пенза, 2010. С. 117–124.

Гребнева 1998 — *Гребнева М. П.* Религиозная тема в драме М. Ю. Лермонтова «Испанцы» и ее литературные источники // Культура и текст. СПб.; Барнаул, 1998. Ч. 2. С. 5–11.

Грехнев 1997 — *Грехнев В. А.* Словесный образ и литературное произведение. Н. Новгород, 1997. С. 138–139.

Григорьев 1855 — *Григорьев А. А.* «Зурна»: Закавказский альманах // Москвитянин. 1855. № 13–14, июль. Кн. 1–2. С. 80, 84–86.

Григорьев 1856 — *Григорьев А. А.* О правде и искренности в искусстве // Рус. беседа. 1856. № 3. Отд. 2. С. 28, 42–43.

Григорьев 1980 — *Григорьев А. А.* Эстетика и критика. М., 1980.

Григорьев 1985 — *Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 212–242.

Григорьян 1982 — *Григорьян К. Н.* Драматургия М. Ю. Лермонтова // История русской драматургии. Л., 1982.

Гроссман 1941 — *Гроссман Л. П.* Лермонтов и литературы Востока // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 719–735.

Гуковский 1957 — *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблема реалистического стиля. М., 1957. С. 353–354.

Гуревич 1915 — *Гуревич Л.* Лермонтовский спектакль // Речь. 1915. 12 янв., № 11. С. 4.

Гюнтер 1993 — *Гюнтер И.* Воспоминания // ЛН 1993: $XCII_5$, 355.

Данилевский 2013 — *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.

Данилов 1957 — *Данилов С. С.* Русский драматический театр XIX в. Л.; М., 1957. Т. 1. С. 173–177.

Дейч 1946 — *Дейч Г. М.* Новое о драме Лермонтова «Арбенин» // Звезда. 1946. № 4. С. 188–189.

Денисенко 2014 — *Денисенко С. В.* О лермонтовском замысле либретто оперы по поэме А. С. Пушкина «Цыганы» // Лермонтов и история: Сб. науч. ст. Новгород; Тверь, 2014. С. 119–126.

Дмитриев 1869 — *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

Добродомов 2009 — *Добродомов И. Г.* Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 92–109.

Докусов 1955 — *Докусов А. М.* «Маскарад» М. Ю. Лермонтова: Из творческой истории текста и сценической истории драмы // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1955. Т. 120. С. 5–42.

Дризен 1900 — *Дризен Н. В.* Очерк театральной цензуры двух эпох. 1801–1856 // ИВ. 1900. № 8. С. 556–585.

Дризен 1905 — *Дризен Н. В.* Материалы к истории русского театра. М., 1905. С. 131–132.

Дурылин 1939 — *Дурылин С. Н.* Мотивы драматургии Лермонтова // Театр. 1939. № 10. С. 15–30.

Дурылин 1941 — *Дурылин С. Н.* Лермонтов и романтический театр // Маскарад 1941: 15–38.

Дякина 2001 — *Дякина А. А.* Духовное наследие М. Ю. Лермонтова и поэзия серебряного века. М., 2001. С. 20–22.

Ефимова 1927 — *Ефимова М. З.* Из истории русской романтической драмы: «Маскарад» // Русский романтизм. Л., 1927. С. 26–50.

Ефремов 1880 — *Ефремов П. А.* Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова // РВ. 1880. № 11. С. 386–394.

Журавлева 1988 — *Журавлева А. И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988. С. 16–29.

Журавлева 2002 — *Журавлева А. И.* Лермонтов в русской литературе. М., 2002. С. 257–279.

Журавлева, Некрасов 1985 — *Журавлева А. И., Некрасов В. Н.* Драма Лермонтова «Маскарад» в русской культуре // Лермонтов М. Ю. Маскарад. Драма. М., 1985. С. 5–51.

Закруткин 1941 — *Закруткин В. А.* Лермонтов-драматург // Закруткин В. А. Пушкин и Лермонтов. Ростов н/Д, 1941. С. 241–246.

Замотин 1914 — *Замотин И. И.* М. Ю. Лермонтов: Мотивы идеального строительства жизни. Варшава, 1914.

Зорин 2009 — *Зорин А. Н.* Потерянный браслет «Золушки» Дж. Россини и «Цимбелина» В. Шекспира в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова: Интертекстуальные перспективы предметного мотива // Вестн. Вятск. гос. гуманитар. ун-та. 2009. № 2. Ч. 2. С. 158–162.

Зотов 1993 — *Зотов С. Н.* Культурологическое понимание игры и драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Проблемы взаимовлияния литератур. Ставрополь, 1993. С. 22–24.

Зотов 1994 — *Зотов С. Н.* Культурологическое понимание игры и драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1994. С. 63–68.

Зотов 1996 — *Зотов С. Н.* Игровое самоопределение романтического героя М. Ю. Лермонтова в драме «Маскарад» // Лермонтовский выпуск. Пенза, 1996. № 5. С. 31–41.

Иванова 1950 — *Иванова Т. А.* Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М., 1950.

Иванова 1957 — *Иванова Т. А.* Юность Лермонтова. М., 1957.

Иванова 1979 — *Иванова Т. А.* Лермонтов в Москве. М., 1979.

Казанский 1936 — *Казанский Б. В.* Разговор с англичанином // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 302–314.

Калугина 2001 — *Калугина Е. О.* «Черная легенда» об Испании в русской культуре // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., 2001. С. 252–297.

Карушева 1989 — *Карушева М. Ю.* К идее рока в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // РЛ. 1989. № 3. С. 161–166.
Кафанова 1998 — *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск, 1998. С. 67–81.
Ковалевская 1980 — Лермонтов: Картины. Акварели. Рисунки. М., 1980.
Козлов 2002 — *Козлов К.* Паравербальные функции ремарок в дискурсе драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 42–44.
Колтоновская 1915 — *Колтоновская Е. А.* Спектакль в память Лермонтова, организованный Литературным фондом // ВЕ. 1915. № 2. С. 325–328.
Кольян 2002 — *Кольян Т. Н.* Еще раз об автобиографической основе драмы М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» // ТВ. 2002. Вып. 15. С. 20–41.
Кольян 2007 — *Кольян Т. Н.* Наследство М. Ю. Лермонтова в Тарханах, или Еще раз об автобиографической основе драмы «Menschen und Leidenschaften» // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. 2007. № 2. С. 4–24.
Комарович 1941 — *Комарович В. Л.* Автобиографическая основа «Маскарада» // ЛН 1941: XLIII—XLIV: 629–672.
Корнеев 1994 — *Корнеев А. В.* «Портрет хорош, оригинал-то скверен» // Рус. словесность. 1994. № 1. С. 91–94.
Корнилова 1990 — *Корнилова А. В.* Мир альбомного рисунка: Русская альбомная графика конца XVIII — первой половины XIX века. Л., 1990.
Коровин 1973 — *Коровин В. И.* Творческий путь М. Ю. Лермонтова. М., 1973. С. 203–216.
Коровин 1988 — *Коровин В. И.* Герой и миф: По драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Анализ драматического произведения. Л., 1988. С. 122–134.
Костюк 1993 — *Костюк Е. Н.* Портрет в поэтике драматического характера (М. Ю. Лермонтов. «Маскарад») // Третьи Волковские чт. Одесса, 1993. С. 30–32.
Косяков 2002 — *Косяков Г. В.* Духовная содержательность конфликта в романтической трагедии М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» // Вопросы фольклора и литературы. Омск, 2002. С. 71–79.
Котляревский 1891 — *Котляревский Н. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. СПб., 1891.
Кошелев 2002 — *Кошелев А. И.* Записки: 1812–1883. М., 2002.
Крылов 1984 — *Крылов И. А.* Сочинения. М., 1984.

Левагина 2014 — *Левагина С. Н.* Драма «Арбенин»: Уступка цензуре или шаг за рамки «романтического мифа»? // Библиополе. 2014. № 1. С. 40–43.
Левин 1975 — *Левин Ю. Д.* Из реминисценций английской литературы у Лермонтова // РЛ. 1975. № 2. С. 204–206.
Левин 1997 — *Левин Ю. Д.* «Двойное время» и русская литература // Достоевский: Мат-лы и исслед. Т. 14. СПб., 1997. С. 297–300.
Лермонтов 1860 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным: В 2 т. СПб., 1860.

Лермонтов 1873 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. 3-е изд., вновь сверенное с рукописями, исп. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова: В 2 т. СПб., 1873.
Лермонтов 1880 — *Лермонтов М. Ю.* Юношеские драмы / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1880.
Лермонтов 1935–1937 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. Подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л., 1935–1937.
Лермонтов 1953 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1953.
Лермонтов 1954–1957 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский. М.; Л., 1954–1957.
Лермонтов 1979–1981 — *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. / Ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро, Т. П. Голованова, Л. Н. Назарова, И. С. Чистова. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1979–1981.
Лернер 1914 — *Лернер Н. О.* Один из героев Грибоедова и Лермонтова // Ежемес. лит. и популярно-науч. приложение к журналу «Нива» на 1914 г. Т. 1. С. 39–56.
Летопись 2003 — *Захаров В. А., [Мануйлов В. А.].* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 2003.
Линев 1959 — *Линев Л. А.* Из творческой истории драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Учен. зап. Кишиневск. пед. ин-та. 1959. Т. 11. С. 59–71.
Лонгинов 1857 — *Лонгинов М. Н.* Письмо к редактору // РВ. 1857. № 11. С. 236–238.
Лопухина 1875 — *Лопухина Е. Д.* «Маскарад» Лермонтова. 1836 // РС. 1875. № 10. С. 403.
Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 543–545.
Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе // Лотман Ю. М. Пушкин: Биогр. писателя. СПб., 1997. С. 786–814.
ЛЭ 1981 — Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981.

Манн 1976 — *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 277–279.
Манн 1987 — *Манн Ю. В.* Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 209–236.
Манн 1995 — *Манн Ю. В.* Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 289–305.
Манн 2001 — *Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М., 2001. С. 275–280, 303–319.
Мануйлов 1950 — *Мануйлов В. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. 1814–1841. М.; Л., 1950. С. 42–59, 85–97, 146–152.
Марченко 1998 — *Марченко А. М.* Перечитывая «Маскарад»; Печорин: Знакомый и незнакомый // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени; Маскарад. М., 1998. С. 149–178.
Маскарад 1941 — «Маскарад» Лермонтова: Сб. ст. М.; Л., 1941.
Мейерхольд 1913 — *Мейерхольд В. Э.* О театре. СПб., 1913. С. 111.
Мильдон 2002 — *Мильдон В. И.* Вершины русской драмы. М., 2002. С. 92–110.

Михайловский 1880 — *Михайловский Н. К.* Литературные заметки // ОЗ. 1880. Т. 239. № 4. Отд. 2. С. 319–343.
Михеев 1996 — *Михеев Ю. Э.* Возвращение в прошлое как момент диалектики характера в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Вест. Тамбовск. ун-та. Серия гуманит. науки. 1996. Вып. 1. С. 93–95.
Михеев 2000 — *Михеев Ю. Э.* Сюжетно-временная типология конфликта в русской драме. Тамбов, 2000. С. 5–12.
Михельсон 1903 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб., 1903. Т. II.
Морозова, Розенфельд 1983 — Лермонтов в музыке: Справочник. М., 1983.
Мочульский 2004 — *Мочульский Е. Н.* К истории создания лермонтовского «Маскарада» // Моск. журнал. 2004. № 10. С. 13–18.
Муравьев 1871 — *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871.

Нейман 1914a — *Нейман Б. В.* Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев, 1914.
Нейман 1914b — *Нейман Б. В.* Лермонтов и «Московский вестник» // РС. 1914. № 10. С. 203–205.
Нейман 1915 — *Нейман Б. В.* «Испанцы» Лермонтова и «Айвенго» Вальтера Скотта // ФЗ. 1915. Вып. 5–6. С. 709–721.
Нейман 1940 — *Нейман Б. В.* Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Драмы. М.; Л., 1940. С. 35–46.
Нестор (Кумыш) 2006 — *Нестор (Кумыш).* Пророческий смысл творчества М. Ю. Лермонтова. СПб., 2006. С. 152–165.
Нечаева 1949 — *Нечаева В. С.* Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., 1949. С. 307–326.
Николаева 2005 — *Николаева Т. М.* Баронесса и князь или маркиза и виконт? // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. С. 176–196.

Одиноков 1990 — *Одиноков В. Г.* Художественно-исторический опыт в поэтике русских писателей. Новосибирск, 1990. С. 146–154.
Основин 1967 — *Основин В. В.* О некоторых особенностях психологического анализа в драмах Л. Н. Толстого и М. Ю. Лермонтова // Проблемы художественного мастерства и истории литературы. Горький, 1967. С. 3–24.

Пеньковский 2003 — *Пеньковский А. Б.* Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003.
Плаксин 1848 — *Плаксин В. Т.* Сочинения М. Лермонтова // Сев. обозрение. 1848. № 3. Отд. 5. С. 16–18.
Плаксин 1854 — *Плаксин В. Т.* История словесности. 3-е изд. СПб., 1854.
Плещеев 1915 — *Плещеев А.* Спектакль Литературного фонда // Новое время. 1915. 14(27) янв. № 13952. С. 6.
Погожев 1908 — *Погожев В. П.* Столетие организации императорских московских театров. Вып. 1. Кн. 3. СПб., 1908.

Пульхритудова 1964 — *Пульхритудова Е. М.* «...в обществе разобщенном и скованном» // Театр. 1964. № 10. С. 35–43.

Пустынников 1959 — *Пустынников Г. А.* Из наблюдений над пьесой М. Ю. Лермонтова «Странный человек» // Учен. зап. Кустанайск. пед. ин-та. 1959. Т. 4. С. 63–109.

Пустынников 1960 — *Пустынников Г. А.* «Странный человек» Лермонтова и «Иванов» Чехова // А. П. Чехов: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения писателя. Кустанай, 1960. С. 97–118.

Пустынников 1961 — *Пустынников Г. А.* Этюды о пьесах М. Ю. Лермонтова // Наук. зап. Ізмаіл. пед. ін-ту. 1961. Вип. 2. С. 21–67.

Пустынников 1962 — *Пустынников Г. А.* Этюды о пьесах М. Ю. Лермонтова // Наук. зап. Ізмаіл. пед. ін-ту. 1962. Вип. 3. С. 15–89.

Пушкин 1937–1959 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Пушкин 1999–2010 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999–2010. Т. 1, 2, 7. (Издание продолжается.)

Пушкин 2005 — *Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб., 2005.

Радомская 2006 — *Радомская Т. И.* Мотивы «странности» и образ «странника» у А. С. Грибоедова и М. Ю. Лермонтова // РР. 2006. № 5. С. 15–19.

Сахаров 2006 — *Сахаров В. И.* Русский романтизм XIX века: Лирика и лирики. М., 2006.

Семевский 1888 — *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование имп. Николая. СПб., 1888.

Серебряков 1979 — *Серебряков М.* Певец голубого экрана // Звезда. 1979. № 7. С. 156–165.

Серман 2003 — *Серман И. З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе. 1836–1841. М., 2003.

Сквозников 2002 — *Сквозников В. Д.* Русская лирика: Развитие реализма. М., 2002. С. 46–47.

Смоленский 1915 — *Смоленский*. Лермонтовский спектакль Литературного фонда // Бирж. вед. 1915. 11 янв. № 14604. С. 6.

Соболев 1915 — *Соболев Ю. В.* Лермонтовский спектакль Литературного фонда // Аполлон. 1915. № 2. С. 67–69.

Соллогуб 1988 — *Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988.

Спасович 1888 — *Спасович В. Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова. Ч. 2 // ВЕ. 1888. № 4. С. 500–548.

Стадников 1989 — *Стадников Г. В.* Эстетический идеал и проблема воздействия Лессинга на раннего Лермонтова: Драма «Натан Мудрый» и трагедия «Испанцы» // М. Ю. Лермонтов: Проблема идеала. Куйбышев; Пенза, 1989. С. 106–113.

Стадников 1999 — *Стадников Г. В.* Лермонтов и Гете // РЛ. 1999. № 3. С. 24–26.

Стариков 1974 — *Стариков Д. В.* Перечитывая классику. М., 1974. С. 312–313.

Сушков 1854 — *Сушков Н. В.* Обоз к потомству с книгами и рукописями // Раут. Кн. 3. М., 1854. С. 349–350.
Сушкова 1928 — *Сушкова (Хвостова)* Е. А. Записки. 1812–1841. Л., 1928.

Турбин, Усок 1957 — *Турбин В. Н., Усок И. Е.* Трагедия гордого ума: О художественном своеобразии драмы Лермонтова «Маскарад» // ВЛ. 1957. № 4. С. 83–109.
Тургенев 1978–1983 — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. [Серия 1]. Сочинения: В 12 т. М., 1978–1983.
Тынянов 1939 — *Тынянов Ю. Н.* В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л., 1939. Т. 1. С. V–LXXX.

Удодов 1973 — *Удодов Б. Т.* М. Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
Удодов 2004 — *Удодов Б. Т.* Очерки истории русской литературы 1820–1830-х гг. Воронеж, 2004.

Фадеева 2012 — *Фадеева Ю. А.* Драма М. Ю. Лермонтова «Странный человек» // Лермонтовские чт. 2011: Сб. ст. СПб., 2012. С. 130–139.
Федоров 1967 — *Федоров А. В.* Лермонтов и литература его времени. Л., 1967.
Филимонов 1837 — *Филимонов В. С.* Обед: Поэма. СПб., 1837.
Фохт 1975 — *Фохт У. Р.* Лермонтов: Логика творчества. М., 1975.

Ходукина 1969 — *Ходукина Т. И.* «Маскарад» как драма романтическая по методу // Проблемы идейности и мастерства художественной литературы. Томск, 1969. С. 68–89.
Ходукина 1976 — *Ходукина Т. И.* К вопросу изучения жанра драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 1. Томск, 1976. С. 47–51.
Храбровицкий 1951 — *Храбровицкий А. В.* Дело помещицы Давыдовой // ЛН 1951: LVII, 243–247.

Чистова 1992 — *Чистова И. С.* К вопросу об утраченных рукописях Лермонтова // Михаил Лермонтов. 1814–1989. Норвич. симпозиум. Нортфилд, 1992. С. 81–95.
Чони 2012 — *Чони Л.* Еще о «грибоедовизме» М. Ю. Лермонтова: «Странный человек» Арбенин, как дальнейший этап развития Чацкого-умника» // Лермонтовские чт. 2011: Сб. ст. СПб., 2012. С. 140–146.

Шестаков 1857 — *Шестаков С. Д.* Юношеские произведения Лермонтова. Ст. 1–2 // РВ. 1857. № 10. С. 232–263; № 11. С. 317–344.
Шиллер 1955–1957 — *Шиллер Ф.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1955–1957.
Шнейдерман 1975 — *Шнейдерман И. И.* В. Э. Мейерхольд в работе над последним возобновлением «Маскарада» // Наука о театре. Л., 1975. С. 162–208.
Шувалов 1914 — *Шувалов С. В.* Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сб. М.; Пг., 1914. С. 290–342.

Щеблыкин 1991 — *Щеблыкин С. И.* Романтическая символика в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова и «Горе от ума» А. С. Грибоедова // Изучение творчества М. Ю. Лермонтова в вузе и школе. Пенза, 1991. С. 60–64.

Щеблыкин 1993 — *Щеблыкин И. П.* Этюды о Лермонтове. Пенза, 1993. С. 29–41.

Щеблыкина 1996 — *Щеблыкина Л. И.* Тема маскарада в творчестве М. Ю. Лермонтова и Е. П. Ростопчиной // Лермонтовский выпуск. Пенза, 1996. № 5. С. 41–47.

Щербакова 2004 — *Щербакова И. А.* Речевой этикет в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // Лермонтов и его художественный мир. Борисоглебск, 2004. С. 65–77.

Щербинина 1996 — *Щербинина О.* Преображение // Родина. 1996. № 12. С. 88–91.

Щербинина 1998 — *Щербинина О. Г.* Символы русской культуры. Екатеринбург, 1998. С. 115–116.

Эйзенштейн 2005 — Эйзенштейн о Мейерхольде. М., 2005. С. 57–58.

Эйхенбаум 1933 — *Эйхенбаум Б. М.* Новый текст «Маскарада» // ЛГ. 1933. 23 окт.

Эйхенбаум 1939 — *Эйхенбаум Б. М.* Три редакции «Маскарада» // Искусство и жизнь. 1939. № 3. С. 20–21.

Эйхенбаум 1941 — *Эйхенбаум Б. М.* Литературная позиция Лермонтова // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 3–82.

Эйхенбаум 1960 — *Эйхенбаум Б. М.* «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // М. Ю. Лермонтов: Сб. ст. и мат-лов. Ставрополь, 1960. С. 45–56.

Эйхенбаум 1961 — *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.

Эйхенбаум 1969 — *Эйхенбаум Б. М.* Пять редакций «Маскарада» // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 215–233.

Юхнова 1994 — *Юхнова И. С.* Роль предсказаний в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // М. Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1994. С. 31–33.

Юхнова 1996 — *Юхнова И. С.* Функции предсказаний в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1996. С. 104–112.

Юхнова 2006 — *Юхнова И. С.* О финальных репликах героев в «Маскараде» Лермонтова // Грехневские чт. Вып. 3. Н. Новгород, 2006. С. 204–206.

Яковлев 1924 — *Яковлев М. А.* М. Ю. Лермонтов как драматург. Л.; М., 1924.

Яковченко 1991 — *Яковченко С. Б.* Тема «Люди и страсти» в русской литературе: От Лермонтова к Цветаевой // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 1991. С. 79–80.

Яковченко 1994 — *Яковченко С. Б.* Характерологическая функция стиха в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» // М. Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1994. С. 39–40.

Яковченко 1996 — *Яковченко С. Б.* Художественные средства создания поэтического театра М. Ю. Лермонтова: К анализу драмы «Маскарад» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1996. С. 117–128.

Якубович 1935 — *Якубович Д. П.* Лермонтов и Вальтер Скотт // ИСЛЯ. Отд. обществ. наук. Серия 7. 1935. № 3. С. 243–272.
Яцевич 1935 — *Яцевич А.* Пушкинский Петербург. Л., 1935.

Vickery 2001 — *Vickery W. N.* M. Iu. Lermontov. His Life and Work. München, 2001.
Wilkinson 1977 — *Wilkinson J. L.* The development of the ballad in Russian literature by Mixail Jurévič Lermontov (1814–1841): Thesis (Ph. D.). University of Kansas, 1977.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища и библиотеки

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Периодические издания

БЗ — Библиографические записки (журнал).
ВЕ — Вестник Европы (журнал).
ВЛ — Вопросы литературы (журнал).
ИВ — Исторический вестник (журнал).
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (периодический сборник).
ИСЛЯ — Известия АН СССР / РАН. Отделение / Серия Литературы и языка.
ЛГ — Литературная газета.
ЛН — Литературное наследство (документальный сборник).
ОЗ — Отечественные записки (журнал).
РВ — Русский вестник (журнал).
РЛ — Русская литература (журнал).

РР — Русская речь (журнал).
РС — Русская старина (журнал).
ТВ — Тарханский вестник (непериодический сборник).
ФН — Научные доклады высшей школы. Филологические науки (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

собрание сочинений
в четырех томах

ТОМ ТРЕТИЙ

Д Р А М Ы
1829–1836

16+

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *Ю. С. Александров*
Верстка *Н. Ю. Травкин*
Корректор *О. И. Абрамович*

Издательство Пушкинского Дома.
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Тел.: (812) 328-19-01. Факс: (812) 328-11-40

Подписано в печать 30.08.2014. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Octava.
Усл. п. л. 37,5. Уч. изд. п. л. 36. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО, 86.
Тел. (812) 322-68-43

